

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В.М. ШУКШИНА»**

Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований

**Материалы Всероссийской с международным участием
научной конференции, посвященной 90-летию со дня
рождения Василия Макаровича Шукшина**

**Бийск – Сростки, 28-29 июня 2019 г.
АГПУ им. В.М. Шукшина**

Об издании

ББК 60.028+63.521+83.3(2)6+81.0+81.41Р+71

С 34

УДК: 303

Издается по решению оргкомитета Всероссийской с международным участием научной конференции «Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований»

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент М.С. Власов (отв. ред.);

кандидат филологических наук, доцент У.М. Трофимова;

кандидат психологических наук, доцент О.А. Сычев;

кандидат философских наук, доцент А.М. Беспалов.

С34 Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований[Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина (Бийск – Сростки, 28-29 июня 2019 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2019. 201 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-5-85127-943-0

В издании опубликованы материалы участников Всероссийской с международным участием научной конференции «Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований», проходившей в г. Бийске в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. В. М. Шукшина и в с. Сростки во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике В.М. Шукшина 28-29 июня 2019 г.

Текстовое электронное издание.

Минимальные системные требования: ПК 500 и выше; 256 Мб ОЗУ; Windows XP и выше; SVGA с разрешением 1024x768; CD-ROM, мышь; Adobe AcrobatReader.

ISBN 978-5-85127-943-0

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за нарушение авторских прав, а также соблюдение научных и этических норм в ходе исследований несут авторы публикуемых материалов.

© АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2019

© Авторы, 2019

Содержание

Об издании	1
Babicheva Y.G.	7
The Mythologeme of the Home in V. Shukshin's Stories	7
Gillespie David	9
Vasilii Shukshin's Discourse and Exploration of Russian Masculinity	9
Guz N.A.	11
I.A. Goncharov's Siberian Essays	11
Tołkaczewski Filip	14
Occasional Idiomatic Expressions in the Works of Vasily Shukshin	14
Fedorova V.G., Khokhlova E.A.	19
Transformation of the Shukshin motive "will" in A.V. Kirilin's short story "Free Will"	19
Абдиева Ж. К.	23
Отражение анимизма и шаманизма в эпосе "Манас"	23
Алексеева Т.П.	26
Конструкция и декор традиционной одежды как выражение мировоззрения и духовной культуры населения Алтая	26
Бабичева Ю.Г.	29
Мифологема дома в рассказах В.М. Шукшина	29
Бачурин Н.Н.	31
Кожевникова А.А.	31
Особенности правового регулирования профилактики среди молодёжи действий экстремистской направленности в Алтайском крае	31
Беленкевич Е.В.	34
Опыт описания языковой диалектной личности на Алтае: на материале старожильческих говоров Быстроистокского района	34
Беспалов А.М., Прудникова М.М.	35
Бояринов С.Ю.	35
Отражение менталитета кумандинцев в обряде погребения	35
Бодрова Л.Т.	38
«Резюмирующая» роль исканий веры и Богообщения в русской прозе конца XX – начала XXI века (В. Шукшин – В. Распутин – Захар Прилепин)	38
Виницкая Н.В., Шабалина Е.П.	47
Эстетическое воспитание молодежи средствами художественной культуры региона	47
Виноградова Н.Г.	50
Сибирская ментальность, В.М. Шукшин и постановка "Мастер"	50
Власов М.С.	52

Интернет-мемы с точки зрения когнитивной лингвистики: сравнительное пилотажное исследование «цифровых следов» сибирской и московской студенческой молодежи	52
Гаврутенко Т.В., Попова О.В.	57
Сибирская ментальность: правда и мифы о наставничестве в социально-профессиональном пространстве Сибири	57
Грицаль А.С.	60
Актуальные смыслы концепта “тополь” в повести В.П. Крапивина “Тополиная рубашка”	60
Довыдова М.В., Попова О.В.	62
Сибирский менталитет как социально-профессиональный и образовательный феномен подготовки педагогов профессионального обучения	62
Евсеева И. В.	65
Деривационный потенциал гнезд с вершинами-соматизмами (на материале народных названий болезней)	65
Жукова Т.В.	70
Моделирование семантической структуры многозначной лексемы (по результатам ассоциативного эксперимента)	70
Жукова Т.В., Виницкая Н.В.	74
Особенности употребления фразеологических единиц в произведениях В.М. Шукшина	74
Замашанская Е.С.	77
Формирование текстовой компетенции при подготовке к ЕГЭ по русскому языку (на материале произведений В.М. Шукшина)	77
Калинин С. С.	79
К анализу пространственного компонента в языковой структуре енисейской модели мира	79
Китаева Л.В.	82
Реализация регионального компонента в преподавании математики в техническом вузе Алтайского края	82
Клюева Ю.В.	84
Использование произведений В. М. Шукшина в обучении студентов технического вуза	84
Кожевникова А.А.	85
Особенности развития приграничных территорий Алтайского края	85
Кокоулин В.Г.	88
Настроения крестьян сибирской деревни весной 1920 г.	88
Копытина А.В.	93
Влияние сибирской ментальности на формирование универсальных компетенций	93
Кулехова А.М.	95
Взаимодействие бурятского и русского языков на территории Прибайкалья	95
Кулова Э. К.	98
Исторический процесс возникновения города Талас	98
Лаптиева А.Е.	101

Художественная деталь в рассказах В. М. Шукшина	101
Липустина О.М., Щелок Т.И	104
Грамматические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина с русского языка на английский	104
Литягина А. В.	106
Быт и ментальность горожан Сибири второй половины XIX – начала XX вв. по данным мемуаров и художественной литературы	106
Мартемьянова Е.В.	108
Место прозы Шукшина в школьных программах по литературе	108
Мистюк Т.Л.	111
О целесообразности использования терминов "речевая недостаточность" и "речевая избыточность" в лингвистическом обиходе	111
Мокрецова Л.А., Попова О.В.	114
Сибирская ментальность: альфа и омега духовности образования и воспитания	114
Мукаева Л.Н.	118
Социокультурный облик проводников – участников геологических и других естественнонаучных экспедиций в Горном Алтае в начале XX в.	118
Никитина И.В.	122
Философско-методологические подходы к исследованию ментальности как социокультурного феномена	122
Никонова Т.Н.	126
Некоторые особенности коммуникативного поведения старообрядцев Горного Алтая	126
Орехова Т.И., Попов А.В.	130
Ойконимическое пространство Алтая в лексикографических источниках XVIII века	130
Островая Ю.С.	132
Способы выражения фемининной референции в произведениях В.М. Шукшина	132
Панчук Т.А., Соловьева И.Б.	136
Технологические квесты в формировании этнокультурной образованности обучающихся	136
Петросян К.Г.	139
Образ русского народа в «Былине о Микуле Буяновиче» Г.Д. Гребенщикова	139
Подоскина И.А.	143
Образ ребенка в рассказах В.М. Шукшина	143
Попова А.Е., Алексеева Т.П.	145
Выражение внешних и внутренних пространственных связей в архитектуре Сибири XVIII - начала XX веков	145
Попова О.В., Попов Д.В.	149
Единство христианства и евразийства в сибирской ментальности	149
Протасова И. Н.	152
Инвариантное и вариативное в представлениях об аморальности молодежи Алтая	152

Разгоняева Е.В.	155
Интернет как фактор формирования ментальности современной молодежи (на примере студентов сибирского вуза)	155
Сафиянов Д.Р.	159
Механизм развития в России современного инновационного высшего образования на базе проекта «Национальная платформа открытого образования»	159
Сироткина Т.А.	161
Образ Югры в художественных произведениях региональных писателей	161
Суртаева Е.П.	164
О сохранившихся наличниках старожилов г. Горно-Алтайска	164
Тадина Н.А.	166
О некоторых алтайских этнокультурных заимствованиях у русских Горного Алтая	166
Терентьева А.О.	169
Повесть А.Е. Новосёлова «Беловодье»: поиски алтайских староверов.	169
Тохтонова А. Т.	173
Паслей Самык и Василий Шукшин: штрихи к творчеству	173
Трофимова Е.Б., Трофимова У.М.	176
Региональная вариативность русского словесного акцента	176
Федорова В.Г.	180
Трансформация шукшинского мотива «воли» в рассказе А.В. Кирилина «Вольная воля»	180
Фёдорова О.А.	184
Образ города в лирике тарских поэтов (М.А. Белозерова и А.Н. Дерюшева)	184
Чирков А.А.	187
Создание земельных комитетов в Сибири в 1917 г.	187
Шкуропацкая М.Г.	189
Экспериментальное исследование зависимости лексической многозначности от возраста носителей языка	189
Шестакова И.С.	192
Сибирь в утопической мысли России	192
Щелок Т.И., Липустина О.М.	194
Семантические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина с русского языка на немецкий	194
Щелупанов А.В., Щелупанова Н.В.	196
Специфика сибирской ментальности в управлении профилактикой экстремизма и терроризма в вузе	196
Явнова Л.А.	198
Польская диаспора на Алтае во второй половине XIX - начале XX вв.	198
Об издателях	202

Babicheva Y.G.

*Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia***The Mythologeme of the Home in V. Shukshin's Stories**

One of the most important directions of the cultural mentality of our century was the actualization of the appeal to archaic structures, a deep study of classical myth, which arose in contrast to the increasing discreteness of perception of the world. In the literature of the second half of the XX century, in our opinion, the appeal to mythology is especially bright and original in the works of village prose writers (V. Belov, F. Abramov, V. Astafyev, B. Mozhaev, V. Rasputin and V. Shukshin). The content of the works of the village prose is largely emotional and lyrical. First of all this is a special mood, which is fixed by writers in the literary text. Usually this mood is associated with the motive of returning to a native village (mental, in dreams, in reality) or parting with it, with the image of a home-hearth.

A special place among the writers of village prose is occupied by V. Shukshin. Within the boundaries of Shukshin's aesthetics of "village prose" we can talk about spatial and mental location of the character, which are associated primarily with the archetype of the village and its components – mythologemes of the Home, the Lad (Harmony), the Road and the Labor. In this series, one of the most important elements of the artistic world of the writer, in our view, is the mythologeme of the Home.

In the light of mythopoetic ideas, the home is the place where life begins and ends [2]. It holds in itself memory and oblivion, gives us our past on a drop. The image of the home can be dynamic, if it is realized through the motive of its loss and subsequent acquisition – returning home. The fluid, flexible, plastic image of the home is still one of the most constant artistic images and one of the most stable mythologemes. The home is an integral part of our "I", a kind of source of ethnic potential, absorbing the basic cultural knowledge and fixing the moral and aesthetic code of human behavior.

The stories by V. M. Shukshin "Ignakha has arrived" and "Styopka" can be combined according to the similarity of the semantic field of the mythologeme of the Home. The plot of both works is based on the return of the main characters to their parents' house in the village. The mythologeme of the Home in these stories acts as a repository of human memory, which is a link with the ancestral nest. Ignatius Baykalov is circus fighter, came home from the city, and Stepan Voevodin is a former prisoner who returned.

Their appearance at home is unexpected for the family, but each of the characters is met in different ways. For the Baikalov parents, the long-awaited arrival of their son did not turn out to be a holiday, but Stepan managed to gather the household at one table and raise everyone's spirits with his return. In the story "Ignakha has arrived" Ignatius' connection with his home and family is lost, the house is no longer the Keeper of the memories of his childhood and youth years, lived in the village: "Kick opened the gate – in the hands of a suitcase - stopped, looked around the yard of his parents and barked cheerfully: Great, relatives!" [3, p. 45]. The tactlessness and disrespect of the son begin to manifest itself in everything from how he opened the gate door to an argument with his own father. He had grown cold to the country way of life, he had grown unaccustomed to the simple and warm atmosphere of his parents' home, and he had lost his respect for his roots. Ignatius squanders his heroic strength in the city on the empty amusement of the public. According to his parents, the Russian peasant cannot respect such work. It is bitter to the father that the son is attached now to material goods - the apartment, money; and the rich gifts of the son who has left the village do not please old men. It seemed that a trip to the Katun river could bring back the memory of the small homeland, but Ignatius really just wanted to wash, and not to feel the whole soul to the painfully familiar place. It is on the Katun that the unpleasant conversation between father and son will take place. The old man Baykalov, true to himself, will reproach Ignatius, who betrayed the

family traditions: "Well, look, you've become very clever, I'll just save you. You see everything, you understand everything. You arrived, bragged here, brought gifts, just think [3, p. 47].

This situation occurred because the bond of the hero with the house was interrupted. Five years of separation – a long time, during this time Ignatius changed all his habits and manners, village simplicity changed to intellectual outfits, gifts for him have become more important than words, nature is no longer a source of inspiration, songs are forgotten, and work on the ground, bringing benefit to people, now alien to him. Hence the misunderstanding, the split in the family, giving rise to anguish and disappointment in the head of the family. But the lost bond of the hero with his father can still be returned. L. Emelyanov is right in the statement that: "Ignatius really, in something subtly changed, in something departed from the age-old, primordial life tradition, in the bosom of which his family lived and still lives. Perhaps he has become somewhat sharper, than allow this tradition. It is not necessary to speak about obvious human loss here, but "chrevotichinka" in a healthy once body is evident" [1, p. 84].

In another story, "Styopka", the son also appears at home, where he is expected, but the arrival was to take place much later. Stepan, unlike Ignatius, did not come from the city, but secretly ran home at night from prison, and his attitude to his native land is fundamentally different from that of Ignatius. At the very beginning of the work, it is clear that Stepan missed his native land, his parents' nest, and his family. All evening he sat and looked at his native village, morally adjusted to the long-awaited meeting. He had done a stupid, completely thoughtless thing, because his heart, which had shrunk in his chest, did not give him peace, he wanted to go home, to his native corner, where people loved and waited him. Of course, he could be patient and return at the end of the term, but the desire to breathe the air of his family, to throw a holiday for his relatives became stronger. "At the doorstep of the house, in the tobacco smoke, an accordion sobbed. The people got out from the table and tried to immediately get into the rhythm of the "podgornaya". Stepan was glad that people were well that he gave them pleasure, allowed them to get together, talk, laugh" [3, p. 54].

The home for Stepan – is not just a place where his family lives: the home is a repository of memory, which does not give rest, disturbs the heart and soul, dreams at night. He wants to return to his home, even for one day, to see it at least with one eye, to feel that he is there and that it is in him now. What happens then, it does not matter, the goal is achieved, and it is not necessary anymore. "A local policeman appeared and took Stepan out into the street. And in the house the people continued to walk, suspecting nothing" [3, p. 56]. Stepan was escorted out of the house, but the bond with him is not interrupted. The hero knows that someday he will return to his home again.

V. Shukshin, using the mythologeme of the Home with the traditional meaning of the repository of the memory of the family nest, was able to show us its implementation in opposite situations: the significance of the mythologeme is one, but its reception is implemented in different ways: it was important for the author to show the significance of attachment to one's native place, which not only unites people, but serves them, first of all, as a source of spiritual saturation.

The last story of the collection "Rural People " is "Snake Poison". Maxim Volokitin, the main character, does not return home, but he retains the bond with the house through his own person, through his mother. The word Home and the word Mother in this work are contextual synonyms. When the hero talks about his mother, at this time he remembers the house where she now lives alone. He himself is huddled in a small room of the city hostel. Maxim's mother is seriously ill, she needs snake poison for treatment, another remedy does not help. The hero of the story, learning about it, looking for a miracle cure around the city, he worries, because it may happen that he will lose not only his mother, but also his home. It was important to Maxim that the medicine that would be able to raise his mother to her feet would be delivered to her as soon as possible. Through his friend he sends snake poison home on the last day:

"Ignat, tell the mother I may be coming soon, too." Don't forget, Ignat! Maxim stopped.

Again Ignatius caught up with the carriage and shouted again:

"Don't forget, Ignat! "I will!" People were already leaving the platform. And Maxim still stood and looked after the train...There was almost no one left on the platform, and Maxim was still standing. He looked in that direction, Ignatius left "[3, p. 51].

He wanted to go to his native land, and as he watched the train leave, he knew that one day he would be able to go to the village – to his home – and see his own people.

In the story "Snake poison" the mythologeme of the Home has a different meaning: it is no longer the keeper of memory, as in the previous stories of the collection. Here the house itself has its keeper, who lives alone in the deserted house and saves it from destruction. The bond of the main character with the house is carried out just through her. The mother is the only link between Volokitin and the home: when he speaks of the mother, he unconsciously speaks of his own house.

In the stories of the collection "Rural People" the author presents two types of the mythologeme of the house: the house as a guardian of memory and connection with the past life, and the house as a receptacle of loneliness, an empty corner of the family. Semantic fullness of the mythologeme is connected with the feeling of heroes who left their native place for various reasons. Homecoming, attachment to home, memories of home are reflected in different ways in the works. For Stepan Voevodin and Maxim Volokitin, home plays a significant role in their lives, they often think about it and dream of returning. And for Ignatius Baykalov, a simple wooden house standing on the ground, benches, a stove no longer have value, he exchanged his native hearth for a city apartment with all amenities.

Thus, the mythologeme of the Home in the stories of V. Shukshin seems to be a kind of Foundation on which the values of the person working on the earth (simple, but rich spiritually) are built. The artist fills the key mythologeme with a special content in accordance with the author's worldview system, directly linking it with the person and his inner nature, being in general, revealing to the reader the importance of the Home in the life of a Russian village peasant.

References

1. Emelyanov, L. Vasily Shukshin: an Essay of creativity. [Text] / L. Emelyanov: monography. – Leningrad.: No. lit. 1983. - 152 p. - Bibliogr. pp. 120-136.
2. Petrova, M. the Image of the house in folklore and myth [Text] / series "Symposium", Aesthetics today: state, prospects. Issue 1 / Proceedings of the scientific conference. October 20-21, 1999 Abstracts of reports and speeches St. Petersburg: St. Petersburg Philo-Sophie society, 1999. C. 59-61.
3. Shukshin, V. M. Rural people: Ignakha has arrived, Snake poison, Styopka Russian prose [Electronic resource]. - Electron. Yes, count., SV. dan.and applied prog. - M.: library of the Russian Federation, 2000. - Access mode [http:// www. litmir.net](http://www.litmir.net) . 10 May. 2019 09:31:34.

УДК: 82

GillespieDavid

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Vasilii Shukshin's Discourse and Exploration of Russian Masculinity

This paper analyses a key text from the 'village prose' movement in late Soviet literature, both the novella and film of Vasilii Shukshin's *Kalina krasnaia* (1973-74). I begin with a survey of the main writers of 'village prose' in Soviet literature of the 1950s to 1970s, and then locate the work of the writer, actor and director Vasilii Shukshin within this corpus. With reference to both the published novella and the film, and by examining in particular the depiction of the main character, Egor Prokudin, Shukshin attempts to show how the motif of masculinity runs through the text and becomes the dominant theme in Shukshin's social and cultural worlds. The motif of Prokudin's martyred masculinity heralds the death of 'village prose'. Whereas Vasilii Belov, Alexander Solzhenitsyn and Vladimir Soloukhin posited a return to the traditional Russian village with its age-old customs and spiritual values based on a direct relationship with the land as a cure for the perceived moral and spiritual malaise of contemporary Soviet life, Shukshin demonstrated that the twentieth-century experience of Soviet Russia effectively destroyed that life and its values. The tragic fate of Egor Prokudin is consistently placed within the context of Russian art and literature,

such as the poetry of Sergei Esenin, and paintings by Ivan Shishkin, Viktor Vasnetsov and Ivan Kramskoi/.

Vasilii Shukshin (1929-74) is commonly identified with the ‘village prose’ school of writing that emerged in Soviet literature in the 1950s and flourished until the mid-1970s, when, indeed, most of its major works were published. Village prose of the 1950s-1970s produced some of the most interesting, and artistically beguiling, works of the entire Soviet period.

‘Village prose’ had certain thematic roots in Russian literature of the nineteenth century, especially the descriptions of village life and village people in works by, for example, Ivan Turgenev, Nikolai Leskov and Gleb Uspenskii. As a coherent artistic movement within Soviet culture, however, it emerged from an essay published by Fedor Abramov (1920-83) in the journal *Novyi mir* in 1954. Entitled ‘Liudi kolkhoznoi derevni v poslevoennoi proze’, it condemned the falsification of rural reality in recent novels, and was considered a daring statement at that time. Abramov remained true to his credentials, subsequently producing novels and shorter works that depicted in unflinching detail the daily lives of rural dwellers in the Russian north, his own ‘malaia rodina’. Abramov gave ‘village prose’ its identity and its ideology, which were to be developed by other writers in the subsequent decades (2, 18-19). Without Abramov’s lead, it is unlikely that Alexander Solzhenitsyn (1918-2008) could have produced ‘Matrenin dvor’ in 1963, his masterpiece of ‘village prose’ (3).

Both Shukshin and Abramov shared a rural upbringing; they were born and raised as children in the village, and this well of early experience served both well in their subsequent literary creations. Other ‘village writers’ of the 1960s and 1970, such as Vasilii Belov (1932-2012), Viktor Astaf’ev (1924-2002) and Valentin Rasputin (1937-2015) were also from a rural background, and also described the village of their childhood in their subsequent work. Their work above all embodies the role of personal memory as a basis for creation and identity, memory as a means of understanding the huge changes in rural life since their childhood, and to try to understand the importance for the individual of the passage of time.

Shukshin also described village life, with a sharp eye for the characters that inhabited it. Yet Shukshin was not just a writer. He was also heavily involved in film-making, and starred in and directed films based on his own writings. Moreover, Shukshin was also not a ‘typical’ writer of village prose, for his characters are often men who have already left the village of their childhood to move to the town, but who are unable to adapt to urban living, and, more significantly, experience a spiritual void in their lives. Shukshin’s heroes are ‘caught between the city and the village, awkward, unhappy, and nowhere completely at home, with no solace for their aching souls’.

These ‘aching souls’ find expression in impulsive and irrational acts, such as when a man escapes from prison three months before he is due to be released simply to spend some time in his native village in the Spring, although he knows this will add further time to his sentence (the short story ‘Stepka’) Other instances include a war veteran who regales urban tourists with his story of almost assassinating Hitler, which of course never happened (the short story ‘Milles Pardons, Madame’). Similarly, a villager takes great delight in humiliating visiting intellectuals (or so he assumes) by demonstrating his superior knowledge of certain facts, all derived from reading popular magazines (the short story ‘Srezal’).

Shukshin’s most memorable creation is Egor Prokudin in the story and the film *Kalina krasnaia*. The novella was first published in 1973 in the journal *Nash sovremennik*, which published much ‘village prose’ in the 1970s (including Rasputin’s major fiction) (6). The film was released in March 1974, directed by and starring Shukshin as Prokudin, and its success was undoubtedly affected by Shukshin’s own untimely death in October of that year. The rest of this article will be devoted to an analysis of both the film and the novella, noting where the two diverge in places, but with an emphasis on Shukshin’s depiction of Prokudin as representing Russian/Soviet masculinity at a particular time in history and social development.

There is no doubt that a large part of the success of Shukshin’s portrayal of Prokudin is the unflinching demonstration of his character’s inner pain and anxiety, as the actor shows with his use of abrupt physical movements, strained facial expression and short, clipped verbal delivery. What

Prokudin searches for above all in his life is inner freedom, 'volia', and this word, rather than 'svoboda', occurs in the first pages of the story when he is released from prison. When he is leaving prison he recites Esenin's poem 'Mir tainstvennyi, mir moi drevnii', which anticipates his own death:

Egor Prokudin is further surrounded by motifs from Russian literature and culture. Sad songs are sung around a table where there should be merriment, there are paintings on walls and pendants by the nineteenth-century artists Ivan Shishkin, Viktor Vasnetsov and Ivan Kramskoi, the Russian countryside around Liuba's village is filmed as if a direct reflection of a landscape painting by the great nineteenth-century Russian landscape painters Ivan Shishkin or Isaak Levitan. Prokudin is also a man surrounded by history, whether it be the graveyard with nineteenth century graves he escapes into on the run from the police, or the Civil War.

Like Esenin, Prokudin is a tragic figure, surrounded by motifs from Russian folklore (dances, songs, the title song which occurs twice), Russian art and Russian literature. He is a victim and an embodiment of Russia's turbulent twentieth-century history, but his suffering ennobles that history, and imbues it with a higher meaning and value. Prokudin's death, like that of Sergei Esenin, represents the death of the Russian man in the twentieth century.

In conclusion, Egor Prokudin is a tragic figure, but his fate is shown within a Russian historical and cultural context in order to embody the suffering of the nation in the twentieth century. Through the exploration of masculinity, in the motifs of dressing and shifting identity, in the uneven duel with the alpha-male gang boss Guboshlep, and in the depiction of his inner suffering, Prokudin is seen as a Russian martyr, who nevertheless is returned in death to Mother Russia. It is, consequently, no coincidence that of the all the 'village writers' of the 1960s and 1970s, Vasilii Shukshin alone remains popular and respected in post-Soviet Russia.

УДК: 82

Guz N.A.

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

I.A. Goncharov's Siberian Essays

The last three chapters of "Frigate "Pallada" are devoted to Eastern Siberia. To start with the specificity of any text is associated with its genre. "Travel Essays" - so named I.A. Goncharov his book in the subtitle. Researchers find there a number of components that do not allow us to determine unequivocally the genre of this work - epistolary fragments, notes of a travel, diary or travelogue. One thing is without dispute: the writer combined artistic and documentary principles, artistic image and anecdotal evidence. This fully applies to the "Siberian" chapters.

I.A. Goncharov set himself the titanic goal of the travel: to create (work out) a world view, which would include the history of mankind and its current state. Educational views of the writer were determinant in historical, philosophical, sociological and other aspects. According to Goncharov's conception, mankind gets in its development through age-related phases, which may not be congruent with the phases of different nations in the same historical period. At the same time, the vector of development presupposes a movement towards the end goal: progress and civilization. In the voyage, where Goncharov became acquainted with unknown countries, everything fit into his concept more or less logically: culturally and economically less developed nations (African nation in the first place) corresponded to the infancy phase, while Europeans had the civilizing potential and the highest developmental phase at that historical moment. It is important to emphasize that Goncharov understood the ambiguity of his scheme, therefore he found positive and attractive features among the nations of the "childhood" phase, but, for example, in the British manner of life he did not accept everything. It seemed to be difficult to "integrate" Siberia into Goncharov's world view: on the one hand, it is impossible to talk about the developed state, on the other hand it is part of Russia, the author's homeland, and the antithesis "ours" - "theirs" does not work. Goncharov honorably resolved this dilemma. Naturally, he correlated the life of

indigenous people - Yakuts, Koryaks, Tungus and Chukchi - with the infancy phase, but he saw a civilizing role of Russian immigrants and people who had settled there for a different reason, as well as of Orthodox missionaries and the activities of local officials. In this regard, the description of the present and probable future is an integral part of the narrative, in other words, Siberia is presented as a field of the activity significant in the present, but incomparably larger in the future. And just as in the interpretation of the essays seen by the author during his voyage, in the "land" impressions Goncharov is not categorical, but in general people and nature of Siberia are understood by the writer in keeping with the spirit of expressed goodwill, sometimes high pathos and in the confidence of the future transformation. The narrator argues with M.M. Hedenstrom, who stated in his "Excerpts from Siberia" (1830) that education for the Yakuts could be more harmful than useful and that they would learn mainly the evils of civilization [3,398].

It is often impossible to unambiguously determine one or another of Goncharov's features in his work; not by coincidence he is sometimes called the "elusive" one. The same is relating to his personality. And therefore, the biographical context of the narrator's image presents him as a person of high morality, patriotism, humanity, good-nature, curiosity, but psychologically - contradictory. In Goncharov's concept of personality, dreamy and active characters are contrasted. In the author-narrator, researchers also highlight antithetic features (B.M. Engelhardt, V.A. Nedzvetsky, O.G. Postnov). According to E.A. Krasnoshchekova, "in the Siberian chapters, two faces of the narrator (young dreamer and mature observer-analyst) coalesce in an effort to create a picture in which there is a contemplated present and an expected future" [1, 210]. M.V. Otradin believes that there are much more "traveler's faces", since they are determined by the range between "contemplation" and "action" [2, 469]. What role do heterogeneous principles play in the narrator's image? A very important one! Various images of the narrator give the narrative volume and objectivity, because they involve not one, but several points of view, analysis of the situation or subject from different perspectives. All of this recreates wholeness of the existence. What typical features of Goncharov's artistic method were reflected in the narration of Siberian chapters? First of all, it was his sense of proportion, epicism, clarity and contemplativeness. Once Goncharov modestly called his skill the ability to "draw and joke". Indeed, the plasticity, picturesqueness of his images and irony are specific to all his work, and Siberian pages are no exception. But in the narrative of the journey through Eastern Siberia there are two features, the use of which was difficult in the novels: this is self-irony and dialogism. "Now in my room there is a fur coat, a wolf coat, an ermine hat, a squirrel coat, a hare blanket, soft boots made of deer skins, deer-skin stockings, blue fox gloves and several bear skins for bedding. When you put on all of this, you feel how you step by step get a little bit of squirrels, hares, deer, goats and bears, and the human features wind down" [3, 380]. Very often the narrator snickers at his inexperience in the journey of this type, at his ignorance of certain details of life and local practice. Dialogism of the narrative is manifested in specific colloquial expressions: "By the way, I remind you that the Yakutsk region ..." [3, 376], "But, they tell me, this is not enough..." [3, 379]? "Do not forget that all of this is in the province..." [3, 385], question-answer form, rhetorical questions and exclamatory sentences. The dialogical form gives the narrative liveliness, diversity and actualizes the projection onto the reader - the interlocutor.

The narrative is characterized by the strongly pronounced dynamism. It originates in the subtitles of Siberian chapters, indicating the route with a variety of place names, as well as important or interesting features of the area and people who inhabit it. Dynamics is also shown in the composition. Firstly, different-scale and diverse dimensional fragments interchange (panoramic pictures are replaced by focusing on the foreground or on something small that is nearby). Secondly, the perspectives change: description, reflection, dialogue of heroes, plot episodes, internal monologue, etc. The content of dynamism is manifested in the fact that as the traveler moves, the places become livelier, more habitable and transformed by labor.

The narrator's image is also not static. At the beginning of his journey, estimating the environment, first of all the nature, he often uses the words "desert" and "sad" in the estimating sense. "Of course, there is nothing terrible in these wild landscapes, but there is a lot of sadness" [3, 342]. "Boredom breaks your heart when you pass these voiceless deserts" [3, 346]. The "desert"

will appear once again on the banks of the Lena, but it will be connected with the landscapes, and not in a metaphorical sense, the “sadness” will disappear and be replaced by a statement of material and spiritual achievements as well as hopes for future prosperity.

The narrator is stingy and laconic in recreating landscapes. “The banks of the Lena are rocky and beautiful” [3? 412]. This is partly due to the fact that the book was written during the period of take off the romanticism, and, safekeeping it deep inside, Goncharov avoided its external manifestation (we recall the beginning of the insert chapter “Oblomov’s Dream”). The severity of the path (swamps where you could fall into every minute, horse riding unusual for a traveler, severe frosts, etc.) also affected the perception of the environment. But the main thing is that the author perceives the nature as something integral, as a type of sleeping giant, and it is important for him to see the nature transformed by man and its harmony.

Goncharov considered the cognitive value of his essays to be the main one, and his interests of the traveler were primarily in the field of human activity and the national characteristics of people who he had met on his way. These two factors determined the theme of the Siberian pages. In a metaphorical and abstract sense, the themes of “land” chapters are sleep and awakening, childhood and adulthood, trials, feat, faith and hopes, more specifically these are themes of the indigenous people of Eastern Siberia, economic activity, cultivation, immigrants and government activities. But in any formulation, the theme is first covered by the narrator as a fact (seen, experienced or heard), then author's reflection follows. Goncharov describes in detail the appearance, clothing, character and customs of the Yakuts, to a lesser extent the Tungus, Koryaks, Chukchi, paying particular attention to the successes of the Russian population in introducing the Yakuts to cultivation and, in general, to a life close to the practice of Russian settlers. “However, despite of the duration of winter, the fierce frost, how everything stirs here, on the land” I am now alive ... a witness to that ... process in which deserts are converted into residential places, savages are elevated to the rank of man, religion and civilization fight with wildness and evoke sleeping forces ”[3, 381]. In the context of his concept, he calls small nations children and expresses confidence in the future growth as a result of the educational and civilizing activities of Russian country folk and officials. The writer sees an important reason for diligent work in these poor places in the absence of serfdom: it had never been known here. And labor had always been free. Among other things, Goncharov notes the positive meaning of sobriety in the everyday sense - wine and vodka are not sold anywhere far from Yakutsk. Noting the moral and economic transformations, the narrator asks the question: who is that titan who can educate people far from civilization, settle in wild places, plough, seed, build and trade? And he answers: it is a legion. “There are many titans, a whole legion, and everyone here is involved in this laboratory: nobles, clerks, merchants and villagers – everybody is called to work and works tirelessly” [3, 381].

He talks about the retired sailor Sorokin, who has established a bonanza farm, but is going to transfer his land to the church, move to a new place and make a fresh start. “This is also a hero of his kind, a little titan. And how many of them will appear after him? ”[3, 388]. The traveler also notes the selfless and hard work of low-ranking officials and military men, who were responsible for organizing the work of the postal and road services, taking care of the population scattered over vast spaces and whose names will remain unknown: “And who knows the names of many titular and court counselors, collegiate assessors, lieutenants and majors who travel to impassable deserts and the shores of the Arctic Sea every year, sleep at 40 degrees below zero in the snow - and all of this is for reasons of state (the italic type of the essays author – N.G.) [3, 395].

Progress, civilization, prosperity have never been interpreted by Goncharov in a purely material sense. He always put humanity, spirituality and, as an ideal, Christian values in the foreground. Therefore, in the essays the theme of the feat of Russian missionaries holds a valuable place. Simply and without pathos, the author of the essays talks about two priests, Khitrov and Zapolsky, who have been spending most of their time traveling for many years, with the only goal of introducing the inhabitants of the most remote places to the Christian faith. In sub-zero temperatures they have to spend the night in the snow, overcome huge distances and a lot of natural obstacles on their own, but they do not complain and also think little of it. The narrator saw a feat of

a different kind in translation of the Gospel Book into the Yakut and Tungus languages and in compiling grammar. Goncharov gives a high status to these processes, he is convinced that the spiritual things humanize the material goods, that without it, one cannot “make a man” and that the finite ideal is Christian values. He also cites an example of the missionary work of Archbishop Innocent (Veniaminov), who devoted himself to the enlightenment of the Aleuts.

The traveler set a high value on the cordiality and hospitality of all those who he had met, continually emphasizing that even in poor houses people always refused to take money for a shelter or food.

Remaining faithful to his historiosophical concept, Goncharov writes Siberian impressions into his world view, through this process parallels with Moscow, St. Petersburg, America and London are born. “However, what is the desert: it is a pine and fir forest, sometimes there are mountains and swamps. Go 30 miles away from St. Petersburg or Moscow somewhere into the forest - and you will be in the same desert, just imagine that there is nobody around you per thousands of miles, as I imagine that people live here nearby” [3, 360].

If we compare I.A. Goncharov’s Siberian essays with others whose authors had visited Eastern Siberia before him, the difference will be appreciable. The Great Northern Expedition (1733 - 1743) was an outstanding event of the century, but its materials present systematic scientific reports. As for the articles or reviews of individual authors, diversity of colors predominated here, since they had been created by both Swedish prisoners, traveler-diplomats, people exiled for fraud, etc. [4]. In comparison with them I.A. Goncharov’s essays distinguish themselves with humane and well-wishing interpretation of what he had seen, in general, with the acceptance of new people and space.

References

1. Krasnoshchekova E.A. Ivan Alexandrovich Goncharov. The World of Creativity. [Text]: Monograph / - St. Petersburg, Pushkin Foundation, 1997.
2. Otradin M.V. Between “Contemplation” and “Action”: Narration in the Book of I.A. Goncharov "Frigate "Pallada" [Text]: Article // Goncharov: a Living Perspective of Prose: Scientific Articles about the Work of I.A. Goncharov. - Szombathely, 2012.
3. Goncharov I.A. "Frigate "Pallada" [Text]: Travel Essays // Goncharov I.A. Collected Works in 8 Volumes. – M., Imaginative Literature, 1980. Volume 2.
4. Zinner E.P. Siberia in the News of Western European Travelers and Scientists of the 18th Century. [Text] - Irkutsk, East Siberian Publishing House, 1968.

УДК: 81-13

Tołkaczewski Filip

Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

Occasional Idiomatic Expressions in the Works of Vasily Shukshin

Studies of the issue of occasional units date back to the almost simultaneous publication of two works: A New English Dictionary on Historical Principles (1884) and Prinzipien der Sprachgeschichte (1886). The editor of the Oxford Dictionary J. A. H. Murray introduced the label nonce-word in reference to words which seemed to be used only once or on a single occasion (Steinmetz, Kipfer 2006: 229). The other author H. Paul examined semantic information of words and discovered that apart from usual meaning there is also occasional meaning. In Russia studies of occasional units have their beginnings in the scientific activity of R. Shor who in her monograph Языкиобщество from 1926 used the term выраженияокказиональные (nonce phrases) (2015: 71). However, it was not until N. Feldman’s article Окказиональные слова и лексикография was published that the term окказиональный (occasional) became popular. In this work she expressed an opinion that occasionalisms are a fact of speech, are attributed to a specific author and their novelty and expressiveness never fade away. The meaning of a particular occasionalism is revealed

only in a specific context in which it was used (Фельдман 1957: 64–66; Намитокова, Нефляшева 2016: 140–145).

My research is strongly related to the dictionaries of Shukshin's language that were published in the early 2000s. They were crucial for a better understanding of the lexis of the writer's works. The first dictionary to be published was the 2001 *Словарь языка Василия Шукшина*, printed in Moscow and compiled by V. S. Yelistratov (henceforth referred to as SYVS)¹. In 2002 philologists of the Altai University in Barnaul published (*Словарь диалектизмов в произведениях В. М. Шукшина*) written by I. A. Vorob'yeva. In the years 2002–2005 the collective of lexicographers at university in Biysk supervised by T. F. Bayramova & V. P. Nikishayeva published a 3-volume dictionary (*Словарь языка рассказов В. М. Шукшина*). Years 2004–2007 mark another achievement – the 3-volume *Энциклопедический словарь-справочник* was created. In the first volume readers can find the dictionary of idioms present in the works of Shukshin – *Словарь фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина* written by A. D. Solov'yeva (SFPS).

All of these works contain invaluable linguistic material for lexicology, history of language, stylistics, literary studies, and theory and practice of translation. These lexicographical sources emphasise heterogeneity of Shukshin's language which manifests itself in the use of colloquial words, dialectal units, archaisms, jargon, vulgar words, idioms, as well as new lexical creations of Shukshin himself (Елистратов 2001: 8, Воробьева 2002: 11, Байрамова&Никишаева 2002, vol. I: 6, Соловьева 2004: 208). The dictionaries provide information not only about stylistic diversity but also meanings assigned by the author to particular units. They allow for a better understating of specific words or multi-word units (and consequently all of the writer's texts). Thus they give rise to further analysis. Such tools significantly aid in examination of the writer's language. Words or phrases no longer have to be extracted individually from texts. This in turn allows for more profound studies of characteristics of Shukshin's style such as his individual creations or modifications of already-existing units.

Based on the material included in the dictionaries I made an attempt to identify units of occasional character, both single- and multi-word units. Bearing in mind the current views of scholars the term occasionalism will be understood as a unit (be it single- or multi-word) which 1) is a speech phenomenon but not a fact of language, 2) is not retrieved but created every time, 3) belongs to a specific author, 4) is restricted to a single context of use, 5) is characterised as highly expressive, 6) if compared to registered units is not so much new as it is unusual (Лопатин 1973: 65; Лыков 1976: 11–36; Grambs 1984: 245; Peđyczak 1984: 21–22, Crystal 1995: 132).

A comparative analysis of Shukshin's lexicon and the data included in both normative and non normative dictionaries of the Russian language, the Russian National Corpus (RNC), and the Grammatical Dictionary of the Russian Language allowed to identify 79 probable single-word occasionalisms (Marszałek, Tołkaczewski 2018: 142) which are either proper occasionalisms, i.e. according to the classification from the Dictionary of Mikhail Sholokhov's Language edited by Dibrova (2005: 11–15) words with new structure and new meaning (e.g.: *досвиданькаться* 'говорить досвидания', *надегтяривать* 'смазывать дёгтем сапоги', *настепенничать* 'проявить степенство, знатность', *перекультурить* 'показать себя более культурным, чем надо', *пипеточки* 'о красивых, миниатюрных вещах <о женских сапожках>') or semantic occasionalisms, i.e. those literary or dialectal units that had their meaning changed by the author (e.g.: literary *кургузый* 'убогий, неинтересный, мелкий, мелочный <о людях>', *сороконожки* 'омелких, суетливых, нетрудолюбивых людях' and dialectal *позубатиться* 'повздорить, поругаться', *тряпошница* 'женищина, интересующаяся только нарядами, вещами'). Among the single-word units semantic occasionalisms are prevalent (their number is 47).

The goal of this report is to show preliminary results of the analysis of potentially occasional idiomatic expressions extracted from 32 short stories of V. Shukshin. Their meanings were confronted with the dictionaries of the writer's language and in case an idiom was not registered in these lexicographical sources its meaning was determined based on context. Thus far I have

¹Dictionaries and their respective abbreviations are listed at the end of the article.

identified 84 occasional idiomatic expressions. Studies on occasionalisms of V. Shukshin are a part of more extensive translation studies (see Tołkaczewski 2017–2019). The expressions considered Shukshinian are those metaphorical multi-word units and non-standard forms of idiomatic expressions which were not registered at the time when Shukshin was artistically active. Those units did not constitute a part of the set of Russian fixed expressions but were an intentional artistic means of the writer. They occurred only once in a specific text and their meaning could be decoded only in a particular context (cf. Третьякова 2011: 161–162).

Two kinds of criteria are used to determine if a given unit is occasional. These are either universal or specific. The former allow to recognise occasional idiomatic expressions, whereas the latter determine the type of modification – structural-and-semantic, structural, or semantic. The following criteria have been adopted as universal:

- a) a unit is not included in either general dictionaries or dictionaries of idioms, proverbs, sayings, winged words, colloquial Russian, sociolects, vulgarisms, as well as dialect dictionaries, e.g.: *скакать как блоха на зеркале*;
- b) a unit is exemplified in dictionaries only with quotes from Shukshin, e.g.: *Петух жареный взаднелвал* (found in RASNL) or *Запаскарманнепрём* (BSRRR);
- c) there is confirmation in The Russian National Corpus that a given phrase had not been used before Shukshin, e.g.: *делать финтушами*.

On the basis of their origins and the range of modifications introduced the following groups can be distinguished:

1) structural-and-semantic idiomatic expressions:

a) non-derived structural-and-semantic idiomatic expressions – this group consists of units that are probably created in their entirety by Shukshin (Марьин 2012: 151–153), for example:

воробьиное колено ‘о слабой груди <у лошади, коня>’ (SYVS): „Гляди сюда – это грудь? Это воробьиное колено, а не грудь” (И разыгрались же кони в поле, 138);

делать финт ушами ‘поступать неожиданно, странно’ (SFPS): „Значит, было так: я приезжаю – на столе записка. Я ее не буду пириказывать: она там обзыватьсся начала. Главню я же знаю, почему она сделала такой финт ушами” (Раскас, 245);

злой харкать ‘злиться, изливать злобу на окружающих’ (SYVS): „– М-м. – Парень скрипнул зубами. Промолчал. – Я не поп, и здесь тебе не церква, чтобы злобой своей харкать” (Охота жить, 166);

как бочонок из-под самогона ‘о похмельной голове’ (SYVS): „А то башка, как этот... как бочонок из-под самогона” (Космос, нервная система и шмат сала, 152);

как пельмени загнуть ‘сказать что-л. отчётливо, «отчеканить»; ясно выговорить каждое слово’ (SYVS): „– Так вот он хочет на тебе жениться. – Малышева отчеканила слова, как семь аккуратных пельменей загнула. – Ты согласна?” (Бессовестные, 397);

навесить занавески на глаза ‘говорить, твердить своё, не слушая доводов окружающих’ (SYVS): „Объяснение с Гребенщиковой вышло бестолковое: Гребенщикова навесила занавески на глаза и стала уверять страхового агента, что навоз загорелся сам” (Суд, 346);

скакать как блоха на зеркале ‘радоваться, ликовать, суетиться, радуясь; иметь о себе очень высокое мнение, предаваться самолюбванию’ (SYVS): „Ей все говорили, что она похожа на какую-то артистку. Я забыл на какую. Но она дурочка не понимает: ну и что? Мало ли на кого я похожий, я и давай теперь скакать как блоха на зеркале” (Раскас, 245).

b) derived structural-and-semantic idiomatic expressions – this group consists of units with new structure and new meaning which are derivatives of standard units (cf. Ефимова 2005: 123), for example:

ночного горшка не выдумал ‘кто-л. неопытный, незрелый’ (SFPS) ← пороха (пороху) не выдумать ‘не отличается сообразительностью: ничего нового не сумеет создать; имеет посредственные способности’ (FRRS): „– Я не про тебя. Есть... любители. Сам еще ночного горшка не выдумал, сопляк, а уже с претензиями. Не-ет, подожди, пусть сперва материно молоко на губах обсохнет, потом я выслушаю твои претензии” (Как зайка летал на воздушных шариках, 539);

сопли по колена ‘о ком-л. недостаточно взрослом, сопляке, молокососе’ (SYVS) ← море по колена ‘всё нипочём, ничто не страшно для кого-л.’ (FSRY): „Черт знает что за привычка была. У самого-то еще сопли по колена, а уж...это... с поцелуями...” (Чудик, 252);

ягодки заочного обучения ‘неуспевающие студенты’¹ ← плоды просвещения ‘результаты обучения, образования, полит. пропаганды’ (BSKS): „Не читал, – профессор внимательно и сердито посмотрел в глаза студенту. – Да, не читал. Одно предисловие дурацкое прочитал. Черти полосатые! Вот вам – ягодки заочного обучения!’ Профессор был противником заочного обучения” (Экзамен, 36).

2) structural idiomatic expressions – this group consists of the units that came into being as a result of various structural modifications of registered idioms. However, none of these changes led to a semantic shift. Amongst others these modifications may involve a component change of a given idiom, expansion of its elements or omission of obligatory components (Молотков 1977: 47, Ефимова 2005: 124, Мелерович&Мокиенко 2005: 23–24), for example:

бредятину нести ‘говорить чепуху, ерунду’ (SFPS) ← нести галыматью (FSRY): „– Вот видишь... Чего же ты такую бредятину несешь сидишь? Сам шофер, с техникой знаком... Что, неужели веришь в этот свой двигатель?” (Упорный, 571);

в штаны наворотить ‘сильно испугаться’ (SYVS) ← наложить в штаны (BSRP): „Утром Егор открыл дверь-то – на улицу выходит, – а ему прям в лицо харя-то эта глянула... Мужик чуть в штаны не наворотил” (Земляки, 264);

доктор кислых щей ‘пренебр.-ирон. о человеке, считающий себя умным, образованным’ (SYVS) ← профессор кислых щей (BSRP): „Старший сынишка-пятиклассник засмеялся. Мать дала ему подзатыльник. Потом подвела к микроскопу младших. – Ну-ка, ты, доктор кислых щей!.. Дай детям посмотреть. Уставился...” (Микроскоп, 307);

*загребать против течения*² ‘действовать, преодолевая препятствия; противостоять трудностям, неблагоприятным обстоятельствам’ ← плыть против течения (FRRS): „И Семка, все эти последние дни сильно загребавший против течения, махнул рукой...” (Мастер in RNC);

знать как свои восемь пальцев ‘знать очень хорошо, досконально, основательно’ ← знать как свои пять пальцев (FSRY): „Бронька ждал городских охотников как праздника. И когда они приходили, он был готов – хоть на неделю, хоть на месяц. Места здешние он знал как свои восемь пальцев, охотник был умный и удачливый” (Миль пардон, мадам!, 255);

*надстраивать такие прямые рога*³ ‘изменять мужу’ ← наставлять рога (FRRS): „Я ей грубого слова никогда не сказал. И вот, пожалуста, она же мне надстраивает такие прямые рога!” (Раскас, 246);

показать, где волю искать ‘проучить, жестоко наказать кого-л.’ ← показать, где раки зимуют (FSRLY): „Найдется и на тебя лихой человек. Обидишь вот так вот – ни за што ни про што, он тебе покажет, где волю искать” (Охота жить, 166) ← показать, где раки зимуют (FSRLY);

одной ногой стоять ‘умирать, быть близко от смерти’ (SFPS) ← стоять одной ногой в могиле (BSRP): „– Хоть счас-то не ерпенься! – тоже с досадой сказала старуха. – ‘Сундуки’... Одной уж ногой там стоит, а ишо шебаршит кого-то” (Как помирал старик, 239).

3) semantic idiomatic expressions – units of this group had their meaning changed by Shukshin, yet no structural modifications were made (cf. Буров, Кривецкая 2008: 63; Третьякова 2010: 141), for example:

как в аптеке ‘хорошо, отлично, прекрасно’ (SYVS) – in FSRLY: ‘совершенно точно, безошибочно; всё в порядке’: „– На сколь? – деловито спрашивал Бронька. – Дня на три. – Все будет как в аптеке. Отдохнете, успокоите нервы” (Миль пардон, мадам!, 255);

¹No reference to a dictionary means the unit is not registered in the dictionaries of Shukshin’s language.

²The unit is exemplified in FRRS with a quote from Shukshin.

³The unit is exemplified in FRRS with a quote from Shukshin.

оставаться под сукном ‘о ком-то неизвестном, чье имя скрыто’ (SFPS) – in BSRP: ‘оставаться без внимания, без движения <о документе, деловой бумаге>’: „В этом-то вся трагедия, что много героев остаются под сукном” (Миль пардон, мадам!, 256);

проветрить мозги ‘отдохнуть, восстановить силы после интеллектуального напряжения’ (SYVS) – in FSRLY: ‘образумить кого-л.’: „Никитич достает ружья, водит их в тайгу и ждет, что они просветлеют, отдохнут душой и проветрят мозги от ученья” (Охота жить, 167);

умыться своей кровью ‘погибнуть, умереть’(SFPS) – in BTRJY: ‘быть избитым до крови’: „Смеешься, гад! Давай получай за наши страдания!.. [...] – Ты смеялся?! А теперь умойся своей кровью, гад ты ползучий!!” (Миль пардон, мадам!, 258);

хвостом вильнуть ‘изменить <о супруге>’ (SYVS) – in FSRLY: ‘быстро скрыться из глаз, уйти, исчезнуть’: „– Черт с ней, что она хвостом раз-другой вильнула” (Страдания молодого Ваганова, 517).

Structural-and-semantic occasional idiomatic expressions are the dominant type of occasional idioms in Shukshin’s short stories. The writer as a proficient user of Russian idioms used well-known linguistic material which he transformed in various ways and presented it to the readers in a new, refreshed form. This stimulated his audience and created associations with familiar idiomatic expressions. He created new forms and new meanings, which allowed to avoid tautology, create a sense of listening to a lively conversation, and make dialogues more expressive. The writer’s occasionalisms can be thought of as a way of deformatizing language and as a sign of his individualism. The ability to recognise occasionalisms and their meanings has practical applications during research on translation.

References

1. Шукшин В. М. Полное собрание рассказов в одном томе, Москва: Эксмо, 2012.
2. Grambs D. Words about words, New York: McGraw-Hill Book Company, 1984.
3. Murray J. A. N. (Ed.) A New English Dictionary on Historical Principles, London: Oxford University Press, 1884.
4. The Russian National Corpus (RNC). Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (11.04.17).
5. Байрамова Т. Ф., Никишаева В. П. Словарь языка рассказов языка В. М. Шукшина, Бийск: НИЦ БПГУ им. В. М. Шукшина, 2002–2005, тт. I–III.
6. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка, Русские словари, Астрель, АСТ, Москва, 2000 (BSKS).
7. Воробьева И. А. Словарь диалектизм в произведениях В. М. Шукшина, Барнаул: Изд.-во АГУ, 2002.
8. Диброва Е. И. Словарь языка Михаила Шолохова, Москва: Азбуковник, 2005.
9. Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина, Москва: Азбуковник, Русские словари, 2001 (SYVS).
10. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка, Москва: Русский язык, 1977.
11. Квеселевич Д. И. Русско-английский словарь ненормативной лексики, Москва: Астрель, АСТ, 2002 (RASNL).
12. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка, Санкт-Петербург: Норинт, 2008 (BTRJY).
13. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь, Русские словари, Астрель, АСТ, Москва, 2005 (FRRS).
14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок, Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007 (BSRP).
15. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка, Москва: Советская Энциклопедия, 1967 (FSRY).
16. Соловьева А. Д. Словарь фразеологизмов в произведениях В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. А. А. Чувакина, Барнаул: Изд.-во АГУ, т. 1, 2004. С. 208–331 (SFPS).
17. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка, Москва: АСТ, Астрель, 2007 (FSRLY).
18. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи, Санкт-Петербург: Норинт, 2004 (BSRR).

19. Crystal D. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*, Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
20. Marszałek M., Tołkaczewski F., Индивидуально-авторская лексика в произведениях В.М. Шукшина // *Slavia Orientalis*, 2018, no. 1, p. 129–142.
21. Paul H. *Prinzipien der Sprachgeschichte*, Halle: Max Niemeyer, 1886.
22. Pędyczak S. *O rozwoju zasobu frazeologicznego współczesnego języka rosyjskiego*, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.
23. Steinmetz S., Kipfer B. A. *The life of language: the fascinating ways words are born, live & die*, New York: Random House Reference, 2006.
24. Tołkaczewski F. Okazjonalizmy Wasilija Szukszyna w przekładzie na język polski, „*Acta Polono-Ruthenica*”, 2017, no. XXII/2, p. 135–146.
25. Tołkaczewski F. “I’ll Give Them a Piece of My Mind”: Translating the Idiomatic Language of Vasily Shukshin, [in:] J. Mianowski, M. Borodo, P. Schreiber (Eds.), *Memory, Identity and Cognition: Explorations in Culture and Communication*, Cham: Springer, 2019, p. 29–44.
26. Tołkaczewski F. Самобытность Шукшина по-английски (к вопросу о переводе окказионализмов) // *Slavia Orientalis*, 2019, no. 2, p. 367–388.
27. Буров А. А., Кривецкая Е. С. Окказиональная фразеологическая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста, *Пятигорск: Пятигор. гос. лингвист. ун-т*, 2008.
28. Ефимова Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // *Вестник ТГПУ*, 2005, № 3(47). С. 123–127.
29. Лопатин В. В. *Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования*, Москва: Наука, 1973.
30. Лыков А. Г. *Современная русская лексикология (русское окказиональное слово)*, Москва: Высшая школа, 1976.
31. Марьин Д. В. К проблематике изучения рабочих записей В. М. Шукшина // *Шукшинский вестник/ под ред. О. Г. Лешавовой, Л. А. Чудновой, Барнаул: Алт. дом печати*, 2012. С. 137–171.
32. Молотков А. И. *Основы фразеологии русского языка*, Ленинград: Наука, 1977.
33. Намитокова Р. Ю., Нефляшева И. А. Неологический дискурс ученого: Н. И. Фельдман об окказиональных словах в лексикографии // *Неология и неография: современное состояние и перспективы. К 50-летию научного направления/ под ред. Т. Н. Буцевой*, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2016, p. 140–145.
34. Третьякова И. Ю. Окказиональные фразеологизмы и контекст // *Ярославский педагогический вестник*, 2011, № 2, т. I (Гуманитарные науки). С. 161–163.
35. Третьякова И. Ю. Семантические виды окказионального преобразования фразеологизмов „*Вестник Костромского государственного университета*”, 2010, no. 4, vol. 16, p. 139–142.
36. Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография // *Вопросы языкознания*, 1957, № 4, С. 64–66.
37. Шор Р. О. *Язык и общество*, Москва: Книжный дом «Либроком», 2015.

УДК: 82

Fedorova V.G., Khokhlova E.A.

Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy, Biysk, Russia

Transformation of the Shukshin motive “will” in A.V. Kirilin's short story “Free Will”

Speaking about the work of V.M. Shukshin, Altai writer A.V. Kirilin noted that one of the constant Shukshin motives presented in the stories and novels is, along with the motive of fate, the motive of will. “A groan for a lost will, a cry for a desired but unrequited will” [1]. This motive is taken out in the title of the most famous work of Shukshin - the novel “I came to give you will”.

In the dictionary of the Russian language, edited by A. P. Evgenieva, the following definitions of the concept “will” are given:

- 1) one of the properties of the human psyche, expressed in the ability to achieve the implementation of the goals set for themselves, the implementation of aspirations (willpower);
- 2) desire, demand;

- 3) power, the right to dispose at your own discretion;
- 4) a state characterized by the absence of constraints, restrictions, freedom;
- 5) liberation of peasants from serfdom;
- 6) As an adverb, willingly, on their own will, without compulsion, voluntarily" [2].

In the text of Shukshin's novel almost all the meanings of this word are realized: here "will" as a property of Razin's character, and cossack freemen, and peasant will, and the Tsar's will, but above all, it actualizes the folklore meaning of the concept of "will": "... in folklore texts, the word "will" is the main, one can even say the only way of expressing the idea of freedom, the absence of compulsion" [3, p. 201].

Razin as a free cossack has already got the will, but, according to the correct remark of I.A. Spiridonova, "for freedom-loving ataman it is little to have it, it is necessary to give it. All-consuming Razin's passion is to give will to the people, confirmation of which we find in the title of the novel" [4]. On the question of his wife Alena, "What will do you need?! You have it ...", Stepan replies: "I am a free cossack... But where do I put my free eyes, so as not to see the hungry and naked, homeless people... They are in Russia - a dime a dozen. I may have lost my pity, but I haven't lost my conscience! I hadn't dropped it from my horse in the field..."[5, p. 192].

The reason for the revolt of Razin, Shukshin sees just in pity for all helpless people in Russia, the desire to give them freedom from oppression, humiliation and slavery. "...People who are tortured in Russia - as, say, before my eyes are tortured - with a deep and unintentional revelation Stepan said. - I can't! Just like a piece of hot iron is being shoved in here. - He showed under the heart" [5, p. 108]. Researcher I. A. Spiridonova analyzing the image of Stepan Razin notes that "throughout the action Shukshin Razin is pitiful: "Pity in the system of humanistic values of Shukshin is very high. < ... > Pity Shukshin puts above love (which can be selfish) and respect (which requires the work of the mind, but not the heart). The closest thing to pity, as the writer understood it, is probably compassion - the ability to take in someone else pain. About Razin in the novel different people, friends, and enemies say the same thing that his "soul hurts for all": for comrades, for unfamiliar buffoons, and peasants, for the whole destitute Russia" [4]. V. M. Shukshin himself spoke about his hero in an interview: "... he begins shaking when he sees that an ordinary person is being offended. And I think it's sincere. It was true. So he remained in the legends, so he was created by another - the greatest artist - the people."

In the concept of Shukshin, Razin opposes not so much to the boyars-oppressors, behind the boyars there is a more terrible force growing on the Russian land, which enslaves the people and encroaches on cossack liberties. The hero can't understand what force it is, but what can't say a hero, the author says openly revealing his position in the text: "I saw Stepan, but somehow it is not clear: how some big dark force appeared on the Russian land, moreover, that is not Ivan Prozorovsky, not Semyon Lvov, not the old Metropolitan, not even the king, not his archers — they are people, shall we be afraid of people?.. But when in the afternoon Stepan looked into the faces of the Novgorod and Pskov peasants, he saw in their eyes a dull gleam of terrible trouble. From the place they had run away, a black shadow crept across the whole sky. What kind of force was it, such powerful, and evil, the men couldn't understand themselves. They said that they found themselves in unpaid debt, in bondage... But this could be understood. The force remained vague, immense, inevitable, and what was it? They couldn't understand. And this inflamed Stepan, tormented, enraged him. In short, his rage was expressed in the word "boyars". <...> He said "boyars" and that was enough for them to understand. They were like dogs, they were to blame in many ways, they lost their shame and raged from greed... But they were not the force which men could not realize and call a word, it was called - the STATE" (it is allocated by Shukshin) [5, p. 154-155].

The state is mythologized in Razin's mind becoming "an obscure, huge, inescapable force." The symbol of this power is for Stepan in terrible letters that the king sends to the Don, and they can't be already ignored by free cossacks. In the destruction of these papers Razin metaphorically expressed the opposition of free cossacks to overwhelming state will: "Meanwhile royal letters were given to Stepan. Without looking at them, he tore them to shreds and threw them into the water. He

hated the papers fiercely. < ... > Cossacks learned to send command papers - both with admonitions, and with threats using the strong language in them, they "held the river Don" themselves according to their understanding. But since then much has been changed, the paper of the Moscow Embassy order began to gain strength, and the cossacks, especially those who regretted about the former liberties, hated the paper, they smelled something wrong in them" [5, p. 116].

The cossack and peasant wills face the increasing will of the state, but also with each other come into conflict, so the cossacks betray the peasants led by Matvey Ivanov during the siege of Simbirsk. Despite this Razin remains for Shukshin a national hero who brought him the very idea of will, the desire for will: "the people rejoiced at all the way of razintsev. Even those who have become accustomed and stupid in slavery and do not call their lives a disgrace, who have even a groan in their throats, all branded from childhood, eternally disenfranchised, and they are truly happy when they see one who has trampled fear and slavery underfoot. They are happy!" [5, p. 75].

Thus, the motive of will is connected in Shukshin's novel with the theme of rebellion, the struggle for freedom against the oppression of the state: "Will is a good thing! But it is not given. It is necessary for it to tear the throat of the boyars!" [5, p. 125].

The title of A.V. Kirilin's short story "Free will" is, as it seems to us, an allusion to Shukshin's novel taking into account the writer's statement about the motive of will in Shukshin's work and such a feature of his artistic world, which E. Khomich called "literary reminiscence density of the text" [6].

Analyzing the title of the story A. Troshina notes: "it is built on tautology, but it gives even more expressiveness – such an expression is often found in ancient Russian and Cossack songs. The words "openness, freedom, breadth, infinity, bottomlessness, immensity" are lined up in a row with the name" [7]. Such associations arise at the beginning of the story with the first landscape description and a little further, when the main character, Eugene, says these words looking from the river bank at his house: "the estate is arranged on a flat area fenced on three sides by old trees. From above it can be seen the house, a large barn with sheep, a carrol with two cows, a heifer, a calf, a bull, and a garden with blooming potatoes... And then the valley widens, and one of the branches of the Korgon goes along it from the main channel, it is calm and unhurried. The horizon in that direction is not far, it is marked by smoothed, entirely green mountains, rather resembling hills. And yet for a man, who grew up in the mountains, the great space opens to the view" [8].

However, in the context of the story, a bitter irony begins to emerge in the title. Against the background of this taiga the dramatic fate of one family shows, abandoned to the fate after the collapse of the collective farm, after the collapse of the country, behind which the fate of the whole people is seen: "the collective farm did not restore the bee economy, they didn't have time. He began to wither and fall, as well as the whole big country reputed a couple of years ago to be a great nation. About the country Eugene had a vague idea, because he lived without light, radio and newspapers. He wondered at the indifference to himself and to the apiary of the collective farm authorities, then got used to it. Men came from the village, said that the work remained only on the maralnik, and the income from it was divided among themselves by all the same chiefs. And they, the men, had no business, no earnings, they went fishing for grayling. Eugene understood that he had to live by a farmstead, a vegetable garden and illegal hunting in taiga. He managed to feed the family. But no money to dress children?" [8].

If Shukshin Razin is fighting for the people's will against the oppression of the state, then in the story of A. Kirilin the state gives full will to live, make money, survive, and die or die out to its citizens, who suddenly became unwanted and unnecessary: "Eugene left, struck by the news of the early, unexpected death of a good friend, who suddenly became unnecessary in this life. It seems there are too many unnecessary people around". When the main character addresses to collective farm office with the trouble, he receives the indifferent answer of the secretary: "Well and what? The secretary shrugged her rounded shoulders. - These are your personal difficulties" [8]. And the former chairman of the collective farm openly steals collective farm property, takes maralnik to himself, does not pay a salary calling the former collective farmers parasites, threatens to expel from "his" land. The main character of the story Eugene had a protest against such blatant theft, but

he immediately relents from the thought of the hopelessness of his situation that he and his children have no place to go away.

The hero of the story is an honest, kind, economic, and hard-working man reminding of Shukshin's creeps. "How did you happen to be like this?, his wife says, "Hands of gold, hard-working, and the other things... Village men are different..."[8]. He has a sensitive heart, he is very fond of his wife and children, especially the eldest daughter, whose spiritual closeness is emphasized by a common name, he has a subtle sense of the beauty to the nature, received a good education as a child, "he went to an English circle, finished school with honors". Everything that happens in the story is described from his point of view, and this gives the story a special aching intonation. He sees and understands that what is happening around is wrong and unfair, he worries for children's future feeling guilty that once made the choice for them: "Please, here's the direction from the farm, go at least to the capital, you can be a livestock expert, pass only the exams at three. If you don't want to be a livestock expert, go to agronomists and accountants... Or maybe a teacher? Don't! He's happy here. And without education. It's really good for him. Well. It was. U-u-u! - I want to howl at the top of my voice" [8].

In the reflections and memories of the hero of the story, different time layers are combined. Eugene recalls the recent past in a large and powerful country, which provided an opportunity to study and work, and the quartermaster of stonecutters Danilych in conversation with him contrasts the current times to the Tsar's time when "people were pitied". Talking about the fact that all his young stonecutters have already become disabled, sick with silicosis, he adds: "under the Tsar, sunflower oil was poured on the stone, when it was processed, it took this filth, drained it" [8]. The historical past, in which the state (in different formations) took care of a person, is contrasted in the story of A. Kirilin to the present, in which it removed its obligations to treat, teach, give work and pay wages. That's why bitter irony sounds in the title of the story, free will turns into a complete abandonment of man, left to himself: survive as you want. The motive of the will is connected in the story with the theme of money, without which the family of the main character is trapped on a piece of space and is doomed to survival/extinction. "The end to you here", the rich city tourist Volodya summarized having looked at their life.

The concept of will is revealed in the story, mainly in 2 and 4 meanings [2]. Eugene thinks about his choice to stay in his native places, which now seems to be wrong because of the future of children: "do you think many people would like their children to spend their whole life with a pitchfork in manure, under a cow or on a tractor? And he's afraid of his own four, what about them?" Before, at least, there was some choice..."[8]. About the desire to see the world says the daughter of Eugene: "I know where I would spend money if I had a lot of them. I would have travelled around the whole world" [8]. But the lack of money does not allow Eugenia even to continue her education: "she finished school last year and stuck at home - no work, no studies, no grooms, everything is not about them, everything is somewhere out of there, behind the mountains" [8]. And at school, she was not taught enough "for a good half of the school program." With the image of Eugenia the story includes a motive of hopeless melancholy, which gradually covers the whole family: "something went wrong in their lives, each of the children spent their days on their own, and he thought that the reason for this was the heavy melancholy of Eugenia, which sometimes inspired the parents with a real panic. Melancholy is highly contagious" [8], and passes into the motive of hopeless despair after the suicide of the heroine. The story ends with an inexpressibly painful note - the cry of the father about the ruined fate of his children: "Olenka!.. Zhenechka!.. My children!.."[8].

Thus, the motive of will in the story of A.V. Kirilin, as in V. M. Shukshin, is associated with the motive of fate, choice for themselves and children. If Shukshin has a will – this is what you need to fight with the state; the cossack will, the will of the peasant: "Here is the whole will of the peasant: do not interfere with him to plow the land, to bring up children. Everything he will do himself: invent his songs, stories, conscience, decrees... " [5, p. 299]. Kirilin's will, given to the peasants by the state, is the freedom to survive who can, and die superfluous and unnecessary state people.

In conclusion, we can add that in 2014 a novel about modern Russia by V. Remizov "Boundless Will" was published, in the title and plot of which you can see the development of the motives touched upon in the story "Free Will" by A. Kirilin. The problem of will remains highly social and relevant in modern Russian literature.

References

1. Kirilin, A.V. Shukshin Very Accurately Wrote About His Time [Electronic resource] / A.V. Kirilin - access: <https://www.altaregion22.ru/ex/8545/91569/>
2. Dictionary of the Russian Language: In 4 vols. / RAN, Institute of linguistic research; edited by A.P. Evgenieva. - 4th ed. - M.: Rus. yaz.; Polygraph resources, 1999; (electronic version): Fundamental electronic library [Electronic resource] - access: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>
3. Buzina, T.V. Will in Russian Folklore: Freedom and Arbitrariness [Electronic resource] / T.V. Buzina // Vestnik TGU. - 2008. - issue 5 (61). p. 200-206. - access: <https://cyberleninka.ru/article/v/volya-v-russkom-folklore-svoboda-i-proizvol>
4. Spiridonova, I. A. Stepan Razin of Vasily Shukshin [Electronic resource] / I. A. Spiridonova // Russian literature. - 1990. - N.4., p.18-30 - access: <http://www.philology.ru/literature2/spiridonova-90.htm>
5. Shukshin, V. M. I Came to Give You Will: a novel / Afterword by V. Gorn [Text] / V. M. Shukshin - Barnaul: Alt. KN. Ed., 1984. - 400 p.
6. Khomich, E. Poetics of Catharsis in Prose by Anatoly Kirilin / E. Khomich [Electronic resource] // Siberian lights. - 2012. - N. 12. - access: <https://litbook.ru/article/2796/>
7. Troshina, A. Anatoly Kirilin - Master of Landscape [Electronic resource] / A. Troshina - access: <http://журнальныймир.рф/content/anatoliy-kirilin-master-peyzazha>
8. Kirilin, A.V. Free Will [Electronic resource] / A.V. Kirilin - access: <http://akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Kirilin/102.htm>

УДК: 82

Абдиева Ж. К.

Таласский государственный университет, Талас, Кыргызстан

Отражение анимизма и шаманизма в эпосе "Манас"

Во всех вариантах эпоса отражены мировоззрение, религиозные верования кыргызов с древнейших времен до наших дней, их влияние на бытовую жизнь, традиции и обычаи, социальные отношения общества, всего человечества. В эпосе "Манас" отражены эволюционное развитие кыргызов с древних эпох, которые совпадают с эпохой древних хуннов, синих тюрков, енисейских кыргызов, уйгуров, нашествия каракитаев, завоевание монголов и проникновения калмыков. Из этого следует, что в исторических пластах эпоса четко прослеживается не только этническая история кыргызов, процесс развития кыргызского народа как этноса, но и образцы его духовного и материального наследия.

В науке известно, что кыргызский язык является самым древним из алтайского семейства языков. Религиозные верования кыргызов, представителя древнейших этносов вобрала в себя самые древние религиозно-философские мировоззрения. Это прослеживается почти во всех фольклорных произведениях.

Религия представляет собой основную часть народной культуры и исследование её происхождения и эволюции имеет неоспоримое значение для понимания духовной культуры кыргызов. Философско-религиозное мировоззрение народа тесно связано со всеми сторонами жизнедеятельности человека. По выражению британского историка, философа истории, культуролога и социолога Арнольда Тойнби «религия – основа культуры и цивилизации, даже более того – основная движущая сила» [18, с.12]. Религия в жизни человека представляет одну из непреходящих ценностей, вобрав в себя достижения мысли и ценный опыт многих поколений. Поэтому исследование религиозных верований имеет важное как теоретическое, так и практическое значение, особенно на современном этапе, в условиях обострения социально-экономического положения, когда необходимо разработать национальную идеологию для укрепления будущего страны.

В эпосе «Манас» содержатся сведения о начальной форме ранних религиозных верований кыргызов – анимизме, шаманизме. Связанные с анимизмом, шаманизмом традиции и обычаи присущи не только народам Центральной Азии, но и всем народам мира. Это свидетельствует о поступательном развитии культуры человечества с древности, о связи с окружающей природой миропонимания, мировоззрения, верований.

Отражение в эпосе «Манас» анимизма рассмотрены формы почитания духов предков, широко практиковавшиеся у кыргызов. Соответствующие по времени эпохе бронзы и формированию патриархально-родового строя верования в душу, смерть, точнее, переходу после смерти в иную, загробную жизнь возникли в патриархальной семье, к такому выводу пришел исследователь С.М. Абрамзон [2, с.334]. Э.Б. Тэйлор подчеркивает, что «анимизм на самом деле является основой философии как первобытных, так и создавших цивилизацию людей. На первый взгляд, он кажется наиболее неокрепшей, неосновательной религией, но на практике мы его высоко ценим, т.к. он является основой, корнем, а где корень, как правило, там и ростки» [22, с. 311].

Анимизм встречается в эпосе «Манас» с первых строк – с сюжета почитания предков и в тесную с ними связь:

Прямые предки были ханами Там, где они останавливались,
Родоначальники были ханами Основывали (потом) родовое кладбище
Благородного происхождения (Место поклонения)

Так повелось от Бога [16, с.27]. В этих строках подчеркивается святость предков Жакыпа и особое отношение к ним.

С.А. Токарев в своем научном труде делит погребальные обряды и традиции на несколько групп: а) принесение жертвы; б) разжигание погребального костра; в) аштар; г) игры на поминках; д) ношение траура и табу [21, с.169-175]. С.А. Токарев приводит примеры почитания духов умерших.

В эпосе «Манас» почитание предков особенно ярко запечатлено в сюжете поминок по Кокетею.

Таким образом, в погребальных обрядах сохранились всевозможные пережитки анимистических верований, связанных с верой в загробную жизнь. Погребальные обряды кыргызов свидетельствуют о наличии древних традиций, не связанных с исламом, это доказывают аналогичные обряды, бытующие и у народов, не исповедующих ислам, например, 3 дня, 7 дней, сорок дней, годовые поминки. Но при этом погребальные обряды кыргызов все же, претерпели многочисленные изменения. Хотя такие обряды забылись и исчезли, многие сохранились, особенно в сельской местности. В традициях почитания предков и поклонения духам заметны остатки патриархально-родовых отношений. Некоторые религиозные верования присущи не только кыргызам, но и другим народам Центральной Азии: казахам, таджикам, туркменам, каракалпакам, уйгурам, а также алтайским народам. Таким образом, анимизм является религиозным верованием кыргызов, бытовавшим у них наряду с другими сопредельными и родственными народами.

В эпосе «Манас» рассмотрены шаманизм и демонические силы среди тюрко-монгольских народов и сохранившиеся в этнографической действительности у кыргызов их отдельные функции.

Шаман у каждого народа получил свое название, у якутов мужчины шаманы именуются оюн, женщины – удаган, у ненцев – тадебя, юкагиров – алма, саамов – нойда, у туркмен – порхан, у казахов – баксы, кыргызов – бакшы, хантов – ёлта-ху, информирует профессиональный исследователь шаманизма В.Н. Басилов [7, с.12]. Остаётся добавить, что у кыргызов название бакшы относится к мужчинам, бюбю – к женщинам. О широком распространении шаманизма у кыргызов повествовали многие путешественники, представители властных структур Российской империи.

По данным средневековых исторических источников шаманизм был основной религией тюркских народов. Исследователи подчеркивают, что шаманизм, возникнув в древности, в течение длительного времени превратился в религию, вобравшую в себя все религиозные действия человека.

В эпосе «Манас» очень много свидетельств проявлений шаманизма, например, шаманские методы лечения и оздоровления больного, предсказания, гадания и др.

В демонических верованиях кыргызов присутствовали мифические существа: албарсты – демоническое существо в образе женщины (якобы вредящее роженице и сжимающее горло спящего), жезтырмак – медный ноготь, жезтумшук – медный клюв, желмогуз – ведьма, жезкемпир – ведьма, баба-яга, мите (пандемониум) – боги, духи, демоны и занимали видное место в религиозных верованиях кыргызов. Они верили в их существование и, особенно во вредное воздействие на человека. Широко распространены у кыргызов и казахов образы ведьм, духов и демонов. Желмогуз в фольклоре кыргызского и казахского народов выступает в виде старухи. Албарсты – широко распространённый персонаж в фольклоре тюркских народов Центральной Азии и Поволжья: казахов, татар, башкир, чувашей, тувинцев, как представитель мира сатаны, демонов и пр. Демонические

существа у кыргызов выполняют прямо противоположные функции по отношению к магическим действиям при лечении больного. В большинстве случаев они выступают как «хозяева», духи болезни. Поэтому в кыргызской демонологии, как отмечает Т.Дж. Баялиева, болезни или их вредные последствия и их излечение, искоренение связаны с отправлением особых культов [5, с.97].

В эпосе «Манас» есть такие строки: «ожидаящий плохого (хороший), ожидающий сатану (демона) бакшы», которые свидетельствуют о готовности бакшы к предстоящей схватке с духами болезни, засевшими в организме больного [17, с.252-253].

В каждом религиозном веровании присутствует логическая связь и воспитательное значение. По мнению С.М. Абрамзона, кыргызский шаманизм представляет собой узел, связавший воедино разные религиозные системы [1, с.220]. Происхождение кыргызского шаманизма уходит своими корнями в Южную Сибирь, вобрав в себя в целом центральноазиатские этнические элементы. Это свидетельствует о сложном пути формирования кыргызского народа. Рассмотрение кыргызского шаманизма и пандемониума по данным эпоса «Манас», другим фольклорным и этнографическим материалам свидетельствует при сравнительно-сопоставительном и историко-этнографическом анализе о тесных этногенетических связях с шаманизмом и демоническими силами тюрко-монгольских народов.

В исследовании религиозных верований необходимо знать их влияние на жизнь народа, труд, миропонимание и мировоззрение, отношение к природе и к красоте окружающего мира.

Кыргызы осознавали себя частью мира животных, растительного мира, природы и её стихийных проявлений. Наблюдение за традициями и устоявшимися обычаями в повседневной жизни свидетельствуют об этом.

Религиозные пережитки не есть остатки древности, темного прошлого, а являются неотъемлемой частью нашей духовной культуры.

Религиозные верования и связанные с ними традиции и обычаи необходимо рассматривать как культурное наследие, в котором сохранились история народа, язык, устоявшийся уклад жизни, этнопсихология, этикет, философия, народная медицина, географические знания, народная педагогика и др.

Литература

1. Абрамзон, С.М. Кыргыз жана Кыргызстандын тарыхы боюнча тандалма эмгектер. – Б., 1999. – 196-202 бб.
2. Абрамзон, С.М. Кыргыз жана Кыргызстандын тарыхы боюнча тандалма эмгектер. – Б., 1999. – 220 б.
3. Абрамзон, С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Ф., 1990. – С.334.
4. Аттокуров, С. Кыргыз этнографиясы. – Б., 1996. – 138 б.
5. Баялиева, Т.Дж. Доисламское верования и их пережитки у киргизов. – Ф., 1972. – С.97.
6. Баялиева, Т.Д. Доисламское верования и их пережитки у киргизов. – Ф., 1972. – С.32.
7. Басилов, В.Н. Избранники духов. – М., 1984. – С.12
8. Бернштам, А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Б., 1998. – Ч.2.
9. Боргояков М.И. Гунно-тюркский сюжет о прародителе-олене (быке) // СТ. – 1976, № 3. – С.55-59.
10. Валиханов, Ч.Ч. Избранные произведения. – М., 1986. – С.370.
11. Ворожейкина, З.Н. Доисламское верование киргизов в XVI в (по рукописи “Зия ал - Кулуб) // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. – М., 1961. – С.182-189.
12. Гумилев, Л.Н. Байыркы түрктөр. – Б., 1999. – 83-85 бб.
13. Илимбетов, Ф.Ф. Культ волка у башкир // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – С.224-228.
14. Малов, С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – М., 1952. – С.33;
15. Манас: СКВ 1 китеп. – Ф., 1984. – 27 б.
16. Манас: СОВ. 2. – Ф., 1980. – 252-253 бб.
17. Молдобаев, И.Б. “Манас” историко - культурный памятник кыргызов – Б., 1995. – С.225.
18. Религии мира. – М., 2001. - Т.VI, ч. I. – С.12.
19. Токарев, С.А. Ранние формы религии. – М., 1990. – С. 68; 169-175.
20. Первобытная религия. – М., 1989. – С. 311.
21. Потапов, Л.П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. – М., 1935. – С.147-148.
22. Худяков, Ю.С. Энесай кыргыздарынын тарыхы: Кыскача баян. – Б., 2013. – С.77.
23. Фрезер, Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М., 2001. – 528 с.
24. Фрейд, Я и Оно. – М., 2004. – 272 с.
25. Шербак, А.М. Название домашних и диких животных в тюркских языках // История и лексика тюркских языков. – М., 1961. – С.83-172.

Конструкция и декор традиционной одежды как выражение мировоззрения и духовной культуры населения Алтая

Конструкция и декор традиционной одежды являются материальным выражением мировоззрения и духовной культуры населения Алтая, их религиозных представлений. Костюм, выступая знаком половозрастного и семейного статуса, опосредовал связь человека с природой и обществом, служил своего рода границей между телом (микрокосм) и миром (макркосм). Конструкция одежды, ее декоративное убранство и цвет имели первоначально значение оберега. «Охранявшая» человека одежда, подобно своеобразной пространственной конструкции, воспринималась в универсальных категориях верха и низа. Это нашло отражение как в языке, фольклоре, так и в покрое, декоре национальной одежды, ритуальной практике.

Со скифских времен костюм выступал как модель мироздания. Универсальными для маркирования трех зон мироздания (верхний, средний и нижний) у пазырыкцев были цвета: красный, белый и синий [7, с. 345]. Эти цвета преобладали в одежде. Красный, белый и синий цвета до сих пор присутствуют на характерных для населения Саяно-Алтая жертвенных лентах «ялама», символизирующих, помимо прочего, жертвенную одежду. На знаменитом персидском ворсовом ковре из Пазырыка у знатных всадников (в отличие от лиц более низкого ранга, ведущих лошадей) в одежде видим те же цвета – белый (фон рубахи), синий (штаны) и красный (туфли) и вертикальные полосы на рубахе; их размещение на одежде также соответствует космической символике основных сословий [7, с. 345]. Три зоны мироздания могли обозначаться и особым размещением антропоморфных изображений божеств на костюме аристократа в скифские времена. Существовала определенная система размещения декора на одежде, в соответствии с которой тело человека делилось на три вертикальных яруса (первый – голова, второй – грудь, третий – область бедер), и каждый ярус ассоциировался соответственно с Верхним, Средним и Нижним миром. Так, пазырыкские орнаменты одежды в виде «чешуи» связывают с птичьим оперением, змеиной или рыбной чешуей. Однако чешуйки идут в направлении, противоположном природному, – овальным выступом вверх. Все разъясняется, если предположить, что размещение «вверх ногами» рассчитано именно на взгляд хозяина одежды (и светлых божеств Верхнего мира) [7, с. 346]. До недавнего времени на шаманских костюмах Южной Сибири, включая отдаленных потомков «пазырыкцев» – алтайцев, все мелкие подвески, бахромы и т. п. означали птичьи перья (а костюм в целом представлял волшебную птицу) [5, с. 84, 87]. Восприятие одежды в ассоциации с Верхним, Средним и Нижним миром была характерна для населения Горного Алтая в тюркскую эпоху. Существенным прогрессом в данном восприятии стали отводить и конструкции одежды. Головные уборы алтайцев, например, древнетюркского времени устойчиво соотносились с вершиной горы или птицей. Например, о шапке с широкой каймой у алтайцев говорится:

*С длинными крыльями черная птица,
Крови не жаждущая черная птица* [4, с. 176].

Как известно, популярным видом шапок у всех этнических групп алтайцев были конусообразные. Данная форма визуально напоминает вершину горы. Многие головные уборы украшались шелковыми лентами или кистью из разноцветных хлопчатобумажных, шелковых нитей, которые пришивались сзади к макушке шапки. В. П. Дьяконова писала о символике лент: «Головные уборы с лентами у алтайцев, монголов и других народов входили в единый комплекс с прической, поскольку ленты символизировали косы» [2, с. 100]. По данным Л. П. Потапова, ленты на шапках именовались пуус. В. Вербицкий этот термин переводит как «подвеска к косе», «косоплетка». Наличие лент из тканей вообще присуще женским и мужским головным уборам. Некоторые головные уборы строго различаются по дизайну в зависимости от пола, возраста и семейного статуса их владельца. Это характерно для женских головных уборов. Свадебный церемониал обязательно включал смену девичьего головного убора на женский. Погребалась женщина также в соответствующем головном уборе [2, с. 101]. Соотнесение головных уборов с сакральным верхом делало их одним из обязательных атрибутов молений. Так, во время камлания шамана бочатских телеутов в верхний мир шапка выступала заместителем, посредником человека в получении ниспосланного ему небесного «дара». Совершая путешествие в верхний мир, шаман от Ульгения (через Энеем – Юючи) получал

души-зародыши (кут), чтобы затем передать их людям. Человек, принимающий кут, клал перед шаманом шапку. Тот над ней сильно бил в бубен [4, с. 176]. Таким образом, головные уборы, соотносясь с сакральным верхом, являлись также символическими носителями плодородия.

Неразрывно связаны с символикой плодородия в женском костюме были украшения: серьги, кольца, накосники, подвески, браслеты. Обязательной деталью убранства девушки-невесты были серьги. Недаром в языках Саяно-Алтая невесту называли сыргалык-сыргалу (буквально: «имеющая серьги», «с серьгами»). Тюркская традиция – наделять украшения особыми свойствами, сохранилась до этнографической современности. Эстетическая и дифференцирующая функции украшений были неразрывно связаны с символикой плодородия. Обращает на себя внимания обычай телеутов прокалывать ушные мочки девочкам непременно в начале весны, когда реки разливались и у черемухи набухали почки. Если ко времени прокалывания цвет с кустов черемухи уже опал, операция откладывалась до следующего года [4, с. 173]. Появление украшений, приуроченное к началу цветения и половодья, символизировало сопричастность девушки-невесты порождающим силам природы. Переход в категорию невест обозначался изменением прически и ее украшением. На юге Алтая девушки, достигшие брачного возраста, вплетали в две средние косички специальное украшение. Оно состояло из пяти квадратиков материи, унизанных раковинами каури, чередующимися с пятью связками бус. Каждая нитка последней связки заканчивалась раковиной каури. Раковины каури – универсальные обереги, символы рождения и жизни, которые являлись выражением сущности богини Умай. Существующее представление алтайцев о связи украшений со способностью к деторождению (плодородию) подтверждает то, что украшения замужней женщины отличаются сложностью исполнения и максимально полным набором. В отличие от девушек женщины носили накосную серебряную пластину, браслеты, роговые и деревянные гребни, поясные бляшки-подвески. К окончанию репродуктивного возраста эти украшения меняли на более простые, а накосные подвески не надевали вовсе. В возрасте 50 – 55 лет было принято раздавать свои украшения дочерям и молодым родственницам [4, с. 175]. Период зрелости отмечался не только максимально полным набором украшений, но и характерными изменениями в костюме. Признаками семейного положения женщины у южных алтайцев, помимо накосных перламутровых бляшек тана и поясной бляшки с подвешенными к ней пуповинами, были безрукавный длинный чегедек и остроконечная черная мерлушковая шапка.

Характерная особенность в восприятии одежды как оберега или волшебного предмета имела место у населения Алтая в скифские времена, тюркскую эпоху и в этнографической современности нашло отражение в шаманском костюме. Нижняя, нательная одежда считалась у пазырыкцев, как и у многих народов Евразии, прямым продолжением тела, «второй кожей» и поэтому, несомненно, была важнейшим оберегом ее хозяина. При этом, надо отметить, что у пазырыкцев нижняя одежда носилась до полной негодности. Такую традицию мы наблюдаем и у тюрков. У тюрков даже хан в соответствии с древней традицией носил свою рубаху (т.е. именно нижнюю одежду, прилегающую непосредственно к телу), не снимая до тех пор, «пока она не рассыплется на лоскутки», будучи пропитана грязью [7, с. 347]. В иконографии шаманского облачения солярные, антропоморфные и зооморфные символы располагались в соответствии с зонами мифического Космоса. Костюм шамана – своеобразная попытка человека создать осязательное подобие воображаемого мира, попытка низвести на землю фантастические религиозные образы. Полный шаманский костюм включал в себя наплечную одежду, головной убор и обувь. Шаманский костюмный комплекс алтайцев не был единым. У южных и северных алтайцев шаманский костюм имел различия в конструкции, декоре. Шаман южных алтайцев при камлании облачался в специальный костюм, символизирующий птицу. «Птица-шапка» – головной убор шамана, который украшался перьями совы, раковинами каури, бисером, а сзади пришивались три белые ленты. Ряд кисточек из разноцветных бисеринок пришивался параллельно оторочки шапки. Иногда и на лобную часть шапки пришивали подобные подвески. Количество украшений на шапке находилось в связи с украшением обычного национального костюма алтайцев. К плечам шаманского плаща прикреплялись пучки перьев, изображающие беркутов или соколов. Рукава украшались полосками меха рыси и зигзагообразной тесьмой. Пониже линии рукава подвешивались медные колокольчики или бубенцы (на правом – четыре, на левом – пять). Колокольчики и бубенцы служили шаману броней. При нападении злых духов, шаман ограждал себя от них при помощи звона колокольчиков, бубенцов. На передней части плаща, на груди пришивались по девять жгутиков. На спинке шаманского плаща, в верхней его части, наряду с колокольчиками, миниатюрными стрелами и луками, отпугивающими злых духов, нашивались девять куколок, изображающих дочерей Ульгения, раковины каури – части головных уборов небесных дев, два больших металлических диска – «солнце» и «луна» - и множество мелких

бляшек – «звёзд». Солярными символами был оформлен пояс плаща. Пояс представлял собой красную ленту. На поясе имелись медные изображения солнца, луны и раковины каури, изображающие звезды. Под поясом, в горизонтальном положении, пришивались бубенцы – обруч шамана. Эти же бубенцы иногда пришивались над поясом. Ниже к плащу пришивались многочисленные жгуты, изображающие змей, а также лапы медведя. С левого плеча до земли свешивался большой черный жгут јутпа, на верхнем конце которого были изображены голова с белой пастью, четыре ноги, раздвоенный хвост. Данный жгут символизировал чудовище подземного мира. С правого плеча до земли свешивался большой зеленый жгут обра – символ помощника јутпа. На жгуте изображали голову с перьями совы и медным глазом, четыре ноги и красный хвост [1, с.18]. Согласно алтайской мифологии дютпа (јутпа, кер-дютпа, джютпа и т. д.) – чудовище подземного царства Эрлика. А обра принадлежал к чудовищам моря, которое находилось в преисподние Эрлика. Эти фантастические животные обитают у водоемов подземного мира, во владениях Эрлика, охраняют подступы к его жилищу. Судя по изображениям, семантике, алтайские дютпа «ближе всего стоят к дракону... и восходят к образу этого... фантастического животного» [3, с. 169]. Поэтому алтай-кижи и теленгиты изображали дютпа в виде крупных змей или драконов. Таким образом изображали и его помощника – обро. Шаманы северных алтайцев не имели специального плаща. Костюм, например, кумандинского шамана ничем не отличался по покрою от повседневной одежды. Ф.А. Сатлаев отмечал: «Однако это был отдельный халат (кендерек) и шапка (колпок), которые надевались шаманом только во время камлания» [6, с.158]. Такие же элементы входили в костюмный комплекс и шамана у обских угров. С небольшими различиями этот костюм фиксировался как у хантов, так и у манси [5, с. 10]. К плечам халата пришивались жгуты. Данные жгуты у северных алтайцев, также как и у южных, символизировали чудовищ подземного царства. У кумандинцев, шорцев кер-дютпа называли кер-балык, улу-арджан. Они были помощниками Эрлика, который являлся главой всего подземного мира и руководителем подземных духов. Итак, мы можем заметить, что северные алтайцы, в отличие от южных, не имели полного специального комплекта шаманской одежды. В шаманском костюме северных алтайцев присутствовали один или два элемента из комплекта и незначительные знаки отличия. Например, кумандинцы, из специального комплекта шаманского костюма имели только шапку. Е. Д. Прокофьева в своей работе «Шаманский костюм народов Сибири» отметила общие характерные черты в шаманском костюме у алтайцев: «Костюм символизирует птицу. Этот образ отражен в оформлении различными способами. На кафтанах редки металлические зоо- и антропоморфные подвески, но встречаются матерчатые набитые шерстью куколочки, изображающие небесных дев, а также вышитые или нарисованные на лентах бахромы антропоморфные фигурки. Зооморфные подвески представлены целыми шкурками животных или птиц. Характерно для этих кафтанов большое количество змей (плоских и круглых), многие из них изображены с ногами. На некоторых кафтанах были пришиты круглые диски (подобные толи) – солнце и луна. Почти на всех имелись модели луков и стрел, швейных принадлежностей (у женщин-шаманок), кисеты с табаком и т. п.» [5, с. 89].

С нашей точки зрения, символика шаманского костюма алтайцев отражает образ и птицы, и зверя. Наплечная одежда и шапка создают образ птицы, близкой к небу, солнцу с помощью соответствующего оформления – пришивания птичьих перьев. Этому образу соответствовало и поведение шамана в определенные моменты камлания, когда он стремительно кружился, как птица. Образ зверя отражается в оформлении наплечной одежды – употребление шкурки рыси, лап медведя. Кроме того, костюм являлся вместилищем духов – помощников и покровителей шамана. В костюме шамана имелись как антропоморфные изображения предков шамана – его помощников (девять куколок – дочери Ульгения), так и зооморфные изображения (змей и т. д.). Костюм шамана имел значение брони. На кафтане шамана имелось множество подвесок, изображающих в миниатюре оружие: луки со стрелами, копья, сабли. Защитой, надежным обручем шамана был пояс. Броней или обручем называл алтайский шаман своих духов-помощников, которые становились во время камлания его невидимой защитой. Эти духи со всех сторон облекали своего покровителя, в различных направлениях опоясывали его стан. «Обручем» шамана считались также бубенцы, пришитые на кафтан в области поясины.

Таким образом, все сказанное позволяет утверждать, что конструкция и декор традиционной одежды являются материальным выражением мировоззрения и духовной культуры, религиозных представлений населения Алтая. Алтайский шаманский костюм - своеобразная пространственная конструкция, которая воспринимается в универсальных категориях верха и низа. С сакральным верхом соотносился головной убор. С сакральным низом – наплечная одежда и обувь. Солярные, антропоморфные, зооморфные символы располагались в соответствии с зонами мифического

Космоса. При этом можно отметить, что духовная культура населения Алтая как источник динамики конструкции и декора традиционного костюма воспринимается со скифских времен до этнографической современности.

Литература

1. Алтайский национальный костюм / вступ. ст. Е. Зайцевой, Н. Шатиновой; худож. И. И. Ортанулов. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990. – 96 с.
2. Дьяконова, В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая) / В. П. Дьяконова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское республиканское книжное издательство «Юч-Сюмер», 2001. – 223 с.
3. Иванов, С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.) / С. В. Иванов. – Л.: Наука, 1979. – 192 с.
4. Львова, Э. Л., Октябрьская, И. В., Сагалаев А. М., Усманова, М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.
5. Прокофьева, Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири / Е. Д. Прокофьева // СМАЭ. – 1971. Т. 27. – С. 5 – 100.
6. Сатлаев, Ф. А. Кумандинцы (Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века) / Ф. А. Сатлаев. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1974. – 200 с.
7. Яценко, С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы / С. А. Яценко. – М.: Вост. лит., 2006. – 664 с.

УДК: 82

Бабичева Ю.Г.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Мифологема дома в рассказах В.М. Шукшина

Одним из важнейших направлений культурной ментальности нашего века стала актуализация обращения к архаическим структурам, глубокое исследование классического мифа, возникшее в противовес возрастающей дискретности восприятия мира. В литературе второй половины XX века особенно ярко и самобытно, на наш взгляд, обращение к мифологии представлено в творчестве писателей-деревенщиков (В.И. Белова, Ф.А. Абрамова, В.П. Астафьева, Б.А. Можаяева, В.Г. Распутина и В.М. Шукшина). Содержание произведений деревенской прозы во многом эмоциональное, лирическое. Это, прежде всего, особое настроение, которое фиксируется писателями в художественном тексте. Обычно это настроение связано с мотивом возвращения в родную деревню (мысленное, в мечтах, в реальной действительности) или расставания с нею, с образом родного дома-очага.

Особое место в ряду писателей деревенской прозы занимает В.М. Шукшин. В границах эстетики шукшинской «деревенской прозы» можно говорить о центрах пространственной и ментальной локации героя, которые связаны, прежде всего, с архетипом деревни и его составляющими – мифологемами дома, лада, дороги и труда. В этом ряду одним из важнейших элементов художественного мира писателя, а наш взгляд, выступает мифологема дома.

В свете мифопоэтических представлений дом – это место, где начинается и заканчивается жизнь [2]. Он вмещает в себя память и забвение, по капле отдает нам наше прошлое. Образ дома может быть и динамичен, если он реализуется через мотив его потери и последующего обретения – возвращения домой. Текучий, гибкий, пластичный, образ дома все же является одним из самых константных художественных образов и одной из самых устойчивых мифологем. Дом – неотъемлемая часть нашего «Я», своеобразный источник этнического потенциала, вбирающий в себя основные культурные знания и закрепляющий нравственно-эстетический кодекс поведения человека.

Рассказы В.М. Шукшина «Игнаха приехал» и «Стёпка» можно объединить по сходству семантического поля мифологемы дома. В основании сюжета обоих произведений – возвращение главных героев в родительский дом, находящийся в деревне. Мифологема дома в данных рассказах выступает хранилищем памяти человека, которое является связующим звеном с родовым гнездом. Игнатий Байкалов – борец цирка, приехал из города домой в гости, а Степан Воеводин – бывший заключенный, вернувшийся из тюрьмы.

Их появление дома для семьи неожиданно, но каждого из героев встречают по-разному. Для родителей Байкаловых долгожданный приезд сына не оказался праздником, зато Степану удалось собрать домочадцев за одним столом и своим возвращением поднять всем настроение. В рассказе «Игнаха приехал» связь Игнатия с родным домом и семьей утрачена, дом больше не является

хранителем воспоминаний его детских и юношеских лет, прожитых в деревне: «Пинком распахнул ворота – в руках по чемодану, – остановился, оглядел родительский двор и гаркнул весело: Здорово, родня!» [3, с. 45]. Бестактность и неуважение сына начинают проявляться во всем: от того, как открыл дверь калитки до спора с родным отцом. Он охладил к деревенскому укладу жизни, отвык от простой и теплой атмосферы родительского дома, пропало уважение к своим корням. Игнатий растрачивает свою богатырскую силу в городе на пустое увеселение публики. По мнению родителей, русский крестьянин не может уважать такой труд. Горько отцу, что сын привязан теперь к материальным благам – квартире, деньгам, от этого и не радуют стариков богатые подарки сына, покинувшего деревню. Казалось, поход на реку Катунь сможет вернуть память о малой родине, но Игнатий на самом деле просто хотел умыться, а не проникнуться всей душой к месту до боли знакомому. Именно на Катунь состоится неприятный разговор между отцом и сыном. Старик Байкалов, верный себе, станет упрекать предавшего семейные традиции Игнатия: «Ну и видь, ты шибко умный стал, прямо спасу нет. Все ты видишь, все понимаешь. Приехал, расхвастался тут, подарков навез, подумаешь» [3, с. 47].

Такая ситуация произошла потому, что связь героя с домом прервалась. Пять лет разлуки – срок немалый, за это время сменил Игнатий все свои привычки и манеры, простоту деревенскую поменял на интеллигентские наряды, подарки для него стали важнее слов, природа – уже не источник вдохновения, песни забыл, а труд на земле, приносящий пользу людям, теперь ему чужд. Отсюда и непонимание, раскол в семье, рождающий тоску и разочарование у главы семейства. Но утратившуюся связь героя с отцом можно еще вернуть. Прав Л. Емельянов в утверждении о том, что: «Игнатий действительно, в чем-то неуловимо изменился, в чем-то отошел от вековой, исконной жизненной традиции, в лоне которой жила и по сей день живет его семья. Пожалуй, он стал несколько резче, нежели допускает эта традиция, громче что ли. О явной человеческой потере говорить здесь не приходится, но «чреватичинка» в здоровом некогда организме налицо» [1, с.84].

В другом рассказе, «Стёпка», сын тоже появляется дома, где его ждут, но приезд должен был состояться гораздо позже. Степан в отличие от Игнатия приехал не из города, а тайно ночью прибежал домой из тюрьмы, и его отношение к родной земле в корне отличается от отношения Игнатия. В самом начале произведения видно, что Степан скучал и по родной земле, и по родительскому гнезду, и по своей семье. Весь вечер сидел и смотрел на родную деревню, морально настраивался на долгожданную встречу. Совершил глупый, абсолютно бездумный поступок, потому что сердце, сжавшееся в груди, не давало ему покоя, захотело домой, в родной уголок, где любят и ждут. Конечно, ему можно было потерпеть и вернуться по окончании срока, но желание надыхаться воздухом родным, закатить для родных ему людей праздник стало сильнее. «У порога дома, в табачном дыму, всхлинула гармонь. Вылезали из-за стола и норовили сразу попасть в ритм «подгорной». Степан был рад, что людям сейчас хорошо, что он им доставил удовольствие, позволил им собраться вместе, поговорить, посмеяться» [3, с. 54].

Дом для Степана – не просто место, где живет его семья: для него дом есть хранилище памяти, которое не дает покоя, тревожит душу и сердце, снится по ночам. В родной дом ему хочется вернуться пусть даже на один день, увидеть его хоть одним глазком, ощутить, что он есть, и что он в нем сейчас. Что будет потом, уже неважно, цель достигнута, а большего и не надо. «Появился участковый милиционер и вывел Степана на улицу. А в избе продолжали гулять – ничего не подозревая» [3, с. 56]. Степана под конвоем увели из дома, но связь с ним не прерывается. Герой знает, что когда-нибудь снова вернется в родной дом.

В.М.Шукшин, используя в рассказах мифологему дома с традиционным значением хранилища памяти о родовом гнезде, смог показать нам ее реализацию в ситуациях противоположных: значение мифологемы одно, но его рецепция реализуется по-разному: ведь автору важно было показать значимость привязанности к родному месту, которое не просто объединяет людей, а служит для них, прежде всего, источником духовного насыщения.

Последний рассказ сборника «Сельские жители» – «Змеиный яд». Максим Волокитин, главный герой, домой не возвращается, но связь с домом у него сохраняется через родного ему человека, через маму. Слово дом и слово мама в данном произведении выступают контекстуальными синонимами. Когда герой говорит о маме, в это время он вспоминает дом, где сейчас живет она одна. Сам же он ютится в маленькой комнате городского общежития. Мама Максима серьезно больна, для лечения ей нужен змеиный яд, другое средство не помогает. Герой рассказа, узнав об этом, ищет чудо-лекарство по всему городу, он беспокоится, ведь может произойти так, что он потеряет не только родную маму, но и родной дом. Максиму было важно, чтобы лекарство, которое сможет поднять на ноги маму, в

ближайшие сроки доставили ей. Через своего знакомого он в последний день передает змеиный яд домой:

- Игнат, передай матери: я, может, тоже скоро приеду. Не забудь, Игнат! Максим остановился.

Опять догнал вагон Игнатия и еще раз крикнул:

- Не забудь, Игнат! - Передам! Уже расходились с перрона люди. А Максим все стоял и смотрел вслед поезду...

Уже никого почти не осталось на перроне, а Максим все стоял. Смотрел в ту сторону, куда уехал Игнатий»[3, с.51].

Он хотел отправиться в родную землю, и когда смотрел в след уходящему поезду, знал, что когда-нибудь сможет поехать в деревню – в свой дом – и повидать самого родного человека.

В рассказе «Змеиный яд» мифологема дома имеет другое значение: она уже не является хранителем памяти, как в предыдущих рассказах сборника. Здесь дом сам имеет свою хранильницу, которая живет в опустевшем доме одна и спасает его от гибели. Связь главного героя с домом осуществляется как раз через нее. Мать и есть единственное связующее звено между Волокитиным и домом: когда он говорит о матери, он неосознанно говорит о собственном доме.

В рассказах сборника «Сельские жители» представлены автором два типа мифологем дома: дом как хранитель памяти и связи с прошлой жизнью, и дом как вместилище одиночества, опустевший уголок семьи. Семантическая наполненность мифологем связана с ощущением героев, покинувших по разным причинам свои родные пенаты. Возвращение домой, привязанность к дому, воспоминания о доме по-разному отражаются в произведениях. Для Степана Воеводина и Максима Волокитина дом играет значимую роль в их жизни, они часто думают о нем и мечтают о возвращении. А для Игнатия Байкалова простой деревянный дом, стоящий на земле, лавки, печь уже не имеют ценности, он променял родной очаг на городскую квартиру со всеми удобствами.

Таким образом, мифологема дома в рассказах В.М. Шукшина представляется своеобразным фундаментом, на котором строятся ценности трудящегося на земле человека – простого, но богатого духовно. Художник наполняет ключевую мифологему особым содержанием в соответствии с авторской мировоззренческой системой, непосредственно связывая ее с человеком и его внутренней природой, бытием в целом, раскрывая читателю значимость дома в жизни деревенского мужика – подлинного русского крестьянина.

Литература

1. Емельянов, Л. Василий Шукшин: Очерк творчества. [Текст] / Л. Емельянов: монография. – Ленинград.: Худож. лит. 1983. – 152 с.- Библиогр. с. 120-136.
2. Петрова, М. Образ дома в фольклоре и мифе [Текст] // [Серия “Symposium”, Эстетика сегодня: состояние, перспективы](#). Выпуск 1 / Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений [Санкт-Петербург](#) : [Санкт-Петербургское философское общество](#), 1999. С.59-61.
3. Шукшин, В.М. Сельские жители: Игнаха приехал, Змеиный яд, Степка Русская проза [Электронный ресурс] . - Электрон. Текстовые, граф., зв. дан.и прикладная прогр. - М. : ГПНТБ РФ, 2000. - Режим доступа [http:// www. litmir.net](http://www.litmir.net) . 10 May. 2019 09:31:34.

УДК: 37

Бачурин Н.Н.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Кожевникова А.А.

АлтГУ, г. Барнаул, Россия

Особенности правового регулирования профилактики среди молодёжи действий экстремистской направленности в Алтайском крае

В нашем исследовании, которое мы коротко излагаем в данной статье, мы выявили взаимосвязи и взаимозависимости особенностей правового регулирования профилактики действий экстремистской направленности от проявления сибирской ментальности среди молодёжи в Алтайском крае.

В современное время тема идеологии экстремизма и видов его проявления является особенно актуальной в силу того, что данная противоправная деятельность представляет собой серьезную угрозу общественной безопасности и стабильности государственного строя, как всего государства, так и в конкретном его субъекте. Действия экстремистской направленности стали важнейшей и неблагоприятной частью социальной составляющей современного общества [1].

Когда речь заходит о сущности и элементах экстремизма среди молодежи, зачастую в качестве наиболее важных проблем органами государственной власти признаются этническая и религиозная нетерпимость, ксенофобия, национализм, что проявляется в некоторых ментальных чертах личности и должно определять принимаемые меры по профилактике и пресечению экстремизма [2].

Рассматривая предпосылки и пути формирования правового и нормативного поля регулирования профилактики среди молодежи действий экстремистской направленности в Алтайском крае мы обнаружили, что необходимо учитывать сибирскую ментальность, формы ее проявления и контексты актуализации, способы взаимодействия с территорией и осознание специфических региональных проблем, которые вносят вклад в формирование идентичности сибиряков и влияют на особенности восприятия мер профилактики.

Исходя из этого, необходимо отметить, что на проблему профилактики действий экстремистской направленности в молодежной среде имеет влияние сибирская ментальность, которая характеризует население Алтайского края, составляет его модальные черты, представления и ценности [3].

Принимая нормативно-правовые акты, направленные на пресечение и профилактику действий экстремистской направленности в молодежной среде, органами законодательной власти на уровне государства, а также отдельного субъекта должны учитываться особенности населения, проживающего в конкретном субъекте Российской Федерации, особенности его менталитета [4].

Законодательные и федеральные органы государственной власти Российской Федерации ставят одной из важнейших и приоритетных задач, поставленных перед государством профилактику экстремистских проявлений, проявлений антигосударственной, антиобщественной активности [1].

Так в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральном законе от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» содержатся нормы и правила, в которых закреплено четкое понятие профилактики экстремизма и его проявлений, среди которых имеются направления, которые реализовать без учета менталитета населения конкретных территорий невозможно, такие как:

системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму;

сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму;

сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму [2].

Выход на ментальные черты личности, и в особенности, на прекрасные черты личности сибиряка, обозначенные в научной литературе как сибирская ментальность, сделают работу по профилактике экстремизма наиболее успешной [5].

Необходимо отметить, что и нормативно-правовая база, принимаемая в Алтайском крае по профилактике деятельности экстремистской направленности, учитывает систему мировосприятия, сформировавшуюся на территории Сибири, в частности в Алтайском крае. Во всех нормативно-правовых нормах и актах, направленных на профилактику действий экстремистской направленности в подростковой среде содержатся рекомендации о подходе по планированию и реализации деятельности в этом направлении с учётом ментальности жителей Алтайского края.

А поскольку все программы профилактики действий экстремистской направленности среди молодежи формируются на уровне региона. То они обязаны учитывать ментальность данного региона, то есть для Алтайского края особенности сибирской ментальности [3].

С целью создания основы правового регулирования профилактики среди молодежи действий экстремистской направленности в Алтайском крае Администрацией Алтайского края разработано Постановление от 31 декабря 2014 г. №602 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» [6].

Разработанная программа «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» также включает ряд обязательных мероприятий, учитывающих особенности сибирской ментальности, такие как:

разработка и внедрение методик оценки деятельности органов местного самоуправления в сфере профилактики ксенофобии, межнациональной конфликтности, экстремизма, противодействия идеологии терроризма;

мониторинг социально-политической обстановки, этно конфессиональной ситуации, религиозных проявлений, проявления ксенофобии, межнациональной конфликтности и других направлений, связанных со спецификой формирования личности в условиях Алтайского края;

проведение «круглых столов», конференций, дискуссий и научных семинаров с участием представителей конфессий, национальных общественных объединений, руководителей

образовательных организаций, посвященных обобщению научного и практического регионального опыта и практик профилактики экстремизма и распространения идеологии терроризма, том числе и с учетом сибирской ментальности населения Алтайского края [6].

Основные мероприятия любых нормативно-правовых документов содержат меры по профилактике распространения экстремистских настроений и идеологии экстремизма среди молодёжи. Мероприятия определяют механизмы минимизации возможных проявлений экстремизма в регионе, гармонизации межэтнических, межрелигиозных и межкультурных отношений, достижение конструктивного межведомственного взаимодействия и координации деятельности органов государственной власти, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в вопросах противодействия и профилактике экстремистских проявлений [1].

В этой связи, основные законодательные действия по снижению экстремистских проявлений в подростковой среде должны быть ориентированы на социально-нравственные смыслы и ментальность населения Алтайского края:

- оптимизацию социальной среды (в целом), в которой находятся молодые жители региона, ее улучшение, создание в ней пространств для конструктивного взаимодействия, стимулирования у подростков положительных эмоций от участия в реализации социальных проектов, от анализа достижимых перспектив, а также от реального опыта решения проблем молодого поколения;

- формирование механизмов оптимизации молодежного экстремистского поля, разработку методов его разрушения, организацию на его месте конструктивных социальных зон;

- создание механизмов эффективного влияния на процесс социализации личности молодого человека, включения его в социокультурное пространство ближайшего сообщества и социума в целом, сложившегося в Алтайском крае;

- разработку системы и методов психокоррекционной работы, нацеленной на профилактику действий экстремистской направленности, развитие умений социального взаимодействия, рефлексии, саморегуляции, а также формирование навыков толерантного поведения [6].

Кроме того, необходимо учесть то, что вышеуказанная программа сейчас является одним из средств реализации государственно-правовой политики в сфере противодействия и профилактике экстремистских проявлений на региональном уровне, на уровне Алтайского края в целом.

Как следствие особенности сибирской ментальности накладывают свои определённые требования к конкретным факторам правового регулирования профилактики среди молодёжи действий экстремистской направленности в Алтайском крае [3].

Как показали наши исследования итогом учета сибирской ментальности в нормативно правовом обеспечении профилактики среди молодёжи действий экстремистской направленности в Алтайском крае должно стать формирование толерантной, ответственной, успешной личности, ориентированной на ценности гражданственности и патриотизма.

Таким образом, наше исследование показало, что при разработке и реализации нормативно-правовых актов, направленных на профилактику действий экстремистской направленности, на любой территории Сибири, в том числе и на территории Алтайского края, необходимо учитывать влияние на жителей сибирской ментальности. Сибирская ментальность должна учитываться как интеллектуально-эмоциональные особенности индивида, мысли и эмоции которого неразделимы, где мысли диктуются культурой, а эмоции – это реакция на изменения внешней среды, которая опирается на культурные ценности индивида. Такой подход сделает нормативно-правовую базу более персонализированной, а правовое регулирование профилактики среди молодёжи действий экстремистской направленности более действенным.

Литература

1. Агапов П.В., Борисов С.В., Вагурин Д.В., Коршунова О.Н., Меркурьев В.В., Хлебушкин А.Г. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания: пособие (под редакцией д.ю.н., проф. В.В. Меркурьева). – «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», 2013.
2. Ларионова А.В., Мещерякова Э.И. Экстремистская направленность личности: теоретические и практические проблемы исследования. // Психолог. 2016. №4. С.140-153
3. Бороноев А.О. Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона СПб.: Астерион. 2007
4. К.А. Арынгазин, Б. Сардибекова Менталитет - субстанция духовная, образовательная и воспитательная. //Сибирский педагогический журнал. 2018. № 1(11). С. 149-159
5. Анисимова, А. А., Ечевская, О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: монография. Новосибирск: НГУ. 2012

6. Постановление Администрации Алтайского края от 31 декабря 2014 г. №602 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае».

УДК: 81

Беленкевич Е.В.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул, Россия

Опыт описания языковой диалектной личности на Алтае: на материале старожильческих говоров Быстроистокского района

Современная языковая ситуация характеризуется изменчивостью, а мобильное и многогранное развитие человеческой деятельности во всех без исключения областях приводит к тому, что мы безвозвратно утрачиваем регионально-культурные и духовные особенности собственно русского народа. С этих позиций сохранение и изучение русских говоров – задача важная, ее решение способствует выявлению особенностей диалектной речи, её экспрессивных возможностей и культурного потенциала. Именно в диалекте как исходной форме существования языка создаётся такой тип языковой диалектной личности, который является первоосновой национальной русской языковой личности, без изучения которой невозможно освещение вопроса о национальном менталитете, имеющем общенаучное и междисциплинарное значение [2, с. 14]. Настоящая статья посвящена региональному менталитету старожила сибирской деревни, отраженным в его языковой картине мира.

Выбор «реликтового» объекта исследования позволяет сфокусировать в проблемном поле филологического исследования актуальные темы целого комплекса социально-гуманитарных наук – антропологии, социологии, этнологии, когнитологии, аксиологии, культурологии, регионологии, желающих получить заветный ключ к ментальному коду русской нации как «нанотехнологичному» средству управления человеческими ресурсами в сфере мировидения, миропонимания, логики мироустройства, механизмов ретрансляции культуры и формирования системы национальных ценностей.

Современная русистика уже имеет внушительный опыт описания региональной диалектной личности, ее лексикона, языкового сознания и языковой картины мира, как то: Томская и Пермская диалектологические школы, ученые Алтая и Красноярска, Екатеринбург и Волгограда и пр. Активно развивается и региональная лексикография, создаются разного рода словари, отражающие не только идиолект, системные отношения, лексическую сочетаемость, но и ментальность, историю, духовную культуру и т.д. [1, 3, 4, 5, 6, 7, 8].

Исходным и в тоже время несущим вербальным основанием исследования речевого и ментального портрета языковой диалектной личности является, безусловно, «живой» языковой материал – массив диалектных текстов, зафиксированный в нашем случае за более чем десятилетний период сбора языкового материала в селе Быстрый Исток Алтайского края методом языкового включения в сосуществование говорящего. Объект описания – Анна Васильевна Медведева, 1913 года рождения, старожил села Быстрый Исток, типичная представительница алтайской крестьянской семьи, носитель диалекта.

Диалектная языковая личность – понятие объемное и многомерное, требующее системного описания не только языковой среды (фонетического, морфологического, синтаксического уровней языка, идеографической сетки, системных отношений в лексике, а также фразеологических единиц, фольклорных текстов, т.е. всего того, где вербализируется мироистолковывающая функция языка носителя диалекта), но и ментальный портрет.

Конверсационно-нарративное изложение диалектного материала позволило реализовать синтез качественного и количественного подходов к корпусному анализу и получить максимально полное и максимально объективное знание о предмете описания: во-первых, о собственно говоре, во-вторых, – концептосфере – основополагающих и жизнеутверждающих для носителя диалекта как субъекта жизнедеятельности концептов, а также оценить значимость и существенность рассматриваемых параметров концептов для отечественной культуры.

Так, на основании анализа материала нами определена ментально-ценностная концептосфера в языковой картине мира носителя диалекта, включающая следующие концепты: Я – СЕМЬЯ – ДОМ – СЕЛО – РОДИНА – МИР – ВЕРА [9, с. 109]. Представленная ментально-ценностная концептосфера вербализирует сущностную характеристику базового концептного «мира» конкретного носителя диалекта, определяет его границы, содержание и структуру. Необходимо подчеркнуть, что ментально-ценностная концептосфера имеет спиралевидное и в тоже время замкнутое «строение», отражая существенные проявления взаимосвязи и взаимообусловленности концептов. Начинаясь с концепта «Я» (сродни библейским мотивам «АЗ есмь»), представленная концептосфера определяет границы жизненного пространства и идентификации диалектной личности, формирует жизненный цикл от «Я» как субъекта и до БОГА, т.е. Бога-отца, Бога-Святого духа, но не в привычном для нас понимании, а Бога-отца, Бога-Святого духа в человеке. Приведем пример из речи А.В. Медведевой: «Женщина одна умирала, а у нее сынок оставалси семилетний. И вот он стоит у кровати и просит, не умирала щё бы. А ангелу жаль стало мальчика, и он оживил мать-то. Святой дух из человека выходит, када

он умирает». Или: «Землю сделал Бог, но его никто не видел ... ведь все молились и говорили «Царствие небесное» – вот оно и было, хоть и земля, а царствие небесное – все будто святы – добрыя, хорошие. Вот щасто про Бога забыли, и получается, что выгнали его из своего же царства, и Бог рассердился на людей – вот тебе и зимы каки теплые, и ураганы, и землетрясения». Таким образом, «несущие» концепты «Я» и «Вера» совпадают в точке бифуркации: сродни библейским мотивам: «Иду от вас и приду к вам». Реинтерпретация подобных фрагментов дискурса становится единственным источником, подтверждающим самобытность и уникальность языковой картины мира Анны Васильевны Медведевой, обусловленную спецификой культурного контекста территории ее проживания (особенностей фольклора, реализации постулатов народного православия, морально-нравственных ориентиров социума, воспринятых и усвоенных конкретным его членом). Убедительно продемонстрирована типичность данной языковой личности как носительницы определенного диалекта и определенной местной культурной традиции и в тоже время ее уникальность, обусловленная, прежде всего, лингвокреативной активностью. Ее языковая картина мира – это квинтэссенция традиционной народной культуры, воплощение языкового и ментального опыта собственно русского народа, она – носитель этого ментального кода.

Проводя экстраполяции с творчеством В.М. Шукшина, можно обнаружить изоморфизм личностных коммуникативных смыслов, фреймовой перспективности и заданных территориальным пространством «черт (свойств, признаков) языкового портрета» Анны Васильевны и шукшинских героев. Являясь носителем ментального кода, Анна Васильевна – типичный шукшинский персонаж: главное в нем, что он «свой», «нашенский». У В.М. Шукшина герои не плохие и не хорошие, и автор никогда не встает ни на ничью сторону, и не делает каких-либо нравственных выводов в своих рассказах. Самобытность Шукшина заключается в том, что его персонажи просто «живут», и их русский национальный, ментальный характер обнаруживается посредством яркого индивидуального стиля писателя – богатой живой разговорной речи. И в этом смысле – они объекты его «исследования», и их «концептосферы» легко проследить, восстановить, проанализировав речь персонажей, что опять же переключается с методологическим подходом нашего исследования.

Литература

1. Лютикова, В.Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень, 2000.
2. Лютикова, В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект : дисс. ... д-ра филол. наук : 05. 25.03 / В.Д. Лютикова ; Урал. гос. ун-т. им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2000. – 316 с.
3. Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск, 2005.
4. Лабунец Н.В. Словарь народных географических терминов Тюменской области (южные районы) / под. ред. А.К. Матвеева. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. 208 с. ил.
5. Гордеева О.И., Иванцова Е.В. Полный словарь диалектной личности / под. ред. Е.В.Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т.1. 358 с.
6. Востриков О.В. Традиционная культура Урала: Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 3: Народная эстетика; Семья и родство; Обряды и обычаи. Екатеринбург, 2000.
7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. Нефедова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной личности. М.: Издательство МГУ, 2001. 144 с.
8. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / под ред. З.И. Резановой [Р.Н. Порядина и др.]. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 381 с.
9. Диалектная языковая личность на Алтае дисс. ... канд. филол. наук: Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2012. – 252 с.

УДК: 82

Беспалов А.М., Прудникова М.М.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия,

Бояринов С.Ю.

Государственный университет города Семей им. Шакарима

Отражение менталитета кумандинцев в обряде погребения

Обряды погребения имеют определенную культуру, в которой отражается мировоззрение, менталитет народов. Описание погребального обряда у кумандинцев можно найти у А. В. Адрианова [1, с. 332-334], В. И. Вербицкого [2, с. 86], Н. М. Ядринцева [8, с. 245-246], Е. М. Тошковой [7, с. 151-154], М. В. Кастараква [3, с. 63-71], Ф. А. Сатлаева [5, с. 162-164], В. Д. Славина [6] и др. Традиционный погребальный обряд кумандинцев, как и обряды других народов, можно разделить на несколько этапов: подготовка к прощанию с усопшим, проводы усопшего в мир иной, похороны, траур, поминки.

Кумандинцы верили в загробную жизнь и поэтому покойника в первый день обмывали теплой родниковой водой, одевали в его лучшую, любимую им в жизни одежду, но не застегивали и не завязывали ее. Затем, положив на широкую скамью, вдоль плах пола головой на закат, ногами на восход, оставляли посреди комнаты на два дня. Уже тело человека умерло, но его душа жива. Ей нужно упокоиться, успокоиться. Чтобы она не причинила вреда ни себе, ни близким родственникам, которые живут тут же рядом с усопшим, в доме, где лежит его тело. Вера в потусторонний мир предостерегала, что нельзя спать при покойнике, так как считалось, что во сне спящий человек уязвим и может потерять свой «кут» – жизненную силу, душу. Это может произойти оттого, что дух недоброжелательного, злого Кама может его кут проглотить. Душа мертвого уже отходит к миру духов, но еще не отошла полностью. Нужно ее охранять своим сознанием, ведь только им

теперь близкие родственники связаны с покойником. Бдительность сознания проявляется в точном соблюдении обряда. На ночь принято было на все подоконники и на порог двери класть железные вещи: топор, нож, серп, вилки и т.д. Считалось, что это предотвратит проникновение в дом духа (узўта¹) умершего. Особый страх на духов наводил медный или бронзовый родовой меч. Считалось, что при наличии такого меча в доме нечистые силы не смогут проникнуть в жилье. В этом сказывалось особое отношение к меди, считавшейся с древности как целительный и магический металл, а также к ее сплавам. Если умирала женщина, то эти вещи раскладывались в течение семи суток, если умирал мужчина, то в течение девяти суток. Кроме того, ночью в доме оставляли горящим свет. При этом было принято использовать светильники на основе пчелиного воска.

На второй день после кончины рубили дерево и долбили из него гроб, как жилище покойника в загробном мире, в котором живут после смерти. Поэтому в гроб вместе с умершим, если умирал мужчина, клали его одежду, трубку, кисет и огниво, а также погребальную пищу. Если умирал воин, рядом с покойником клали еще и доспехи. Если умирала женщина, то клали шаль и платок. Если человек умирал зимой, то независимо от пола с ним клали рукавицы. При этом, по свидетельству М. В. Кастаракова, говорили так: «Пока дух твой не стал злым духом, общайся к нам. Что мы, поминая тебя, едим и пьем, пусть достанется тебе. Ты теперь отделился от тела, но среди нас пока находишься, слушай, что мы говорим, прославляя тебя, что был для людей хорошим, об этом говорим и плачем. Нам вреда не делай, болезни не насылай, ты ведь еще злым духом не стал» [3, с. 65]. У гроба (чаяна) покойника всю ночь дежурили люди. Как правило, это были родственники и друзья покойного. Покойник находился дома две ночи. В его изголовье ставили в берестяных чашках еду и наливали араку. Сидящие рядом с гробом покойника макали безымянный палец в араку и кропили пол. Они понемногу пили араку и вспоминали о хорошем, что было при жизни покойника.

На второй же день после смерти по обычаю убивали домашних животных. В связи со смертью взрослого мужчины, а также кама, убивали коней и бычков, а в связи со смертью женщины – коров, кобылиц или телят. Животных убивали намеренно, чтобы наделить покойного скотом на том свете. Мясом убитой скотины угощали тех, кто мыл тело, долбил гроб, рыл могилу, кто принимал участие в ночном дежурстве у тела покойника, а также всех сельчан, кто приходил проститься с покойным.

На третий день после обеда выносили гроб с покойником из избы ногами вперед. В. Д. Славнин отмечает: «Кумандинцам были известны три типа захоронений: наземные, воздушные и в земле» [6, с. 138]. Об этом же писал и В. И. Вербицкий: «Тела умерших хоронят различно: или кладут в деревянные срубы, утвержденные сверх земли на 4-х столбах, или закапываются в горы вместе с любимыми конями покойников, или сжигаются, или наконец привешиваются на сучья дерев, в бересте. Покойники полагаются в полной одежде и шапках, и всегда с запасом в мешочке на дальнюю дорогу» [2, с. 86]. Далее находим у В. Д. Славнина: «Существенной чертой погребального комплекса являлось обязательное использование долбленого гроба с черемуховыми стяжками, независимо от того, каким способом хоронили – труположением или трупосожжением» [6, с. 138]. Родственникам запрещалось братья за гроб. Обычно гроб несли сельчане, которые не являлись кровными родственниками покойного. По словам М. В. Кастаракова, если кладбище находилось недалеко, то друзья-товарищи несли гроб с покойником на плечах, а если до могилки было далеко, то зимой покойника везли на санях, запряженных лошадью, а летом на талках из двух жердей. Однако, по свидетельству Ф. А. Сатлаева, вне зависимости от времени года гроб на кладбище везли на санях, которые затем разламывали и оставляли на могиле.

Те, кто оставался дома, окуривали дом горящим факелом бересты и можжевельника, чтобы избавиться от неприятного запаха и отпугнуть злых духов. Женщины мыли пол щелочной водой, готовили обед для поминок, для последнего застолья усопшего.

Если покойника хоронили в земле, то могила (могши) рылась в длину и в глубину в рост человека (по сведениям М. В. Кастаракова высота определялась на уровне поднятой вверх руки стоящего человека, у В. Д. Славнина – 2,5 м). На дно ямы клали две перекладыны, на которые ставили гроб. Гроб опускали в могилу, ориентируя тело усопшего головой на запад и ногами на восток, представляющий начало жизни. Такое положение означает круг жизни по солнцу или «посолонь» (по часовой стрелке). Это был расчет с прошлым. Иногда по углам ямы ставили четыре столбика с перекладами, так что получался своеобразный навес над гробом, сверху которого накладывали доски. Каждый из присутствующих на похоронах брал комья земли и бросал в яму три пригоршни. После этого могилу зарывали. Сани, на которых привозили покойника, ломали, перерубали вязи и сжигали при варке конского мяса на седьмой день, когда устраивали обед на могилках. Оглобли же уносили домой. Черенки лопат также вытаскивали и оставляли на кладбище. С собой уносили только железные части. В гроб также запрещалось класть предметы из железа, меди, разрешалось класть чаши из дерева, глины. Считалось, что лук и стрелы, металлические оружие, ножи, топоры могут обернуться злом и обратиться на живых людей, поскольку для духа покойника это станет серьезным оружием. Совершив погребение родственники покойника угощали всех участников похорон аракой, предварительно совершив кропление на могилу умершего. «Затем, – пишет Ф. А. Сатлаев, – чтобы попрощаться с покойником, участники похорон совершали по ходу солнца три прощальных круга вокруг могилы и возвращались домой. При этом лошадь, которая везла покойника, шла впереди участников похорон, если же она была несмирной, то ее вели на

¹ В. Д. Славнин так описывает метаморфозы человеческой “души” (“кут”): «... “кут”–земное единство “тын” (дыхания) и “сюр” (мысли, памяти –“сагыш”); “узют”–посмертная, внеземная форма “кут”»[2, с. 334].

поводу. Один из старших родственников рвал пучок травы, бросал ее на могилу и, не оглядываясь, уходил вслед за другими. Во время возвращения с кладбища запрещалось оглядываться назад. Навстречу им оставшиеся дома выносили воду, и все участники похорон мыли лицо и руки. Дома устраивали поминальный обед. Если дело происходило зимой, то варили мясо лошади, а летом по этому случаю закалывали овцу» [5, с. 163]. Вода в данном случае выполняла функцию очищения.

Сведения о наземных захоронениях содержатся в работах Е. М. Тошачковой, Ф. А. Сатлаева и В. Д. Славнина. О практике наземных захоронений у кумандинцев в XIX веке можно найти сведения также и у А. В. Адрианова. В частности, А. В. Адрианов писал: «Прежде на поверхности земли делали сруб, в который и клали прямо покойника с протянутыми руками, а сверху закладывали берестой» [1, с. 332]. Однако с принятием христианства эта традиция постепенно была упразднена.

То же касается и так называемых «воздушных» захоронений, которые были характерны для кумандинцев дохристианского периода. Ф. А. Сатлаев, изучая фонды Старо-Бардинского района Бийского округа, нашел записи Бийского земского исправника А. Горохова, который в начале XIX века писал, что кумандинцы «умерших хоронят вдаль от своих жилищ, делая на четырех столбах невысокие подмости; на них кладут покойника, завернутого в разные обноски, и наваливают лесом и камнями» [5, с. 163]. Хоронили кумандинцы покойников и на ветвях деревьев. Однако уже Н. М. Ядринцев отмечал, что им было запрещено оставлять покойников на деревьях [8, с. 246]. Но В. Д. Славнин, ссылаясь на собственные полевые материалы, писал, что «...детей до 7-12 лет хоронили в лесу, подвешивая на березе завернутыми в бересту» [6, с. 142]. К сожалению, неизвестно насколько массовыми были такого рода погребения среди кумандинцев. Поэтому точно установить его смысл и значение можно только по аналогии с подобными захоронениями у других народов. Так, Б. С. Хотко описывая традицию «воздушного» погребения у черкесов и абхазов, указывает на их родовую связь с деревьями, с их почитанием [8, с. 200]. Отголоском такого рода «воздушного» погребения являлось у кумандинцев вывешивание оружия, бубнов и других предметов, принадлежащих покойному, на деревьях вблизи захоронения. В. Д. Славнин отмечает, что воздушные захоронения «...связаны у верхних кумандинцев (сеоки чедыбер, тон, тастар, челей) с трупосожжением» [6, с. 139]. Обычно, пишет он, сжигали трупы камов, уважаемых людей и самоубийц. Первых, по его мнению, сжигали потому, что они «не нуждаются в “проводах” на тот свет, а “найдут туда дорогу сами”, превратившись в пламя “великого огня”, поскольку вели “высоконравственную жизнь”, соблюдая свою “ульгу” (читай: знали и выполняли все традиционные морально-этические предписания, обеспечили себе потомство, были хорошими хозяевами, мастерами и т.п.)» [там же]. В то же время, описывая погребения камов, В. Д. Славнин указывает на то, что в результате трупосожжения кама «...узют кама очистится от духов-помощников “энчилер”, и он, такой же “чистый”, как узют простого человека, предстанет перед Кудаем и предками, вознесенный “великим огнем”. Если этого не сделать, то узют кама будет бродить по земле в образе “куренг азе” - чудовищной бурой лохматой собаки, способной пожрать “кут” не только у детей, но и у взрослых» [6, с. 143]. Таким образом, огонь выполнял функцию очищения от старого, вредоносного, и утверждения нового, достойного предстать перед обожествляемыми сущностями. Для того, чтобы избежать неприятных последствий эта же функция реализовывалась и при сжигании трупов самоубийц, а также больных заразными болезнями людей. Труп сгорал, а душа, по мнению кумандинцев, оставалась. Считалось, что огонь очищает всякую заразу. Поэтому сжигали всю одежду, которую носил больной, все, за что брался: инвентарь, чашку, ложку и другие предметы, даже постель.

Выходит, что цикл из трех дней маркируется по признаку тела умершего. За три дня необходимо управиться с телом, оприходовать его, сакрально, а иногда и физически его утилизировать. То есть, поместить тело усопшего на вечное хранение в стихию мира мертвых. В этом мире живут живые. Там – живые мертвые. Возможно ли возвращение из мира мертвых? Телесно, в том же теле, нет, ибо оно стало навсегда мертвым. Но возможно в новом теле.

Через семь дней после похорон, по свидетельству М. В. Кастаракова, втыкали в могилу кол с прикрепленным лошадиным хвостом, при этом произносятся следующие слова: «Пусть будет шелковое место, где лежишь, пусть кости твои не тревожатся, лежат на месте, преют на одном месте. Тело, превратясь в пар, вознесется в небеса, снова потом возвратится на землю, вновь в жизнь возвратится, вкусит ее снова, испытает снова горечь и сладость. Богом даренная одна жизнь совсем не кончается, пусть к жизни возвращается» [3, с. 65]. Это свидетельствует о том, что кумандинцы, в жизнь которых уже вошло христианство, все еще верили в возможность возвращения души умершего к жизни в ином теле. Также, втыкание в могилу кола, напоминает ритуал втыкания в могилу оружия, которое было широко распространено среди народов Сибири, по мнению Ю. И. Ожередова, «...представляется фактическим или имитационным выстрелом из лука, броском копья, ударом ножа или топора на поражение духов умерших» [4, с. 135]. В этот день на могиле покойника кололи коня, на котором он или она ездили, разводили костер и варили конское мясо, отводя обед покойнику.

Ф. А. Сатлаев в своей книге указывает на девятый день, когда устраивали поминки. Такое расхождение вызвано, вероятно, тем, что один считал дни со дня захоронения (через два дня, на третий после смерти), а другой – со дня смерти усопшего. На следующий после поминок день приглашали шамана (кама) для проводов души умершего, которая, по древним поверьям, в том числе кумандинцев, находится среди людей в течение 40 дней. Если не отправить ее вовремя на суд Ульген-Кудая, то кумандинцы верили, что душа умершего перевоплотится в злой дух и будет наносить вред людям. Чтобы этого не произошло нужно было приготовить маленький туесок браги без солода, а шаману окурить можжевеловым дымом всех домочадцев. После этого кам, взяв пихтовый веник и туесок с брагой и встав у двери, начинал упрашивать душу покойника отвесть браги, и

интересовался у покойника о взятых им чьих-либо душах. Если душа умершего брала души живых людей, то кам уговаривал ее отдать эти души. После этого шаман вел душу умершего по этапам. Первый этап представляли «густоветвистые три дерева», под которыми ночевал злой дух. Второй этап – «непроходимый для злого духа дырявый камень». Загнав в этот камень душу умершего, шаман «возвращался обратно верхом на гусе» [5, с. 163-164].

Последняя хронологическая дата исполнения поминального обряда – годовщина смерти. Она необходима, чтобы помнить, что нужно навсегда оставить усопшего в покое и больше не тревожить своими болезненными воспоминаниями, которые приличны только для мира живых, но никак не для мира мертвых. Таким образом, обряд нужен, прежде всего, не мертвому, а живым.

Список литературы:

1. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского географического общества членом сотрудником А. В. Адриановым. [Санкт-Петербург, 1886]
2. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы: Сб. этногр. ст. и исслед. алтайск. миссионера, протоиер. В.И. Вербицкого, изд. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Моск. ун-те / под ред. А. А. Ивановского. М.: Скоропеч. А. А. Левенсон, 1893. XIV, 221 с.
3. Кастаракон М. В. Белые кони духов. Бийск: БГПУ им. В.М. Шукшина, 2010. 124 с.
4. Ожередов Ю. И. Ритуальное втыкание оружия у селькупов и древние традиции народов Евразии // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2016. №5 (43). С. 133-137.
5. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века). Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1974. 199 с.
6. Славнин В. Д. Погребальный обряд кумандинцев // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990. С. 132-146.
7. Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX - начало XX в.). – Новосибирск: Изд-во «Наука», 1978. 158 с.
8. Хотко Б. С. Обряд «Воздушного» погребения в пространстве языческой культуры абхазов и адыгов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 1. С. 199-204.
8. Ядринцев Н. М. Об алтайцах и черновых татарах // Известия Императорского Русского Географического общества 1881. Т. 17. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1887. С. 228-254.

УДК: 82

Бодрова Л.Т.

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия*

«Резюмирующая» роль исканий веры и Богообщения в русской прозе конца XX – начала XXI века (В. Шукшин – В. Распутин – Захар Прилепин)

В статье рассматриваются проблематика и основы поэтики ведущих произведений Шукшина, Распутина, Прилепина. Проведен анализ специфики их художественных миров. Представлено смыслообразование в произведениях в связи с конструированием библейского и духовного дискурсов данных писателей. Итоговые смыслы произведений в духовном аспекте представлены в контексте современности и истории, а также в плане новаторства.

Ключевые слова: Богообщение, искание веры, историко-культурный контекст, крестьянин, христианин, православие, пророчество, экзистенция, пророк, поэтика.

«Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои, говорит Господь... и слово Моё, которое исходит из уст Моих, оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его»

Исайя: 55, 6-12

Дух животворит

2 Кор. 3, 6

Два чувства дивно близки нам –

В них обретает сердце пищу:

Любовь к родному пепелищу,

Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века

По воле Бога самого

Самостоянье человека,

Залог величия его.

А.С. Пушкин

Актуальность поисков духовного идеала сегодня – очевидна. Но суть темы приобщения к Богу не проста. Углубим рассуждение замечательной цитатой из записных книжек А.П. Чехова: «Между “Есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из этих крайностей, середина между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало» [1, с. 139]

Сделаем попытку обойтись «без крайностей», чтобы выявить специфику Богообщения у наших почвенников, которые интересно и плодотворно работают как раз в «громадном поле» смыслов.

Эпоха «порубежья» на сломе веков и даже тысячелетий знаменуется кардинальной «сменой вех» в жизни России и скажем без приуменьшения, всего мира.

В России завершился некий метацикл нравственно-этического движения литературы. К тому же имманентный цикл литературного процесса совпал с мировым религиозным кризисом, попал в сложнейший контекст его идей.

При этом мы должны отдавать себе отчет в том, что при анализе «вышнего», «горнего» источника идей и «вчувствований» именно духовный и библейский дискурсы в произведениях искусства, как никакие другие, свяжут метафизику Бытия с реалиями быта всех и каждого, а Большое время с малым, вследствие чего результат насыщен, интересен в плане качества и искусства добывания истины.

Анализ лучшего в творчестве писателей-почвенников как цель исследования требует доказательств новаторства, а также анализа результирующей составляющей, то есть выявления маркеров духовного и библейского дискурсов в прозе. Мы должны дать анализ того, как именно продолжается традиция Богообщения сегодня. Требуется уяснить, как «работают прозу» почвенники, эти подвижники, отличающиеся от многих (в том числе и от зелотов, то есть сегодняшних воцерковных «неистовых ревнителеев» православия) «растревоженной совестью» и – как следствие – болью души из-за расхождений идеала с реальным положением вещей. Это художники с постоянным стремлением «очистить в себе образ Божий» (В. Крупин).

«При долгом и трудном пути к Богу после многих десятилетий марксистского атеизма» (В.И. Белов), писатели-почвенники возглавляют движение культуртрегеров к духовному возрождению. Опять-таки скажем, что их отличает неукоснительное стремление к соборности, проповедь Слова Божьего и благодатных идей, что является продолжением традиций мировой и русской классики.

Для прочтения произведений искусства в самом глубинном аспекте – духовного преображения – необходим, безусловно, и самый высокий критерий. В этом плане возьмем формулу Леонида Леонова, в жизни и творчестве которого исследователи многое открыли в последние десятилетия. Почвенник Захар Прилепин, писатель, блогер, публицист и воин, сделал о нем и о его концепции литературы и жизни книгу в серии «ЖЗЛ».

Историк литературы, занимающийся проблемами русского духовного возрождения, А.Г. Лысов в своей работе «Самотворящаяся духовная реальность (Библия в судьбах русской литературы)» ввел в научный оборот итоговое понятие «Богообщение» из Записной книжки Л.М. Леонова, который определил, что «смысл творчества заключается в исканиях веры, в радости Богообщения»: «Как цветы и дети, книги и мысли тот же сгущенный солнечный свет – только после более тщательной перегонки. И самый чистый, самый конечный продукт на этом пути – безмысленная радость о Боге»¹ [2, с. 92]. Полагаем, что писатели-почвенники последнего порубежья разделяли и разделяют данное обозначение сути творчества и ощущают «теплопожатие» (так Л. Леонов называл творческие схождения) классика.

¹Леонов Л.М.из записной книжки 1950-1960-е годы. Публ. Н.Л. Леоновой // Наше наследие. – № 58, 2001. – с. 101.

«Скорбные сатирики», печальные и мужественные философы, но и «бойцы, тайные, нерасшифрованные», праведники и кающиеся грешники, «веселые, злые, камуфлированные» обличители лжи, но и добрые защитники стариков и детства, писатели-почвенники не оставляют комментариев по поводу тайнописи в их текстах, видя в читателе сотворца. А потому обжигает их «тихая лирика», вызывает слезы веселая исповедь какого-нибудь Пашки Колокольникова с Чуйского тракта или Степана Разина из глубины веков, заставляет задуматься о смысле жизни история «хозяина бани и огорода». Впечатляют бунтарская проза, исторические романы с выходом на современность. Себя и своих героев поэтому они судят «судом высоким, поднебесным».

Данный выбор триумвирата почвенников «Шукшин – Распутин – Прилепин» связан прежде всего с масштабом личности и с креативным, инновационным содержанием их произведений. Кроме того, все они по происхождению крестьяне, причем все трое особо подчеркивают свое крестьянское происхождение, даже если большую часть жизни прожили в городе: Василий Макарович Шукшин (1929-1974) родом из села Сростки Алтайского края; Валентин Григорьевич Распутин (1937-2015) родился на Ангаре, в селе Аталанка Иркутской области, село попало в число подлежащих затоплению, и В.Г. Распутин очень тяжело это переживал; Захар Прилепин родился в 1975 году в деревне Ильинка Рязанской области, а все Прилепины родом из деревни Киликино Липецкой области. Почвенник XXI века, культовый писатель Евгений Лавлинский демонстративно взял как псевдоним имя своего прадеда Захара Прилепина, крестьянина, испытавшего ужасы сталинской войны с крестьянством, не «сдавшегося» в Соловецком лагере особого назначения и ставшего новым основателем крестьянского рода в XX веке. Сегодня Захар Прилепин – известный писатель, ведущий одного из каналов ТВ (передача «Уроки русского»), так декларирует свое отношение к деревне и к сельским жителям: «Мне особенно не нужны никакие метафоры – мне нравятся люди, которые тут живут, то, как они говорят, как работают. А если мне что-то не нравится, это не является причиной ставить Углич («Углич» подается его оппонентами-либералами как синоним отсталости, провинциальности, маргинальности «деревни» – Л.Б.). В моем понимании это примерно то же самое, что оставить своего ребенка или своих родителей, которые отчего-то разонравились. Все желающие, как они это называют «валить» имеют свои основания это сделать. Но совершать подобное лучше втихомолку» [3, с. 4].

Уже последнее замечание демонстрирует принципиально уважительное отношение современного почвенника к фигуре народного представителя. Русский крестьянин как близкая личность – это центральный герой в творчестве почвенников, и он присутствует в прозе и публицистике всех трех художников в качестве человека культуры, но и как актуализация «действующего» синонима понятия «христианин». Это в общем известное определение Владимир Даль истолковал так: «Кресть – две полосы или два бруска, один поперек другога <...> Кресть есть символъ христианства <...> Крестьянинъ [и крестьянка] – крещеный человекъ; // мужикъ, землпашецъ или земледѣль, сельскій обыватель, принадлежащій къ низшему податному сословію <...> Крещеный – христианинъ, православный» [4, с. 190, 191, 192].

Кстати, один из лучших словарей современности – Этимологический словарь Макса Фасмера фиксирует ту же версию происхождения понятия «крестьянин», но осторожно констатирует, что даже на уровне современных лексем синонимичность христианин/крестьянин к 1960 году осталась лишь на уровне происхождения слов [5, см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2 – с изд. М.: Прогресс, 19871. См. Т. 2, 3, 4].

Скажем, что политические, социальные реалии отменили понятие «низшее податное сословие», но XX век так прошелся по крестьянству, что, пожалуй, никакая другая часть

¹Показательно, что есть отсыл понятия «крестьянин» к понятию *поганый* – «нечистый, грязный», укр. «плохой», др. русск. «языческий». Стар. заимств. из лат. «сельский, языческий»: <...> Ввиду отличия в знач. и географического распространения посредство нов.-греч. «мужицкий» невероятно, *вопреки* Соболевскому, Фасмеру [т. III, стлб. 294, 295].

населения России не испытала столько лишений, унижений и угроз полного уничтожения, как крестьяне. Поэтому почвенники, отнюдь не идеализируя героя-пахаря, тем не менее гордятся принадлежностью к крестьянству как опоре нации (ироничный Шукшин словами рассказчика-крестьянина в одном из своих рассказов замечает по этому поводу: «Посмотришь: портрет в черной рамке в “Правде”, так: “выходец из деревни”»), выдержавшей самые страшные беды и оставшейся в своих детях, внуках и правнуках, повторим, людьми культуры, а не рабами цивилизации. В этом плане они сохранили верность высокой культурной традиции христианства, даже если не являются воцерковленными людьми.

Академик С.С. Аверинцев, человек верующий, блестящий филолог, историк литературы, занимавшийся прежде всего античностью, философ, принимал активнейшее участие в дискуссиях по проблемам современной литературы и филологии. Его называли «средиземноморским почвенником» и «современным византийцем». В начале тысячелетия он давал интервью корреспонденту газеты «Известия» Борису Пастернаку, родственнику поэта, и в ответ на его вопрос, «почему “вести из древней истории” становятся актуальными», сказал так: «Я очень люблю ругательное словосочетание “хронологический провинциализм”, которое принадлежит английскому христианскому писателю Клайву Льюису: “Всякая современность, которая пробует замкнуться в себе, заболевает этим “хронологическим провинциализмом”. Человек должен ощущать себя внутри веков и тысячелетий. Это совершенно необходимо, без этого человеческий ум стремительно разрушается» [6, с.5].

«Я родом из деревни, крестьянин потомственный, традиционный», – начинает свою беседу 17 мая 1974 года за несколько месяцев до своей кончины Василий Шукшин – с корреспондентом итальянской газеты «Унита» Карло Бендетти. Кстати, текст беседы – очень содержательный, с выходами на метафизику духовности в реалиях быта, с национальной самокритикой, стал известен русскому читателю только спустя 5 лет.

И только через 5 лет читатели узнали, что Шукшин в беседе с Шолоховым (съёмочная группа фильма «Они сражались за Родину» по роману Шолохова была у него в гостях) сказал: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжелый труд – собрать ее заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить» [7, Ш.: VIII, с. 293]1.

Перед нами три произведения русских почвенников, вышедшие из печати в 1973, 1976 и 2014 годах (два из них могут быть отнесены к «сибирским текстам»).

В киноповести, а затем в кинофильме, который потряс зрителей не только России, но и всего мира, речь идет о человеке, которого прямо в поле, так сказать, по месту работы, убили бандиты. Причем это произошло в пору его раскаяния и готовности к новой жизни. Читателя/зрителя потрясает не только и не столько «частная» трагедия, сколько ее сакральное обобщение. Автор организовывал время и пространство в повести с целью ложного воздействия на реципиента подтекстовых факторов, например, «библейских аллюзий: падший ангел, блудный сын Агасфер; <...> сакрализовано время: события происходят во время Троицы и Духова Дня, дня сошествия святого духа на землю, но герой повести, сын человеческий, не обретает духа, разлитого в земной весенней природе; тему необретенного духа поддерживает и мотив неверия героя в Слово. <...> Поэтика повести отражает состояние мира, утратившего целостность» [8, с. 127].

В другом тексте – история затопления деревни, где должна быть гигантская ГЭС. Но ясно, что повесть эта вовсе не советский «оптимистический реализм» про покорение природы – это «реквием по праведной Руси, затопляемой не Светлояр-озером, а мутными хлябями очередных “братских ГЭС”» [1, с. 97]. Полижанровый характер новаторского произведения синтезирует в составе художественной целостности элемента бытовой повести, мелодрамы, но и притчи, исповеди, а главное – героического «жития одной бабы», русской старухи,

¹В.М. Шукшин. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. Барнаул, 2009. В дальнейшем тексты Шукшина цитируются по этому изданию с обозначением тома римской цифрой, страниц – арабскими: [7, Ш.: VIII, с. 293].

праведницы. После неудачных попыток спасти от губительного потопа и деревню, и души человеческие она совершает обряд предсмертного очищения родного Дома, а затем, как и старик-юродивый, уходит «в мирь и градъ невидимый», чтобы спастись согласно Высшему смыслу сюжета, который по воле автора-творца переходит в библейский суггестивный контекст. Сакральный смысл тем более здесь важен, потому что все это связано с родной для автора деревней, ушедшей на будущее дно водохранилища. Это один из трагических сюжетов литературы почвы на тему: «Прощай, Россия, встретимся в раю» (В. Крупин).

Наконец, в третьем случае мы с особым волнением воспринимаем в новейшем произведении (это исторический, вернее, маргинальный полижанровый роман) создаваемую автором картину государственного насилия над людьми, которые мыслятся организаторами лагеря не как обладатели бессмертных душ, а как материал для социальных экспериментов. В 1920-х годах, во время очередного «перелома» (когда, по народному присловию, все «переломали») на территории Соловецкого монастыря, оплота русской духовности, был организован СЛОН, один из первых лагерей ГУЛАГа, позиционируемый большевиками как «экспериментальная лаборатория по перековке человека».

В романе «Обитель» налицо дикий контраст между «умиротворяющим», романтический заглавием (эвфемизмом понятия «монастырь») и лавой раскаленных смыслов о бесчинствах «власти и советской, и соловецкой»: в тексте романа бунт на Соловках. Автор инициирует эти смыслы в автобиографической (крестьянской) семейной саге.

В аспекте выявления ценности упомянутых произведений («Калина красная», «Прощание с Матерой» и «Обитель») применим инновационный прием анализа, а именно – исследуем психологию текста с выходом на его многозначность, на смысловые глубины, то есть на его интерсубъективность. В этом плане С.Г. Бочаров сегодня возрождает термин А.Л. Бёма «литературные припоминания»: «Припоминание – не цитирование и не простое воспоминание, припоминание – платоновский термин <...> “это есть припоминание того, что видела душа, когда она сопутствовала богу <...> Припоминая красоту истинную, [человек] окрыляется, стремится взлететь”, за явлением по-платоновски припоминая идею» (курсив С. Бочарова – Л.Б.) [9, с. 12].

В случае «Обители» Прилепина именно интерсубъективность «литературных припоминаний» как специфический контекст искусства восстанавливает его «кровеносную систему» (термин И.Б. Роднянской) и генетическую память. Скажем, к примеру, что в самой основе книги о Соловецком лагере работает абсолютно неожиданное, парадоксальное с саркастическим подтекстом литературное припоминание романа Стендаля «Пармская обитель» («La chartreuse de Parme», 1839). В системе литературных припоминаний, инициированных Прилепиным, при этом «припоминаются» сибирские тексты на темы каторги и ссылки (Чехов, Достоевский, Шукшин, Распутин). Кроме того, припоминается история русских святых, русских монастырей. Разумеется, припоминается полемика «Солженицын - Шаламов» и воспоминания узников Соловков (Д.С. Лихачев и др.). Наконец, «Капитанская дочка».

Прилепин синтезирует и «итожит» материал. Вот тогда читатель начинает ощущать книгу прозы «Обитель» как «простой и ясный взгляд на Соловки», ибо это есть попытка увязать семейную историю с «метафизически выраженной философией истории России» [10, с. 215].

Захар Прилепин вообще постоянно «припоминает» тексты и фильмы Шукшина, а также может солидаризироваться с таким, к примеру, его высказыванием в одном из последних интервью (летом 1974 года): «Я не уважаю откровений писательского духа... И уважаю писательскую профессию за то, что в ней есть какая-то тайна, за то, что человек хранит от других нечто сокровенное, загадку, таинство духа. <...> Писатель, в этом я убежден, может существовать, двигаться вперед только благодаря силе тех жизненных соков, которыми питает его народная среда, само бытие народное...»¹ [7 Ш: VIII, 181, 183].

¹Шукшин В.М. «Надо работать!»: Интервью корр. болгарской газеты «Народная культура» С. Попову // В.М. Шукшин. Собр. соч.: В 8 т. – Т.8. Барнаул, 2009.

«Сгущенный солнечный свет истины» (Л. Леонов), который производит искусство, как выдающийся результат может быть продемонстрирован на примере шукшинского метода созидания библейских контекстов. Данный метод на современном уровне технологий образного письма описывает философ, литературовед и писатель Александр Водолагин в статье «Русский бунт и христианская совесть» (2018). На наш взгляд, это очень интересная работа как в плане истории культуры, так и в теоретическом аспекте. А. Водолагин весьма достойно и продуктивно продолжает традиции пушкинистики, где в последние десятилетия работали такие титаны, как академик М. Алексеев, Ю.М. Лотман, В.М. Маркович, недавно, к сожалению, ушедший из жизни. В.М. Маркович убедительно доказывал, что наличие в пушкинской прозе библейских дискурсов и общений с надвременным, божественным, открывает неограниченный духовный простор. На [этой] высоте художественная мысль обретает свободу, а вместе с ней возможность приблизиться к идеалу всеразрешающей гармонии <...> Эта возможность идеальная, но она и реальная в то же время, она действительна в силу своей необходимости для людей и в силу их неослабевающей, вечной к ней устремленности» [11, с. 58, 59].

Читаем А. Водолагина:

«В итоговом произведении Пушкина (в романе «Капитанская дочка» - Л.Б.) важное место занимают знаки возможной экзистенции, позволяющей каждому [герою] подняться в благожелательном бытии – друг-к-другу над самим собой до равенства в Боге <...> Тут-то русский дух и приоткрывает свои «несметные сокровища» как языковая действительность подлинной коммуникации (подчеркнуто А.В.), как столкновение сознаний, испытывающих «внешнее воздействие» безмолвствующего Бога и захваченных совместным разгадыванием тайны времени, сокрытой в переживании сверхценного мгновения, сопоставимого с длительностью всего нашего бренного мира <...> экзистенция не знает смерти» [12, с. 284, 285].

А. Водолагин очень ёмко и четко обозначил суть «резюмирующей» пушкинской формулы русской истории, русского менталитета с обязательным обращением к Богу, с вопрошаниями о вере, надежде, любви.

Опыт осознания художником слова истины – это, по Водолагину, «акт, равнозначный религиозному обращению» – общению.

Вот как ученый определяет суть пушкинской гениальности: это есть «результат внутреннего преображения», произошедшего в Святогорье. Общение с духовным наставником игуменом Ионой стало завершающим, итоговым, фактором его общения и с лучшими умами России, и с книгами, и с философией, и с народным православием, и с духовными книгами и рукописями в библиотеке Святогорского монастыря. «Совесть в пушкинском понимании [стала в результате] не формально-рассудочной инстанцией, нормирующей человеческое поведение, не сознанием морального закона (по Канту – Л.Б.), а живым восприятием конкретных велений Бога (выделено мной – Л.Б.), «глаголов вечной жизни», вторгающихся в повседневность» [12, с. 281].

А. Водолагин дает на примере пушкинской прозы и обращения к Всевышнему формулу того, что есть истинный художник: это тот, кто способен созидать «языковую действительность подлинной коммуникации» – как столкновение сознаний, испытывающих «внешнее воздействие» безмолвствующего Бога».

В этом смысле наш триумvirат почвенников – очень даже пушкинские художники – уже в целеполагании своего творчества. Вот, к примеру, в рабочих записях В. Шукшина читаем запечатленное – для себя (!): «Самые великие слова в русской поэзии “Восстань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей!”» [13, с. 479].

В предисловии к сборнику прозы В.М. Шукшина (изданному к 50-летию писателя, кинорежиссера и публициста) В.Г. Распутин декларировал поведение художника слова как факт особого писательского подвижничества, осуществляемого в качестве синтеза, «добра души глагола» – «ведь не отменяется, не отменяется никогда служба (курсив наш –Л.Б.) русского художника: “виждь и внемли”» [14, с. 7].

Обратим внимание и на такую деталь: скорее всего именно сибирская ментальность и Шукшина, и вслед за ним и Распутин оказываются фактором мощного – прямого (минуя посредников!) – выхода на русского гения в поисках «собрания духа».

Возвращаясь непосредственно к нашей теме, скажем, что вопросы искания веры, Богообщения самым непосредственным образом связаны с народным бытием, с целями, идеалами, принципами жизни, которую надо прожить «не по лжи» (А. Солженицын). Но возникают вопросы, к примеру, такого плана, как бытие народное и народные идеалы, сложившиеся за многие лета, соотносятся, допустим, с идеалами элит. В настоящее время это чрезвычайно острый вопрос. Какую роль играет здесь литература почвы?

В свое время философ, писатель А. Зиновьев выдвинул горькое обвинение себе преждему, диссидентам и антикоммунистам Запада и России: «целились в коммунизм, а попали в Россию». И вот в «Исповеди отщепенца» А. Зиновьев, критикуя Солженицына, настаивал на том, что те, кто восторгается его повестями (к примеру, повестью «Матренин двор»), «не имеют ни малейшего понятия о реальной жизни русской деревни». С точки зрения А. Зиновьева, «образ Матрены высосан из пальца». Но главное вот в чем: «Русский народ уже избрал свой исторический путь. И уже никакими силами не заставишь его вернуться в прошлое. Каким бы жестоки и трагическим ни был сталинский путь коллективизации, он с социологической точки зрения гораздо больше соответствовал исторической тенденции эволюции народа, чем всякие попытки удержать его в положении трудолюбивого производителя дешевой картошки и капусты для городских прожекторов» [15, с. 304].

И Шукшин, и Распутин, и тем паче Прилепин, при всем уважении к авторитету «Солжа», безусловно, даже всем ходом своих произведений противостоят рационалистической ограниченности данной точки зрения на русский народ, на его идеалы, на то, «как нам обустроить Россию».

И вот еще иронично выраженная оценка Солженицына и его книги: «У нас есть маленькая проблема <...> Солжа любить невозможно (курсив мой – Л.Б.). Все равно что любить будильник. Или микроволновку, бампер. <...> хотя он «перепыхивал», по-нынешнему – «взрывал мозги», но теперь от ядерных и ядовитых взрывов «Архипелага ГУЛАГа» остались отблески на ночном небе, да и про те сомневаешься – не подкрашивает ли облака тепловыделительная деятельность Очаковской ТЭЦ?» [16, с. 742].

Сей ироничный, даже саркастический пассаж принадлежит писателю А. Терехову, 1966 года рождения, выпускнику факультета журналистики МГУ. Работал обозревателем в журнале «Огонек» и газете «Совершенно секретно». Автор романов «Мемуары срочной службы», «Крысобой», «Зимний день начала новой жизни».

«Жестокость писательской манеры сродни остросоциальным темам его произведений. В стилистическом отношении Терехов, пожалуй, самый верный ученик Солженицына. Нервный многословный синтаксис <...> – воплощенное желание писателя вколотить в одно предложение чуть ли не весь роман <...> это Терехов воспринял от Солженицына с понимающей благодарностью» [17, с. 787].

Эссе о Солженицыне имитирует его «жестокий стиль», более того – писатель Терехов, конечно же, не удержался от тотальной иронии, обращенной не только на потерявшего человеческое со-чувствие и любовь А.И. Солженицына, но и на читателя, который явно не умеет ценить инновации в современной литературе.

А. Терехов пишет о непомерной гордыне Солженицына, «молекула» которого состоит «из четырех атомов, связанных последовательно и крест-накрест (курсив мой – Л.Б.): А.И. Солженицын – время, руслит¹ и Бог» «Бог – это как китайский язык. Многие признают, что будущее за ним. Но почти никто не учит. Это штука, не имеющая сайта в сети. Никаких ответных писем» [16, с. 742-743]. Имеется в виду и то, что Солженицын-писатель словечка в простоте не скажет. А главное в его письме – отсутствие Бога, вернее жестокая рассудочность вместо «безмысленной радости общения с Ним».

¹ Руслит – русская литература

И вот аллюзия из Солженицына: «Бог – это я: единственное горло умерших миллионов», «Я только меч. О, дай мне, Господи, не преломиться при ударе, не выпасть из руки Твоей» [11, с. 749]. И вот «резюме», абсолютно убийственная формула вклада А.И. Солженицына в историю: «ГУЛАГ <...> Солж вбил это слово во все языки мира, вытатуировал на плече матери-родины, нанес штрих-кодом на Россию» (подчеркнуто мной – Л.Б.).

Терехов завершает: «Солженицын <...> отстаивал человеческое расширение – очертания бессмертной души <...> «русский», «гражданин», «христианин», «добро» и «совесть» <...> Послушайте его голос – возможно, услышите в себе отголоски <...>

Или нет». [16, с. 759].

Даже при нынешнем «рациональном» отвержении вымысла, самого искусства данное сопоставление: «Солженицын – русские почвенники» в аспекте исканий веры и Богообщения свидетельствует о незаменимости счастья ощущать себя приобщенным к Большому времени и к высоте надмирного в «безмысленной радости Богообщения» при восприятии славных творений, лучшие из которых живы – «доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит».

И Шукшин, и Распутин, и, (даст Бог дальнейших открытий в творчестве) Прилепин в общем не проигрывают «рационалистам» и интеллектуалам в открытиях истины. Ведь даже американские советологи и современные «специалисты по России» изучают процессы урбанизации и ее последствий, суть национальных менталистов, цивилизационных катаклизмов именно по произведениям наших талантливых почвенников. По ходу работы они не могут не восхититься: «Уникальная авторская манера сводит на нет все попытки исследователей поместить его [Шукшина] в какой-либо контекст, кроме его собственного». [18, с. 32]¹.

Самобытность художника Шукшина идет от его личностного «самостояния» и от самостояния «по воле Бога самого». В эпоху «идеологического вакуума» [19, с. 237] писатели русской почвы укрепляются верою в Бога, в свой народ, в русскую и мировую классику и противостоят разрушительным стихиям депрессивной культуры, всем деструктивным явлениям эпохи.

Символично, что приобщили к вере в Бога Шукшина и Распутина простые русские женщины, православные крестьянки. Мать Шукшина, дважды вдова (первый муж сгинул в ГУЛАГе, второй погиб в 1942 году под Курском), одна, в лишениях, в бедности, в нездоровье воспитала двоих детей; привила им понятия о справедливости и Божьей благодати. Иначе чем же объяснить то, что с 16 до 23 лет в самые лучшие, но и требующие поддержки годы, Шукшин, имея из дома только письма (малограмотная мать диктовала их дочери и родственникам), сумел сохранить душу живую и воспитать в себе достойную личность, готовясь к служению высокому искусству?! Диалог длился до конца жизни «последнего гения нашей литературы» (В. Пьецух).

За несколько месяцев до смерти Шукшин, будучи тяжело больным, находился в больнице. Ренита Григорьева, близкий друг и конфидиент, навестила его и принесла Евангелие. Он стал его читать и вскоре написал письмо, которое Григорьева получила уже после смерти Шукшина: «Куда же России без Христа? Верую! Верую, как мать в детстве учила: в Отца и Сына и Святаго Духа!» [20, с. 19].

Знаменательно, что из этой же больницы Шукшин чуть позже, подобно чеховскому крестьянскому мальчику, ужаснувшись чужому и холодному миру, – бежал, потрясенный хамством и вымогательством взятки. «Что с нами происходит?!» – задал он вопрос всем нам в своей знаменитой «Кляузе» за месяц до гибели.

Всего за 15 лет в столице, в общем достигнув, казалось бы, потрясающего успеха, он, изболевшись душой и телом в предошущении катастрофы социальной, поразил читателей/зрителей эволюцией даже внешнего облика: «он изменился до неузнаваемости: актер с каноничной внешностью советского положительного героя, надежный и

¹ Цитата из работы американского литературоведа Кэтлин Партэ приводится в статье Дарьи Ефремовой «Жил такой парень» – в журнале Никиты Михалкова «Свой» (июль 2014).

добродушный, основательный – превратился в болезненного, худого, резкого, дерганного, озлобленного и насмешливого» [21, с. 90].

Но внутренняя жизнь в Богообщении сделала потрясающее преобразование в актере Шукшине, когда он предстал в это же время в кадрах фильма «Они сражались за Родину» С. Бондарчука по сценарию М. Шолохова. Он так и лежал в гробу погибшим на поле боя солдатом – бронейщиком Лопахиным с рыжей прядью волос. «Они святые», – говорил Шукшин в одном из интервью во время съемок – о защитниках Родины.

В сознании читателей/зрителей его смерть, совпавшая по времени с эмиграцией А.И. Солженицына и И.А. Бродского, стала фактом национальной трагедии и поводом для скорби очень многих самых разных людей. В это же время факты отъезда и Солженицына, и Бродского оставались фактами политическими. Правда, нельзя не отметить, что приспел некролог, в котором Шукшин представал вождем нищеводов, он «наконец-то успокоился» со своими призывами к воле.

Даже сей злобный пассаж говорит о том, что умер православный человек, глубоко верующий и отстаивающий идеалы христианства.

В.Г. Распутин в контексте истории христианского гуманизма являет собою тип художника, который «воспел и отпел Россию», актуализировал намечающуюся тенденцию сближения современной научной картины Мира с религиозной. «Ее главная особенность – осознание всеобщей телеологии. Как представляется, творчество В. Распутина проявляет и проясняет этот поиск целостного знания о мире и о назначении в нем человека» [22, с. 41].

Захар Прилепин концептуализирует русский православный дискурс многими описаниями русской / советской истории, ассоциациями с мировой и русской классикой.

Он ощущает «теплопожатие» «вожатых», продолжает дело Шукшина и Распутина, будучи солидарен с ними: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжелый труд – собрать ее заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить»; «Живи и помни»: «Нравственность есть Правда», «Надо укрепиться [верую в Бога!] и жить».

Тихо

Перевернулся

Мир.

<...>Но стоишь Ты,

Злачёная,

В звонах зеленых...

Родина! Русь!

Веселая сила!...

Я хочу, чтобы русская умная мать

Снова меня под сердцем носила.

Литература

1. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. – Сочинения в 18 т. – М.: Наука, 1974-1982. Т. 17. М.: Наука, 1980.
2. Лысов А.Г. Самоотворяющаяся духовная реальность (Библия в судьбах русской литературы второй половины XX века) // Русская литература и православие: сб. мат-лов научно-просвет. конф., сост. 24 мая 2004 года в Центре Русской культуры г. Даугавпилса. Даугавпилс, 2005. – 127 с.
3. Прилепин, Захар «В России происходит то, о чем я мечтаю с 90-х» // Культура. – 2014. – № 34. 3-9 октября.
4. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. – Русский язык. – 1978. – Т. 2., 1979. – 779 с.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2 – с изд. М.: Прогресс, 1987. См. Т. 2, 3, 4.

¹Показательно, что есть отсыл понятия «крестьянин» к понятию *поганый* – «нечистый, грязный», укр. «плохой», др. русск. «языческий». Стар. заимств. из лат. «сельский, языческий»: <...> Ввиду отличия в знач. и географического распространения посредство нов.-греч. «мужицкий» невероятно, вопреки Соболевскому, Фасмеру [т. III, стлб. 294, 295].

6. Аверинцев С.С. Человек должен ощущать себя внутри веков // Известия. – 2002, 10 декабря.
7. Шукшин В.М. Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009.
8. Рыбальченко Т.Л. «Калина красная» – киноповесть... // Творчество В.М. Шукшина: энциклопедия-словарь-справочник. – Т. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 124-127.
9. Бочаров С.Г. О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти // Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. – М. 2012.
10. Морозова, Татьяна. Простой и ясный взгляд на Соловки // Знамя. – 2014, № 9.
11. Маркович В.М. «Повести Белкина» и литературный контекст. К проблеме: классика и беллетристика // В.М. Маркович. Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы. Статьи разных лет. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1997. С. 30-65.
12. Водолагин А.В. Русский бунт и христианская совесть // Наш современник. – 2018. № 6. С. 277-287.
13. Шукшин В.М. Из рабочих записей // В.М. Шукшин. Тесно жить / Василий Шукшин. – М.: Зебра Е, 2006. – 522 с.
14. Распутин В.Г. Твой сын, Россия, горячий брат наш: [предисловие] // В.М. Шукшин. Мгновения жизни. – М., 1989, с. 5-10.
15. Зиновьев А.А. Исповедь отщепенца / Александр Зиновьев. – М.: Вагриус, 2005. – 554 с.
16. Терехов, Александр. Тайна золотого ключика. Александр Исаевич Солженицын (1918-2008) // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями: Сб. В 2 т. Т. 2. – СПб.: Лимбус Пресс ООО «Изд-во К. Тублина», 2011. – 792 с. С. 741-773.
17. Елисеев, Никита. Об авторах этой книги. Терехов Александр Михайлович // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. Т.2 – СПб., 2011.
18. Ефремова, Дарья. Жил такой парень // Свой: журнал Никиты Михалкова. – 2014, июль, с. 30-33.
19. Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург, 2009.
20. Цитируется по Епископ Барнаульский и Алтайский Максим, Шукшин и православие // В.М. Шукшин и православие. Сб. статей о творчестве В.М. Шукшина. Сост. – д-р филол. наук, проф. В.А. Алексеев. М., 2012. С. 13-19.
21. Быков Д. Василий Шукшин / Портретная галерея Дмитрия Быкова / Дилетант. 2017. № 17. С. 90-93.
22. Плеханова И.И. Мирочувствование Валентина Распутина // Валентин Распутин. Правда памяти: мат-лы Всерос. конф., посв. 80-летию со дня рождения писателя. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. С. 28-42.

УДК: 37

Виницкая Н.В., Шабалина Е.П.
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Эстетическое воспитание молодежи средствами художественной культуры региона

В настоящее время остро поднимаются вопросы о формировании и развитии личности посредством эстетического воспитания, способствующего зарождению и развитию новых эстетических, этических, художественных ценностей человека.

Содержание работы с одаренными обучающимися определяется в рамках каждой из учебных дисциплин, однако общими требованиями к отбору учебных программ, определяющих это содержание, выступает в соответствии программы специфике образовательного учреждения. Содержание учебного материала должно настраивать обучающихся на непрерывное обучение, постепенный переход к самостоятельной работе, самосовершенствование и самообразование.

Для оптимального развития одаренных обучающихся должны разрабатываться специальные развивающие программы по отдельным предметам в рамках индивидуальной программы обучения. В обучении можно использовать быстрое продвижение к высшим познавательным уровням в области избранного предмета. Программы по отдельным предметам должны быть ориентированы на более сложное содержание, направлены на увеличение знаний в конкретной области. Методы и формы работы должны отличаться

определенным своеобразием. Среди форм внеурочной работы широкими возможностями выявления и развития одаренных обучающихся обладают различные экскурсии, диспуты, творческие встречи с работниками искусств, фестивали, конкурсы, выставки и другие.

Одним из способов актуализации одаренности является использование потенциала искусства. Общение с искусством всегда выигрывает в том случае, если есть возможность увидеть настоящие произведения искусства, услышать подлинное звучание оркестров и хоровых коллективов, убедиться в уникальности старинных архитектурных сооружений. Эстетическое воспитание и образование не должно ограничиваться «знакомством» с различными видами искусства, созданными произведениями и «выдающимися именами», необходимо шаг за шагом открывать и изучать сокровища культуры региона.

Общероссийские эстетические эталоны нашли свое отражение в сибирском регионе. Для их решения были найдены оригинальные, смелые решения, и плодотворный опыт музыкантов, художников и писателей края может привлечь немало исследователей и ценителей прекрасного. На примере произведений необходимо объяснять сложные понятия как «жанр» и «стиль», «творческий метод» и «художественное направление», учить понимать законы построения художественного текста.

Важная задача педагога – привести к осознанию не только гедонистической, но воспитательной и просветительской роли искусства. Последняя, по мнению И.В. Никитиной, была определяющей чертой русского искусства на протяжении десяти веков, выдвигая главным тезисом при создании произведений искусства просветительский лозунг «развлекать, поучая» [1, с. 379].

На примере произведений, созданных сибирскими авторами, можно наглядно продемонстрировать концепцию русской культуры с точки зрения евразийства. Данная теория понимания российского культурного типа как уникального соединения западных и восточных черт, а потому одновременно принадлежащего Западу и Востоку, но в то же время не относящегося ни к тому, ни к другому, жителям Алтая будет близка и понятна. Определения «соборности» и «симфонической личности», декларирующие стремление к сочетанию свободы и единства многих людей на основе их общей любви к одним и тем же абсолютным ценностям было неразрывно связано с общинной жизнью народа. Центральные города были более подвержены «западному» влиянию, развивающему эгоцентризм, а периферия с ее укладом жизни дольше сохраняла и в ряде случаев продолжает сохранять исконно национальные ценности и традиции.

Идея местного колорита в искусстве родилась не в Сибири. О ней довольно много говорилось и в России, и за рубежом. В Сибири она была в числе немногих теоретических вопросов искусства, занимавших сибиряков. Четкого определения этого стиля нет до сих пор. Под ним понималось у одних - стремление к отражению этнического многообразия населения Сибири, у других попытка выработать новый стиль, синтезировавший достижений профессионального искусства России и традиции народных культур коренных жителей региона.

С осознанием необходимости сочетать в произведениях искусства различные художественные традиции, возник вопрос как это делать. Одни используют фольклор сознательно, другие стихийно, кому-то он близок по своему образному строю, другим по способам выразительности, для одних фольклор – основной источник творчества, для других – лишь часть многих и равноправных [2, с. 259].

Приобщение к народным истокам культуры и осознанию национальных ценностей и норм необходимо, но не всегда возможно через «первичные» или «аутентичные» формы, не всегда находящими отклики среди эстетических потребностей молодых людей. На помощь могут прийти авторские произведения, созданные на основе мифологических или фольклорных первоисточников, но сохраняющие лучшие национальные традиции и способные обогатить духовный мир человека и воспитать эстетический вкус [4].

Эстетический вкус – это система конкретных эмоциональных оценок явлений действительности и произведений искусства. Эстетические вкусы складываются на основе

представлений (эстетического идеала, прежде всего), а значит и стоящими за этими представлениями взглядов, существующих в обществе. Нельзя не учитывать зависимость эстетического вкуса от развития общества.

Новая общественная практика может выдвинуть на первый план такие стороны действительности, которые в предшествующий период не играли большой роли в жизни людей. Измерение эстетического вкуса в этом случае будет связано с включением в сферу практики новых отношений, ранее не охватываемых эстетически или игравших в практике второстепенную роль. Развитие жизни требует и развития эстетического вкуса.

В настоящее время общество возрождает забытые традиции, используя народный опыт, создавая новые модели воспитательных теорий и практик.

Сохранение и развитие национальной культуры, своих корней – это важная задача, требующая бережного отношения к истории, культуре [5].

Образовательный процесс и внеаудиторные мероприятия, связанные с освоением произведений искусства, предусматривают две формы построения: историческую и тематическую. Анализ художественных произведений, созданных в разные исторические периоды, подводит обучающихся к пониманию современных концепций картины мира, выраженных языком искусства.

Важное место в этом процессе должно быть отведено освоению культуры своего региона. Этот процесс возможен через приобщение к традиционной, фольклорной традиции. А может быть связан с изучением произведений авторов, создававших «портреты» земляков в различных видах и жанрах искусства. В середине XX века возникло целое направление – «деревенская проза». Ярким представителем его стал наш земляк – В.М. Шукшин. Лейтмотивом в его произведениях проходит мысль о том, что человек, «оторвавшись» от земли, от привычной среды теряет свой стержень. Он осуждает позерство и манерничанья. Он «поет» гимн тем «чудикам», которые находят в жизни обыденной необычные стороны, умеют радоваться открытиям и стремятся вырваться (если не физически, то в мечтах) за пределы обыденной пошлости и бессмысленной суеты.

Произведения Шукшина, мастера малой прозы, глубокие и неоднозначные. Не случайно такое количество исследователей обратилось к его творчеству. Его имя стало синонимом искренности и правдивости в искусстве. Шукшинские чтения стали символом народного голоса, смело звучащего на просторах Алтая.

И вот уже к нему и к его творчеству возникает «вторичный» интерес. Он связан с экранизацией его произведений, создания целой серии его портретов и изображению мест, непосредственно связанных с его именем. Так, И.П. Попов создал ряд работ «Осень в Сростках. Баклань», «Жаркое лето в Сростках», «Сростки. Вид на Бобырган», в которых отражены живописные места алтайского села Сростки и его окрестностей. Через работу «Холодный май в Сростках» художник демонстрирует свою любовь к весне, даже «теплый» снег пробуждает все живое в природе. Художественное творчество И.П. Попова проникнуто искренней красотой, уходящей корнями в народное понимание прекрасного. В пейзажах родного села В.М. Шукшина, И.А. Иванов передает любовь к родной земле, своему народу.

Художник, живописец В.П. Перов интересен графическими техниками. Деревенский пейзаж несет глубокий смысл уклада сельского жителя, его быт, традиции. В работах «Сростки. Катунь. Большая вода», «Село Сростки. Паром», «Сельские будни», «Начало июня», «Сырая осень» художник тонко описывает картину сельской жизни.

Творчество А.П. Малышева пронизано глубоким отношением к миру. Пейзажи «Сростки-родина В.М. Шукшина», «Шукшин в Сростках», «Сестра В.М. Шукшина», «По шукшинским местам» передают настроение человека и природы. Природа, среди которой вырос В.М. Шукшин, отражена и в работах З.М. Ибрагимова. В пейзажах «Вид на село Сростки из окна дома В.М. Шукшина», «Село Сростки. Дорога к Шукшину», «Весна на горе Пикет» демонстрируется любовь к малой родине.

Жанровые пейзажи раскрывают образы людей дорогих Шукшину. Благодаря графическим работам Ю.Б. Кабанова, В.П. Туманова, развивалось графическое искусство Алтайского края.

В.А. Раменский иллюстрируя книги, дает возможность понять и рассмотреть жизненную силу труженика села. Напряжённая работа, продолжавшаяся в течение 15 лет, связана с созданием образа Шукшина Илзе Рудзите-Цесюлевич. Талант и высокое живописное мастерство художницы позволили ей сказать новое слово в шукшинской теме. Это цикл работ «Большая совесть». Название цикла очень символично. Весь цикл звучит как предостережение, как призыв сохранить свой дом, природу, планету.

И поэтому вполне закономерно обращение к творчеству Василия Макаровича в учебной и внеучебной работе для воспитания у молодежи высоких чувств гордости за свой народ, за свою малую Родину.

Литература

1. Никитина И.В. Взаимодействие искусства и обыденного сознания как социокультурная система. – Бийск: НИЦБПУ им. В.М. Шукшина, 2004. – С. 379.
2. Виницкая Н.В. Фольклорные мотивы и образы в творчестве Ю. Бралгина // Мир науки, культуры, образования, 2011. – № 6. – С. 259.
3. Виницкая Н.В., Шабалина Е.П. Эстетическое воспитание студентов средствами искусства // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 1 (38). – С. 90.
4. Виницкая Н.В., Шабалина Е.П. Этнокультурные ценности как воспитательный потенциал молодежи // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2013. – № 2 (39). – С. 28.
5. Виницкая Н.В., Шабалина Е.П. Эстетические ценности культуры сибирского региона / В сборнике: Воспитательный процесс в учреждениях образования: состояние, перспективы инновации Материалы Международной научно-практической конференции. Научный редактор А.С. Койчуева. 2018. – С. 334-340.

УДК: 37

Виноградова Н.Г.

АГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Сибирская ментальность, В.М. Шукшин и постановка “Мастер”

Сибирская ментальность - особое явление. Как отмечал А.П. Щапов, можно говорить об отдельной «русско-сибирской народности», которая «значительно отличается от коренного великорусского типа и представляет особенный своеобразный тип» [2].

По словам Н.М. Ядринцева и Г.Н. Потанина «...натура сибиряка – совершенно иное...Особая впечатлительность, особая нервная система, привычка сдерживать душевные настроения обуславливает и степень восприимчивости и увлечения» [3].

Утверждают, что человек заряжен той энергетикой, которая соответствует месту, где он родился. По словам одного сrostинца, Юрия Фадеенкова, который хорошо знал Шукшина, район Сросток имеет повышенную энергетiku [1]. Именно в месте с “подзаряженными положительными эмоциями”, где “снимаются стрессовые состояния, повышается работоспособность” должен был родиться В.М. Шукшин - сибиряк с народным талантом.

Он воспевал и доброту, и честность
 С сибирской гордостью и чистотой.
 В поступках демонстрируя резкость
 Своею деревенскою душой.
 И путь его был долог и непрост,
 Но он взошел на творческий помост.
 И смог в своих талантливых рассказах
 Сибирскую ментальность показать на киноэкранах.
 Он человеческую воспевал душевность
 С сибирской гордостью и чистотой

Он знал всегда, что истина и честность

На равных будет лишь с людскою красотой.

Все переплетается в героях рассказов В.М. Шукшина: практичность, насмешливость, простодушие, открытость, увлеченность. Возможно, этот набор свойств характера отвечают сути сибирской ментальности.

В 2017 в рамках развития добровольных студенческих объединений по направлению «Культура и творчество» студенты факультета отечественной и зарубежной филологии Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина приняли участие в постановке «Мастер» В.М. Шукшина на английском языке. Перед тем, как непосредственно приступить к театрализации данного произведения, студенты провели кропотливую переводческую работу.

Настал ответственный момент – вдохнуть жизнь в идейный авторский замысел на сцене. Были большие сомнения: получится ли? Ведь в рассказе «Мастер» за внешней простотой скрывается очень глубокий смысл. Предстояло разрешить две проблемы. Во-первых, не только показать сибирский характер героя, но и раскрыть его истинно русскую душу, его созидательное начало. Во-вторых, как суметь транслировать на английском языке неподражаемый, живой, деревенский, экспрессивный язык Шукшина.

Распределились роли. Определены сцены для постановки. Начались репетиции.

Участники постановки, актеры, студенты факультета отечественной и зарубежной филологии, ответственно подошли к выполнению задания. Хотелось бы отметить работу Д. Ермоленко; с ее подачи удалось представить данную постановку как композиционно – организованное действие в удачной сценической среде и пространстве. Над художественным оформлением мизансцен, декорациями трудились студенты кафедры изо и дизайна.

Черты характера главного героя Семки, его портретные детали, настроение и состояние, которого играл Е. Нохрин, рождались в процессе взаимоотношения с другими персонажами: бригадиром (Е. Володина), писателем (Н. Юров), священником (А. Иванов), митрополитом (В. Греков), председателем облисполкома (И. Долгодворов).

Художественный образ церкви, ради которой в рассказе Семка обивал пороги райцентра, как символ возвышенной чистоты и нравственности, было решено воплотить появлением на сцене девушки в белом (А. Лаптиева), которая безмолвно следовала за главным героем на протяжении всего действия.

Эта работа для ребят стала не только серьезным испытанием, так как многие из них вышли на сцену впервые, но и увлекательным путешествием в духовный опыт, кругозор, систему оценок самобытного сибирского писателя В.М. Шукшина, обладающего необычной силой волновать сердца людей.

Литература

1. Каплина В., Брюхов В. С высоты шукшинского Пикета. - Барнаул: ОАО Алтайский полиграфический комбинат, 1998. - С 175.
2. Азадовский М.К. Сибирские страницы. Иркутск, 1988. С. 243.
3. Ядринцев Н.М. Судьбы сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературное наследство Сибири. Т. 5. С. 92.

Власов М.С.^{1,2}, Подрезов М.В.²¹АГППУ им. В.М. Шукишина, г. Бийск, Россия²НИ ТГУ, г. Томск, Россия**Интернет-мемы с точки зрения когнитивной лингвистики: сравнительное пилотажное исследование «цифровых следов» сибирской и московской студенческой молодежи¹**

В данной статье представлен теоретический обзор исследования интернет-мемов как мультимодальных объектов коммуникации, а также результаты пилотажного исследования «цифровых следов» некоторых сообществ студентов Сибири и Москвы, комментирующих те или иные интернет-мемы в социальной сети ВКонтакте.

Ключевые слова: интернет-мем, лексика, комментарии, студенческий сленг, облако слов

Интернет-мемы (*Internet memes*) представляют собой достаточно новые и относительно малоизученные объекты исследований в разных науках (лингвистике, социологии, психологии, философии), представленные в форме концепций, действий, фраз и креолизованных текстов и мультимодальных объектов (фото с текстом, видео и др.), создаваемые и распространяемые электронными средствами коммуникации. Интернет-мемы активно изучаются за рубежом, прежде всего, в связи с их воздействующей функцией, а также сферы их бытования (на материале политического, молодежного, рекламного дискурсов и т.д.). При этом материалы очень часто носят национально-специфический, лингвокультурологический характер, что дает основание для актуального изучения специфики функционирования мемов в разноязычных интернет-дискурсах, в том числе на материале русского языка. Н.Д. Голев отмечает, что социальные сети представляют собой многовекторный феномен, определяющий состояние современной коммуникации, ментальности, социальной жизни. Тексты постов, комментариев и обсуждений в социальных сетях целесообразно рассматривать через концепцию «антропотекста», то есть текста с точки зрения антропоцентрической лингвистики, в котором пользователь «раскрывается» во всех сторонах своего бытия, как социальной и индивидуально-личностной, так и типовой (на основе групповой принадлежности в соответствии с уровнем образования, профессиональной принадлежности и т.д.) [1]. Анализ социальных сетей подводит исследователей к решению проблем профилирования пользователей на основе анализа продуктов их речевой деятельности и поведения в сети при восприятии и интерпретации разного рода языковых и мультимодальных единиц.

Интересна этимология происхождения понятия «мем», которая во многом обусловлена не научным, а скорее метафорическим контекстом. Так, биолог-популяризатор Ричард Довкинс, занимавшийся репликацией генетического материала, заметил, что культурные понятия, концепты также имеют тенденцию к репликации, стабильному воспроизведению [6]. В связи с этим, понятие «мем» часто сравнивают с понятием «ген», однако, несомненно, эти понятия не имеют научно обоснованной общей этимологии и общих сем [7, 8, 9, 10]. Тем не менее, термин с данным метафорическим значением прочно вошел в научный оборот: понятие «меме» в настоящее время имеет 2150000 вхождений в системе *Google Scholar*, в русскоязычном сегменте *Google Scholar* также встречается, но с гораздо меньшим количеством вхождений – всего 37400. Нас интересуют интернет-мемы, прежде всего, с точки зрения когнитивной лингвистики, влияния их структурных и функциональных особенностей на восприятие и понимание носителями языка, а также с точки зрения поиска экспериментальных методов «извлечения» ментальных репрезентаций интернет-мемов у носителей языка русского языка, прежде всего молодежи, исходя из результатов речевой деятельности (офлайн подход) и характера процесса их переработки в режиме онлайн. Также

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках проекта №19-412-220004 «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодежного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование»

интернет-мемы рассматриваются нами как новый пласт лексических и фразеологических единиц мультимодального характера, источник пополнения молодежного интернет-сленга (в том числе молодежи Сибири), что является частью реализации более крупного проекта «Лингвистические, когнитивные и эмоциональные факторы восприятия молодежного сленга субъектами деструктивного поведения: экспериментальное исследование».

Данцигер и Ванделанотте определяют интернет-мемы как мультимодальные конструкции, в которых информация распределена как на визуальный, так и на текстовый фрагмент информации. Спецификой интернет-мемов является использование «конструкционных слотов» - своего рода «пустых ячеек» для вставки лингвистических конструкций, например, вставка автором нового субъекта или предиката на месте его пропуска в предложении, вставка главного предложения на месте его пропуска при наличии придаточного [5]. В качестве наиболее типичного типа интернет-мемов Данцигер и Ванделанотте рассматривают так называемые «макросы», или «макро-мемы» (*image macros*), в которых на фотографию накладывается текст.

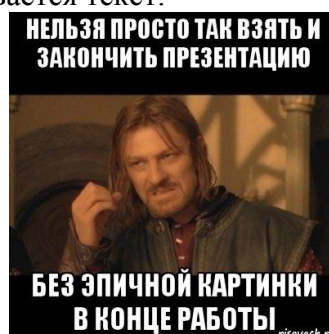

Рис. 1. Пример макро-мема - трансформация исходной фразы “One does not simply walk into Mordor” (*Нельзя просто взять и зайти в Мордор*)¹

Один из ярких примеров макро-мема – эпизод с Боромиром из первой части трилогии «Властелин Колец» - «Братство Кольца». При трансформации и переводе мема на русский язык отсылка к трилогии стала теряться, а к 2012 году мем обрел постоянную мультимодальную форму: кадр с Боромиром и двумя фразами: 1) нельзя просто так взять и... (идиоматическое выражение); 2) «слот», то есть любое другое подходящее по смыслу окончание фразы (окациональная, авторская концовка фразы). На рисунке 1 представлен один из многочисленных вариантов перевода данного макро-мема на русский язык пользователями глобальной сети.

Такого рода мемы часто носят культурно-специфический характер, а основная цель таких мультимодальных объектов – заострить внимание и передать интенцию автора с помощью яркого выразительного средства. Например: *Нельзя просто так взять и уйти от бабушки не покушав; Нельзя просто так взять и не послушать Шуфутинского 3 сентября* и т.д. Зачастую исходный мем трансформируется во фразу с обценной лексикой и активно входит в молодежный сленг как полностью в форме мультимодального объекта, так и в форме только вербального компонента. В настоящее время сленговое значение мема состоит в следующем: фраза «*Нельзя просто так взять и...*» используется как отсылка на то, что человек вместо того, чтобы нормально что-то сделать, намеренно или нет, терпит неудачу. Кроме того, мем используется в случаях, когда, по замыслу автора, действительно нельзя сделать что-то просто так, то есть это действие кажется ему невыполнимым. Обычно это говорится по отношению к некоторым стереотипам и привычкам людей (нельзя просто так взять и не выпить в пятницу). Несмотря на то, что такие фразы часто являются трюизмами, в сочетании с макро-мемом фраза становится «вирусной» среди пользователей.

Таким образом, подобные мемы обладают воздействующей, эмоционально-экспрессивной функцией, включают элементы языковой игры, являются «показателем» владения интернет-сленгом на определенном этапе его развития. Подобно сленгизмам, интернет-мемы часто

¹[http://lurkmore.to/One does not simply X into Mordor](http://lurkmore.to/One_does_not_simply_X_into_Mordor)

функционируют непродолжительное время в сети, могут быстро выходить из употребления, «раскладываться» на отдельные элементы (картинку, фразу, часть фразы), трансформироваться во фразы со значением противопоставления, следствия, причины, аналогии под влиянием разного типа дискурса [7, 8, 9, 10].

На сегодня практически отсутствуют системные научные исследования интернет-мемов с точки зрения когнитивной лингвистики и экспериментальных исследований их восприятия русскоязычными носителями (например, с применением методов регистрации времени реакции или анализа движений глаз). В рамках нашего проекта мы планируем изучить механизмы их восприятия и интерпретации в ходе серии экспериментов. Однако в рамках данной работы сосредоточимся только на описании характеристик интересующих нас интернет-мемов и кратко представим результаты пилотажного исследования «цифровых следов» молодежи разных регионов, использующих те или иные интернет-мемы.

В российской лингвистике интернет-мемы описаны в ряде научных работ А.Г. Кротовой [2, 3, 4]. Она причисляет к интернет-мемам окказиональные и эрративные слова, устойчивые словосочетания, предложения фразеологизированной структуры (то чувство, когда...), цитаты и их модификации (здоровья вам, хорошего настроения), целостные вербальные тексты разного объема и содержания; креолизованные тексты (с изображениями, аудио, видео), ситуации. Интересным наблюдением автора является то, что сам мультимодальный мем может существовать достаточно короткое время, однако затем продолжает функционировать в виде сетевого фразеологизма (чуть более чем полностью; капитан Очевидность; изи катка и т. п.). Как отмечает А.Г. Кротова, интернет-мемы могут становиться источником интернет-фразеологизмов, так же как фольклор и литература являются таковым для традиционных устойчивых выражений [4].

В рамках цели нашего исследования нас интересуют актуальные молодежные интернет-мемы в аспекте их восприятия и когнитивной переработки. Нас интересует то, как актуализируются значения мемов у носителей языка при их когнитивной переработке в ходе эксперимента (с использованием поведенческих методов и метода регистрации движений глаз). Для реализации такого эксперимента необходимо собрать валидную базу стимулов.

В первую очередь, ставится вопрос: каковы лингвистические и социолингвистические параметры распределения интернет-мемов в сети (по частотности использования единиц, по типу значений, а также по региону проживания коммуникантов). Без получения объективных данных о распределении интернет-мемов с различными параметрами в сети реализация экспериментальных когнитивных исследований практически невозможна.

Актуальные мемы в исходном виде редко публикуются в сетевых материалах, они встречаются в совершенно различных контекстах, нередко со значительной модификацией, часто отражают специфический для той или иной группы лексикон. Кроме этого, макромемы представляют собой визуальный материал, который не поддается токенизации, то есть «вычлениению» из них отдельных слов с целью построения частотного списка лексем. Все это значительно затрудняет извлечение данных из социальных сетей и форумов. В такой ситуации наиболее релевантным, на наш взгляд, является анализ частотности лексических единиц, извлеченных из текстовых постов, обсуждений и комментариев участников тематических сетевых групп, сообществ и форумов, посвященных мемам. Поэтому на данном этапе исследования ставилась задача установить распределение частот контекстных слов, связанных с обсуждением интернет-мемов, которые используют студенты вузов Сибири и Москвы, исходя из анализа частотности ключевых слов в комментариях студенческих сообществ социальной сети *ВКонтакте*.

Для анализа различий в частотной лексике студентов использовались тематические группы *ВКонтакте*, посвященные студенческим мемам (в этических целях названия и адреса групп не называются). Для анализа различий мы включили две выборки для частотного анализа – сообщества студентов сибирских вузов и студентов московских вузов. Перейдем к анализу частотной лексики, связанной с мемами, студенты вузов Сибири и Москвы (анализировались по три *ВК*-сообщества каждого региона).

Для анализа и генерации облака тегов (наиболее частотных слов по заданным параметрам) использовался ресурс <https://worditout.com/word-cloud/create>. Критерий для отбора слов по частотности: анализу подвергались слова, частотностью не менее 3 вхождений и не выше 22, в облако тегов включены 163 словоформы из 500 наиболее частотных. Всего оценивалось по 4000 слов из комментариев в каждой группе сообществ (сибирские vs московские).

Результаты анализа и визуализации представлены на рисунках 2 и 3.

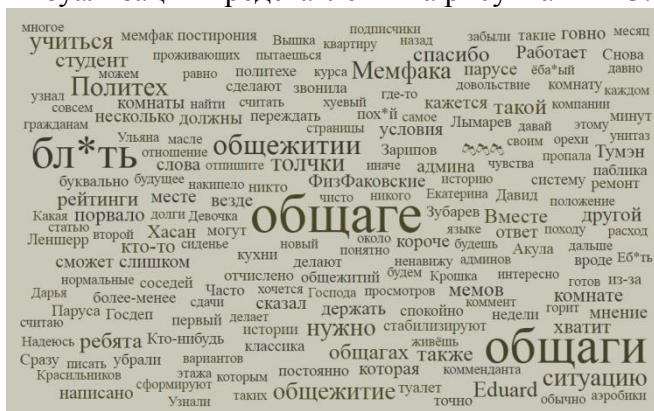

Рис. 2. Облако слов из комментариев студенческих групп Сибири (*ВКонтакте*), посвященных студенческим мемам (после фильтрации высокочастотных слов)

Сервисы и программное обеспечение, генерирующие облако слов, позволяют отсортировать по частотности, а затем визуализировать наиболее частотные слова из анализируемой коллекции текстов. Более крупный шрифт в облаке обозначает большую частотность слова относительно других слов в исследуемой коллекции текстов. Так, облако слов, извлечённых из обсуждений студенческих мемов среди сибирских пользователей *ВКонтакте*, показывает, что наиболее частыми контекстными словами, связанными с мемами, являются *общага* и *общажитие*. Не менее частотным является обценное слово *бл*ть*, а также тема, связанная с туалетами и прочими бытовыми условиями жизни студентов.

Рис. 3. Облако слов из комментариев студенческих групп Москвы (*ВКонтакте*), посвященных студенческим мемам (после фильтрации высокочастотных слов)

Облако слов, извлеченных из комментариев к мемам у студенческих групп московской молодежи (рис. 3), показывает, что пользователи также подвергают юмористической оценке бытовые условия (самое частотное слово в комментариях – *туалет*), развлечения (*водка*, *отрыв*), обозначаются вопросы, связанные с учебной деятельностью (*физра*, *академ*, *пара*, *сопромат*). Студенты московских вузов не склонны к частому употреблению обценной лексики в контексте оценки мемов, что, по-видимому, является следствием более строгого контроля над социальными сообществами студентов столичных вузов, результатом негативной практики студенческих постов/репостов с потенциальными «вербальными правонарушениями».

В целом, как интроспективное наблюдение, так и частотный анализ лексики показал, что макро-мемы представляют собой *мультимодальные объекты* (картинка + текст), которые характеризуются, как правило, юмористической, иронической, саркастической окраской. Благодаря высокой экспрессивности и наглядности макро-мемы приобретают популярность среди студенческой молодежи как элемент *языковой игры*. С точки зрения извлечения частотной лексики сами макро-мемы трудно поддаются токенизации (выделению ключевых слов) и дальнейшему автоматическому лингвистическому анализу, поскольку текст «вписан» в картинку и не оценивается программой для парсинга как текстовый фрагмент. Макро-мемы также сложно поддаются лексическому анализу, поскольку к таким объектам пользователи редко применяют теги, называющие тот или иной популярный мем. В данной работе был представлен опыт частотного анализа лексики из текстов комментариев в разных студенческих группах *ВКонтакте*, посвященных популярным мемам.

Необходимо отметить, что построение частотных списков слов и генерация релевантного для той или иной коллекции текстов облака слов является актуальной задачей прикладной лингвистики. Более точная выборка необходимых текстов и интернет-сообществ, определение точного порога для фильтрации высокочастотных слов является перспективой подобных исследований. Такие разработки позволят выдвигать гипотезы о семантических и ассоциативных связях слов в контекстах с мемами, прогнозировать развитие тех или иных сленгизмов в студенческой интернет-среде.

Литература

1. Голев Н.Д., Чернышева Т.В. Публицистический антропотекст как отражение социальной позиции адресата // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 205-210.
2. Кротова А.Г. Сетевые фразеологизмы и интернет-мемы: проблема соотношения / А. Г. Кротова // Филологические чтения: междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 15-16 дек. 2016 г. - Оренбург: Университет, 2017. - С.13-18.
3. Кротова А.Г. Стилистический потенциал интернет-мемов в медиатекстах = The stylistic potential of the internet memes in media texts / А. Г. Кротова // Век информации. Медиа в современном мире. Петербургские чтения: материалы 56 междунар. форума, Санкт-Петербург, 13–14 апр. 2017 г.: в 2 т. - Санкт-Петербург: Высш. шк., 2017. — Т. 2, № 2. С. 42-43.
4. Кротова А.Г. Сетевые фразеологизмы и интернет-мемы в медиатекстах: особенности функционирования = Internet idioms and internet memes in media texts: features of functioning / А. Г. Кротова // Медиалингвистика. – 2017. - Вып. 6. - С. 265-267. -(Язык в координатах массмедиа: матер. 2 междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 2–6 июля 2017 г.).
5. Dancygier, B. & Vandelanotte, L. Internet memes as multimodal constructions // Cognitive Linguistics, 28(3), 2017. pp. 565-598. doi:10.1515/cog-2017-0074
6. Dawkins, R. The selfish gene. Oxford: Oxford University Press, 1976
7. Shifman, L. An anatomy of a YouTube meme // New Media & Society, 14(2), 2012. pp.187–203.
8. Shifman, L. Memes in a digital world: Reconciling with a conceptual troublemaker // Journal of Computer-Mediated Communication, 18, 2013, pp.362–377.
9. Shifman, L. Memes in digital culture. Cambridge, MA: The MIT Press, 2014
10. Wiggins, B. E. & Bowers, G.B. Memes as genre: A structurational analysis of the memescape // New Media & Society, 17(11), 2015, pp. 1886–1906.

УДК: 37

Гаврутенко Т.В., Попова О.В.

АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Сибирская ментальность: правда и мифы о наставничестве в социально-профессиональном пространстве Сибири

В данной статье нами рассматривается наставничество как особый вид педагогической деятельности, которая, на наш взгляд, связана не только с педагогическими традициями, но и с особенностями социальной среды, в которой эта деятельность осуществляется.

Ключевые слова: наставничество, социальная среда, Сибирь

Особенности социальной среды зависят и от жизненных установок, устойчивых форм поведения, проявления эмоций, влияния на деятельность настроения отдельных людей и социальных групп, исторически сложившихся отношений к взаимодействиям и деятельности. Такое объединение совокупности понятий принято объединять общим термином «менталитет» [1].

Понятие «менталитет» или «ментальность» распространено сегодня не только в научной среде, но и часто встречается на быденном, житейском уровне.

Менталитет в структуре наставничества, в особенности в таком уникальном регионе как Сибирь, население которой имеют свои характерные особенности, названные сибирской ментальностью, имеет системообразующий характер для других слов, понятий, ассоциирующихся с проблемой своеобразия социальной и социально-профессиональной культуры [2].

В данном исследовании мы начали с определения сущностных характеристик наставничества применительно для большинства контекстов его практической реализации, влияние на наставничество сибирской ментальности как наставников, так и их подопечных и сделали попытку рассмотреть влияние сибирской ментальности на раскрытие структуры наставнической деятельности.

Наставничество в контексте нашего исследования – это отношения, в которых более опытный или сведущий человек, являющийся носителем социально-профессиональных компетенций и духовной общности с социумом помогает менее опытному или менее сведущему усвоить определенные компетенции и духовно-нравственный опыт профессиональной и социальной среды [3].

Опыт и знания, относительно которых строятся отношения наставничества, могут касаться как особой профессиональной тематики, так и широкого круга вопросов личного развития. Сферы применения наставничества: адаптация молодых специалистов, услуги личного развития. При этом наставником называют лицо, которое передает знания и опыт [4].

Красноярский историк Г.Ф. Быконя отмечает, что сибирякам «более всего были присущи мужество, стойкость, развитое чувство товарищества и собственного достоинства, непокорность, несдержанность в гневе, легкое отношение к имуществу, свободное отношение к женщине», которое являлось конкретным результатом материальной, социальной и психологической общности жителей Сибири [5].

Сибирство – это феномен, который определяет специфику отношения к окружающей среде, социально-трудовую практику населения, проявление социальной памяти, формирование жизненных стратегий и их перспектив. Это своеобразная культурно-психологическая энергетика населения, ее нормальное функционирование эффективнее всех других ресурсов для развития региона, считает экономист В. Иванченко, с чем мы согласны полностью [1].

Понимание себя сибиряками как регионально-территориального сообщества, осознание своих ценностей, сложившихся традиционных форм культуры и представлений о мироздании есть форма защиты себя от тех, кто не принимает в расчет их интересы.

Это основа формирования государственной политики в отношении к территории и судьбе ее населения, которое состоялось в течение многих столетий в суровых условиях климата, огромных пространствах и взаимодействия различных культур.

В сибирской ментальности как нигде выражена связь с местом жизни, его особенностями, с природой в ее величии и разнообразии. По наблюдениям исследователей в ментальности населения Сибири особенно ярко выражается связь человека со сферой деятельности, особое понимание трудолюбия и понимание их как основу жизни человека [5].

Конструирование и функционирование ментальных структур сибирства важный фактор объединения населения территории, превращения его в субъект социально-экономических, духовных отношений для решения многих проблем, в том числе и проблемы наставничества в самом широком смысле слова [6].

Однако все более настораживают процессы разрушения сибирской ментальности, потеря ее черт, которые в настоящее время проявляется во многих сибирских регионах и многих сферах деятельности. Теряется представление «кто мы», понимание достоинства, гордости, предпочтительность жизни на этой территории и сходят на нет духовные и общинные традиции, которые скрепляли сибиряков независимо от социальных различий, в том числе и этнических. Ярким проявлением эрозии ментальной структуры сознания является миграция населения, которая характеризует состояние неопределенности жителей, потерю жизненных стимулов и снижение адаптационной активности [1].

В этих условиях чрезвычайно важно изучение духовного состояния регионального сообщества (сибиряков), чтобы способствовать поискам новых социальных и культурных ориентаций, путей построения гражданского общества на основе традиций сибирского мировоззрения и образа жизни [6].

Нет сомнения в том, что развитие Сибири: ее экономики, культуры, демографии во многом зависит от возрождения и функционирования элементов сибирской ментальности, как фактора адаптации населения, его социального характера, активности и ценностного самоопределения (осознанного и неосознанного). Желание понять жизненные ориентации, традиции населения Сибири, его ментальности, есть, по существу, поиск путей развития территории, ее жизненных перспектив.

Поэтому в проблемы наставничества должны быть включены механизмы, учитывающие особенности социально-профессиональной деятельности в условиях Сибири, возрождение и сохранение сибирской ментальности как основы духовно-нравственных традиций.

Запросом социума является то, что в Сибирском Федеральном округе будут возрождать богатые традиции наставничества и наполнять это движение новым содержанием с учетом менталитета жителей Сибири.

В АГГПУ им. В.М. Шукшина также проблемы наставничества стали одним из приоритетных направлений деятельности.

Во исполнение поручений, данных в послании Президента Российской Федерации Путина В.В. от 11.04.2018 приказом Министерства образования и науки Алтайского края от 15.03.2019 № 409, утвержден план мероприятий, направленный на разработку и реализацию регионального проекта «Центр педагогического наставничества: территория развития кадрового потенциала Алтая» на 2019-2020 годы. Региональной площадкой проекта в соответствии с приказом Министерства определен наш университет.

Изучая материалы по научным исследованиям в области наставничества, а также необходимость учета сибирской ментальности мы пришли к выводу, что наставничество направлено на развитие всей личности, в нем могут быть применены самые разнообразные техники, чтобы дать надлежащий результат.

Уже на этом этапе исследования, которое касалось в том числе и применяемых в педагогическом и бизнес сообществе техник наставничества, мы выявили и взяли за основу пять наиболее общих:

Сопровождение: наставник выполняет обучающие и социально-профессиональные задачи вместе с тем, кто его наставляет.

Посев: техника, которая применяется для подготовки наставляемого к изменениям. Сказанное наставником может быть непонятным с первого взгляда, однако раскрывает свое значение и ценность, когда ситуация потребует определенного знания или умения, компетенций и основ адаптации.

Катализация: в моменты, когда изменения достигают критического уровня, обучение наставником наставляемого и их взаимодействие может углубиться. Наставник может погрузить наставляемого просто в водоворот изменений, провоцируя новый способ мышления, изменения в идентичности или перестройку жизненных ценностей.

Демонстрация: способ объяснения непонятого собственным примером, показом своих умений. Наставник показывает то, о чем говорит, собственным поведением.

Сбор урожая: применяется для замечания, осознания достижений, подведения итогов. В этом случае наставник задает вопрос: «Чему ты научился?», «Насколько это полезно?» [7].

Понятно, что это базовые техники, в которых формируется не только профессиональная, но и духовно-нравственная основа будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, начатые нами исследования сибирской ментальности в части правды и мифов о наставничестве в социально-профессиональном пространстве Сибири позволили нам сделать следующие выводы:

Исследование наставничества с точки зрения духовно-антропологического аспекта такого региона, как Сибирь, есть основа системного представления о ней, раскрытие основных факторов устойчивости региональной жизни, развития экономики в первую очередь. И, в конечном счете, знание и актуализация особой сибирской ментальности населения есть одна из основ в наставничестве формировать не только профессиональные, но духовно-нравственные основы жизни наставляемого.

Обращение к структуре ментальности населения Сибири есть выявление социально-культурной энергетики жителей территории, актуализация их жизненных сил, их нравственное возрождение и в этом большую помощь должна оказать система профессионального наставничества. Без этого всегда трудно идет адаптация к новым формам социально-экономических отношений и практикам общества, которые разрушают сложившиеся устои жизни, охранявшие их элементы ментальности.

Актуализация проблем наставничества с учетом сибирской ментальности важна в современных условиях глобализации и распространения образа ресурсного региона, которое может привести к деструкции общественного сознания и идентичности. Без специально организованной системы педагогического наставничества это грозит стиранием социально-исторической памяти, ценностных и нравственных ориентаций жизни в Сибири, что приведет к массовой миграции населения, в том числе и коренных сибиряков.

Новые вызовы требуют консолидации населения территории, поисков защиты своих ценностей, традиций, норм поведения и социально-исторической памяти в том числе и через систему наставничества.

Без обращения к сибирской ментальности, без изучения ее содержания невозможен поиск путей эффективного наставничества, обеспечивающего адаптацию к условиям, диктуемым социально-профессиональным пространством, возрождение духовно-нравственных традиций социума и профессиональной среды, формирование территориальной социальной политики, которая чрезвычайно необходима в современных условиях.

Литература

1. Кузнецов Д.А. Обзорная статья по введению в сибирский менталитет [Текст] / Д.А. Кузнецов // Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур», 2013. – С. 13-19.
2. Дудина Е. А. Наставничество как особый вид педагогической деятельности: сущностные характеристики и структура [Текст] / Е.А. Дудина // [Вестник Новосибирского государственного педагогического университета](#), 2017. – С. 39-45.
3. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад; рук. группы Л. С. Глебова; науч. ред. О. Д. Грекулова. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. – 528 с.

4. Батышев С. Я. Основы педагогической деятельности наставника [Текст] / С.Я. Батышев. – М.: Знание, 1977. – 63 с.
5. Быконя Г.Ф. Сибиряки исторически стали носителями лучших качеств русского народа / Г.Ф. Быконя // Вечерний Красноярск, 2019. – № 38. – С. 2-9.
6. Лебедева Л. В. Наставничество как индивидуальная форма нравственного воспитания: дис. ... канд. филос. наук [Текст] / Л.В. Лебедева / – Тюмень, 1985. – 186 с.
7. Stöger, H.; A. Ziegler, D. Schimk (Hrsg.): Mentoring: Theoretische Hintergründe, empirische Befunde und praktische Anwendungen. Pabst, Lengerich/Berlin/Wien 2009, 340 Seiten

УДК: 81

Грицаль А.С.

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Актуальные смыслы концепта «тополь» в повести В.П. Крапивина «Тополиная рубашка»

Наша работа посвящена изучению лексико-семантических средств выражения концепта «тополь» в повести В.П. Крапивина «Тополиная рубашка». Творческая и педагогическая деятельность В.П. Крапивина оказала огромное влияние на нравственное воспитание молодежи последней трети 20 века, поэтому описание концептов, отраженных в его произведениях, имеет большое значение для изучения национальной концептосферы в целом.

Сюжетообразующая роль концепта «тополь» в повести «Тополиная рубашка» весьма необычна для сибирской концептосферы, для которой характерны скорее такие понятия, как зима, холод, суровый климат и т.д.

Под концептом мы понимаем глобальную единицу мыслительной деятельности, принадлежащую сознанию человека и связанную со значением слова как общее с частным [Стернин, Попова, 2007].

В основе концепта практически всегда лежит слово, поэтому он доступен для изучения семасиологическими методами.

Целью данной работы является описание лексико-семантических средств, с помощью которых проявляется ряд актуальных смыслов концепта.

Основными методами исследования стали лингвистическое описание с приемами наблюдения и сравнения, а также компонентный и контекстный анализ [Кодухов, 1963].

Методом сплошной выборки мы выделили все фрагменты текста, в которых упоминается тополь прямо или косвенно, и классифицировали полученный материал по следующим критериям: прямые/непрямые номинации, ядро, околядерная структура и периферия концепта.

Ядром концепта является лексема тополь, околядерную структуру образуют единицы, включающие производные от этой лексемы: тополиная роща, тополиный запах, тополиный пух, цветение тополей, тополиные сережки, тополиные семена, тополиная рубашка, тополиный листик, тополиный оброк, Тополёк, Тополёнок, Тополёчек,, Тополёночек, тополиная кровь, тополиная обновка, тополиная одежда, тополиный костюм, тополиная пушинка, тополиная крона, тополиная чаща, тополиная ткань, топольки, тополята, тополиный сок.

Периферию концепта составляют единицы, имеющие общие эксплицитные либо имплицитные семы со словом тополь: полеты, кожа, кровь, память, сказка детства, высота, реквием, черемуха, теплая медленная вьюга, кровь, береговой ориентир и т.д.

Существенное значение для нашего исследования имеет периферия концепта – те лексемы, которые на первый взгляд совершенно не связаны с концептом, однако каким-то образом оказываются одним целым с тополем в контексте. Компонентный анализ позволил сопоставить значение периферийных лексических единиц со значением ядра, например:

Тополь – дерево;

Дерево – многолетнее растение;

Растение – организм, получающий питание из воздуха;

Полеты - передвижение по воздуху.

Актуальная сема в данном случае – воздух; она проявляется имплицитно, поэтому выявить эту связь возможно только при помощи разложения лексемы на компоненты. В связи с этим можно сформулировать следующий актуальный смысл: «тополь как символ полетов».

Контекстный анализ позволяет сформулировать смыслы, которые проявляются эксплицитно в прямых номинациях – например, сравнения: «полететь по ветру плавно, как тополиная пушинка», метафоры: «тополь <...> казался мне <...> надежным береговым ориентиром». Последний пример – иллюстрация к актуальному смыслу «тополь как береговой ориентир».

Результатом исследования является ряд актуальных смыслов концепта, реализованных в контексте повести:

Тополь как символ полетов: «Тополь наш тоже был “до неба”. И он связан был с небом, с высотой, с полетами»:

Тополь – дерево;

Дерево – многолетнее растение;

Растение – организм, получающий питание из воздуха;

Полеты - передвижение по воздуху;

Небо - видимое над землей воздушное пространство.

Тополь как символ чистоты и невинности духа: проявляется во втором значении слова «небо»:

Небо - по религиозным представлениям: место, пространство, где обитают Бог, ангелы, святые и где находится рай;

Рай - по религиозным представлениям: место вечного блаженства, куда попадают души праведников;

Праведник - святой;

Святой - высоконравственный, непорочный.

Тополь как береговой ориентир (маяк, рядом с которым оживают воспоминания о детстве, человек чувствует себя как дома и ему становится хорошо и спокойно): в контексте тополь метафорически назван береговым ориентиром: «Когда уже не было старых наших домов и улица стала совсем другой, а тополь все еще стоял, он казался мне издалека – из других городов, из взрослой моей жизни – надежным береговым ориентиром. Он словно возвышался на берегу моря, у самой воды, и можно было подплыть и привязать к стволу свою лодку».

Тополь как живое существо, приравниваемое к человеку, способное помнить события, запоминать конкретных людей и их поступки и воспроизводить эти воспоминания: «Мне кажется, тополь помнил всех»:

Тополь - дерево;

Дерево - растение;

Растение - организм;

Организм - живое целое с его согласованно действующими органами;

Человек - живое существо, обладающее речью, мышлением;

Мышление - отражение в сознании человека существенных свойств и т.д.;

Сознание - человеческая способность воспроизведения действительности в мышлении;

Память - способность запоминать, сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления.

Тополь как связь времен года; универсальный элемент природы; концепт Сибири, в котором находит выражение главная черта этой местности - зима, метель, вьюга, холод.

Тополь как проводник между миром реальным и миром сказочным, волшебным, представляющим собой иное измерение, которое, однако, является близким соседом нашего,

реального измерения: «С этого же воспоминания начну повесть о тополиной рубашке – одну из незабывшихся сказок своего детства»:

Тополиная рубашка - сказка детства;

Сказка - повествовательное произведение о вымышленных событиях с участием волшебных сил;

Волшебный - обладающий чудодейственными свойствами.

Тополь как связь времен, связь поколений: «Тополь осенял наше детство. Может быть, это звучит слишком романтично и старомодно, только иначе не скажешь. Именно осенял. Да и не только наше. Сколько мальчишек и девчонок выросло под ним – и в прошлом веке, и в нашем, двадцатом. Вырастали, нянчили и учили жить своих детей. Уходили воевать, и случилось, что возвращались. Мне кажется, тополь помнил всех»:

Тополь - многолетнее растение;

Многолетие - долгая жизнь, долголетие;

Лета - годы, возраст;

Детство - детский возраст, детские годы.

Тополь как мировое древо: «Из этих сучьев и ветвей мы строили большущий шалаш. Внутри шалаша было как в тополиной роще. Солнце среди листьев зажигалось белыми звездами с такими сверкающими и острыми лучами, что, казалось, они покалывали кожу. А тополиный запах заполнял весь мир» - тополь здесь выступает как дом, жилище, прибежище. Солнце зажигается белыми звездами - в этом жилище свой небосклон со своими небесными телами, и весь этот мир заполнен тополиным запахом.

«И вся наша жизнь делалась радостной, беззаботной, бесстрашной, потому что мы сливались с этой свежестью, с этим запахом листьев и солнечными звездами. Словно кровь наша перемешивалась с тополиным соком» - дети становятся частью этого тополиного мира, у них кровная связь с тополем.

Таким образом, состав актуальных смыслов, в которых слово-образ «тополь» и его референты реализуются в повести Вл. Крапивина «Тополиная рубашка», дает основания говорить о концептуальной природе этого слова-образа. Так, тополь, связывая времена и пространства и репрезентируя важнейшие мировоззренческие категории (жизнь, природа, дом и др.), фактически становится сердцем выстроенного писателем мира.

Литература

1. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989 216 с.
2. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика: Учебное издание – Москва: АСТ: «Восток-Запад», 2007 226 с.
3. Кодухов В.И. Методы лингвистического анализа. - Л. Издательство ЛГПИ им.А.И.Герцена. - 1963 - 128с.
4. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года.

УДК: 37

Довыдова М.В., Попова О.В.

АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Сибирский менталитет как социально-профессиональный и образовательный феномен подготовки педагогов профессионального обучения

Понятие «менталитет» или «ментальность» распространено сегодня не только в научной среде, но и часто встречается на обыденном, житейском уровне. При всем различии его толкования совершенно ясно, что в менталитете объединяется совокупность понятий,

включающая в себя жизненные установки, устойчивые формы поведения, эмоции, настроения, имеющие системообразующий характер для той или иной культуры, другими словами, понятия, ассоциирующиеся с проблемой своеобразия культуры не только на национальном, но и бытовом, религиозном, социальном и даже профессиональном уровнях [3, с 2].

Очень часто в публикациях конца XX и начала XXI века идет противопоставление Сибири и России, пропагандируется необходимость и возможность особого пути развития этого обширного края [1].

В некотором смысле мы не можем с этим не согласиться, учитывая особенности самобытности сибиряков, своеобразных черт их физического и духовного облика, некоторых особенностей образа жизни.

В контексте нашего исследования, мы решили рассмотреть сибирский менталитет, уникальность которого мы признаем, как некий социально-профессиональный и образовательный феномен.

Такое необычайное явление как проявление сибирской ментальности в профессиональной деятельности необходимо учитывать, а так же особенности сибирского менталитета при подготовке специалистов любого профиля, которые будут работать в профессиональном пространстве Сибири [6].

И, конечно же, важно, на наш взгляд, включать в подготовку педагогов профессионального обучения индивидуальные особенности и характеристики обучающихся, которые родились и выросли в Сибири и приняли от прадедов, дедов и родителей черты сибирского характера и сибирской ментальности.

В контексте нашего исследования мы приняли, что феномен в общем смысле означает явление, данное в чувственном созерцании, поэтому особенно важно в подготовке педагогов профессионального обучения учитывать феноменальность сибирского менталитета.

Мы воспринимаем сибирский менталитет как социально-профессиональный феномен исходя из того, что сибирская ментальность с ее особыми формами духовности, с четко выстроенными морально-нравственными позициями, отношением к труду как основе жизни – это яркое, необычное, редкое, особое явление, имеющее большое значение в обучении, воспитании, формировании профессионализма.

Социально-профессиональное пространство диктует особенные требования к педагогу профессионального обучения, которые связаны не только с требованиями к компетентности, но и к человеческим качествам личности [2, с.126].

Социально-экономические потрясения последних лет породили в сибирском менталитете необходимость обращения к ценностям самоопределения, самообеспечения, самоуправления. При этом исходя из того, что сибирский менталитет это социально-профессиональный феномен смысловая основа ценностей личности педагога профессионального обучения должна быть ориентирована не на привычные способы социальной адаптации, а приводила бы личность к профессиональному самоутверждению, осознанию своей самооценности, стремлению стать лидером в своей профессиональной деятельности [4].

Проявление сибирской ментальности как образовательного феномена есть, как минимум, тройственный акт в подготовке педагога профессионального обучения:

В процессе обучения проявляются и должны учитываться свойства личности обучаемого, связанные с особенностями привязанности к Сибири, как месту проживания и пространству дальнейшей профессиональной деятельности;

В процессе воспитания и развития профессионал формируется с учетом исторически сложившихся проявлений сибирского менталитета в семье и социуме, а также находится в движении, в развитии и влияет на форму, структуру проявления в учебной деятельности обучаемого;

В процессе становления профессионализма и накопления профессиональных компетенций, при правильном учете становится дополнительным позитивным условием привития других новых черт уже профессионального менталитета [5].

Профессиональную ментальность принято определять как особую реальность, «которая проявляется в индивидуальных характеристиках профессионального образа мира учителей, структуре их терминальных ценностей, мотивационной готовности к включению в инновационные процессы, типологических особенностях профессионально-педагогических установок» [4, с.49].

Для учета влияния сибирского менталитета на становление профессионального менталитета педагогов профессионального обучения мы включили в организацию педагогической деятельности:

- выявление педагогических оснований для становления профессиональной ментальности;
- целенаправленную организацию процесса обретения будущим педагогом профессионального обучения социально-профессионального контекста профессиональной ментальности педагогического сообщества;
- формирование новых качественных ментальных личностно-профессиональных характеристик (когнитивных, аффективных, поведенческих), в совокупности выступающих собственным внутренним ориентиром будущего педагога в освоении и осуществлении педагогической деятельности [5].

В поисках образовательных механизмов и технологий как краткосрочного, так и пролонгированного воздействия на менталитет наших студентов родившихся и выросших в условиях Сибири, учитывали социально-профессиональный и образовательный феномен сибирского менталитета в подготовке педагогов профессионального обучения в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. В.М.Шукшина (далее АГГПУ им. В.М. Шукшина):

- разработали с учетом особенностей сибирского менталитета педагогические условия становления профессиональной ментальности педагога профессионального обучения в образовательном процессе:
- провели обогащение профессиональным контекстом содержания гуманитарной и профессиональной подготовки будущего педагога;
- включили в рабочие программы дисциплин последовательно-поэтапное ориентирование будущего педагога на профессиональные ценности, формируемые с учетом специфики сибирского характера и сибирской ментальности обучаемых;
- оказываем помощь в проектировании будущим педагогом индивидуальной траектории профессионального развития, как профессионала подготовленного для работы в условиях Сибири.

Не смотря на то, что нами выдвинута и реализована идея о влиянии сибирского менталитета как социально-профессионального и образовательного феномена подготовки педагогов профессионального обучения, нам представляется, что планомерные исследования в данном направлении должны быть продолжены.

Мы считаем, что дальнейшие направления научной и практической разработки требуют следующие направления:

- исследование в АГГПУ им. В.М. Шукшина становления профессиональной ментальности педагога с учетом сибирского менталитета как специально организованного педагогического процесса, активизирующего образовательную деятельность студента – бакалавра педагогического направления;
- изучение особенностей сознательного осваивания деятельности профессионального педагога с учетом сибирского менталитета от начального этапа своего профессионального образования, поэтапного становления носителем профессиональной ментальности до успешной интеграции в профессиональное педагогическое сообщество;
- выявление компонентов профессиональной ментальности, на которые влияет сибирский характер и сибирский менталитет обучаемых (когнитивных, аффективных, поведенческих и др.), которые необходимо учитывать в подготовке педагогов профессионального обучения.

Литература

1. Анисимова, А.А. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации [Текст]: монография/ А.А.Анисимова, О.Г.Ечевская.- Новосибирск: НГУ.2012.
2. Дорохова, Т.С. Профессиональная ментальность российского педагога[Текст]: Т.С. Дорохова / Педагогическое образование в России. 2016. №3. С.126-131.
3. Дубов, И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ [Текст]: И.Г. Дубов / Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 2-9.
4. Попова, Е.А. Понятие профессионального менталитета в научной литературе [Текст]: Е.А. Попова / Казанский педагогический журнал. 2010. №2, С. 47-53.
5. Скорнякова, Ю. Л. Становление профессиональной ментальности студентов педагогов разных специальностей [Текст]: Ю. Л. Скорнякова / [Известия Волгоградского государственного педагогического университета](#). 2011. № 11, С.111-115.
6. Тонкошкурова И. В. Становление профессиональной ментальности инженера в образовательном процессе вуза. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.08. Красноярск – 2013

УДК 81-11

Евсеева И. В.

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск, Россия

**Деривационный потенциал гнезд с вершинами-соматизмами
(на материале народных названий болезней)**

Современные лингвистические исследования направлены, среди прочего, на изучение различных вопросов смысловой стороны языка. Описание смысла языковых единиц связано с проблемами аналитического исследования многообразных фактов концептуализации знания. Развивая когнитивное направление, лингвисты используют сегодня множество методических приемов интерпретации языковых единиц и явлений, которые рассматриваются учеными с точки зрения разных подходов. Предлагаемое исследование развивает лингвокогнитивный подход, направленный на анализ деривационного потенциала лексико-словообразовательных гнезд (далее – ЛСГ) с вершинами-соматизмами.

Соматическая лексика, принадлежащая к самому древнему пласту словарного фонда, отражает знание носителей языка о теле, частях тела, внутренних органах и других телесных (соматических) объектах, о признаках этих объектов и значениях признаков, а также о роли телесности в познании и описании окружающего мира. В процессе языкового функционирования имена телесных объектов, их признаков и значений признаков приобретают новые ассоциации и коннотации. Поиск закономерностей и определение механизмов номинации соматических объектов, а через них и других объектов окружающего мира, в основе именования которых находится некоторый соматический объект или его признак считаем одной из ведущих задач современных когнитивных исследований языка.

Выделению и описанию русской соматической лексики и построению на её базе разных классификаций посвящены труды Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995], Г. Е. Крейдлина и его учеников [Крейдлин, Переверзева, 2010; Аркадьев, Крейдлин, 2011 и др.], И. А. Мельчука [Мельчук, 1996], Е. В. Падучевой [Падучева 1996] и др. исследователей. Общим для всех этих работ является выраженное отношение к телу как к практически эффективному и надёжному инструменту когнитивной деятельности человека.

Одной из актуальных проблем современной дериватологии является когнитивный анализ словообразовательных гнезд. К таким исследованиям относим работы Л. С. Абросимовой [Абросимова 2015], О. Ю. Крючковой [Крючкова 2013], Л. Н. Араевой и ее учеников [Араева, Образцова, 2015] и др. Настоящая работа лежит в русле таких исследований. В ней предлагается решение одной из проблем когнитивной лингвистики – описание дериватов одной смысловой группы – ‘заболевание’ и выявление знаний, на которые опирался человек

при создании этих дериватов. Основное внимание уделяется словам, производным от имён соматических объектов и образующим большой языковой пласт. Материал для анализа составила в основном малоизученная русская диалектная и просторечная лексика, раскрывающая особенности мыслительных процессов людей одной культуры, но проживающих на разных территориях, характеризующихся разной этнической принадлежностью и областями деятельности. Языковые примеры в работе сопровождаются пометами, указывающими сферу функционирования слова: СРНГ (с сокращенным указанием на ареал) – диалектный дериват заимствован из Словаря русских народных говоров, простореч. – просторечие, жарг. – жаргонное слово. Дериваты, имеющие место в словарях современного русского литературного языка, даются без пометы. Исследование языковых единиц проводится на уровне лингвистического макроконструкта – совокупности всех дериватов одного лексико-словообразовательного гнезда (далее – ЛСГ), существующих в современном русском национальном языке [Евсеева 2012]. Привлечение диалектных, просторечных и жаргонных единиц русского языка для анализа семантики заболевания оправдано тем, что эти единицы наиболее полно отражают национальную картину мира данного языка, связанную с конкретным семантическим фрагментом, в нашем случае – фрагментом ‘заболевание’. В русском литературном языке слова и словосочетания с этой семантикой, как правило, заимствованные, между тем как в быту люди пользуются часто народными и жаргонными словами. Например, имена врачебных профессий: лёгочник, ко́жник, глазн́ик, ушн́ик, имена болезней молóчница, потн́ца, имена больных лёгочник, сердéчник, шéйница и многие другие. Подобные слова имеют прозрачную внутреннюю форму, а потому понятны и удобны для обыденной коммуникации в непрофессиональной среде.

Ранее в работе [Евсеева, Крейдлин, 2017] мы уже обращались к обозначенному языковому материалу. Предметом этой работы было описание фреймового устройства наиболее продуктивного ЛСГ с вершиной-соматизмом «кровь». Дериваты этого гнезда, формируя слот ‘заболевание’, демонстрируют фреймовое устройство фрагмента соответствующего ЛСГ. Этот фрагмент характеризует ситуации, связанные с процессом заболевания.

В представляемом исследовании мы привлекаем языковой материал и других соматических ЛСГ с целью установления типизированных способов семантической деривации и номинации этих слов, выявления ядерных и периферийных смыслов дериватов обозначенной группы. На наш взгляд, именно производные слова способствуют описанию тех знаний, на которые опирается человек при создании дериватов; при этом эти знания образуют информацию, наиболее важную для человека – представителя конкретной культурной среды и социума. В представляемом исследовании ЛСГ, комплексная единица словообразования, рассматривается как фрагмент концепта (и, как следствие, фрагмент языковой картины мира), в котором специфично организованы производные единицы (основной лексический фонд языка) вокруг базового (непроизводного) слова.

Семантическую группу ‘заболевание’ по собранным нами данным в русском языке формирует 72 базовых слова – соматизмы, от которых образуются производные единицы с интересующей нас семантикой. Базовые имена-соматизмы, вершины ЛСГ, называют телесные объекты следующих групп (здесь мы пользуемся классификацией соматизмов, представленной в работе [Крейдлин, Переверзева, 2010]): части тела и части таких частей (см. слова голова, лоб, глаз, око, ухо, рот, нос, шея, горло, тело, плечо, рука, нога, палец, перст, живот, брюхо, грудь, спина), телесные жидкости (ср. кровь, молоко, пот, слюна, слеза, моча, желчь), внутренние органы (ср. сердце, легкое, почка, печень, язык), инородные образования (ср. горб, мозоль, прыщ, нарыв, грыжа, бородавка), кости, объединения и сочленения костей (ср. кость, сустав, колено, зуб), особые места на человеческом теле или внутри него (пупок, пах), вещества (мозг, жир), жилы (жилы, нервы), вены (сосуды, вены), телесные покровы (кожа, волосы), звуки (икота), специфические действия (лечить, болеть, (ис)целять, глядеть, зудеть, думать, тошнить, харкать, рыгать, блевать, кашлять), наивные (языковые) органы (ум, память, душа). О наивных языковых органах см., например, в работе

Е.В. Урысон [Урысон, 1994]. Помимо типов соматических объектов выделяются также группы имен телесных процессов и состояний (икота, зуд <кожи>), названия действий тела и разных телесных объектов (кашлять, харкать, блевать, рыгать). Всего от перечисленных базовых слов нами было зафиксировано 260 производных лексем, формирующих группу с семантикой заболевания. Обратимся к анализу этих единиц.

Семантическая группа ‘заболевание’ формируется в русских ЛСГ следующими тринадцатью темами: (1) врачи / знахари / повитухи, (2) доноры, (3) больные, (4) процесс лечения, (5) лечебные заведения, (6) лечебные средства и средства защиты от заболевания / недомогания, (7) сборники текстов, направленных на лечение, (8) название кого-, чего-л., являющегося причиной заболевания / недомогания, (9) заболевание / недомогание и признаки, указывающие на заболевание / недомогание, (10) лицо с телесными повреждениями или другими физическими отклонениями, (11) типовые процессы, связанные с заболеванием, (12) типовые признаки, характеризующие заболевание, (13) типовые действия, связанные с заболеванием.

Характеристику дериватов исследуемых ЛСГ покажем с учетом классификационных групп вершинных элементов гнезд с целью выявления ядерных и периферийных тем и установления типологических деривационных моделей, свойственных этим группам. Объем публикации не позволяет представить все ЛСГ с вершинами-соматизмами, поэтому остановимся лишь на двух наиболее продуктивных группах, объединяющих ЛСГ с вершинами – названиями частей тела и их частей, а также названиями телесных жидкостей.

Гнезда с вершинами-соматизмами, обозначающими части тела и чести частей тела

Семантическую группу ‘заболевание’ формируют дериваты, называемые:

– лечебные средства и средства защиты от заболевания/ недомогания (грудничка ‘лечебная трава от простуды’ (СРНГ, Орл.), палец ‘лекарственная трава с цветами в виде пальцев’ (СРНГ, Моск.);

– что-(кто-л.), являющееся причиной заболевания / недомогания (болиголов ‘ядовитое растение, при вдыхании запаха которого у человека начинает болеть голова’, глазище (СРНГ, Ряз.) сглаз ‘негативное воздействие на физическое состояние человека посредством вредоносного влияния взгляда некоторых людей, «дурного глаза»’, пучеглазие ‘выпячивание глазного яблока, являющееся признаком некоторых заболеваний’);

– заболевание / недомогание и признаки, указывающие на заболевание / недомогание (головокружение¹, головница ‘болезненное состояние головы, при котором человеку кажется, что его клонит в сторону и он может упасть или что все предметы вокруг него шатаются или кружатся’, головкружение² ‘тяжелая болезнь или поражение нервной системы либо прилегающей к ней вестибулярной системы’, головняк ‘ощущение боли в области головы’ (жарг.), косоглазие ‘расстройство, при котором движения глаз несогласованны, зрительные оси не могут быть сведены на одном объекте, отчего глаза смотрят в разных направлениях: один – прямо, а другой – в сторону, междупёрстница ‘болезнь, проявляющаяся покраснением, нагноением, болью и др. места между пальцами рук или ног, вызванная загрязнением, нарушением гигиены’ (диал.), заушни ‘болезнь уха (ушей), паротит’ (диал.); горловица ‘болезнь горла’ (диал.);

– типовые признаки, характеризующие заболевание (телесный ‘связанный с телом’, головкружительный ‘вызывающий головкружение’, брюшнотифозный ‘относящийся к брюшному тифу, болеющий брюшным тифом’, глазливый¹ ‘способный сглазить’ (СРНГ, Курск.), глазливый² ‘способный заболеть от «дурного глаза»’ (СРНГ, Курск.), лобный ‘относящийся ко лбу’);

– типовые действия, связанные с заболеванием (косоротить ‘о проявлении заболевания, когда человека мучают судороги во время болезни или припадка’, косоглазить ‘болеть косоглазием’, изглазеть ‘сглазить’ (диал.));

– наименование больных людей (шейница ‘лицо женского пола с травмой шейного отдела позвоночника’, спинальница ‘лицо женского пола с травмой позвоночника’ рукоблудник,

рукоблудница ‘человек, страдающий рукоблудием, онанист’, жопник¹ ‘пассивный гомосексуалист’ (жарг.), косоглазка (СРНГ, Ворон.), косоглазый, косоглядый (СРНГ, Курск) косогляд (СРНГ, Ворон.) ‘женщина/мужчина, страдающая/ий косоглазием’, мокроглазый ‘человек, у которого болят глаза и от этого мокнут, слезятся’;

– названия врачей / знахарей / повитух (горлови́к ‘врач по горловым болезням’ (простореч.), ухогорлоно́с ‘лор’, жопник², по́пник ‘проктолог’ (жарг.), окули́ст, глази́к (простореч.), глазо́й ‘врач-окулист’ (Сиб гов.), ушн́ца (простореч.), ушн́к (простореч.) ‘лор, врач, специалист по ушным болезням’ (СРЛЯ).

Гнезда с вершинами-соматизмами, обозначающими телесные жидкости

– заболевание / недомогание и признаки, указывающие на заболевание / недомогание (крове́ник ‘нарыв, чирей, болячка’ (диал., СРНГ) крове́подтёк¹ ‘пятно на человеческом теле красного, тёмно-синего или бордового цвета (ср. синяк), возникшее по причине внутреннего кровоизлияния от удара, ушиба или иной травмы’, крове́подтёк² ‘место на теле, где находится пятно красного, тёмно-синего или бордового цвета’, кроведавлéние¹ ‘давление крови’ (СРНГ, Ср. Урал), крове́ха́ркание ‘выделение крови при кашле, обычно вместе с мокротой’, крове́на (диал., СРНГ), крове́то́к (диал., СРНГ), крове́течение ‘обильное вытекание крови из кровеносных сосудов, преимущественно наружу’, крове́изли́яние ‘обильный поток крови внутри организма, обычно вытекающий из лопнувшего кровеносного сосуда и текущий направленно в некоторый телесный объект’, кроведавлéние² ‘высокое (низкое) давление крови’ (диал., СРНГ), крове́ха́ркать ‘выделять кровь при кашле, обычно вместе с мокротой’, обескре́вить ‘выпустить много крови из кого-л.’, кре́вить / кре́вить (диал., СРНГ), крове́то́чить ‘поранив некоторый телесный объект (место на своем теле), залить его и, возможно, другие места на теле кровью’, крове́нить ‘выделять кровь каплями или тонкой струёй’ (диал., приобские говоры), крове́ть ‘покрыться кровью’, окровéть ‘покрыться кровью’ (диал., СРНГ), крове́то́чивость¹ **склонность** к длительным, относительно небольшим по интенсивности кровотечениям, которые вызваны нарушениями свертываемости крови и чрезмерным увеличением проницаемости стенок кровеносного сосуда’, поте́ница ‘болезнь кожи, проявляющаяся в появлении маленьких пузырьков при усиленном выделении пота’, мо́лочи́ца ‘болезнь груди́ца’ (СРНГ, Сиб.), крове́то́чивость² ‘заболевание, при котором нарушается нормальная свертываемость крови’, крове́ду́шие ‘женская болезнь, сопровождаемая маточным кровотечением’ (диал., СРНГ, Казан.), слюноотде́ление ‘выделение слюны слюнными железами в большом количестве, в мед. – гиперсаливация’, слезоте́чение ‘повышенное выделение слез при заболевании или раздражении глаз’;

– что-(кто-л.), являющееся причиной заболевания / недомогания (крове́парази́ты ‘простейшие организмы, обитающие в крови человека или животных и приносящие им вред’, крове́пи́вка ‘насекомое, живущее за счёт того, что пьёт кровь у человека или животного, и приносящее человеку (животному) от этого вред’ (диал., СРНГ);

– названия врачей / знахарей / повитух (крове́ме́тчик ‘лекарь, лечащий больных посредством кровопускания’ (диал., СРНГ, старор. новг.), крове́да́тель ‘человек, добровольно дающий другим людям свою кровь, чтобы её можно было использовать при лечении других людей; донор’ (диал., СРНГ);

– наименование больных людей (желче́ви́к ‘человек, страдающий желчными заболеваниями’)

– процесс лечения (крове́пусkáние ‘выпускание крови некоторым человеком из некоторого телесного объекта или места на/в теле человека (или животного) с лечебной целью этого человека (или животного)’, крове́очи́щение / крове́оочи́щение ‘очищение крови в лечебных целях’);

– лечебные средства и средства защиты от заболевания / недомогания (крове́го́н ‘растение, (биол. «можжевельник казацкий»), используемое в лечении как лекарство, усиливающее и ускоряющее движение крови и этим – движение мочи (= мочегонное средство), желчи (=

желчегонное средство) и пота (= потогонное средство), и, вследствие этого, обладающее противосудорожным и антисептическим действием»);

– типовые признаки, характеризующие заболевание (жёлчегонный ‘усиливающий секрецию желчи и облегчающий ее поступление в кишечник’, потогонный ‘вызывающий пот’, мочегонный ‘усиливающий выделение мочи’, кровяной ‘кровоавый, с кровью’ (диал., СРНГ), кровомётный ‘об инструменте, используемом для кровопускания при лечении человека или животного’ (диал., СРНГ), кровогонный ‘вызывающий или поддерживающий усиленное кровотечение’ (диал. СРНГ), кровеостанавливающий / кровеостанавливающий ‘такой, который останавливает вытекание крови из телесного объекта или места на/в теле’, кровоточивый ‘такой телесный объект, из которого кровь течет наружу из-за болезни или повреждения’, кровоподтёчный ‘относящийся к кровоподтеку’.

Представленные производные соматизмы способствуют описанию тех знаний, на которые опирается человек при создании дериватов. В процессе номинации дериватов с семантикой ‘заболевание’ базовые соматизмы, обозначающие части тела и чести частей тела, а также телесные жидкости, главным образом, указывают на объект или место заболевания, его причину или признак. Большой продуктивностью характеризуются дериваты, называющие заболевание конкретного соматического объекта, больных и типовые признаки, связанные с болезнью конкретного соматического объекта.

При сравнении дериватов с семантикой ‘заболевание’ разных ЛСГ с вершинами-соматизмами нами было установлено, что дериваты одних ЛСГ специализируются на конкретной теме. Например, в ЛСГ с вершинами «голова», «кость» и «горло» преобладают дериваты, называющие заболевание и его признаки, а в ЛСГ с вершиной «глаз» производные слова преимущественно номинируют больных. Кроме того, были выделены ЛСГ, в которых нашли отражение дериваты разных тематических групп. Так, ЛСГ с вершиной «кость» формируется дериватами, называющими врачей (костоправ), средства лечения (костоломка – растение), заболевания и их признаки (костяница – болезнь, костогрыз – ломота в костях), причину заболевания (костоёд – червь, усугубляющий нагноение кости), человека с телесным повреждением (костолом – калека) и др.

Представленный материал позволяет увидеть не только сходства и различия в семантическом устройстве гнезд с вершинами-соматизмами, но и установить тесные семантические связи между фрагментами разных гнезд. Эти связи обусловлены наличием ассоциативно взаимосвязанных словообразовательно-пропозициональных значений: ‘лицо, у которого болит соматический объект, ‘лицо, лечащее соматический объект’, ‘растение, которым лечат соматический объект’, ‘типовые признаки, характеризующие заболевание’ и другими. Именно такие, близкие в смысловом отношении, связи формируют множество слов, объединенных семантическим признаком ‘заболевание’.

Привлечение к анализу семантической группы ‘заболевание’ дериватов разных ЛСГ позволяет максимально полно описать отображение в языке картины мира носителя языка, связанной с определенным смысловым фрагментом.

Анализ ЛСГ однокоренных слов, вершинами которых являются соматизмы, показал, что наибольшей словообразовательной активностью обладают имена тех соматических объектов (чаще – наружных, видимых), которые являются максимально активными и функционально важными для человека. В свою очередь, ЛСГ обладает ярким прогнозирующим свойством, позволяющим выявить деривационный потенциал слова, в значительной мере зависящий от степени антропоцентричности базовых слов или их производных.

Литература

1. Абросимова Л.С. Словообразование в языковой категоризации мира. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. 328 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 348–388.

3. Араева Л.А., Образцова М.Н. Пропозициональный анализ гнезд однокоренных слов фрейма пчеловодство // Лингвистика как форма жизни / Под ред. П. А. Катыхова, Т. В. Артёмовой. Москва, 2015. С. 47-66.
4. Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е. Части тела и их функции (по данным русского языка и русского языка тела) // Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. Москва: «Языки славянских культур», 2011. С. 41–53.
5. Евсеева И.В. [Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка \(на материале комплексных единиц\)](#): Дисс. доктора филол. наук: 10.02.01 / Кемеровский государственный университет. Кемерово, 2012. 430 с.
6. Евсеева И.В., Крейдлин Г.Е. Фреймовое моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой 'заболевание' // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 49. С. 5-23.
7. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело в диалоге: семантическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 2. Признаки соматических объектов и их значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии труды Международной конференции «Диалог–2010». 2010. С. 382–388.
8. Крючкова О.Ю. Словообразовательная деривация в аспекте языковой картины мира // Язык – текст – дискурс: картина мира в свете разных подходов: Сборник научных статей. Под общей редакцией Н.А. Илюхиной. Самара, 2013. С. 91–98.
9. Мельчук И.А. Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts // И. А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл ↔ текст». М., 1996. С. 135–168.
10. Урысон Е.В. Душа, сердце и ум в языковой картине мира // Путь. 1994. № 6. С. 219.
11. Wierzbicka A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese. New York and Oxford: Oxford University Press, 1997. 328 p.

УДК: 81

Жукова Т.В.

АГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Моделирование семантической структуры многозначной лексемы (по результатам ассоциативного эксперимента)¹

В разные периоды существования языка семантическая структура слова меняется в плане состава его компонентов вследствие изменения национальной картины мира данной языковой общности.

Моделирование семантической структуры многозначной лексемы в нашем исследовании осуществляется через описание психологического значения слова, противопоставленного его нормативному значению, отраженному в толковых словарях.

Под психологическим значением слова в исследовании понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это объем семантических компонентов, который актуализируется у изолированно взятого слова в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более или менее ярких, ядерных и периферийных. Психологически реальное значение структурировано по полювому принципу, а образующие его компоненты образуют иерархию по яркости» [5, с. 487].

Психологически реальное значение теоретически может быть выявлено и описано в результате исчерпывающего анализа всех зафиксированных контекстов употребления слова, а также оно может быть выявлено экспериментальным путем – комплексом психолингвистических и лингвистических экспериментов со словом. Как отмечают исследователи, «коммуникативная память организована очень сложно, она вбирает в себя

¹Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00437 «Многозначное слово в сознании носителей русского языка»

бесконечный опыт социума и индивида. Один из важнейших путей познания такого опыта – включить носителя языка в метаязыковую рефлексивную деятельность» [1, с. 55].

Одно и то же значение слова в сознании носителей языка может быть репрезентировано в разных формах, что зависит от ситуации, контекста, типов сознания, уровней подготовки субъекта. Такими формами для каждого конкретного слова могут быть представления и понятия, психологически реальное значение, нормативное значение и концепт, дефиниция и ассоциация, при этом содержание слова может быть репрезентировано с разной степенью полноты и точности. Все перечисленные формы, каждая в отдельности или все вместе, создают определенный облик значения слова, такой, каким он может быть представлен в сознании человека, обычного носителя языка или специалиста.

В данной работе мы пытаемся моделировать семантику многозначной лексемы, исследуя ее ассоциативные возможности (на материале лексемы *Перец*).

Функционирование лексемы *Перец* в системе языка. Необходимо выявить объем и содержание значения данного слова. Объем значения – это совокупность предметов одного и того же класса, к которым данное слово применимо в качестве названия. Содержание значения – это знание о данном предмете и его характеристика. Объем значения данного слова по современным лексикографическим источникам составляют следующие дефиниции [2,4,6]:

1. Южное растение сем. Перечных, а также плоды (зерна) его, обладающие острым жгучим вкусом, в размолотом виде употребляющиеся как пряность (черный П.).
2. Овощное растение сем. Пасленовых с плодами в виде стручков. Употребляется как овощ или как пряность, паприка (красный, кайенский, испанский) (фаршированный П.).
3. перен. Что-либо острое, задевающее, волнующее (разг.) (Перцем пахнет!).
4. перен. О вспыльчивом, капризном человеке, задире (разг. фам. шутл.) (Ишь, перец какой!).
5. Склонный к насмешкам, язвительный человек (разг.) (С перцем!).

Дефиниционный и компонентный анализы позволили определить семную структуру данной лексемы. Она включает следующие семантические признаки:

- южное растение сем. Перечных;
- плоды (зерна) растения;
- острый, жгучий вкус плодов, зерен;
- употребляется как пряность (специя);
- овощное растение сем. Пасленовых;
- перен. (разг.): выбрать, наказать (осложнить жизнь человека словами, поступками);
- перен. (разг.): о чем-то остроумном, язвительном (о слове, речи человека, когда речь ранит, как перцем);
- перен. (разг.): о сложной жизненной ситуации.

Среди перечисленных признаков выделяются денотативные, сигнификативные и коннотативные. К денотативным признакам относятся семы: *южное растение сем. Перечных / овощное растение сем. Пасленовых*. Сигнификативные признаки включают следующие семантические компоненты: имеет плоды / зерна; обладает ярко выраженными вкусовыми особенностями (острый, жгучий, сладкий, горький); функциональное предназначение овоща (употребляется как пряность или как продукт питания); особенности формы плода (в виде стручков или зерен). Со-значения (коннотативные ассоциации): сложная (непростая) жизненная ситуация; вспыльчивость, капризность человека; язвительная речь.

Дефиниционный анализ данной лексемы позволил представить когнитивную структуру знания носителя языка, сложившуюся в системе русского языка, мотивированную словом *Перец*.

В системе языка семантика лексемы *Перец* организована двумя равноправными семантическими полями: первое поле организуют семантические признаки денотата имени *Перец* в значении «черный, рода сем. Перечных» (многолетнее южное вьющееся растение, культивируемое ради плодов, из которых путем различной обработки получают пряности).

Плод представляет собой односемянную костянку, которая при созревании краснеет, а при высушивании – чернеет. Применяется в кулинарии как пряность для приготовления соусов, салатов. Разновидности Перца: белый, черный, красный.

Второе поле организуют семантические признаки денотата имени Перец стручковый – однолетнее травянистое растение сем. Пасленовых и его плоды, – это сельскохозяйственная культура. Выделяют сорта перца: горький (красный), имеющий острый вкус, и сладкий (иногда его называют болгарским). Бывают следующие его разновидности: салатный, чили (декоративный) перец. Данный вид *Перца* имеет широкое пищевое использование в консервировании, приготовлении фаршированного перца, для заправки супов, блюд.

Периферийным является значение, реализующееся у лексемы Перец во фразеологических оборотах, например, для характеристики (оценки) сложной ситуации, выходящей из-под контроля (неожиданная или сопряженная с непредсказуемым исходом (перцем пахнет!)). Или о язвительном человеке (задал перцу!); о речи Говорящего, – яркой, задевающей личные достоинства человека, уничтожающей (с перцем!).

Следует отметить, что когнитивная структура словесного знака (психологическое значение), связывая его смысловые характеристики с системой традиций и духовных ценностей народа, с течением времени не остается неизменной: либо усложняется, либо упрощается. В связи с этим актуальным становится исследование слова с точки зрения его психической представленности и выявления круга вербально выраженных ментальных понятий, находящихся в ассоциативных отношениях с данным знаком.

Ассоциативное значение лексемы *Перец* по материалам Ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова, 2002 [3]. В связи с выявлением психологического значения лексемы Перец были привлечены данные словарной статьи из Русского ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова: ПЕРЕЦ: горький 22; красный 17; сладкий 9; черный 7; болгарский, острый 6; молотый, соль 3; горько 2. Болгария, вкусный, всмятку, гадость, горец, горчит, жжет, зеленый, круглый, лавр, лук, острота, отец, плюс грузин, помидор, продукт, растение, рукастый, сад, сахар, свекла, слезу, слюна течет, стручковый, стручок, сушеный красный перец, тем как; то, что еще осталось; укроп, употребление в пищу, фаршированный 1; 106-40-0-31

Анализ лексикографических данных показал, что ассоциативная дефиниция ориентирована на следующие семантические признаки. С точки зрения частотности реакций, полученных на слово-стимул, ядерным компонентом является сема «сорт / вид овощной культуры»: горький (22), красный (17), сладкий (9), болгарский (1), Болгария (1), зеленый (1), стручковый (1) – всего 52 реакции. Сема «пряность» мотивирована реакциями: черный (7), молотый (3) и сюда же можно отнести реакции, именующие пряности в русском языке: соль (3), укроп (1), лавр (1), лук (1), сахар (1), сушеный красный перец (1), всего – 18 единиц.

Сема «вкусовые особенности овоща»: острый (6), горько (2), горчит (1), жжет (1), острота (1), слезу (1) – отражена в 12 реакциях. Кроме перечисленных семантических признаков, мотивированных словом-стимулом Перец, можно выделить и менее частотные компоненты:

- «блюда из перца или с перцем»: фаршированный (1), продукт (1), помидор (1), употребляется в пищу (1), всего 4 единицы;
- «овощное растение»: лук (1), свекла (1) – 2 единицы;
- «растение»: растение (1), горец (вид травянистого растения с перечным вкусом) – 2 единицы;
- «плод»: стручок (1);
- «форма плода»: круглый (1);
- «место произрастания: сад (1).

Коннотативные признаки ассоциативной лексемы *Перец* мотивированы следующими реакциями: вкусный (1), гадость (1), слюна течет (1), отец (главный в семье) (1), плюс грузин (по цвету – черный) (1), рукастый (1) – всего 6 единиц. Отсутствует семантическая связь слова-стимула Перец и таких реакций, как «всмятку», «тем как», «то, что осталось».

Таким образом, ассоциативная дефиниция слова *Перец* (по результатам анализа словарных данных) представляет следующую структуру: сорт/вид растения (52); пряность

(18); вкусовые особенности растения (12); блюда из растения или в составе с другими продуктами (4); овощное растение (3); растение (2); плод (1); форма плода (1); место произрастания (1). Со-значения (коннотативные признаки): эмоционально-оценочные семы (вкусный, гадость, слюна течет, рукастый (о человеке), отец (главный в семье), плюс грузин (черный)).

Ассоциативное значение лексемы *Перец* по результатам ассоциативного эксперимента, 2019 г. С целью уточнения данных ассоциативного словаря Ю.Н. Караулова нами был проведен ассоциативный эксперимент. Участниками эксперимента явились студенты очного и заочного обучения АГГПУ им. В.М. Шукшина, студенты Бийского медицинского колледжа и жители Бийской образовательной зоны, – всего 172 человека. По условиям эксперимента реципиенты должны были назвать первое слово на заданное им слово-стимул.

Результатом обработки данных проведенного эксперимента явилась ассоциативная модель лексемы, включающая реакции на слово-стимул с определенной частотой встречаемости: ПЕРЕЦ: овощ 53; болгарский 11; горький; острый 10; приправа 9; красный 8; острота 7; овощи 5; жгучий; огород; соль 4; горечь; растение; сладкий; черный 3; земля; салат; специя; фарш; чили 2; болгарский перец; воскресенье; горько; горячо; грядка; жар; жгет; жгуч; жгучесть; крутой; лечо; овощ болгарский; овощ горький; овощная культура; огород; острая приправа; остро; пасленовые; полезный овощ; рассада; сахар; специи; старая перечница; черный молотый; чихание 1;(172; 45; 8; 25);

Результаты эксперимента показали, что ассоциативная дефиниция лексемы *Перец* имеет несколько другую структуру, нежели чем системе языка и в словаре Ю.Н. Караулова. Отличие заключается в том, что ядерным компонентом ассоциативной дефиниции является признак «овощная культура» (64 единицы): овощ (53); овощи (5); растение (3), овощная культура (1); рассада (1); пасленовые (1).

Сема «сорт растения» (37 единиц): болгарский (11), болгарский перец (1), красный (8), горький (10), сладкий (3), чили (2); овощ горький (1), овощ болгарский (1) – занимает второе место в семантической модели.

Третья сема – «вкусовые качества овоща» (25 единиц): острый (10); острота (7), жгучий (4), горечь (3), жгучесть (1); четвертый семантический признак – «пряность» (21 единица): приправа (9); соль (4); черный (3); черный молотый (1), специя, специи (2), острая приправа (1), сахар (1); пятый признак – «место произрастания» (9 единиц): огород (4), земля (3), грядка (1).

Выявлена сема «воздействие на человека» (7 единиц): чихание (1); горько (1); горячо (1), жар (1); жгет (1); жгуч(1) остро (1); сема «пищевое использование» включает только 3 единицы: фарш (1); салат (1); лечо (1).

Малочисленными в структуре дефиниции являются следующие семы: «о человеке» (2 единицы): крутой (1), старая перечница (1); «время использования» (1 единица) – воскресенье (1) и сема «оценка» (1 единица): полезный овощ (1), которые находятся на периферии семантической структуры лексемы *Перец*.

Таким образом, анализ результатов ассоциативного эксперимента показал: 1) каждый компонент слова-стимула может быть актуализирован во время ассоциирования, так как слово-стимул задает размах ассоциативных реакций на данное слово, определяя тем самым объем психологического значения слова; 2) во время эксперимента актуализируется прежде всего, денотативно-сигнификативный компонент лексического значения слова-стимула; 3) (самое важное!) структура ассоциативной модели слова представлена разным составом семантических признаков и их ранжированием в семантической структуре лексемы на разных этапах существования языка.

Литература

1. Голев, Н.Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации [Текст] / Н.Д. Голев // Вопросы лексикографии. 2013. Вып. 2 (4). – С. 48-64.
2. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Т. 1: А-О [Текст]: словарь / Т.Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с.

3. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь [Текст]: словарь, том 1 / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: АСТ – Астрель, 2002. – 781 с.
4. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст]: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
5. Стернин, И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание [Текст]: монография / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – М.: Ламберт, 2011. – 192 с.
6. Ушаков, Д.К. Толковый словарь русского языка [Текст]: словарь / Д.К. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.

УДК: 81

Жукова Т.В., Виницкая Н.В.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Особенности употребления фразеологических единиц в произведениях В.М. Шукшина

Особенностью художественных текстов В.М. Шукшина является неповторимо своеобразная, по-особому выразительная, меткая, авторская речь и речь героев. Языковой анализ рассказов В.М. Шукшина показал, что этому в немалой степени способствует использование автором фразеологических единиц.

Фразеологическая единица – это воспроизводимое в готовом виде сочетание компонентов, отличающихся цельностью номинации, устойчивостью структуры и значения, оценочностью, образностью и экспрессивностью.

Фразеологические единицы, по признанию многих лингвистов (Ковшовой М.Л., (1990); Телия В.Н. (1993); Шаховского В.И.(1990), носят ярко выраженный национальный характер, «вбирают в себя огромный духовный опыт человечества, фиксирующий различные закономерности бытия, поведения человека и его отношение к миру» [1].

Анализ фразеологических единиц, выявленных из произведений В.М. Шукшина, позволил определить основные направления преобразований общезыковых фразеологических оборотов, уточнить авторскую картину мира писателя, его предпочтения, пристрастия, ценностные установки.

Объектом настоящего исследования явились не столько кодифицированные фразеологизмы в текстах рассказов В.М. Шукшина, сколько обороты, имеющие потенциальную возможность стать таковыми, а также фразеологизмы, являющиеся в различной степени преобразованными от уже сложившихся, то есть фразеологические единицы различной стадии фразеологизации.

Фразеологизация – процесс стабилизации и закрепления в норме данного языка в качестве готового устойчивого сочетания слов, служащего для удовлетворения потребностей коммуникации. Из-за сложности определения стадии фразеологизации того или иного фразеологизма в текстах В.М. Шукшина в качестве базы данных используются материалы современных фразеологических словарей [2, 5, 6].

В работе терминологически разграничиваются фразеологизмы различной стадии фразеологизации: потенциальные фразеологические единицы, кодифицированные и трансформированные. Под потенциальными фразеологическими единицами понимаются сочетания слов, проходящие начальную стадию фразеологизации, но приобретшие уже некоторые свойства фразеологизмов: устойчивость состава, идиоматичность, экспрессивность, оценочность и др. Кодифицированные фразеологизмы – это нормированные и «узаконенные» в словарях фразеологические единицы; трансформированными в работе называются преобразования кодифицированных фразеологизмов (структурные, семантические и структурно-семантические), выходящие за рамки нормативных изменений.

В данной статье рассматриваются потенциальные фразеологизмы в произведениях В.М. Шукшина, выявляются причины их фразеологизации, а также приводятся группы трансформированных фразеологизмов.

Процесс образования фразеологической единицы является одним из самых гипотетических в теории фразеологии. В отличие от деривации фразеологизация имеет двойственную природу, с одной стороны она обладает моделируемым характером (см. работы А.В. Кунина (1988), А.М. Мелерович (1986)), а с другой, – абсолютно немоделируемым.

Возникновение фразеологизма «обуславливается тем, что в процессе речи нередко возникает необходимость определенное значение, выраженное одним словом или развернутым словосочетанием, передать через конкретный образ, через живое, наглядное представление о ком-либо или чем-либо» [4; с. 90].

А.М. Мелерович считает главным показателем способности к фразеологизации потенциальную возможность сочетания слов к обобщению, абстрагированию от единичной ситуации, при этом она отмечает, что «слова в составе переменных сочетаний не всегда подвергаться переосмыслению: фразеологизация меняет соотношение в семантической структуре ФЕ, что приводит к появлению новой номинативной функции, благодаря которой сочетание слов входит в систему языка» [4]. К причинам, способствующим фразеологизации свободного сочетания слов, можно отнести следующие.

1. Повторяемость употребления словосочетания не в прямом, а обобщенно-метафорическом значении, например, не привязан, а визжать будешь – о такой ситуации, когда нет видимых причин несвободы, но в действительности человек не свободен в своих действиях, решениях; о женатом положении, о супружеской жизни (рассказ «Материнское сердце»); навесить занавески на глаза – говорить, твердить свое, не слушая доводов окружающих (рассказ «Суд»); слоны по двести лет живут – ироническое в ответ на чье-либо замечание о том, что кто-либо прожил долго, много лет (рассказ «Бессовестные»); оборот царство небесное (рассказ «Волки») употребляется не в прямом значении «царство, расположенное в небесах», а в значении «всё состояние, имущество».

2. Семасиологическое преобразование свободных словесных комплексов в устойчивые, благодаря переосмыслению, сужению или расширению семантики компонентов выражения, например: железная конфета – осколок снаряда, мины и т.п. (рассказ «Операция Ефима Пьяных»). В обороте происходит переосмысление значения слова «конфета»: во время войны вместо конфет (сладкого) солдаты получали, за редким исключением, «порцию» осколков от снарядов, для некоторых – смертельную.

3. Появление в структуре оборота одного или нескольких слов с «несвободным», фразеологически связанным значением или ограниченным употреблением, например, в обороте подмывало кипятком из рассказа «Материнское сердце» слово «подмывало» имеет конструктивно-ограниченное значение «о сильном желании сделать что-либо». В обороте скважина кривоносая (рассказ «Микроскоп») слово «скважина» употребляется в синтаксически-обусловленном (негативно оценочном, неодобрительном) значении – о человеке – транжире.

4. Контаминация устойчивых оборотов выявлена в следующих контекстах: запеклось, не размочишь – о сильном горе, тоске, душевной ране (рассказ «Горе») – трансформация устойчивого оборота «кровь запеклась» (сгустилась). Фразеологизм смазать стакан – в значении «выпить спиртного» (рассказ «Материнское сердце») в тексте возник в результате контаминации двух оборотов: смазать (промочить) горло «немного выпить» и «выпить стакан».

В произведениях В.М. Шукшина выявлены следующие группы трансформированных фразеологизмов: 1) фразеологизмы, подвергшиеся структурной трансформации, например, фразеологический оборот возвышать голос в значении «кричать» (Тебе государство задержало пенсию на один день, и ты уже начинаешь возвышать голос, рассказ «Непротивленец Макар Жеребцов») представляет собой трансформацию

кодифицированного оборота повышать голос. Оборот пришей-пристебай в контексте «Жалко и грустно, и обидно, что родной сын – вроде уж и не сын, а так – пришей-пристебай» (рассказ «Бессовестные») – трансформация кодифицированного оборота не пришей, не пристегни. Фразеологический оборот увяз с головой в значении «целиком, полностью» из контекста «Старик Глухов в шестьдесят восемь лет овдовел. Схоронил старуху, справил поминки. Где-нибудь с головой увяз в кровавой тогдашней мешанине» (рассказ «Бессовестные») трансформация кодифицированного оборота окунуться с головой.

2) фразеологизмы, подвергшиеся семантической трансформации: оборот душа горит в значении «хочется выпить» имеет кодифицированное значение «кто-либо взволнован, возбужден, взвинчен; оборот вильнуло хвостом – «чувство приближающейся радости» имеет кодифицированное значение «заискивать, подобострастно относиться к кому-либо» (см. авторский текст: «Теперь смотрите што получается: вот она вильнула хвостом, уехала куда глаза глядят. Так? Тут семья нарушена» (рассказ «Раскас»). Бурлачить – быть холостым, кодифицированное значение – быть бурлаком (сравни: «Хватит бурлачить.– Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты – куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой,– интересней») (рассказ «Материнское сердце»). Снять с себя последнюю рубаху – быть щедрым; кодифицированное значение – разорять, доводить до нищеты кого-либо (Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам. Привезет, сгрузит, зайдет в избу) – рассказ «Сураз».

3) трансформированные фразеологические обороты с изменением структуры и семантики, например, оборот с голыми руками в значении «без всего» в контексте «Потом схожу в контору – тоже возьму характеристику. С голыми руками не поеду» (рассказ «Срезал») представляет собой трансформацию общезыкового оборота «брать голыми руками» в значении: овладеть, захватить без особого труда, без основных усилий.

Фразеологический оборот скрипел зубами в значении «от боли» («Ночью стало совсем плохо. Ефим скрипел зубами, стонал» (рассказ «Операция Ефима Пьяных») трансформация узуального оборота «скрежет зубовой» в значении – негодование, ненависть, бешеная злоба. Оборот скрепив сердце – не жаловаться на что-либо (Молчал, скрепив сердце, не жаловался, рассказ «Бессовестные») представляет трансформацию оборота «скрепя сердце» – с большой неохотой, принуждением себя, вопреки желанию делать что-либо. Кусок в горле застрянет – станет не по себе (Опасно: он сам ничто бы да бабенка-то у него...сама знаешь: и сказать не скажет, а кусок в горле застрянет», рассказ «Горе») трансформация оборота кусок в горло не идет – кто-либо не может есть от усталости волнения. На четырех ногах стоять – о совместной супружеской жизни («На четырех-то ногах, хоть они у нас и не резвые теперь, но все же покрепче стоять можно») трансформация узуального оборота «стоять на своих ногах» – быть самостоятельным и не нуждаться в поддержке, помощи. Губы распустить – улыбаться, ухмыляться («А чего ты губы-то распустил? Сразу, курва, ехидничать! Не можешь без ехидства слова сказать. Дай дороги!»), сравни с оборотом «надувать губы» – сердиться, обижаться, делать недовольное лицо; выразить неудовольствие, досаду и т. п.

Следует отметить, что комплексный анализ фразеологических единиц, выявленных из произведений В.М. Шукшина, показал, что автор подмечает особенности характеров героев, особенности ситуаций, в которые они попадают, и производит точный отбор языковых единиц для выражения мысли.

В трансформированных конструкциях в художественном тексте автора на первый план выступает значение характеристики образа или коммуникативной ситуации.

Таким образом, художественное произведение В.М. Шукшина представляет собой ту среду, где рождаются новые значения, новые фразеологические единицы.

Литература

1. Бондаренко, В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи [Текст] / В.Т. Бондаренко. – Тула, 1995. – 151 с.
2. Елистратов, В.С. Словарь языка Василия Шукшина [Текст] / В.С. Елистратов. – М.: 2001. – 430 с.
3. Кунин, А.В. Асимметрия в сфере фразеологии [Текст] // Вопросы языкознания, 1988. – № 3. – С. 98-107.
4. Мелерович, А.М. О характере взаимодействия лексической и грамматической семантики в сфере фразеологии [Текст] // Проблемы семантики русского языка. – Ярославль, 1986. – С. 31-40.
5. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь [Текст] / А.М. Мелерович и др. – М.: Русские словари, 1997. – 864 с.
6. Словарь образных выражений русского языка [Текст] / под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. – 385 с.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 287 с.

УДК: 37

Замашанская Е.С.

БТИ (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск, Россия

Формирование текстовой компетенции при подготовке к ЕГЭ по русскому языку (на материале произведений В.М. Шукшина)

Компетентностно ориентированная парадигма, на которую опирается система образования в России, позволяет развивать языковую личность, поскольку требует формирование языковой, коммуникативной и текстовой компетенций. Умение работать с разными текстами, выделять ключевые слова, предложения, абзацы, обобщать, систематизировать информацию, формулировать главную мысль текста, передавать прочитанную информацию в устной и письменной речи, используя различные языковые средства, в соответствии с определенной коммуникативной задачей являются значимым, так как владение текстовыми компетенциями позволит школьникам более успешно осваивать дисциплины по программе высшего образования.

Анализ многочисленных письменных работ, выполненных студентами 1 курса, показал, что студенты испытывают значительные затруднения при работе с текстами. В частности, одной из самых существенных проблем является определение значимой информации. Как правило, поиск значимой информации сводится к цитированию. Отмечаются затруднения передать полученную информацию письменно в соответствии с жанровой спецификой текста, например, при составлении аннотаций к научному тексту. Таким образом, необходимо особое внимание уделять формированию текстовой компетенции в школе, поскольку это влияет на процесс дальнейшего обучения в вузе.

Текстовая компетенция формируется в процессе овладения навыками анализа содержательно-композиционного аспекта текста, выделения темы, главной мысли и т.д. Кроме того, формирование текстовой компетенции невозможно без получения знаний о функционально-стилистических особенностях текстов и их жанровых разновидностях.

Отметим, что исследователи разделяют понятия «языковая», «текстовая» и «коммуникативная» компетенции. М.Н. Ватютнев выделил термин «коммуникативная компетенция» и рассматривает его как реализацию программ речевого поведения в определенной обстановке общения. Кроме того, владение коммуникативной компетенцией характеризует умение классифицировать ситуации на основании темы, задач, установок на разных этапах осуществления коммуникативной деятельности. Языковая компетенция определяется данным исследователем как знание правил, отражающих структуры языка. В процессе общения эти знания используются для построения различных высказываний [2]. Владея коммуникативной компетенцией, обучающийся способен выстраивать свое речевое

поведение относительно определенной ситуации общения, учитывая тему, задачи общения, опираясь на знания о языке, реализуя при построении высказывания систему правил, следовательно, формирование текстовой компетенции взаимосвязано с языковой и коммуникативной компетенциями [3].

В процессе подготовки к ЕГЭ по русскому языку важное место занимает формирование навыков написания сочинения, данный вид работы позволяет оценить навыки анализа художественного, публицистического текстов, уровень владения коммуникативной компетенцией в целом. Кроме того, текст сочинения школьника свидетельствует о системе ценностей ученика, его кругозоре, об уровне знания языка как системы, о понимании текста, его структуры, основных характеристик, таких как связность и цельность. Также на основе анализа сочинения по русскому языку можно сделать вывод о владении нормативным аспектом языка, в частности, насколько учащийся соблюдает грамматические, орфографические, пунктуационные, лексические языковые нормы.

В литературе представлены многочисленные работы, посвященные исследованию речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибок в сочинениях школьников (О.М. Крайник, И.П. Цыбулько, Е.С. Богданова, М.А. Бондаренко и др.). С целью формирования текстовой компетенции учащихся необходимо обратить внимание на исследования фактических ошибок в сочинениях, а также ошибок, обуславливающих нарушение цельности и связности изложения. Е.С. Богданова рассматривает ошибки, обусловленные непониманием художественного текста, в котором позиция автора и проблема не четко обозначена. Следовательно, в сочинениях на основе анализа художественного текста учащиеся определяют проблему неправильно, а пишут то, что в их силах [1].

Поскольку непонимание проблемы, приводит к ряду ошибок в сочинении, например, к неверному изложению позиции автора, своей позиции, к несоответствующим проблеме аргументам, то особое внимание в процессе подготовки к сочинению, необходимо уделить развитию навыков анализа художественного текста.

Произведения В.М. Шукшина представляют собой богатый материал, в процессе изучения которого можно развивать текстовую и языковую компетенции. Анализ нравственных, социальных проблем, поднимаемых В.М. Шукшиным в его произведениях, позволяет сформировать навык выявления проблемы, который является важным в процессе чтения текста и написания сочинения по русскому языку. Кроме того, важным навыком, необходимым для выявления проблемы текста и написания сочинения является анализ героев на основе их речи, а также умение находить значимые для понимания текста элементы в речи автора.

Многие исследователи отмечают такую черту его прозаических произведений как кинематографичность, «живое» восприятие произведения дополняется языковыми средствами, воспроизводящими живую речь, в которой представлены фразеологизмы, книжная лексика, диалектизмы, жаргон и т.д. Это разнообразное переплетение языкового материала, безусловно, представляет большой интерес с точки зрения возможностей для развития навыка анализа языковых средств в речи героев. Учащиеся получают большой опыт в синтезе знаний о многообразии лексического состава языковой системы, используют эти знания в процессе понимания характера героев, определения задач автора, с последующим определением его позиции. Кроме того, овладевают навыком анализа художественной ценности лексики для изображения характера героя.

Многие исследователи отмечают, что особую сложность при анализе художественного текста вызывают тексты, в которых большое место занимают диалоги. Учащиеся затрудняются выделить проблему, передать позицию автора, написать комментарий, подменяя многие элементы сочинения пересказом. В.М. Шукшин точно и с большим мастерством передает разговорную речь между различными героями, при этом каждое слово героя имеет большую ценность в построении образа героя. Таким образом, изучение произведений В.М. Шукшина позволяет сформировать навыки анализа различных языковых

средств, используемых в художественных текстах с целью построения образа героев и персонажей, и определения авторской позиции особенно в текстах с преобладанием диалогической формы речи.

Литература

1. Богданова, Е.С. Русский язык: сочинение по прочитанному тексту на уроках в старших классах и ЕГЭ: 9-11 классы [Текст] / Е.С. Богданова. – М.: Издательство, АСТ. – 2017. – 320 с.
2. Ватютнев, М.Н. Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах [Текст] / М.Н. Ватютнев // Русский язык за рубежом. – 1977. – №6. – С. 38-45.
3. Лукина, С.Л. К вопросу определения понятия «текстовая компетенция» [Текст] / С.Л. Лукина // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 1 (57). – С. 257-261.

УДК: 81

Калинин С. С.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

К анализу пространственного компонента в языковой структуре енисейской модели мира

Основными категориями, входящими в модель мира, являются пространство и время. В новое время под влиянием развития точных наук сложилось понимание пространства как абстрактного, геометризованного, бесконечно делимого, гомогенного целого, т.е., пространство тождественно самому себе в каждой из своих частей [5, с. 15]. Время же представляется как однонаправленное, необратимое и векторное (идущее от прошлого через настоящее в будущее) [там же]. Совершенно отличными от таких представлений являются представления о мире, сложившиеся в мифопоэтической традиции. В рамках данной небольшой работы будут рассматриваться пространственные аспекты лингвистического представления енисейской модели мира.

Представление пространства и времени в различных традициях зависит от языковых средств выражения этих категорий [5, с. 16]. Однако, представляется, что эти категории должны универсально выражаться во всех известных засвидетельствованных языках мира, поскольку сами эти категории являются универсальными категориями бытия. Соответственно, их универсальное отображение в перцептивно-сенсорной модели, лежащей в основе языка [3, с. 15-16; 106-108], допускает различные проявления на функциональном уровне языка.

Архетипическая модель мира допускает представление в виде набора бинарных оппозиций, включающих в себя противопоставленные друг другу значения: пространственные, временные, цветовые, оппозиции, связанные с социальными категориями, оппозиция «природа – культура», оппозиция противопоставления сакрального и мирского и т.д. [6, с. 5-6]. Ниже будет показано, как представленная в виде оппозиций структура енисейской модели мира реализуется на конкретном языковом материале.

Енисейские языки располагают разнообразными средствами для выражения пространственно-временных категорий и пространственно-временных отношений. В работе [4] этот анализ проводится на материале трех енисейских языков: кетского, коттского и югского.

Согласно семантической классификации в енисейских языках можно выделить 4 группы локативов [4, с. 12-13]. Это: абстрактные и неопределенные, дейктические, относительные и оценочные [там же]. В картотеке, составленной Е. А. Крюковой, для кетского языка зафиксировано более 120 локативов различных типов, хотя, как отмечает сама автор, их точное число сложно назвать, т.к. данный класс слов является открытым и, следовательно, может пополняться новыми членами [4, с. 13].

В первой семантической группе для кетского языка зафиксированы локативы, выражающие абстрактное и неопределенное пространственное значения. Среди них выделяются следующие [4, с. 13-14]:

Локативы, выражающие всеобщность и неопределенность локации, местонахождения: bene-baŋ ‘езде’, bes’tij ‘езде’, bes’tij-baŋdɨŋal ‘отовсюду’;

Локативы, указывающие на неопределенность локации: qōt bil’tan ‘куда-нибудь’, qōt biseŋ ‘где-нибудь’, tam-bil’és’ ‘куда-то’, tam-bil’il ‘откуда-то’, tam-biltan ‘куда-то’, tam-biseŋ ‘где-то’.

Таким образом, кетский язык располагает значительным набором локативов, выражающих всеобщность пространственного местоположения или его неопределенность. Данные локативы в кетском языке, как правило, являются производными от вопросительных слов, сочетающихся с неопределенными частицами [4, с. 14].

Дейктические локативы в кетском представлены крайне широко, они часто встречаются в речи носителей языка [4, с. 15]. Образуются они, как правило, от трех типов основ, выражающих три степени удаления от говорящего: kī- ‘здесь, рядом’, tū- ‘поблизости’, qā- ‘там, далеко, вне пределов видимости’ [4, с. 16]. Среди непроданных дейктических локативов выделяется следующая оппозиция: s’èèŋ ‘здесь, рядом с говорящим и слушающим’ и s’óóŋ ‘там (вдали от говорящего и слушающего)’ [там же]. В существовании этих оппозиций и такого типа образования дейктических локативов от основных непроданных основ проявляется действие фактора наблюдателя [2, с. 148-149; 167] в кетском языке, поскольку для концептуализации пространственных отношений здесь важна удаленность того или иного объекта от того, кто его видит, наблюдает, а также то, насколько этот объект доступен для наблюдения. Наличие фактора наблюдателя в системе локативов кетского языка также свидетельствует в пользу существования универсальной сенсорно-перцептивной языковой основы, обладающей различными формами проявления в различных языках, поскольку особенности восприятия человеком пространства, в конечном итоге, определяются особенностями функционирования его рецепторов (в частности, зрительных) и его головного мозга.

Подсистема оценочных локативов в кетском языке формирует бинарную оппозицию и состоит всего из двух слов: bil’ ‘далеко’ и utis ‘близко’ [4, с. 25]. Данные локативы также имеют главной «точкой отсчета» говорящего, что, опять же, соотносится с действием фактора наблюдателя в языке.

Относительные локативы в кетском языке служат для указания на положение (ориентацию) объекта, его местонахождение в пространстве или направление движения относительно других объектов [4, с. 17]. Первоначально такими объектами для определения ориентации служили природные ориентиры – реки, лес, а также материальные объекты, имеющие относительно стабильное положение: дом, чум, очаг и т.п. [там же]. Ориентационная оппозиция «справа/слева», «направо/налево» появляется в связи с этим в кетском довольно поздно [4, с. 20]. В образовании этих локативов еще достаточно четко прослеживается их этимология: присоединение к основам tūl’ ‘левый’/ boŋot ‘правый’ именной основы qɔl’er со значением «сторона» и снабжение их суффиксами пространственных падежей, обычно, датива, локатива или аблатива [4, с. 21]. Развитие такого способа дейксиса в кетском языке свидетельствует о том, что на более ранних этапах его существования, когда элементами ориентации в нем служили конкретные природные или искусственные объекты – леса, реки, дома – в нем действовал т.н. принцип непосредственного восприятия.

Этот принцип был обнаружен и исследован Д. Л. Эвереттом на материале американского языка пираха, что подробно описано в работе [7]. Согласно этому принципу, в языковой структуре отображаются только те факты (в частности, в повествовательных предложениях), которые могут быть непосредственно восприняты самим носителем (он их каким-либо образом увидел, услышал, ощутил и т.п.), т.е., он сам пережил эти факты, либо эти факты

были засвидетельствованы кем-то, кого говорящий застал в живых, либо данный факт непосредственно связан с моментом речи [7, с. 143].

Представляется, что действие данного принципа проявляется, по крайней мере, и в системе локативов кетского языка. Как мы видели выше, система ориентации по правой и левой сторонам появляется в этом языке относительно поздно. Для ориентации используются конкретные объекты. Для указания направления в кетском языке также используются конкретные локативные конструкции со значением движения вверх и вниз по течению реки (ориентация относительно водных путей, как и в предыдущих примерах), со значением движения от верховьев реки или от низовьев реки, со значением нахождения в верховьях реки [4, с. 21-22]. В системе относительных локативов существует и ориентационная подсистема, связанная с лесом: локативы, выражающие значения пребывания в лесу, движения в лес, движения из леса, нахождения далеко в лесу [4, с. 22]. Существует также система локативов, описывающих движение вдоль берегов рек [там же]. Здесь также реализуется действие принципа непосредственного восприятия, поскольку пространственный компонент модели мира реализуется в виде системы ориентации относительно конкретных объектов. Например, направление движения «с верховьев реки/с низовьев реки» относится не к движению относительно реки вообще (обобщенного понятия «река»), а к движению относительно Енисея [4, с. 23] – важнейшей для жизни кетов водной артерии. Вообще, как пишет Е. А. Крюкова, для кетов важнейшими пространственными ориентирами всегда были реки [там же]. В связи с этим следует отметить, что для кетов было типичным селиться небольшими стойбищами из нескольких чумов по берегам небольших рек либо на берегу Енисея [1, с. 40]. Одним из традиционных промыслов кетов, наряду с охотой, было рыболовство [1, с. 37-39], что и приводило, очевидно, к необходимости селиться по берегам рек. Отсюда – исходя из особенностей натурального хозяйства кетов – и можно наблюдать формирование своеобразной системы пространственной ориентации, в частности, системы дейктических локативов, которая явно возникала под влиянием принципа непосредственного восприятия. В локативной системе кетского языка отражалась окружающая этот этнос природа, а также особенности его быта и традиционного образа жизни. Затем, на последующих этапах развития языка, в семантике локативности увеличивается доля абстрактного компонента, в частности, начала развиваться «характерная» ориентация по правому и левому направлениям, а также по сторонам света, что изначально было нехарактерно для кетского языка [4, с.23]. Кроме того, в кетском языке действует также и фактор наблюдателя, связанный с использованием различных средств дейксиса в зависимости от того, насколько они удалены от говорящего. Дальнейшее исследование енисейской (кетской, в частности) модели мира требует детального анализа и временного компонента, т.е., темпоративов кетского языка, а также исследование наличия взаимосвязи между пространственными и временными категориями в этом языке. Это является возможным, в том числе, и за счет привлечения нового материала по енисейским языкам.

Литература

1. Алексеенко Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1967. 265 с.
2. Верхотурова Т. Л. Фактор Наблюдателя в значении слова и предложения // Слово в предложении: коллективная монография. Отв. ред. Л. М. Ковалева. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 148-168.
3. Кошелев А. Д. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 528 с. (серия «Разумное поведение и язык»).
4. Крюкова Е. А. Пространственно-временные отношения в енисейских языках. Томск: Издательство ТГПУ, 2013. 113 с.
5. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М.: Радикс, 1994. 192 с.
6. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. Отв. ред. В. Н. Топоров. М.: Наука, 1990. 207 с.

7. Эверетт Д. Л. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. Пер. с англ. И. В. Мокина, П. С. Дронова, Е. Н. Панова. Сост. А. Д. Кошелев. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 384 с. (серия «Разумное поведение и язык»).

УДК: 37

Китаева Л.В.

БТИ (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск, Россия

Реализация регионального компонента в преподавании математики в техническом вузе Алтайского края

Основной целью изучения дисциплины «Математика» в техническом вузе является освоение студентами математического аппарата, позволяющего моделировать, анализировать, прогнозировать и решать различные практические задачи, а также изучать другие смежные дисциплины. Многие исследователи считают необходимым использовать региональный компонент при обучении математике с целью повышения мотивации к изучению предмета и развития профессиональных качеств личности студента. Понимание возможности применения математики для решения задач практической направленности на конкретном региональном материале способствует развитию профессионального интереса.

Проблеме совершенствования учебного процесса в высшем учебном заведении, поиску путей повышения эффективности обучения посвящены научные работы многих ученых (Е.А. Зубова, А.А. Кирсанов, А.М.Кочнев, А.Б. Ольнева и др.). Традиционная система обучения математике в вузе не отвечает современным требованиям. Её недостатками являются примитивные формы и методы обучения, недостаточность обратной связи между студентами и преподавателями, практической направленности, самостоятельной работы, формальный характер учебников и т.д. Изменение учебных планов и сокращение часов на изучение математики в вузе требуют внедрения новых форм и методов обучения, которые позволят за достаточно короткий срок передать студентам большой объем знаний, обеспечить высокий уровень овладения изучаемым материалом и закрепления его на практике. Поиск эффективных форм и методов обучения математике – одно из важнейших направлений работы преподавателей вузов.

Одним из направлений работы, повышающих эффективность обучения и активизирующих учебно-познавательную деятельность студентов в процессе изучения математики, является, по мнению исследователей, включение студентов в активные (аудиторные и внеаудиторные) формы самостоятельной деятельности на всех этапах обучения.

При организации самостоятельной работы студентов в процессе обучения математике в качестве одной из таких форм используется метод проектов, в который можно включить региональную составляющую с целью активизации познавательной деятельности студентов. Он имеет следующую структуру: проектирование, моделирование, конструирование и исследование. Учебный процесс при этом осуществляется следующим образом. Преподаватель совместно со студентами обсуждает задания самостоятельной работы. При этом определяются цели, задачи и проблемы, которые необходимо решить. Получив задания, студенты приступают к этапу проектирования: изучают сущность вопроса, анализируют теоретические положения и разрабатывают гипотезы. Далее идет этап моделирования: построение модели изучаемых явлений, определение их сущностных признаков, структур, уровней и т.п. Следующий этап – этап конструирования. На этом этапе происходит отбор и структурирование математических средств. Заключительным этапом выполнения задания является этап исследования.

Рассмотрим предлагаемую форму организации самостоятельной работы студентов согласно данной структуре на примере изучения темы «Решение систем линейных алгебраических уравнений».

Первый этап – этап проектирования. На этом этапе студент должен изучить основные понятия, составить конспект, проанализировать теоретический материал.

Второй этап – этап моделирования. На данном этапе составляется классификация методов решения систем линейных алгебраических уравнений, формируются алгоритмы применения различных методов решения в зависимости от количества уравнений в системе и числа неизвестных.

Третий этап – этап конструирования. На этом этапе рассматриваются методы решения систем линейных алгебраических уравнений (метод Крамера, матричный метод, метод Гаусса), формируются умения и навыки решения систем уравнений; акцентируется внимание на решении систем n линейных алгебраических уравнений с m неизвестными.

Четвертый этап – этап исследования. Творческо-поисковое начало может проявляться при составлении задач с региональной составляющей, при решении которых используются системы линейных алгебраических уравнений. Особое внимание следует уделить разработке задач, связанных с реальными ситуациями на конкретных производствах, на которых могли бы работать будущие специалисты. В качестве примера можно предложить составление и решение задачи прогноза выпуска продукции на материале деятельности предприятий ЗАО «Эвалар», ЗАО «Алтайвитамины», ОАО Бийский котельный завод. Для реализации поставленной задачи студенту предлагается следующая схема:

- сбор статистических данных;
- обработка данных согласно тематике задачи;
- формулировка задачи;
- решение составленной задачи;
- анализ результатов и формулирование выводов;
- оформление отчета по проделанной работе.

Решая математические задачи с региональным компонентом, студенты могут представить реальную производственную ситуацию и решать профессионально ориентированные задачи. Задачи такого типа способствуют повышению мотивации изучения математики в связи с осознанием её практической значимости. Это в целом позволяет реализовать профессионально-ориентированное обучение будущих инженеров. При таком подходе студент от простого исполнения заданий преподавателя постепенно переходит к самостоятельному осуществлению некоторого исследовательского проекта.

Таким образом, внедрение регионального компонента при обучении математике в высшей школе позволяет сформировать у студентов осознанные связи между знаниями, вырабатывать навыки применения математических знаний к исследованию самых разнообразных проблем. Систематически решая подобные задачи, студенты не просто изучают математику, но и осознанно учатся применять свои знания в будущей профессиональной деятельности.

Введение в обучение математике содержания, основанного на региональных фактах и особенностях, выступает одним из условий внутренней мотивации в организации учебной деятельности, осознанного восприятия учебного материала, повышает интерес к предмету, усиливает практическую составляющую предмета, развивает у студентов навыки самостоятельной работы с литературой по математике и ее приложениям, раскрывает творческий потенциал студентов, развивает личностные качества обучающихся (коммуникабельность, инициатива, мотивация на достижение успеха), повышает общую культуру будущих специалистов. Такой подход реализует практическую полезность изучения теоретического материала, приводит к пониманию того, что математические абстракции возникают из практических задач, поставленных реальной действительностью.

Литература

1. Зубова, Е.А. Методические особенности преподавания курса высшей математики в техническом вузе / Е.А. Зубова // Актуальные проблемы преподавания математики в техническом вузе: Материалы региональной научно-методической конференции Тюм. ГНГУ 27.09.2009.- Тюмень. – 2009. – 159 с.
2. Лебедева, И.А. Особенности преподавания курса высшей математики студентам технических специальностей / И.А. Лебедева, О.А. Рубцова // Збірник науково- методичних робіт. – Донецьк, 2011. – Вип. 7.– С. 164-170.
3. Ольнева, А.Б. Подход к математическому образованию в техническом вузе: Монография / А.Б. Ольнева. – Саратов: Изд-во Научная книга, 2006. – 290 с.

УДК: 37

Клюева Ю.В.

Бийский технологический институт, Бийск, Россия

Использование произведений В. М. Шукшина в обучении студентов технического вуза

В современном мире знание английского языка становится практически неотъемлемой частью жизни, т.к. знания в различных областях необходимы современному специалисту. И в этом случае можно говорить об английском языке как о языке международного общения. Современный государственный образовательный стандарт как раз и формирует коммуникативную компетенцию, направленную на умение студентов не только вести диалог на иностранном языке, но и уметь читать общие и профессиональные тексты на языке.

Однако отсутствие знаний как своей, так и другой культуры является причиной недопонимания и источником конфликтов в процессе межкультурной коммуникации. Поэтому в учебные планы активно внедряются региональные компоненты обучения. Тексты на основе художественных произведений, различные задания творческого и поискового характера, упражнения с элементами сравнительно-сопоставительного анализа способствуют познавательной активности и повышению мотивации к изучению иностранного языка. Необходимость обучения иностранному языку с учетом регионального компонента продиктована еще и тем, что понимание иной культуры возможно только на основе знания своего региона, истории своего города, выдающихся людей, живших и живущих в родном городе, знание важных эпохальных событий города. И что не мало важно, знание литературных произведений авторов, родившихся и живших на Алтае.

Говоря об обучении иностранному языку в техническом вузе, то в нем в настоящее время в меньшей степени, чем в других предметах, учитывается региональный компонент содержания образования. В основном иностранный язык рассматривается как средство приобщения к культуре страны изучаемого языка. Вследствие этого студенты испытывают затруднения при передаче информации о фактах и явлениях, связанных с родной культурой средствами иностранного языка, и, следовательно, в процессе реальной коммуникации не умеют раскрывать всю красоту своей культуры.

Внедряя региональный компонент, педагогу необходимо помнить о психологической природе речевой деятельности, которая стимулируется различными потребностями человека, например: удовлетворить свою любознательность, выразить мнение, отношение, дать оценку происходящему, разрешить разногласие, сделать выбор, принять решение, узнать информацию. Поэтому при обучении иностранному языку в неязыковых вузах это дает возможность вводить новые методы в обучении языку.

Чтение — один из основных видов учебно-речевой деятельности в вузе. На втором курсе чтение чаще выступает как самостоятельный вид речевой деятельности, когда мы читаем не столько для того, чтобы правильно выполнить учебное задание, сколько для того, чтобы получить необходимую информацию из текста и использовать ее. В зависимости от ситуации, полнота и точность извлечения информации может и должна быть различной. Поэтому, целью обучения чтению как самостоятельному виду речевой деятельности

является формирование способности извлекать информацию из текста в том объеме, который необходим для решения конкретной речевой задачи. Для этого студенты должны овладеть определенными видами и технологиями чтения. Однако не всегда просто подобрать текст для обсуждения на занятии. Прежде всего, он должен быть информативным и интересным, чтобы студенты могли удовлетворить свои познавательные потребности, обогатить свое мироощущение, свои представления не только о культуре и истории страны изучаемого языка, но и о своем крае, известных людях, живших и живущих рядом с ними, и получить удовольствие от чтения и обсуждения текста. Удачно подобранный текст максимально стимулирует языковую активность учащихся и их коммуникативную готовность. Особое значение приобретает использование на занятиях произведений отечественной литературы. В практике обучения используются различные произведения В.М. Шукшина. Лексика подбирается так, чтобы лексическая единица давала простор фантазии в возможности создания различных образов.

Использование проектных методов обучения находит все более широкое распространение в обучении иностранным языкам, что позволяет активизировать самостоятельную работу студентов, применять творческий подход в реализации проектов, повысить мотивацию изучения иностранных языков, также вносит вклад в развитие личности, поскольку формирует лидерские качества, развивает организаторские способности.

Кафедра социально-гуманитарных дисциплин (секция иностранных языков) предлагает студентам участвовать в создании различных проектов о родном крае и городе, о выдающихся писателях нашего края. Студентам предлагается поработать с художественными произведениями В.М. Шукшина. Это не только обогащает их внутренний мир, но и поднимает на новый уровень владения иностранным языком. Преподавателями кафедры используются различные виды работы с краеведческим материалом: показ фильма о В.М. Шукшине, чтение отрывков из художественных произведений В.М. Шукшина, составление диалогов и высказываний. Конечно, чтение текстов на английском языке рассматривается как самая простая как единица общения, но оно может быть единицей и образом высказывания. Информативная насыщенность текстов расширяет кругозор студентов и способствует развитию навыков устной речи. Студентам предлагается проявить не только свои творческие и литературные способности, но и знания в языке, так как все материалы необходимо творчески переработать и представить в виде рефератов на английском языке, или в виде викторины по произведениям В.М. Шукшина, оформить постеры по данной тематике и многое другое. Некоторым студентам предлагается даже составить кроссворды о своей малой родине.

Таким образом, использование разных форм обучения на занятиях иностранного языка позволит эффективнее организовать процесс обучения студентов устно-речевому обучению, смотивировать и направить их речемыслительную активность.

Литература

1. Стопченко, Н. И. Василий Шукшин в зарубежной культуре / Н. И. Стопченко; Рост. гос. ун-т. Фак. философии и культурологии. - Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2001. - 183 с.
2. Hosking G. The Fiction of V. Shukshin // Shukshin V. Snowball Berry Red and other stories. – N. Y., 1979 – p. 3-21

УДК: 33

Кожевникова А.А.

АлтГУ, г. Барнаул, Россия

Особенности развития приграничных территорий Алтайского края

Алтайский край, как субъект Российской Федерации, расположен в пределах Сибирского федерального округа, прилегающий к государственной границе Российской Федерации с

Республикой Казахстан, а также находящейся в непосредственной близости с Монгольской народной Республикой и Китайской Народной Республикой, является в рамках Российской Федерации, приграничной территорией.

Социально-экономическое развитие Алтайского края в последнее десятилетие в различные годы имело ряд ярко выраженных тенденций.

Начиная с 2000 года экономика Алтайского края характеризовалась устойчивым экономическим ростом. Причем рост происходил по возрастающей. В последние годы экономический рост достиг максимального уровня - среднегодовой прирост валового регионального продукта составил примерно 10%. За 2016-2017 годы производство валового регионального продукта в крае выросло на 20,7% (по Российской Федерации - на 17,3%, в среднем по Сибирскому федеральному округу - на 14,2%). Алтайский край являлся одним из динамично развивающихся регионов России.

В результате укрепления позиций традиционных базовых секторов экономики региона были достигнуты опережающие темпы роста практически по всем макроэкономическим показателям. Инвестиции в основной капитал за два года увеличились более чем в 1,5 раза. Сфера торговли и услуг превратилась в одну из самых динамично развивающихся отраслей края. Опережающими темпами по сравнению со среднероссийскими увеличивались денежные доходы населения и заработная плата, уровень безработицы в 2017 году достиг минимального значения за период с начала 90-х годов.

Стратегия социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. учитывает геополитическое положение края, которое «...определяется его приграничным расположением по отношению к Республике Казахстан, близостью к крупнейшим промышленным центрам Сибири (Новосибирск, Кемерово, Новокузнецк, Томск, Красноярск), прохождением по его территории транспортных коммуникаций федерального и международного значения. Приграничное положение Алтайского края создает возможности для интеграции края в межгосударственное сотрудничество в Азиатском регионе (Казахстан, Китай, Монголия)».

Алтайский край, по своему территориальному расположению, имеет статус приграничной территории Российской Федерации, в силу чего принимает активное участие России в интеграционных процессах в Азиатском регионе.

Для плодотворного и выгодного для Российской Федерации экономического развития, необходимо использование всех возможностей Алтайского края при реализации программ экономического подъема Алтайского края, Сибирского региона и экономического развития Российской Федерации в целом, а также для создания в данном регионе всех необходимых условий для социально-экономического развития, а так равноправных условий безопасности и сотрудничества.

В настоящее время геоэкономическое расположение Алтайского края определяется его территориальным нахождением на территориях Российской Федерации, имеющих общие границы с Республикой Казахстан, Китайской народной Республикой, Монгольской народной Республикой, а так же непосредственной близостью к важнейшим и крупным промышленным, экономическим и финансовым центрам Сибирского региона (Новосибирск, Омск, Томск, Красноярск, Кемерово, Новокузнецк), прохождением территории Алтайского края транспортных путей, коммуникаций, и развязок федерального и международного значения во всех направлениях.

Таким образом, социально-экономическое развитие Алтайского края по многим показателям обусловлено включением его в экономическую систему международных торговых и социально-экономических отношений.

Экономический и промышленный потенциал, имеющийся в настоящее время создает возможности для активной и экономически значимой интеграции Алтайского края в межгосударственное политическое и экономическое сотрудничество в Сибирском регионе и в России, а также в международном (Китай, Казахстан, Монголия).

На современном этапе экономического развития Российской Федерации, вызванного особенностью санкций со стороны западных партнёров, развитие международных связей Алтайского края активно осуществляется непосредственно в рамках Евразийского экономического союза (основными партнерами выступают Казахстан и Беларусь), большую роль играет сотрудничество со странами бывшего СССР (Узбекистан, Таджикистан), ведётся активное наращивание потенциала взаимодействия с Азиатско - Тихоокеанским регионом, где основными экономическими партнёрами выступают прежде всего Китайская Народная Республика, Республика Корея, и Монгольская народная Республика.

Кроме того, необходимо отметить, что несмотря на сложность экономических и политических отношений продолжают развиваться и укрепляться сотрудничества с государствами Евросоюза (основными внешнеторговыми партнерами выступают – Германия, Греция, Финляндия).

На основании изложенного, можно сделать утверждение, что развитие внешнеэкономической деятельности Алтайского края может стать определяющим фактором развития не только субъекта как отдельного региона, но и Российской Федерации в целом. Развитию внешнеэкономических связей, определённно, способствует территориальное расположение региона, а именно его приграничное расположение, непосредственная близость к субъектам азиатской экономической деятельности.

Алтайскому краю определённно и необходимо как можно в большей степени использовать свой промышленный, природный и территориальный потенциал приграничной территории, который можно определить следующими условиями:

Территориальное расположение Алтайского края, как приграничной территории, ее непосредственная близость к государственной границе Российской Федерации, которая в свою очередь обеспечивает возможности для создания, развития и совершенствования приграничной экономической и социально развитой структуры.

Наличие экономической и социальной развитой структуры внешнеэкономической деятельности: транспортные проезды и переходы на государственной границе для автомобильного, железнодорожного и иных видов транспорта; функционирующая инфраструктура пограничного и таможенного контроля; сформировавшаяся система финансовых и экономических структур, обслуживающих внешнеэкономическую деятельность и др.

В силу выгодного территориального нахождения региона, имеется возможность создания и организации новых видов финансово-экономической деятельности, которые будут соответствовать современным реалиям мировой политики, а так же в целях удовлетворения потребностей населения, проживающего на приграничных территориях сопредельных государств, в случае примени тельного к Алтайскому краю в первую очередь относится к приграничным регионам Республики Казахстан и Монгольской народной Республики. Одним из таких направлений, учитывая туристско-рекреационный потенциал, имеющейся в Алтайском крае, может выступать сфера туризма и отдыха, о перспективности развития, которого в приграничных регионах свидетельствует исследование С.В. Степановой [1].

Возможность развития различных видов деятельности в регионе, посредством организации комплексов производств по добыче и переработке сырья, а также переработке сырья поступающего от зарубежных партнёров, а также импортных полуфабрикатов для удовлетворения потребности в данных товарах населения Алтайского края, близлежащих регионов Российской Федерации и экспорта за пределы Российской Федерации.

Непосредственное значение имеет развитие культурных и образовательных и иных видов деятельности на приграничных территориях региона.

Таким образом, проведенный анализ особенностей развития, необходимых для внешнеэкономической деятельности Алтайского края показывает, что важным фактором его развития является именно активность международного и межрегионального сотрудничества, а также наращивание социальных, экономических и финансовых отношений с соседствующими государствами.

В этой связи, выделив основные особенности развития приграничных территорий Алтайского края, можно установить направления и предложить меры по развитию внешнеэкономической деятельности, которые в свою очередь обеспечат положительную динамику социально-экономического развития региона и его приграничных территорий.

Кроме того, необходимо отметить, комплекс целевых мер исполнительной и законодательной ветвей власти Алтайского края, реализованных в 2016-2017 годах, способствовал качественному преобразованию экономики региона на основе технологической модернизации производства, повышения конкурентоспособности выпускаемой продукции, роста инновационной продукции, развития кадрового потенциала, повышения уровня и качества жизни населения края, а так же использование возможностей территориального расположения Алтайского края, его статуса приграничной территории для обеспечения международного торгово-экономического, финансового и социального сотрудничества [2].

В заключение можно сделать вывод о том, что международная социально-экономическая и финансовая деятельность Алтайского края является приоритетным направлением его развития как субъекта Российской Федерации, так и государства в целом, которое при должной проработке и внедрению в деятельность государства может стать важным условием и фактором развития приграничных территорий Алтайского края и Российской Федерации. В этой связи требуется постоянная выработка и анализ вопросов социального и внешнеэкономического сотрудничества с федеральными органами власти, предприятиями региона, кредитно-финансовыми учреждениями, разработкой законодательства в сфере международных экономических отношений, что в свою очередь станет основой построения эффективной системы организации и ведения внешнеэкономического сотрудничества.

Литература

1. Степанова С.В. Развитие туризма в приграничных регионах // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2017. № 4 (84). С. 17–27.
2. Закон Алтайского края от 21 ноября 2012 г. №86-ЗС «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 года».

УДК 947.084.5(571)

Кокоулин В.Г.^{1,2}

¹Новосибирское высшее военное командное училище, г. Новосибирск, Россия

²Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия

Настроения крестьян сибирской деревни весной 1920 г.

В статье рассматривается настроение крестьян в сибирской деревне весной 1920 г. Отмечается, что «антисоветские» настроения крестьян имели сложную природу и не были лишь результатом проводимой в сибирской деревне советской продовольственной политики. Они питались представлениями крестьян о том, что они сами могут и должны устанавливать власть в противовес «назначенной сверху»; что они самостоятельно могут издавать приказы, регулирующие отношения в деревне между крестьянами и отменяющие распоряжения вышестоящих властей; слухами о том, что коммунисты собираются национализировать всё имущество и жён. В конечном счёте они сводились к мелкобуржуазной природе крестьян, выступавших против всякой диктатуры – буржуазии или пролетариата.

Ключевые слова: Сибирь, деревня, продовольственная политика, Советская власть, крестьянство, «военный коммунизм».

Продовольственная политика после освобождения Сибири от колчаковщины не сразу приобрела широко известную форму «продразвёрстки». Первоначально заготовкой продовольствия занимались армейские заготовительные органы – опродкомы, к заготовкам широко привлекалась кооперация, имевшая в Сибири достаточно развитую сеть.

Создававшийся аппарат губернских и уездных продкомов был относительно немногочисленным и в основном занимался обеспечением продовольствием сибирских городов и транспорта. Лишь с созданием Сибпродкома, напрямую подчинённого Наркомпроду и независимого от Сибревкома и местных ревкомов, продовольственная политика стала осуществляться в интересах вывоза максимального количества продовольствия в Европейскую Россию. Этот период, начавшийся в разных губерниях Сибири осенью – зимой 1919 г. и завершившийся к лету 1920 г., имел ярко выраженную специфику, отличавшую его от последующего этапа, когда в Сибири в разных местах стали вспыхивать крестьянские восстания под разнообразными лозунгами – от «Учредительного собрания» и «Царя Михаила» до «Советов без коммунистов». Настроение сибирской деревни зимой – весной 1920 г. не было предметом научного изучения, поскольку исследователи в основном сосредоточивали внимание на антисоветских настроениях в сибирской деревне: с осуждением в советской историографии, или с упором на «кроважность большевиков», устроивших «кровавую баню» сибирским крестьянам, выступившим под лозунгом «За Советы без коммунистов» в историографии постсоветской.

Крестьянство Сибири встречало Красную Армию с надеждой на избавление от реквизиций и репрессий со стороны колчаковских властей, рассчитывая, что новая власть будет напоминать Советскую власть зимы 1917 – весны 1918 г., когда в деревне практически не собирались никакие налоги и сборы, и наладит нормальный товарообмен города и деревни. Однако к новым явлениям в деревне – ячейкам и комиссарам – крестьянство отнеслось настороженно. Так, инструктор Пигасов из Фоминской волости Тюменской губернии сообщал, что крестьяне недовольны развёрсткой хлеба и тем, что в школах не преподаётся закон божий; в деревне Гимгиной крестьяне недовольны членами ячейки за их комиссародержавие [4. Ф. Р-1, оп. 1, д. 61, л. 101].

В то же время новая власть резко ограничила самостоятельность крестьян в формировании органов власти. После освобождения от Колчака крестьяне организовывали на месте земств собственные органы власти – Советы и исполкомы, но с приходом частей Красной Армии они распускались и на их место назначались ревкомы [См. напр.: 7. С. 263 – 267]. Крестьяне же настаивали, чтобы органы власти были выборными, а не «назначаемыми сверху». Так, 27 декабря 1919 г. информационно-инструкторский подотдел отдела управления Новониколаевским уездом сообщил в Чаусский волостной ревком, что «граждане Чаусской волости [самовольно. – зачёркнуто в тексте] собравшись на собрание 25 декабря переизбрали волостной ревком, организованный на собрании 16 декабря в присутствии организаторов Советской власти» [4. Ф. Р-1546, оп. 1, д. 2, л. 70].

Кроме того, крестьяне отказывались выполнять распоряжения вышестоящих властей, ссылаясь на то, что «власть на местах». Такие заявления крестьян сразу же квалифицировались как анархия. Но поскольку у власти на местах были не некие неизвестно откуда появившиеся «кровавые коммунисты», а представители тех же рабочих и крестьян, то предпринимались попытки выстроить конструктивный диалог с крестьянством настолько это позволяли условия тех лет. Так, в январе 1920 г. в Каменском уезде Новониколаевской губернии съезд участковых комиссаров постановил обратиться в ревком с ходатайством разрешить созвать крестьянский съезд «как представительный народный орган». Вот что отмечалось в резолюции: «Принимая во внимание, что главная причина анархии, растущей в районе уезда, является преимущественное промедление в созыве уездного крестьянского съезда, многими обществами уже бросаются упрёки уездным властям, что там засели самозванцы, которые не имеют законного права приказывать, отказываются выполнять распоряжение высших органов и нам как проводникам в жизнь распоряжений высших правительственных органов, эта работа с каждым днём становится непосильнее и дальнейшая затяжка в организации крестьянского съезда будет являться залогом волны абсолютной анархии в уезде» [4. Ф. П-1, оп. 1, д. 78, л. 1].

Если сибирская деревня встретила новую власть хотя и несколько настороженно, но в целом достаточно благожелательно, то с началом осуществления новой продовольственной

политики повсюду стало замечаться недовольство крестьян. Напомним, что основу советской продовольственной политики в годы Гражданской войны составляли государственная монополия важнейших продуктов питания и предметов первой необходимости, национализация торговли, классовое распределение и организация продовольственных органов на принципах диктатуры пролетариата. Всё это должно было по замыслу советских руководителей привести к переходу от рыночного товарообмена к социалистическому продуктообмену. Развал промышленного производства в городах и масштабное разорение деревни Европейской России заставляли советское руководство обращать свои взоры на Сибирь, продовольственные запасы которой несмотря на то, что она полтора года находилась под властью эсеровских и колчаковского правительств, оставались по сравнению с Европейской Россией значительными.

В сводке Тюменской губчека 15 января 1920 г. подчёркивалось: «Настроение крестьян не везде удовлетворительно. В Бешкильской волости Ялуторовского уезда <...> местное кулачество открыто выступает против Советской власти, говоря на собраниях, что вам скоро будет конец; за ними идут малосознательные крестьяне, недовольные сдаче излишков хлеба» [6. Ф. 17718, оп. 1, д. 61, л. 50]. В отчёте начальника Новониколаевской уездной рабоче-крестьянской милиции с 6 по 13 апреля отмечалось: «Общее политическое настроение населения за отчётное время спокойное, но есть недовольство на почве принудительной развёрстки хлеба и враждебное отношение <...> к коммунистической партии, слышен даже такой ропот, что “Советская власть нам нужна”, а “коммунистов” не надо, они хотят забрать наш хлеб, а сами делать не хотят, в этом отношении видимо сильную роль играют остатки колчаковцев, пуская в тёмной деревенской массе контрреволюционные слухи» [4. Ф. Р-1141, оп. 1, д. 26, л. 52].

Приведены две, наиболее яркие сводки, однако подобные же сообщения неоднократно фиксируются по разным губерниям зимой – весной 1920 г.

Особенно сложная ситуация сложилась в районах партизанских действий против Колчака. Там и сами партизаны готовы были вновь взяться за оружие, чтобы отстоять свой хлеб от сдачи, и крестьяне в случае чего прибегали и к угрозам вызвать партизан, и к привлечению партизан на свою сторону. Характерный случай зафиксирован в селе Сартаковском Федосовской волости Алтайской губернии в марте 1920 г. Здесь крестьяне, отказавшись сдавать развёрстку, разогнали назначенный сельский ревком и избрали новый, а затем пригласили в село полторы сотни алтайских партизан, которые сразу же приняли сторону крестьян и не допустили роспуска ревкома и вывоза хлеба, а также не дали в обиду инициаторов выступления, когда особоуполномоченный губпродкома по развёрстке Котоховский пытался их арестовать [5. Ф. Р-521, оп. 1, д. 31, л. 40].

Своеобразной формой протеста против продразвёрстки была выгонка самогонки. Большевики сразу же объявили её «плодом подпольной агитации тёмных элементов» и начали планомерную борьбу. Но тут же натолкнулись на активное сопротивление крестьян. В волостях Романовской и Завьяловской Каменского уезда Новониколаевской губернии крестьяне, собравшись на сходку, постановили разрешить гнать и пить самогон, не взирая на уездные власти, которые «никто не выбирал» и которые поэтому «не имеют никакого права что-либо запрещать». Когда же уездные власти попытались отобрать самогонные аппараты, то крестьяне села Романовского подняли восстание и отстояли аппараты [4. Ф. П-1, оп. 1, д. 78, л. 13].

Разумеется, было бы упрощением сводить все настроения сибирской деревни к проблемам сбора продразвёрстки и спорам вокруг выборности власти и прав населения самому издавать себе приказы. Возьмём, например, слухи. Они играли порой не менее важную роль для формирования массового сознания и поведения крестьян, чем разъяснения агитаторов и пропагандистов. Например, неприятие к коммунистам со стороны крестьян подпитывалось массовым представлением о том, что коммунисты «крестьянство посадят на общий коммунистический котёл, куда потянут насильно и произведут национализацию женщин» [4.

Ф. Р-1141, оп. 1, д. 26, л. 43]. В данном представлении мы видим искажённую информацию о том, что коммунисты выступают сторонникам коммун в деревне.

Соответственно с этим крестьяне противопоставляли большевиков, которые в массовом сознании ассоциировались с борцами против белых, и коммунистов, которые якобы сочувствуют бывшим офицерам колчаковской армии. Так, инструктор Т. Андреев, посетивший Шипуновскую волость в январе 1920 г., отмечал в докладе, что основной интерес у крестьян вызывали следующие вопросы: почему на командные должности назначаются бывшие офицеры и как следует поступать с «бывшими предателями, которые служили Колчаку и предали крестьян»? [3. Ф. П-2, оп. 1, д. 142, л. 4].

А в селе Хмелевском Барнаульского уезда на собрании по поводу сбора пожертвований на восстановление транспорта один крестьян задал вопрос: «Кому мы будем жертвовать? Большевикам или большевикам-коммунистам? Там в городе говорят, две партии. А в коммунистах состоят буржуи» [1. 27 февр.].

Если последнее утверждение – не выдумка корреспондента газеты, написанная «для красного словца», то мы являемся свидетелями очень интересного феномена массового сознания того времени – мифологизации борьбы двух противоборствующих сторон в революции и Гражданской войне: есть большевики – они исключительно «хорошие», и есть «буржуи» – они исключительно «плохие». И вся Гражданская война предстаёт как мифологическая борьба «абсолютного добра» с «абсолютным злом» в его конкретных земных воплощениях. Следует отметить, что в таком виде Гражданская война изображалась в официальной советской историографии, а в постсоветской произошло изменение знаков, но мифологизированная картина осталась прежней.

Вместе с тем крестьяне проявляли практичность: они старались воспользоваться новыми условиями в своих интересах. Что, кстати, и зачастую не без успеха, делали и в предыдущие годы. Вот что отмечалось в докладе Бийского уездного ревкома: «В работах земельного отдела нельзя не отметить одного печального явления, что возникающие сельскохозяйственные коммуны и трудовые артели во многих случаях не носят идейного характера, а инициаторы их имеют главной и едва ли не единственной целью получить вне очереди лучшую землю, лошадей, сельскохозяйственный инвентарь и т.п.». И дальше в том же докладе сообщается: «Переход крестьянских лесов в общий фонд республики как бы озлобил крестьян, и они бросились безрассудно вырубать вырастающий лес на своих наделах» [3. Ф. Р-9, оп. 1, д. 143, л. 122].

Настроение сибирской деревни в полной мере отразилось в программе так называемого «Крестьянского союза». На допросах в алтайской губчека в декабре 1920 г. эсер В. Игнатьев рассказывал, что он разочаровался в деятельности Советской власти, считая, что она ведёт «к полнейшему разорению страны и подчинению иностранному владычеству», и поэтому выход он увидел в том, что «прекратить внутреннюю гражданскую войну может только власть, опирающаяся не на насилие, а на право народное, а, следовательно, только народная власть и может вывести страну из хозяйственного тупика; совершить это дело – создание народной власти – может только класс, являющийся большинством населения, т.е. крестьянство». И далее он рассуждал так: «Для крестьянства, обладающего 97 % голосов, созыв Учредительного собрания означал бы только видоизменение его собственной, крестьянской власти <...> Органами Крестьянского союза должны были стать: крестьянские думы, управы, крестьянские съезды уездные и губернский – они же органы временной власти. Отношение Крестьянского союза к выполнению развёрстки – отрицательное, так как она берёт у крестьян необходимые для жизни продукты, сокращает и без того сокращённую посевную площадь» [4. Ф. П-1, оп. 9, д. 15а, л. 282, 283].

В манифесте «Трудового крестьянского союза Сибири» летом 1920 г. крестьян призывали «встать с оружием в руках под знаменем Крестьянского союза против изменнической, самозванной, насильнической власти коммунистов-большевиков», коммунисты объявлялись врагами народа и предателями отечества. К борьбе «с новым эксплуататорским

коммунистическим государством, в котором платят гроши, а жируют комиссары», призывались и рабочие [4. Ф. П-1, оп. 9, д. 15а, л. 287].

Созвучно этому обращение партизанского вождя Кравченко к крестьянам Енисейской губернии, появившееся в апреле 1920 г.: «Со всех сторон я только и слышу, что дождались, мол российских товарищей, дождались коммуны и т.д. Что это значит? А это то, что буржуазия и её приспешники, рассчитывая на нашу бессознательность, хотят всякими тёмными слухами всё хорошее оклеветать и забрызгать своей ядовитой слюной всё светлое, что принесли с собой наши российские братья. Гады, рассчитывая на наше невежество подорвать наше недоверие друг к другу, заставить нас относиться враждебно, а самим половить рыбку в мутной воде. Разве не их рук дело то, что в некоторых местах крестьяне прячут хлеб и стараются не показать его, а закапывают в землю. Разве не их рук дело – гнусная клевета на меня и Щетинкина, что будто бы мы хотели предательски изменить своим товарищам и в тылу поднять восстание, и ещё много других подлостей было пущено в ход, чтобы нас посорить и разъединить. Разве не они пустили клевету, что я и Щетинкин боролись за Учредительное собрание, и тем самым породили к нам недоверие. Ведь вы знаете, что я поднял восстание с лозунгом “Вся власть трудовому народу в лице их Советов”» [2. 22 апр.].

В приказе по Енисейскому партизанскому отряду атаман Каверин в мае 1920 г. сообщал о занятии станицы Торгашино и заимки Кузнецова, где «комиссары и коммунисты, сознательно работавшие продолжительное время и предавшие нашу несчастную родину в угоду жидам, арестованы и преданы смертной казни». В программе атамана значились разгон коммун и коммунистов, отмена денежной аннуляции, право свободной торговли продуктами, право на мелкую земельную и частную собственность, обложение прогрессивным налогом имущего класса [4. Ф. П-5, оп. 2, д. 1607, л. 4, 5].

Обострение отношений крестьян к Советской власти, дошедшее до открытых выступлений и восстаний летом – осенью 1920 г. было связано не только с «нажимом» в сборе продразвёрстки, но и с комплексом представлений крестьян о том, что должна представлять из себя Советская власть и как она должна действовать. В этом проявлялся мелкобуржуазный характер крестьянства, которое выступало против всякой диктатуры – эсеровской, колчаковской или большевистской. Однако объективно у крестьян было два выбора – или диктатура буржуазии (неважно, в эсеровском или белогвардейском варианте), или диктатура пролетариата. Выбор был сделан историей – в стране установилась диктатура пролетариата. Но победить ей помогло стремление и умение привлечь крестьян на свою сторону как в годы Гражданской войны, так и после её окончания.

Литература

1. Алтайский коммунист (Барнаул). 1920.
2. Бюллетень Минусинского уездного ревкома и уездного комитета РКП(б). 1920.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК).
4. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО).
5. Государственный архив Томской области (ГАТО).
6. Российский государственный военный архив (РГВА).
7. Кокоулин В.Г. Алтай в годы революции, Гражданской войны и «военного коммунизма» (февраль 1917 – март 1920 г.). Новосибирск, 2013.

Копытина А.В.

*АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия***Влияние сибирской ментальности на формирование универсальных компетенций**

Универсальные компетенции, ранее называемые общекультурными, устанавливаются образовательными программами и конкретизированы в Федеральных государственных образовательных стандартах. Данные компетенции формируются у студентов в процессе развития личностных способностей. В дальнейшем навыки и знания, приобретенные в рамках этого процесса, позволяют решать специалисту основные коммуникационные, организационные, социо-культурные задачи.

В чем же отличие общекультурных и универсальных компетенций?

Общекультурные компетенции – это базовая компетентность личности, обеспечивающая вхождение в мировое пространство культуры и самоопределение в нем, применение профессиональных знаний и умений в практической деятельности, овладение нормами речевого этикета и литературного языка, а также культурой межнационального общения и способностью ориентироваться в социуме [1].

В связи с актуализацией Федеральных государственных образовательных стандартов, произошло преобразование общекультурных компетенций в универсальные, с разработкой последних в виде четко сформулированных категорий. Были сформированы восемь универсальных компетенций, в которых прослеживается преемственность от общекультурных: ОК-5, ОК-9 преобразованы в УК-4, УК-8; компетенция ОК-6 распределена на УК-3, УК-5. Таким образом, определенно прослеживается взаимосвязь компетенций общекультурных компетенций и универсальных компетенций. Особенность обновленных компетенций состоит в индикаторах определяющих уровень ее достижения. Образовательная организация должна, в соответствии с рассмотренными индикаторами, самостоятельно планировать результаты обучения по модулям (дисциплинам) и практикам. В этой связи, для реализации учебного процесса на основе Федеральных государственных образовательных стандартов стоит также брать во внимание профессиональные стандарты, с целью дальнейшего осуществления выпускником видов профессиональной деятельности. Благодаря интеграции указанных стандартов формируются все виды компетенций, с учетом решения профессиональных задач одного или нескольких типов [2].

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина (город Бийск, Алтайский край) реализует направления подготовки по всем образовательным ступеням - бакалавриат, магистратура, аспирантура – в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования, актуализируя компоненты образовательного процесса. Модули учебных планов, а также практики направлены на освоение всех видов компетенций, обозначенных в ФГОС ВО.

Отдельный интерес в реализации образовательных программ АГГПУ им. В.М. Шукшина вызывает направления подготовки с творческими профилями: Графический дизайн, дизайн интерьера; Изобразительное искусство и дизайн; Арт-дизайн сувенирной продукции.

Совершенно очевидно, что кроме освоения профессиональных компетенций, студентам данного профиля на первых этапах обучения и далее до защиты выпускной квалификационной работы, а также, в последствии, реализуя себя в профессиональной сфере, необходимо освоение универсальных компетенций. Командная работа, коммуникативность, поиск и систематизация информации, межкультурное взаимодействие, самоорганизованность – необходимые личностные качества любого современного студента.

В настоящее время в России происходит рост регионального самосознания и в первую очередь это самосознание обязано приобретать молодое поколение. Это проявляется в активных попытках населения регионов привлечь внимание центра к своим социально-

экономическим и экологическим проблемам, в осознании региональных культурных особенностей, росте интереса к истории своего региона [3].

Образовательная и внеурочная деятельность Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина неразрывно связана с той средой, в которой возник и развивается вуз.

Город Бийск – старейший город Алтайского края. Более чем за трехсотлетнюю историю город видоизменялся как во внешнем облике, так и стратегических назначениях. Основанный указом Петра Великого в статусе форпоста, в последствии, приобрел купеческий торговый характер. Международные отношения с Китаем, Монголией и другими странами, которые стали возможны за счет строительства федеральной дороги, позволили бийскому купеческому сообществу создать целостную историческую застройку, уникальную, которой в городах Алтайского края уже не существует.

Перемены XX века происходившие в стране и обществе, безусловно повлияли на формирование городской среды. Развитие промышленности, образования, культуры повлекли за собой строительство обширных жилых комплексов, индустриальных районов, общественных учреждений.

Отдельной страницей в развитии социальной, научной сферы города является присвоение статуса Научоград.

Огромное влияние на формирование научной, социо-культурной, творческой, образовательной и прочих сфер города имеет деятельность АГГПУ им. В.М. Шукшина. Существовая в сложившейся историко-культурной среде, университет не только чтит свои традиции, но неуклонно развивается по вектору инноваций. Проектная деятельность студентов и педагогов вуза базируется на собственной идентичности, ментальности.

Ментальность, в данном случае, позиционируется как совокупность духовно-нравственных аспектов воспитания учеников, исследовательской деятельности по изучению историко-культурного наследия и его преемственного развития в тех или иных видах проектов. При этом обучающийся имеет возможность самопознания, осознать себя как часть этого процесса, наглядно увидеть значимость своей деятельности в достигнутом результате. Межкультурное взаимодействие также расширяет познавательное поле, обогащая знания и определяя собственную ментальность среди других.

Если рассматривать главную причину отличия сибиряков от других россиян, можно процитировать русского публициста Н.В. Шелгунова: «Огромные, почти не заселенные пространства Сибири, суровые природные условия, принудительная колонизация политическими и уголовными ссыльными, ассимиляция пришлого населения с коренными народами, отсутствие дворянства и крепостного права, все это, и определило формирование совершенно особых черт сибирского характер» [4].

В современное время в сложившихся условиях формируется менталитет целого пласта молодого поколения и задачей вуза является развитие качеств каждой личности. Кроме патриотизма, целостного понимания значения российской культуры в мировом пространстве, богатства русского языка, современный студент формирует собственное мировоззрение исходя из условий, в которых он пребывает. Можно привести элементарные примеры: длительность светового дня, температурные условия, удаленная расположенность населенных пунктов, экономические аспекты, и т.п. – все эти сложности формируют личность выносливую, волевою, целостную, позволяют ей преодолевать трудности и решать сложные задачи, структурировать и систематизировать свою деятельность, анализировать собственные возможности и планировать дальнейшую работу. Очень важно в условиях профессионального обучения привить студенту понимание, что данная среда может способствовать развитию личностных качеств. Целеустремленность, организованность, трудолюбие – это далеко их неполный список. В этих качествах выражается уникальность сибирского менталитета.

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина реализует образовательную деятельность, решая комплексно задачи всестороннего

развития личности студента. Творческие и научные мероприятия в рамках Года Шукшина еще раз подчеркивают заинтересованность студентов в изучении уникальности своего менталитета. Герои и события в произведениях В.М. Шукшина – явного представителя сибирской ментальности, - нашли отклик, как в художественных произведениях, так и в научных проектах. Данное мероприятие позволяет проанализировать, как в процессе освоения профессиональных компетенций, неотделимо происходит их синтез с универсальными, как в процессе создания проекта прочитывается контекст развития личности.

Можно подчеркнуть главную мысль о том, что происходящие перемены в российском образовании, а именно введение компетентного подхода в обучении студентов, неразрывно связаны с развитием личности и включают традиционные принципы, базирующиеся на менталитете, культурном наследии и исторической памяти региона.

Литература

1. Нигматзянова Г.Х. Структура и содержание общекультурных компетенций студента // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/02/5851>
2. Одарич И.Н., «Формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций студентов бакалавриата по направлению подготовки строительство», Baltic Humanitarian Journal. 2018. Т. 7. № 1(22), с. 276-278
3. Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. Новосибирск: НГУ, 2012
4. Русское слово. 1863. N 9. С. 36, 37-38.

УДК: 81

Кулехова А.М.

¹Институт развития образования Иркутской области, ²МБОУ СОШ № 20, г. Иркутск, Россия

Взаимодействие бурятского и русского языков на территории Прибайкалья

Вопрос изучения, взаимодействия и взаимообогащения русского и других национальных языков был и остается актуальным в лингвистике. Русский язык не только служит важнейшим средством взаимообогащения, сотрудничества и общения между народами России, но и является источником обогащения и развития языков народов всей страны [Элиасов 1965]. Однако и он в свою очередь подвергается влиянию со стороны языков аборигенов того или иного края, обогащаясь и развиваясь. Так, например, бурятский язык оказал большое влияние на разговорную речь русских старожилов Забайкалья. Но было бы ошибкой говорить о воздействии бурятского только на разговорную речь забайкальцев. Многие слова и понятия аборигенов Восточной Сибири прочно вошли в традиционный русский фольклор старожилов, который в результате влияния приобрел весьма заметные локальные качества, иногда перерастая ареальные рамки.

Характер взаимодействия двух разноструктурных языков, находящихся в непосредственном контакте, разный: к первой группе следует отнести русизмы, которые широко вошли в литературный бурятский язык, и бурятизмы, вошедшие в русский литературный язык – в русские говоры и его устное народное творчество, разговорную речь, городское просторечие. Заимствованные в разные периоды контактирования русского и бурятского языков слова, например: *аркан, тарбаган, мерин, гуран, доха, малахай, аргал* и другие, отмечены в нормативных словарях и имеют широкое употребление в речи российских граждан.

Вторую группу составляют слова полирегионального распространения, встречающиеся по всей Восточной Сибири, частично на Дальнем Востоке и даже в некоторых говорах Западной

Сибири: тулун «кожаный мешок из шкуры животного», яман «домашняя коза», курма «вид верхней одежды», тыкен «домашний козел, самец» и другие. На их полирегиональность указывают данные словаря В.И. Даля «Опыт областного великорусского словаря», «Словарь современных русских народных говоров», материалы научных работ по сибирской диалектологии.

Третья группа – это слова, не зарегистрированные в нормативных словарях. Их можно разделить на две подгруппы: а) слова, получившие широкое распространение в Забайкалье, Иркутской и Читинской областях, т.е. в говорах, находящихся в непосредственном контакте русского языка с бурятским языком; б) слова, отмеченные только в говорах Забайкалья (местная лексика или слова-эндеммики).

«Процесс заимствования – явление сложное, обусловленное факторами как экстралингвистического, так и внутрилингвистического порядка. Заимствования появляются в том или ином языке как результат торгово-экономического, общественно-политического контакта, как следствие соседствующего территориального расположения народов или племен, входящих в родственные, религиозные отношения, культурные связи...» [Бертагаев 1978].

Лексическое заимствование как языковой процесс усвоения иноязычного материала имеет общие закономерности:

Слова иноязычного происхождения в момент появления в заимствующем языке, имеют признаки:

- минимальна степень освоения;
- подчинение фонетическому и грамматическому строю;
- сохранение признаков языка-донора.

Образование новых лексико-семантических вариантов;

Образование лексемы, подчиненной фонетическим, морфологическим, синтаксическим, деривационным законам заимствующего языка, и вхождение в активный пласт языка.

Исследователи прошлого Сибири утверждали, что в языке русских старожилов много туземных слов. В XVIII в. Паллас писал, что бурятский язык является господствующим языком простого народа Восточной Сибири. Русское население Сибири активно впитало языковые особенности аборигенов, считая их естественными. В.Г. Осокин, И. Черкасов, говоря об употребительности бурятских слов в речи крестьян, ссылаются на язык образованного городского жителя, в котором многие слова не имеют реалий в русском быте. Подметив, что жизнь среди бурят делает и самую жизнь русского населения сколом с бурятской во всех ее проявлениях, Г. Осокин приходит к выводу о том, что «одной из главных причин взаимодействия, конечно, является совместная, близкая по своим интересам жизнь двух разных народностей» [Осокин]. Таким образом, именно социализация способствует обогащению и развитию языковых процессов.

В первый период общения, с середины XVII в. до середины XIX в., бурятский язык оказывает более сильное влияние на лексику говоров русских старожилов, чем последний на язык бурят. Во-первых, прибывшие на новое место сталкиваются с иным растительным и животным миром, укладом хозяйствования, системой взаимоотношений в общественной формации и все названия, функционирующие в этой местности, заимствуются у аборигенов. Топонимика тоже заимствуется у бурят. Во-вторых, общность экономических интересов русских и бурят предполагает коммуникацию на одном языке и, малочисленное по сравнению с аборигенами пришлое население, овладевает бурятским языком [Харташкина 1968].

Так, из бурятского языка русскими заимствовались слова, которые, как пишет А. Щапов, «преимущественно относятся к туземным зоолого-экономическим условиям монголо-бурятского скотоводческого и звероловческого быта... главным образом, к домашним животным и отчасти к зверям, девять слов относятся к диким растениям, преимущественно употребляемым туземными жителями в домашнем быту, прочие слова касаются разных

предметов и представлений [Щапов]. Специфика заимствованной лексики дает возможность распределить слова по тематическим группам.

Наибольшее число заимствований падает на топонимику. Это название населенных пунктов и различных географических точек. За редким исключением все названия деревень по Якутскому тракту – бурятского происхождения. Русские сёла назывались по имени рек, на которых закладывались. Так, село Куда называется по реке Куда (Худайн гол – по-бурятски долина (река/свата), село Оёк получило название от гидронима Оёк, Оечка от бурятского Ойгой уһан – лесная вода (речка) и т.д.

Для бурятской топонимики характерно название местности по наличию дичи, растительности. Например, название русской деревни Хогот происходит от бурятского Ногоото – место, где водятся изюбры, производное слово от ногоон – самка изюбра [Харташкина 1968], деревня Хандагатай – от бурятского хандагайта – место, где водятся лоси, производящая основа хандагай – лось. Деревня Караганай (теперь Усть – Орда) получило название от наименования колючего кустарника – харгана.

Встречаются населенные пункты, названные по каким-либо особенностям рельефа местности или других географических точек. Деревня Карлук называется по горе Харлаг «темнеющий, темноватый» [Харташкина 1968], село Шерагол получило наименование от речки Шарагол «желтая речка» [Черемисов], название деревни Черная речка – калька бурятского Хара уһан, в русском произношении Харагун.

Заимствуется местная географическая терминология:

а) ландшафтные термины: жалгай, ялгай – ложбина, овраг, лог, падь. (Саган ялгай, Ута ялгай, падь Шеберты ялгай); дабаан – горный хребет, перевал, возвышенность (Хамар дабан); бутан – кочки на болоте; [Черемисов];

б) термины, обозначающие особенности почвы: хужир – солончак, гуджир – заб. солонец, солончак [Даль 2009];

в) прочие географические термины: аршан – источник с целебной водой, святая вода. В словаре В.И. Даля с пометкой «Ирк.» - источник, ключ хорошей воды, пресный родник [Даль 2009], утуг – огороженный участок покоса при усадьбе.

Местное население заимствовало у бурят значительное количество слов, которые играли немаловажную роль в обогащении словарного запаса забайкальцев, переселенцев, проживающих по соседству с аборигенами края. Русские заимствовали у них слова, относящиеся к быту, скотоводству, охотничьему и рыболовному промыслу, земледелию и другим областям жизни, для адаптации и быстрой социализации.

Но взаимодействие бурятского и русского языков не ограничивается только заимствованием. Здесь можно написать о переключении кода в речевой практике бурят и русских, проживающих на одной территории.

Район Восточной Сибири является уникальным районом для исследования в области контактирования языков, так как здесь представлены кроме украинских, польских, эвенкийских, якутских, почти все русские говоры, обогащенные бурятскими чертами.

Литература

1. Бадмаев А.Р. Современная языковая ситуация в Бурятии, -У-У,1978г.
2. Баранникова Л.И. Диалектная лексика в говорах Забайкалья, У-У,1985г.
3. Будаев Ц.Б. Из истории русских заимствований в бурятском языке, - У-У,1969г.
4. Будаев Б.Ж. Социоллингвистический аспект двуязычия в Бурятии, У-У,1991г.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, М., 2009г.
6. Молодых К.А. Бытовая лексика русского старожилого населения Тункинского края, - Ирк-к,1960г.
7. Раднаев Э. Бурятский язык в условиях двуязычия \ «Байкал»,1991, №3.
8. Харташкина Р.Х. Взаимодействие русского и бурятского языков в области лексики, автореф., Ирк-к,1968г.
9. Элиасов Л.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья, - У-У,1965г.

10. Эрдынеева Э.Д. К изучению русских говоров Бурятии.
11. Юмсунова Т.Б. Русские народные говоры Забайкалья.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка.

УДК: 39

Кулова Э. К.

Таласский государственный университет, Талас, Кыргызстан

Исторический процесс возникновения города Талас

Исторический процесс возникновения города связан в первую очередь с отделением ремесла и торговли от земледелия, однако в каждом конкретном случае могли действовать и иные факторы, модифицировавшие этот процесс.

В одних случаях, города действительно первоначально могли возникнуть, как пункты обороны и именно как таковые они сразу же начинали притягивать к себе нуждавшееся в защите ремесленное и торговое население [3.С.32]. В других случаях города создавались как управленческие центры для колонизации, но и в этом качестве они должны были притягивать к себе ремесленников и торговцев, находивших в таких поселениях состоятельных покупателей и создавать благоприятные условия для рыночного обмена [4.С.8]. По вопросу возникновения городов в Кыргызстане известный исследователь истории городов Кыргызстана Лосев Д. С. отметил: «Город выполняет самые разнообразные функции. Он является центром сосредоточения промышленности, центром руководства экономикой прилегающей территории, кузницей квалифицированных кадров, транспортным и торгово-распределительным узлом, центром научной мысли, культуры и т.д [5.С.8].

История развития городов Кыргызстана тесно связана с историей заселения и развития ее производительных сил [5.С.9]. Урбанизация Таласской долины началась еще до образования на Тянь-Шане Западно-Тюркского каганата и связана с культурным освоением ее согдийскими земледельцами, ремесленниками и купцами [6.С.39].

В пределах Таласской долины и на подступах к ней возникают города: Атдах, Хамукат, Шельджи, Сусы, Куль, Ак-тюбе. [2. С.39]. Городище Ак-Тюбе- крупнейший средневековый населенный пункт Таласской долины, расположенный по обоим берегам р.Талас. Основная часть, которая только и доступно в настоящее время исследованиям, стоит на правом берегу. На левом берегу, занятом на огромной территории строениями современного административного центра долины- города Талас. Данное городище или отдельные памятники, найденные на его территории, изучались В.В. Бартольдом, В.А. Каллауром, П.П. Ивановым, М.Е. Массоном, и Г.Е. Пугаченковой [1.С.227], Б.Э.Аманбаевой.

В XIII-XVIII вв. все города Таласской долины по «неизвестным» причинам буквально исчезли. Не возродилось и не существовало ни одного значительного ремесленно-земледельческого поселения, подобного X-XII вв. В современном периоде место расположение города Ак-Тюбе сдана для сельскохозяйственного пользования.

В XIII в. Кыргызстан подвергся нашествию монголов. С этого момента начинается длительный экономический и политический упадок народов, населявших Среднюю Азию, продолжавшийся в течение нескольких веков.

Вплоть до присоединения к России Кыргызстан- район безраздельного господства кочевников- скотоводов, арена частых междоусобных войн, объект грабительских набегов. В этой обстановке, естественно, не могли возникать и развиваться не только города, но и какие бы то ни было оседлые поселения.

После длительного перерыва некоторое оживление городской жизни на юге Кыргызстана происходит с конца XVIII начала XIX в., в связи с усилением Кокандского ханства, подчинившего себе кыргызские племена, и усилением торговых связей Средней Азии с Россией [7.С.16].

Вхождение Киргизии в состав России в 50-70-х годах XIX в. было закономерным итогом развития исторически сложившихся в предыдущий период политических, социально-экономических и культурных взаимоотношений кыргызского народа с Россией, составной частью общего процесса присоединения к ней ряда национальных окраин, в первую очередь Казахстана и средней Азии. В 60-х годов кокандское ханство в основном утратило свое бывшее господство в северных окраинах Киргизии и в районе Сыр-Дарьи. В правительственных кругах России было окончательно решено соединить Сыр-Дарьинскую и Сибирскую линии. Это произошло после того, как в 1864 г. царские войска заняли города Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Позиции России в Чуйской долине и в Иссык-Кульской котловине упрочились окончательно.

Присоединение к России привело к значительным изменениям в экономике Кыргызстана, к преобразованию населенных пунктов, к развитию старых, возникновению новых городов, к частичному оседанию кочевников-скотоводов [6.С.98]. Изменился национальный состав населения. Русские и украинские переселенцы способствовали развитию земледелия, расширению торговли, начала, хотя и медленно и однобоко, развиваться промышленность по обработке сельскохозяйственной продукции и добыче полезных ископаемых. Возник ряд селений и рабочих поселков, превратившихся позже, в годы советской власти в города (Рыбачье, Талас, Нарын, Кызыл-Кия, Сулюкта и др.) [10.С.20].

Тем не менее, вплоть до Октябрьской революции, эти города не имели большого экономического значения. Они выполняли, главным образом, функции административных, в лучшем случае, торгово-распределительных центров. Промышленность была представлена несколькими десятками полукустарных предприятий, а удельный вес населения, занятого в промышленности, не превышал 5-6%. Основным занятием горожан была торговля, извоз и сельское хозяйство. Городское население пополнялось, главным образом, за счет переселившихся крестьян, которым легче было получить земельные наделы.

Вновь возникшие города имели совершенно иную планировку: широкие, пересекавшиеся под прямым углом улицы, небольшие озелененные кварталы. Но на этом благоустройство, собственно, и заканчивалось. Города мало чем отличались от соседних сел (разве только своими размерами). В них были одноэтажные, большей частью саманные, крытые камышом домики, обширные надворные постройки, сады; пыльные летом, грязные осенью улицы. Среди жителей преобладали русские, украинцы, узбеки, немного татар и очень мало киргизов.

Административно-территориальное устройство Таласской области начиналось с 1864 года с включением земель в Туркестанскую область Оренбургского генерал-губернаторства. В 1867 году создается Туркестанское генерал-губернаторство куда входит и Таласская область. В 1886 году генерал-губернаторство преобразуется в Туркестанский край с районным центром в городе Ташкенте, в связи с чем Таласская долина с ее предгорьями была переподчинена Семиреченскому губернаторству, где кыргызское население восточной и северо-западной части Таласа вошло в состав Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области. Население 336,8 тыс.чел., в том числе 15,2 тыс.человек составляли горожане. Главное занятие населения-скотоводство, в котором занято 50,1%, 37,6% занимается земледелием-главным образом в южной части уезда, а также по рекам Талас и Чу, т.е. там, где возможно искусственное орошение или богарное полеводство.

В переселенческой политике царизма прослеживается несколько этапов. Руководствуясь своими экономическими и политическими интересами, правящие круги империи в начальный период исходя из внутренней обстановки, поощряли переселенческое движение, но затем нередко и ограничивали, сдерживали его. Переселенческим процессом в конце XIX в. был охвачен и Аулие-Атинский уезд Сыр-Дарьинской области, в который входила Таласская долина. В Таласской долине первыми переселенческими селами, которые образовались в 1876-1877 гг. основную часть населения составляли русские и украинцы.

Одним из таких сел было Дмитриевское. Земельный надел данного поселка заключается в 2-х отрубках. 1-й отведен в 1877 и частью прирезан в 1885 г. На этих землях: дворы и огороды, пашни, сенокосы, сады и мельница, туземное кладбище, русское кладбище, галька, речки и арыки, степь каменистая, бугры и дороги, выгон, земля отведенная под училище (школу), участок учителя и участок и усадьба церковного причта. 2-й отруб, отведенный в 1895 г. включает в себе: пашни, сенокосы, мельница, галька, дороги, сюда же входит участок, оставшийся в пользовании киргиз-40 дес. В Таласской долине вместе с русскими поселениями параллельно основались и немецкие селения, которые внесли определенный вклад в развитие Таласской долины в целом.

До начала 80-х годов XIX века в Кыргызстане было всего несколько десятков немцев, которые находились здесь в основном по долгу службы и не являлись постоянными жителями. Переселение большой группы немцев-крестьян на территорию Кыргызстана произошло в 1882 г. из европейской части Российской империи. По религиозной принадлежности они были менонитами. Первые немецкие поселки возникшие в Таласской долине Ниолайполь, Кеппенталь, Гнаденталь. 1883 г. от них “отпочковался” выселок, названный Гнанденфельд [9.С.80]. Они занимались не только скотоводством, но и земледелием. Переняли кыргызы у немцев технологию выращивания различных земледельческих культур, и в первую очередь, картофеля. Таласские немцы разводили лучшие и разнообразные сорта картофеля, который приобретался у них как посевной населением русско-украинских селений Таласской долины и далеко за ее пределами, в частности в г.Аулие-Ата[9.С.81]. Сохранились данные о том, что в немецких селениях работали ткацкая мастерская, дерево-обрабатывающая мастерская, мельница, а также у них было рационально поставлено сельское хозяйство. Многие орудия труда немецких переселенцев были заимствованы местными и переселенцами.

Этому свидетельствует то, что в селе Дмитриевском с помощью немцев русский крестьянин построил крупчатую мельницу и всё селение начало употреблять в пищу белый хлеб[9.С.81]. По образцу немецких маслобоен русскими была заведена маслобойня в Дмитриевском. Молочные продукты, производившиеся немцами, пользовались большим спросом на значительной части Туркестана, а соседними жителями со временем перенялось технология их приготовления. Переселенческая политика, осуществлявшаяся царизмом в крае, приводила ко многим новым явлениям, имевшим противоречивый характер. Так, с одной стороны, она способствовала складыванию объективных предпосылок для оседания кыргызов, но с другой стороны, насильственные изъятия наиболее пригодных к земледелию территорий кыргызов тормозили процессу оседания местного населения.

В дореволюционный период количество волостей в Таласской долине в разные годы не было одинаковым. С ростом населения волости, кочевые общества дробились, перекочевывались с места на место или передавались в соседние уезды.

В конце XIX века начале XX века восточная часть Таласской долины состояла из 8 кыргызских волостей (Кара-Бууринская, Бакайырская, Баутерекская, Беш-Ташская, Уч-Коргонская, Кенкольская, Каракольская, Куркуреская) и 5 волостей, в которых проживали переселенцы (Ленин-Польская, Покровская, Дмитриевская, Гродиковская и Александровская).

Таким образом, в Таласе местное население в конце XIX- начале XX века с установлением новых административных порядков были вынуждены принять условия колониальной политики царской России. Переселенческая политика царизма дала свои плоды в Средней Азии. По итогам переселенческой политики образовывались новые поселения. Таласская долина не была в этом исключением. Были образованы русско-украинские поселения и параллельно основывались немецкие поселения. Надо отметить положительные стороны влияния переселенцев на социально- культурную жизнь кыргызов. От переселенцев были заимствованы новые орудия труда для возделывания земли, новые сорта хозяйственной культуры, а также породы крупно рогатого скота. Историческими условиями основания

с.Дмитриевка было колониальная политика царской России, который осуществлялся по всей Средней Азии.

Литература

1. Амитин-Шапиро З.Л. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии (1750-1917) [Текст]/З.Л. Амитин-Шапиро. - Фрунзе:[б.и],1958.-118с.
2. Археологические памятники Таласской долины. [Текст]/Отв.ред. П.Н.Кожемяко.- Фрунзе:[б.и],1963.-263 с.
3. Байпаков, К.М., Ермакович Л. Б. Древние города Казахстана [Текст]/К. М. Байпаков, Л.Б. Ермакович. – Алма-Ата:[б.и], -1971 -212 с.
4. Белиницкий, А.М. и др. Средневековый город Средней Азии[Текст]/А.М. Белиницкий, И.Б.Бентович, О.Г.Большоков.-Л.: [б.и], 1973. – 76с.
5. Лосев, Д. С. Города Киргизии [Текст]: Краткий библиографический указатель /Д.С. Лосев. – Фрунзе:[б.и], 1958.- 90с.
6. Горячева, В. Д., Перегудова, С.Я. Памятники истории и культуры Таласской долины [Текст]/В.Д. Горячева, С.Я. Перегудова. - Бишкек:[б.и], 1995.-101с.
7. Галицкий, В.Я. История города Пишпека (1878-1917) [Текст]/ В.Я. Галицкий. –Фрунзе:[б.и], 1980.- 128 с.
8. Мокрынин, В., Плоских В. Клады Кыргызстана: мифы и реальность [Текст]/В.Мокрынин, В. Плоских.-Бишкек: [б.и], 1992.- 230с.
9. Кенешбеков К.А. Вклад немцев в развитие картофелеводства в Кыргызстане 2008 год объявлен ООН годом картофеля [Текст]/ К.А.Кенешбеков. «Актуальные проблемы и перспективы развития науки и образования». Сборник научных статей научно-практической конференции.- Бишкек:[б.и], 2008. -218с.
10. Малабаев, Ж.М. Бишкек-столица Кыргызстана. [Текст]/Ж.М.Малабаев -Бишкек: [б.и], 2001.- 304с.

УДК: 82

Лаптиева А.Е.

АГГПУ им. В.М Шукшина, г. Бийск, Россия

научный руководитель: канд. филол. наук, доцент В.Г Фёдорова

Художественная деталь в рассказах В. М. Шукшина

Василий Макрович Шукшин – великий алтайский писатель, рассказы которого являются «копилкой» русских национальных кодов и глубоких подтекстов, смысл которых сможет расшифровать лишь внимательный читатель. Раскрытию «глубоких подтекстов» способствует внимание к художественной детали.

Художественная деталь – значимый, выделенный элемент художественного образа, выразительная подробность в произведении, несущая значительную смысловую и идейно-эмоциональную нагрузку. Вслед за А.Б. Есиным «под художественной деталью мы будем понимать мельчайшую изобразительную или выразительную художественную подробность: элемент пейзажа или портрета, отдельную вещь, поступок, психологическое движение и т.п.» [1, с. 75]

В зависимости от фокуса художественного изображения художественные детали подразделяются на психологические, выявляющие внутренний мир человека и отдельные психологические аспекты; и внешние, рисующие подробности объективной материальной действительности. Внешние детали, в свою очередь, подразделяются на портретные, пейзажные и вещные. Следует заметить, что между внешними и внутренними деталями нет четкой оппозиции, и в зависимости от контекстуального значения они могут переживать состояние диффузии.

Особняком стоит символическая деталь - единичная подробность, охватывающая целостную сущность образа, дистанцированность которой обусловлена отличием характера

художественного воздействия. «Подробности действуют в массе, описывая предмет или явление со всех мыслимых сторон, символическая деталь единична, старается схватить сущность явления разом, выделяя в ней главное». [1, с. 76]

Таким образом, благодаря привлечению вышепредставленного теоретического материала, сравнительному и типологическому методам литературоведческого исследования нам удалось проследить динамику употребления и функциональную нагрузку художественной детали в рассказах Василия Макаровича Шукшина.

Актуальность заглавной темы обусловлена недостаточным уровнем исследования анализируемого предмета работы, систематическое изучение которого могло бы внести качественно новое в понимание эволюции индивидуального сознания автора, позволило проследить динамику художественного восприятия писателем явлений объективной действительности.

Внимание В.М. Шукшина к художественной детали определяется уже в ранних рассказах, принадлежащих первому периоду творчества писателя, охватывающему, по периодизации А.И. Куляпина, период с 1958 по 1965 гг. [2, с. 32]

Данный творческий этап характеризуется обилием индивидуальных портретных характеристик героев. Так, в рассказе «Лида приехала» каждое действующее лицо, независимо от места и роли в произведении, наделяется специфическими портретными деталями: Лида - «ярко-красные губы, голубые глаза» (главный герой), Тетя - «красное лицо» (второстепенный герой). [3] Данный художественный прием позволяет рассматривать конкретного персонажа как отдельный, неповторимый художественный образ.

Значительную роль в портретных описаниях играют символические детали, выявляющие наиболее важные черты героев: так «полные белые руки» Лиды, неоднократно отмеченные автором, указывают на отсутствие тяжелого физического труда в жизни девушки; а отец, который постоянно «икал и вытирал губы салфеткой» формирует резко отрицательное отношение читателя. В рассказе «Правда» «большой рот» директора, помимо символической метафоры «рупора правды», приобретает номинативную функцию, так как целостный художественный образ посредством метонимического переноса далее обозначается просто «большеротый». Данный художественный ход Шукшин сохранит на протяжении всего творческого пути.

С портретными деталями на данном этапе творчества тесно взаимодействует деталь психологическая. Являясь продолжением описания внешности героев, внутренняя деталь несет глубокий смысл, высвечивая внутренние чувства и мысли персонажей.

Необходимая глубина раскрытия образов достигается:

мимикой, важнейшим элементом которой являются глаза: (квартирант) «смотрел в свою тарелку» («Лида приехала») - что свидетельствует о внутреннем дискомфорте героя, а «спокойные правдивые глаза» директора становятся лейтмотивом данного героя.

манерой говорения: «Он (Аксенюх) то гремел с трибуны, то тихо и строго предупреждал» («Правда») - что говорит о психологической неустойчивости персонажа, что подтверждается динамикой его характера на протяжении рассказа: «Могу, язви ты в легкое!», и в конце - «Аксенюх опять покраснел: вспомнил свое выступление».

Пейзажные детали в данный период творчества встречаются крайне редко и служат лишь общим фоном развития сюжета без выразительных внешних подробностей: «Весной, в начале сева, в Быстрянке» («Классный водитель»)

Вещные детали также встречаются крайне редко и не несут глубокой смысловой нагрузки: «хрустальная вазочка с вареньем» («Лида приехала»).

Вышеупомянутая особенность сосредотачивает внимание читателя на индивидуальности героев и их внутреннем состоянии, игнорируя подробности окружающей действительности, что является причиной отсутствия целостности художественной картины произведения.

Второй этап творчества В.М. Шукшина датируется 1966-1968 гг. и характеризуется яркой сменой частоты употребления различных видов художественной детали. Фундаментальные

основы модифицированной системы подробностей начинают формироваться еще на рубеже творческих периодов и ярко реализуют себя в рассказе «Коленчатые валы».

В данном рассказе портретные детали приобретают несколько обобщенных характер: «Антипов Макар великий молчун и скряга», «незнакомый мужчина городского вида, лысый», благодаря чему художественные образы приобретают некую собирательность. А лейтмотивом последнего героя выступает вещная деталь - «большой желтый портфель», которая одновременно является символом, выявляющим заводского человека. Вещные детали рубежа этапов обретают всю большую символичность и позволяют выявлять причинно-следственные связи. Так «грязный платок» Сени характеризует его как человека неряшливого и, как следствие, факт отсутствия коленчатых валов не вызывает у читателя удивления.

Частота употребления пейзажных и вещных деталей заметно возрастает: появляются подробные описания места и времени развития сюжета - «Сидели на новеньких стульях с высокими спинками». Впервые в произведениях в обилии фигурируют детали-запахи: «Прохладно и остро пахнет свежим маслом», - и детали-звуки: «В складе тишина, покой». Данный художественный прием позволяет Шукшину воссоздать художественную картину во всех целостности и многообразии.

Психологические детали аналогично приобретают большую обобщенность: помимо внимания к частичным деталям (глаза и манера говорения, преимущественно) акцент делается на общем поведении человека: «Сеня подбоченился и склонил голову набок». Стоит отметить снижение роли манеры говорения, обусловленного возрастанием правдивости шукшинских героев и умением говорить в лицо то, что у них на душе.

Портретные детали середины второго творческого этапа достигают максимальной обобщенности - «врач, молодой парень». Данный художественный прием делает невозможным рассмотрение определенного героя как некой индивидуальности и указывает на их типичность и распространенность в реальной жизни.

Особенность портретных деталей этого периода заключается в их динамике, пытающейся запечатлеть человека не в статике, а в движении и развитии - «Он почернел от болезни. Устал» («Дождь на заре»), «Фельдшер как бы в раздумье потрогал лоб» («Даешь сердце»).

Диффузия деталей достигает наивысшей степени. Так, в рассказе «Дождь на заре» «жар» проникает в детали всех видов: «жаром дышала в лицо»- портретная, «в жарком тумане качались стены и потолок»- синтез пейзажной и вещной, «мучительно жарко было под одеялом»- психологическая.

Третий и последний период творчества, 1969-1974, характеризуется максимальной обобщенностью художественных деталей всех видов - «сухопарая продавщица», «молодой поп» («Сапожки»). Значительно снижается частота их употребления, снижается функциональная нагрузка («Сапожки», «Танцующий Шива»).

Данная художественная особенность напрямую связана с темой «правдоискания», развивающейся уже на страницах первых произведений В.М. Шукшина. Собирательные образы героев последнего периода наделяются достаточным уровнем искренности и правдивости, чтобы говорить правду в глаза, не скрывать своих чувств и быть честными перед собой и окружающими, что снижает потребность в поиске скрытых и завуалированных подтекстов.

Таким образом, на основе сравнительного и типологического методов литературоведческого исследования нами была обозначена многоцветность мира художественной детали рассказов Василия Макаровича Шукшина. Проведенный анализ позволил сделать вывод, что эволюция употребления подробностей произведений алтайского писателя напрямую связана с темой правдоискания, которая была основной в его творческой программе. По мере духовного совершенствования шукшинских героев снижается частота употребления и функциональная нагрузка используемых деталей, поскольку «найденная» в конце творческого пути истинность позволяет героям и читателю объективно воспринимать окружающую действительность без скрытых подтекстов.

Литература

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие – 3-е изд. – М.: Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
2. Творчество В.М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник / науч. ред. А.А. Чувакин. – В 3 тт. Т. 2. – Барнаул, 2004. – 290 с.
3. Здесь и далее: Шукшин В.М. Избранные произведения, в 2 т. Т. 1. Рассказы – 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 494 с.

УДК: 81

Липустина О.М., Щелок Т.И.
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Грамматические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина с русского языка на английский

Переводы прозы В.М. Шукшина на английский язык заслуживают особого внимания по причине трудностей перевода, связанных со своеобразием писательского стиля.

В данной статье рассматриваются грамматические трансформации, использованные в переводе рассказа «Думы» на английский язык («Thoughts», переводчик Роберт Дэглиш).

Грамматические трансформации подробно изучались отечественными лингвистами. Так, Я.И. Рецкер рассматривает их только как замену частей речи или членов предложения [4]. Л.С. Бархударов упоминает замены, опущения, перестановки, добавления [1]. Р.К. Миньяр-Белоручев говорит о замене частей речи, членов предложения, объединении предложений или их членении, пассивизации [3]. В.Н. Комиссаров относит к грамматическим трансформациям синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединения предложения, грамматические замены (формы слов, части речи, члены предложения).

Нам наиболее близка позиция В.Н. Комиссарова. Вслед за ним под грамматическими трансформациями (иначе грамматическими заменами) мы понимаем «способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением» [2].

Приведем некоторые примеры обнаруженных грамматических трансформаций в рассказе «Думы» [5] и его переводе на английский язык “Thoughts” [6].

Опущения:

«Я вот те покажу право! Ятенайдуправо!» / "I'll show you your rights!"

В данном переводе отсутствует оттенок некоторой угрозы, которая ощущается в оригинале. Матвей, главный персонаж, рассержен, повторяет фразу дважды, в переводе же мы читаем что-то вроде «Я покажу тебе твои права!»

Пассивизация:

Получалось, что гармонь еще в переулке начинала орать... / So the bellowing of the accordion could be heard all down the lane...

Светлобыловдеревне. / The whole village was flooded with moonlight.

Добавления:

1. «Поймаю - штрафподосятьрублей.» / «If I catch you trampling the grass down, it'll be a ten-ruble fine from each of you.»

Предупреждение Матвея краткое и лаконичное, а перевод слишком пространный: тут и про вытопанную траву, и про штраф на каждую бабу, которая с Аленой пойдет по ягоды. Категоричность Матвея превратилась в нудную нотацию.

2. А в одну ночь он не дождался Колькиной гармошки. Сидел, курил... А ее все нет и нет. Такинедождался. Измаялся. / Then one night he waited in vain for Kol'ka's accordion. He sat

there smoking, but there was not a sound. He waited and waited, all for nothing... That night really took it out of him.

По причине того, что переводчик не смог найти нужный эквивалент для слова «измаялся», ему пришлось добавить про мучительно проведенную ночь, таким образом использованное В.М. Шукшиным просторечие утрачено в переводе.

3. «Чегоэтзвоняря-тонашегонеслышно?» / "What's become of our bell-ringer? I never heard him."

В данном примере просторечие «эт» в переводе совсем не ощущается, вопрос звучит нейтрально: «Что случилось с нашим звонарем?»

Грамматическая замена:

1. Что он, Колька, любит, что ли? / Take Kol'ka, for instance. Was he in love?

В переводе теряется разговорность, повтор «что он, что ли» не передан в английском предложении, которое можно перевести «Возьми Кольку, к примеру. Любил ли он?» При данной грамматической замене, грамматическая единица преобразована в единицу языка перевода с другим грамматическим значением.

Объединение предложений:

«Что-то на душе у меня... как-то. заворошилось. Вродехворичего-то.» / «Something's upsetting me ... like some kind of sickness."

Вероятно, из-за наличия двух просторечий в оригинале (заворошилось, хворь), переводчик использовал в переводе нейтральный стиль, объединил два предложения в одно, в результате стилистический эффект был утрачен.

Членение предложений:

Всю жизнь Матвей делал то, что надо было делать: сказали, надо идти в колхоз - пошел, пришла пора жениться - женился, рожали с Аленой детей, они выросли... / All his life Matvei had done things that had to be done. When they told him he ought to join the collective farm, he had joined. When the time to marry had come round, he had married, and he and Alyona had brought children into the world. The children started to grow up...

Членение в языке перевода привело к потере ритма.

В результате проведенного анализа перевода рассказа В.М. Шукшина на английский язык на предмет изучения особенностей грамматических трансформаций обнаружено, что в основном переводчик использовал грамматическую замену (10 случаев), добавления (7), объединение предложений (6), членение предложений (5). В меньшей степени при переводе использованы опущения (3), пассивизация (2).

Всего в переводе обнаружено 33 грамматические трансформации.

Анализ фактического материала показал, что в процессе перевода рассказа «Думы» переводчик произвел значительные синтаксические изменения в структуре текста, что было сопряжено с необходимостью более адекватной передачи заложенной в тексте информации в соответствии с нормами языка перевода, т.е. английского языка. Сожаление вызывает факт, что при этом во многом своеобразный шукшинский стиль был утерян.

Литература

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Л. С. Бархударов; М.: «Междунар. отношения», 1975. - 240 с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) [Текст] : учеб. пособие для студ. переводч. факультетов и факульт. ин. языка/ В.Н. Комиссаров; М.: Высшая школа, 1990. — 253 с. - ISBN: 5-06-001057-0.
3. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода [Текст] : книга/ Р.К. Миньяр-Белоручев; М.: Московский Лицей, 1996. — 208 с.— ISBN: 5-7611-0023-1
4. Рецкер, Я.И. Теория перевода и переводческая практика [Текст] : книга/ Я.И. Рецкер; М.: Издательство: Р.Валент, 2007.- 244 с. - ISBN: 978-5-93439-238-4.
5. Шукшин, Василий. Сборник рассказов [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/SHUKSHIN/rassказы2.txt> (дата обращения: 20.05.2019).

6. Shukshin Vassily. Short Stories [Текст] : собрание основных рассказов/ В.М. Шукшин; М.: Москва: Raduga Publishers, 1990. – С.87-94.

УДК: 930; 39

Литягина А. В.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Быт и ментальность горожан Сибири второй половины XIX – начала XX вв. по данным мемуаров и художественной литературы

Важной группой источников являются эпистолярное наследие, дневники и мемуары, существенно оживляющие, а часто и корректирующие официальную картину светских и религиозных событий. Письма известных людей Сибири, отрывки из воспоминаний, автобиографии содержатся как в опубликованных изданиях, сборниках, в периодической печати, так и в личных фондах архивов. В совокупности они составляют солидный массив специфических данных, отражающих и внутренний мир авторов публикаций, и настроения, и чаяния писавших, и впечатления о событиях современной им жизни, и отзывы о прошлом. Такие материалы оставили представители чиновничества (В.А. Арцимович, Е.П. Клевакин и др.), предпринимателей (П.И. Макушин, И.В. Кулаев и др.), ссыльных и других категорий населения.

Ментальность выражает привычки, коллективные эмоциональные шаблоны. Ментальность включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, поскольку характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Не ставя здесь задачу рассмотреть все определения и подходы к изучению ментальности, мы берем следующее определение ментальности, которое содержится в работах А.Я. Гуревича, обозначающее, как он пишет, «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [1, с. 75]. Действительно, говоря кратко, ментальность – социально-психологические установки, способы восприятия конкретного социума, манера чувствовать и думать. Об особенностях быта, ментальности, культуры, традиций нам предоставляют информацию различные исторические источники. Особую роль играют мемуары современников того периода, который исследуется. К таковым источникам относится ценнейший материал записок П.Ф. Кочнева [2]. Сын мещанина, служивший управляющим, приказчиком у разных крупных предпринимателей и торговцев Сибири, оставил нам разнообразные наблюдения. Мемуары были впервые опубликованы в 2006 г., исследователи активно их используют и, думается, потенциал данных мемуаров для воссоздания картины прошлого настолько огромен, что историки будут к ним еще очень долго обращаться.

Автор всесторонне излагает жизнь и быт родительской семьи, в которой он вырос, бедной, многодетной, религиозной семьи тружеников, отца-ремесленника, матери-домохозяйки, одновременно являющейся помощницей мужа по ремесленному делу. При этом автор касается и излагает некоторые особенности жизни и быта родственников, с которыми семья общалась, соседей, знакомых, квартирантов. Перед нами, благодаря данной уникальной книги, открывается панорама простонародной тюменской жизни, в которой городские ремесленники шили башмаки, рукавицы, изготавливали свечи, ткали ковры, торговали, держали скот и птицу, ставили сено, соблюдали посты, терпели пожары, крайне бедствовали, женились и выходили замуж, ходили друг к другу в гости, переживали приезд в Тюмень Великого князя, собирали в окрестном лесу грибы и ягоды, с малых лет участвовали в домашнем труде. Данный источник позволяет выявить старообрядческие семейные традиции (поскольку мать П.Ф. Кочнева была старообрядкой), ценности городских низов, стиль воспитания детей, повседневный распорядок жизни, досуг. Характерной особенностью этих

записок, на наш взгляд, является то, что изложение передано без пафоса, без приукрашивания, без каких-то умолчаний, переданы впечатления детства, сквозь которые чувствуется любовь сына к своим родителям, почитание уклада родительской семьи.

Быт горожан Сибири в эпоху модернизации претерпевал изменения, связанные с раннеиндустриальным развитием региона, развитием пароходства, экономики, народного образования. Это было неизбежно, так как повседневность людей менялась под воздействием книжной культуры, газет, народных домов, организацией хозяйственной жизни горожан. Более ранние годы воспоминаний Кочнева отражают замкнутый, старообрядческий быт семьи: «Жили мы тихо, смиренно, можно даже сказать замкнуто, ничего не знали, что делается хотя бы в городе. Ни книг, ни газет не читали, знали только то, что случалось у наших близких соседей по улице» [2, с.63]. В дальнейшем в мемуарах отражаются самые разные стороны повседневности сибиряков. В них содержится информация о бурной торговой деятельности в регионе, о западно-сибирском пароходстве, о рабочих и служащих, о посещении театра, о книгах и библиотеках, о выписанных газетах, о взятках чиновников, о загубленных судьбах, о вероломстве ростовщиков, о бескорыстной и беспредельной доброте душевной обычных людей.

Мемуарист описывал очень разных людей. О купце Тюфине, у которого он служил, писал так: «... он никогда не сердился на служащих и рабочих. Если, бывало, они сделают что-нибудь неладно или вопреки его приказанию, то только поругает и сейчас же все забудет, как будто-бы ничего не было». [2, с. 129] В описаниях своей профессиональной деятельности, быта и жизни собственной и окружавших П.Ф. Кочнева людей сохранился язык того времени, стереотипы и понятия прошлой эпохи, обозначения и характеристики XIX века. Вместе с тем, язык, выражения, используемые в записках, несут в себе информацию и о новых явлениях общества, об отражении новых порядков социума, не свойственных традиционному обществу, а связанных с раннеиндустриальным развитием. Переплетение старого и нового в окружающей жизни, неосознанное донесение таковых реалий через мемуары, бессознательное запечатление своеобразного ритма жизни эпохи и той среды, в которой находился мемуарист, – это великолепные данные для анализа быта и традиций модернизационного времени.

Художественная литература давно признается историками как возможный полезный источник по истории прошлого. Реализм литературных произведений XIX – начала XX столетий позволяет использовать работы А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, А. Островского, а также сибирской писательницы Н. Лухмановой для воссоздания атмосферы повседневной жизни, типичных событий и традиций провинциальных городов.

Черта, идущая из основ православной культуры – милосердие, готовность подать милостыню. Возникая нередко как непосредственное движение души, из чувства жалости и сострадания, эта готовность опиралась и на общий взгляд, в котором воспитывали с раннего детства: подача милостыни считалась богоугодным делом. Подача милостыни нуждающимся, ссыльным, бродягам и т.п. было очень распространенным явлением. Вот как описывает сибирская писательница XIX в. Н.А. Лухманова обычай помогать нищим в Западно-Сибирских городах: «По краям кухни на чистых лавках, покрытых серым рядном, сидели нищие. У каждого в руках был туесок и мешок за плечами. Вторая помощница кухарки, Агафья, тихая, немолодая баба, раздавала милостыню. В туеса накладывалось мерзлое молоко, наливался густой, домашний квас, или оделялись капуста, огурцы, словом, по просьбе каждого. В мешки опускались краюхи хлеба, крупная серая соль, завязанная в тряпочку, куски жареной рыбы. В доме богача Круторогова, как и во всех богатых домах города (Тюмени – А.Л.), нищие не получали денег, но щедро оделялись хлебом насущным» [3, с.25].

Использование мемуаров, художественной литературы исследователями для воссоздания достоверной истории быта и ментальности сибиряков в эпоху модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) является весьма целесообразным, необходимым,

превращающим историю в науку о человеке, о его жизни, настроениях, ожиданиях, переживаниях, о ментальности «безмолвного большинства».

Литература

1. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989.
2. Кочнев П.Ф. Жизнь на Большой Реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 388 с.
3. Лухманова Н.А. Очерки из жизни в Сибири: Избранные произведения. Тюмень: Софт Дизайн, 1997. 464 с.

УДК: 37

Мартемьянова Е.В.

*АГГПУ имени В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия
научный руководитель: кандидат филол. наук, доцент Ю.Г. Бабичева*

Место прозы Шукшина в школьных программах по литературе

В соответствии с концепцией нового ФГОС целью литературного образования является формирование читателя, способного к полноценному восприятию художественного произведения в контексте духовной культуры человечества и подготовленного к самостоятельному общению с искусством слова.

Реализация этой цели сопряжена, прежде всего, с необходимостью целостного подхода к рассмотрению феноменов художественной культуры, который выработался в результате разнообразных научных изысканий XX века в области гуманитарных наук. Восприятие литературного произведения является основой его понимания.

Высший педагогический смысл школьного анализа заключается не только в том, что он дает надежные способы познания литературы, способствует интеллектуальному и нравственному развитию учащихся, но и в том, что он приобщает формирующуюся личность к тому значимому идеалу, к которому стремится духовное сознание эпохи. Одним из выразителей такого идеала явился Василий Макарович Шукшин.

В данной работе представлены результаты анализа трех программ по литературе в школе, проведенного с целью определения места прозы В.М. Шукшина в них. Кроме того, здесь же рассмотрены виды анализа художественного произведения, применяемые в процессе изучения шукшинской прозы.

Самой востребованной программой в современной школе является программа под редакцией В.Я. Коровиной [1].

«Чтобы чтение стало интересным, продуманным, воздействующим на ум и душу ученика, необходимо развивать эмоциональное восприятие обучающихся, научить их грамотному анализу прочитанного художественного произведения, развить потребности в чтении, книге. Понимать прочитанное как можно глубже - вот что должно стать устремлением каждого ученика» - отмечают в «Пояснительной записке» авторы программы [1].

Составители данной программы представляют содержание школьного литературного образования концентрично: 5 - 9 классы и 10 - 11 классы. В каждом из классов затронута одна из ведущих проблем (например, в 5 классе - внимание к книге; в 6 классе - художественное произведение и автор, характеры героев; в 7 классе - особенности труда писателя, его позиция, изображение человека как важнейшая проблема литературы; в 8 классе - взаимосвязь литературы и истории; в 9 классе - литература в духовной жизни человека, шедевры родной литературы. В 10 - 11 классах - линейный курс на историко-литературной основе).

Принцип концентризма, осуществляемый данной программой, предполагает логичное возвращение к определенным авторам и даже иногда к одному и тому же произведению.

Однако естественно, что на каждом этапе перед школьниками ставятся различные задачи изучения текста.

Авторы данной программы уделяют внимание и урокам внеклассного чтения, которые имеют целью не только расширение круга читательских интересов учащихся, но и формирование у школьников читательской самостоятельности на основе перенесения в сферу самостоятельного чтения опорных литературных знаний, умений и навыков [1].

Творчество В.М. Шукшина представлено здесь в 6 классе в разделе «Писатели улыбаются». Рекомендован анализ двух рассказов «Срезал» и «Критики». На уроках предполагается рассмотрение особенностей шукшинских героев - «чудиков», правдоискателей, праведников, «странных» героев русской литературы.

В 11 классе планируется рассмотрение творчества В.М. Шукшина в разделе «Литература 50-90-х годов (Обзор)» как пример «деревенской» прозы, изображающей «жизнь крестьянства, глубину и цельность духовного мира человека, кровно связанного с землей».

Как видно из содержания раздела, какого-либо анализа шукшинских произведений здесь вообще не предусматривается, а планируется лишь его общий обзор. Здесь было бы целесообразно внести коррективы и предложить различные виды анализов.

Программа под редакцией М.Б. Ладыгина [2], предназначенная для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля, «чрезвычайно важной задачей современного образования» считает «изучение литературы как поэтической памяти народа» и формулирует основные цели литературного образования в школе, среди которых:

1. Сформировать представление о литературе как виде искусства, научить понимать его внутренние законы.

2. На основе понимания «языка» литературы как вида искусства научить школьника анализу литературного произведения как объективной художественной реальности.

3. Выработать представление о художественном мире литературного произведения, закономерностях творчества писателя, о литературе и мировом литературном процессе.

Обучение вдумчивого и грамотного читателя, считают составители программы, предполагает процесс формирования системных знаний, системной деятельности и системных эмоционально-ценностных ориентаций личности.

Творчество В. М. Шукшина представлено здесь уже в 6-м классе. Рассказ «Экзамен» включен (на усмотрение учителя) в раздел «Литература как поэтическая память», призванный сформировать представление о «передаче исторических традиций в литературе», дать «начальное понятие об историзме и средствах создания исторического колорита», раскрыть «национальные поэтические традиции в литературе» [2].

Рассказ Шукшина завершает раздел, включающий произведения XIX в. («Наталья, боярская дочь» Н. М. Карамзина, «Песнь о вещем Олеге» А.С. Пушкина, «Песня про купца Калашникова» М.Ю. Лермонтова, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя) и XX в. («В башне» В. Я. Брюсова, «Конная артиллерия, марш-марш!» В. С. Пикуля).

При изучении рассказа «Экзамен» школьникам предлагается осмыслить проблему культурной ценности исторических и эстетических знаний. В данном случае используется проблемный анализ литературного произведения. Можно также предложить провести стилистический анализ данного произведения.

В программе 9 класса, где рассматривается литературный процесс XIX-XX вв., а также особенности разных литературных направлений, раздел «Литература XX века» завершается еще одним рассказом В.М. Шукшина – «Охота жить». При этом предлагается проанализировать такой элемент художественного мира произведения, как сюжет, понять «этическое звучание новеллы», авторскую позицию в ней.

В 11-м классе сказка «До третьих петухов» входит в круг произведений обзорной темы по русской литературе 1960-1980-х гг. Интересным представляется тот литературный контекст, в который включена повесть В. М. Шукшина «До третьих петухов»: «Царь-рыба» В. П. Астафьева, «Утиная охота» А.В. Вампилова, «Белка» А.А. Кима.

Большой интерес у учителей вызывает и программа, разработанная под редакцией В.Ф. Чертова [3]. Предлагаемая программа литературного образования может использоваться как в обычных общеобразовательных учреждениях, так и в классах с углубленным изучением литературы, гимназиях и лицеях гуманитарного профиля. Возможности реализации программы в учебных заведениях разного типа и классах разного профиля (и с разным количеством часов, отведенных на изучение литературы) представлены в вариантах тематического планирования, что, безусловно, очень удобно для учителей-практиков.

В программе реализуется деятельностный подход, предполагающий овладение конкретными умениями и навыками, связанными с чтением, анализом и интерпретацией художественного текста, а также практическое их использование в процессе создания собственных устных и письменных речевых высказываний, исследовательских и творческих работ, в учебной деятельности и в различных ситуациях общения.

При этом сохраняется достаточно традиционный перечень литературных произведений, без изучения которых невозможно приобщение школьников к подлинным ценностям отечественной и зарубежной литературы, духовному опыту русского народа.

К творчеству В.М. Шукшина авторы данной программы рекомендуют обращаться несколько раз.

Первый раз в 7 классе при изучении раздела «Русская литература XX века» предлагается анализ двух рассказов В.М. Шукшина: «Срезал» и «Чудик». «Своеобразие шукшинских героев-«чудиков», правдоискателей. Изображение события в жизни героя как средство раскрытия характера. Сочетание смешного и серьезного, бытового и возвышенного. Мастерство писателя в построении диалога» - таковы направления анализа данных произведений.

На уроках предполагается использование следующего теоретического материала: «жанровые особенности рассказа», «образ рассказчика», понятие и внешнем и внутреннем конфликте художественного произведения.

Предлагаются также формы организации работы по развитию речи учащихся. Это составление аргументированных ответов на вопросы о роли события в жизни героя, выразительное чтение диалогов.

В 10 классе в разделе «Традиция смеховой культуры в русской литературе» вместе с произведениями А.П. Чехова, Д. Хармса, Тэффи, А.Т. Аверченко, Ф. Искандера предполагается изучение рассказа В.М. Шукшина «Ораторский прием».

Наряду с обобщением сведений о традиции смеховой культуры в фольклоре и литературе предусмотрено повторение таких важных теоретических понятий, как «комическое», «сатира», «юмор», «ирония», «сарказм».

В данном случае внимание акцентируется в основном на анализе языковых особенностей произведения, находящих свое отражение как в речи повествователя, так и персонажей.

В 11 классе в разделе «Социальная и нравственная проблематика русской прозы второй половины XX века» В.М. Шукшин представлен рассказами «Верую!» и «Алеша Бесконвойный». При анализе этих произведений авторы программы рекомендуют акцент сделать на изображении народного характера и народной жизни в рассказах, на особенностях диалогов в шукшинской прозе, особенностях повествовательной манеры Шукшина.

Из теоретического материала предлагается повторить понятия «рассказ» и «повествователь». В качестве задания по развитию речи рекомендован целостный анализ одного из рассказов В. М. Шукшина.

Авторы данной программы включают произведения В. М. Шукшина и в списки для внеклассного чтения («Микроскоп», «Выбираю деревню на жительство», «Беседы при ясной луне»).

Здесь предполагается осуществление различных вариантов выборочного анализа, в зависимости от того, на какой стороне произведения делается акцент при его изучении.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать следующий вывод: анализ трех программ по литературе (под редакцией М.Б. Ладыгина, В.Я. Коровиной, В.Ф. Чертова) показал, что

наиболее полно творчество В.М. Шукшина представлено в программе под редакцией В.Ф. Чертова, в рамках которой широко используются различные виды анализа литературного произведения, органично сочетаясь при этом с теоретическими положениями, имеющими отношение к тому или иному виду анализа.

В других же программах творчество В.М. Шукшина представлено явно недостаточно, а анализу его произведений уделяется не так много внимания, как хотелось бы. Представляется, что есть необходимость усовершенствовать программы новыми видами анализа в отношении изучения произведений В.М. Шукшина, с учетом их специфики и самобытности художественного мира автора.

Литература

1. Программы общеобразовательных учреждений. Программа литературного образования. 5 - 11 классы [Текст]/ Под ред. В. Я. Коровиной. - М.: Просвещение, 2007. – 47 с.
2. Программа по литературе. 5 - 11 классы. Для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля [Текст] / Под ред. М. Б. Ладыгина // Программно-методические материалы. Литература. 5 - 11 классы / Сост. Т. А. Калганова. - М.: Дрофа, 2012. - С. 206 - 296.
3. Программы общеобразовательных учреждений: Литература: 5 - 11 классы (базовый и профильный уровни) [Текст]/ Под ред. В. Ф. Чертова. - М.: Просвещение, 2007. - 126 с.

УДК: 81

Мистюк Т.Л.

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

О целесообразности использования терминов "речевая недостаточность" и "речевая избыточность" в лингвистическом обиходе

Специальная (терминологическая) лексика в современном русском языке представлена лексическими единицами, именующими предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности людей. Она представляет собой высокоразвитую систему номинаций, которая соответствует современному уровню отечественной науки, техники, производства и т.д. Термин традиционно понимается как слово или словосочетание специальной сферы употребления, которое выражает научное или производственно-технологическое понятие и имеет дефиницию. Традиционно термины дифференцируют на общенаучные и узкоспециальные: к первым относят специальные номинации, появившиеся в результате математизации и информатизации науки (система, структура, функция, парадигма и др.), ко вторым - те, которые именуют категории и понятия, специфические для той или иной области научной деятельности (симптом, фонема, изоглосса и др.).

Лингвистика, как любое научное направление, использует в своём обиходе огромный терминологический аппарат. Значительная часть лингвистических терминов (как узкоспециальных, так и общенаучных) в настоящее время являются устойчивыми в научном функционировании, имеют широкое распространение и не вызывают каких-либо затруднений у специалистов при их использовании. Однако отдельные термины-слова и термины-словосочетания, реализуемые в современной теории и практике, могут быть истолкованы неоднозначно и вызывают сомнение в адекватности их содержания и возможности их употребления в качестве терминологических единиц. Часто в подобных случаях имеют место большая "размытость" (терминологическая нечеткость) их семантики и, как следствие, - возможность их употребления по отношению к различным по своей природе языковым фактам и явлениям, т.е. возможность неоднозначной их трактовки, а главное - вероятность "подвести" под какой-либо подобный термин абсолютно разнопорядковые явления языка. Такие термины требуют предельной точности

семантических границ выражаемых ими понятий; в случае невозможности их установления целесообразнее будет осуществить терминологическую замену.

Целью данной статьи является краткая аргументация научно-теоретической несостоятельности и нецелесообразности употребления в лингвистическом обиходе распространенных терминов речевая недостаточность и речевая избыточность, а также краткая характеристика возможных вариантов их адекватной терминологической замены.

Термины речевая недостаточность (далее РН) и речевая избыточность (далее РИ) активно используют в своих трудах многие современные языковеды. Общую семантику их компонентов можно кратко представить следующим образом: речевой производно от существительного речь, которое в качестве лингвистического термина понимается как конкретное применение языка с целью коммуникации, как язык в действии; недостаточность и избыточность трактуются как существительные по прилагательным недостаточный и избыточный; недостаточный - небольшой по количеству, не удовлетворяющий потребности, неполный, не исчерпывающий, неудовлетворительный; избыточный - излишний, выходящий за пределы необходимого [2; С.404, С.238].

Наиболее подробно данные термины рассматривает и иллюстрирует Ирина Борисовна Голуб в своем учебном пособии "Стилистика русского языка"(2001). Так, по поводу РН она пишет следующее: "Небрежное отношение к языку может стать причиной р е ч е в о й н е д о с т а т о ч н о с т и (прим.: разрядка авт.) - случайного пропуска слов, необходимых для точного выражения мысли....Речевая недостаточность часто возникает в устной речи, когда говорящий торопится и не следит за правильностью высказывания... При речевой недостаточности очень часто возникает неясность..." [1; С.17-18]. Таким образом, РН есть неполное, не исчерпывающее в каком-либо отношении речевое произведение. При этом И. Б. Голуб уточняет, что вследствие РН могут быть нарушены грамматические и логические связи слов в предложении, затемняется его смысл, искажается мысль автора, могут возникнуть логические ошибки и возникает абсурдность высказывания [1; С.18] (уже на этом этапе представления содержания РН очевидно смешение под этим термином совершенно разнородных языковых явлений). В качестве иллюстрации РН автор приводит следующие примеры: Дирекции надо стремиться от этого равнодушия (пропущено избавиться); Уважаемые участники, разберитесь по породам и приготовьтесь к параду! (объявление на выставке собак); Классным руководителям следует обеспечить явку своих родителей! Ввиду холода в помещении делаем только срочные переломы (объявление на дверях рентгенкабинета). Условия города отличны от села. Больные, не посетившие амбулаторию в течение трех лет, выкладываются в архив. В эту смену... был выработан тысячный миллиард советских энергетиков (тысячный миллиард киловатт-часов электроэнергии). При этом автор уточняет, что РН следует отличать от эллипсиса как стилистической фигуры, когда сознательно пропускается член предложения с целью создания особой выразительности: Я за свечку - свечка в печку! Я за книжку - та бежать и вприпрыжку под кровать!

В отличие от РН, РИ трактуется как многословие - использование лишних (и в количественном, и в качественном отношении) лексических единиц при выражении того или иного содержания. По мнению И. Б. Голуб, РИ возникает при повторной передаче одной и той же мысли. РИ может использоваться в форме плеоназма, тавтологии, а также допускается при повторении слов, например: Потребление молока является хорошей традицией, молоком питаются не только дети, потребность в молоке, привычка к молоку сохраняется до глубокой старости. Машинный парк обновили новыми машинами. Мертвый труп лежал без движения и не подавал признаков жизни. Главная суть, повседневная обыденность. Переходите улицу только по пешеходным переходам. Всегда быть одетой хорошо и по моде можете быть и вы, если вы будете шить себе сами. По поводу РИ автор тоже отмечает возможность использования плеоназмов и тавтологий как стилистических приемов, а также в случае объективного отсутствия их адекватной замены : Не вернется вспять время, когда история нашей страны переписывалась в угоду лживой идеологии. Писатель пописывает, а читатель почитывает. Книга отредактирована главным редактором.

А на левом с ходу, с ходу Подоспевшие штыки Их толкали в воду, в воду, А вода себе теки... (А.Т.Твардовский).

На наш взгляд, содержание терминов РН и РИ в представленной выше их трактовке вызывает ряд сомнений и требует серьезного комментария. Как уже ранее было отмечено, под этими терминами объединяются такие понятия, которые принципиально различны по своей природе, относятся к разным уровням языка, что приводит к неадекватному восприятию и пониманию их сути, а также к сложности их использования в лингвистическом обиходе. При этом очевидно нарушение важнейших свойств терминологической единицы - точности обозначения соответствующего понятия и принципиальной её однозначности. Так, по словам И. Б. Голуб, вследствие РН могут быть нарушены грамматические и логические связи слов в предложении, искажается его смысл, неверно трактуются мысли автора, возникают нарушения логики, что приводит к абсурдности высказывания. Получается, что в содержании термина РН объединяются явления языка, относящиеся к разным его уровням: нарушение грамматических норм языка, нарушение правил логики, нарушения в области лексики (семантики), фактические ошибки, которые заключаются в искажении реальных фактов. Все перечисленные речевые нарушения соответствует разным типам речевых ошибок - синтаксическим, лексическим, логическим и фактическим. Подтвердим это на представленных выше примерах, которые приведены автором: Дирекции надо стремиться от этого равнодушия (пропущено избавиться): синтаксическая ошибка - пропуск необходимого члена предложения; Уважаемые участники, разберитесь по породам и приготовьтесь к параду! (объявление на выставке собак): лексическая ошибка - неустраненная многозначность (возможность двоякого толкования высказывания); Классным руководителям следует обеспечить явку своих родителей: лексическая ошибка - неустраненная многозначность. Ввиду холода в помещении делаем только срочные переломы (объявление на дверях рентгенкабинета): лексическая ошибка - неустраненная многозначность. Условия города отличны от села. Это синтаксическая ошибка - пропуск необходимого члена предложения. Больные, не посетившие амбулаторию в течение трех лет, выкладываются в архив: лексическая ошибка - неустраненная многозначность. В эту смену... был выработан тысячный миллиард советских энергетиков (тысячный миллиард киловатт-часов электроэнергии): лексическая ошибка - неустраненная многозначность [3; С.27].

Таким образом, очевидно, что в представленных примерах под названием РН объединены преимущественно синтаксические и лексические ошибки, связанные с нарушением структуры предложения, а также семантики отдельных слов и выражений. Все эти явления языка "соединить" в одной терминологической единице не только проблематично, но и с функциональной точки зрения абсолютно нецелесообразно: подобный термин оказывается для научного обихода очень неудобным: он слишком громоздок и совершенно невнятен.

Что касается РИ, то и в этом случае наблюдается аналогичное объединение в содержании термина разнопорядковых явлений языка. Так, трактовка РИ как многословия есть толкование его как нарушения стилистической нормы: многословие - это разновидность стилистической ошибки, следствие нарушения стилистического принципа краткости речи [3; С.68]: Потребление молока является хорошей традицией, молоком питаются не только дети, потребность в молоке, привычка к молоку сохраняется до глубокой старости. Машинный парк обновили новыми машинами. Всегда быть одетой хорошо и по моде можете быть и вы, если вы будете шить себе сами. Если говорить о РИ как о плеоназме и тавтологии, то это уже разновидности лексической ошибки под названием нарушение норм лексической сочетаемости: Мертвый труп лежал без движения и не подавал признаков жизни. Главная суть, повседневная обыденность. Переходите улицу только по пешеходным переходам. Таким образом, в данном случае тоже под одним термином объединены нарушения, относящиеся к разным уровням языка, - стилистические и лексические ошибки.

Итак, мы полагаем, что объединять различные по своей природе и сущности нарушения языковых норм, связанные с разными уровнями языка, под терминологическими

наименованиями РН и РИ нет необходимости, поскольку это не способствует адекватному пониманию сути соответствующих языковых явлений. Каждый из этих терминов не отражает по сути того, какая конкретно норма языка нарушена, и не подсказывает, какой конкретный вариант правки будет в этом случае наиболее оптимален. Поэтому РН и РИ, по нашему мнению, целесообразно заменить в лингвистическом обиходе на ряд отдельных самостоятельных терминов, именующих конкретный тип и конкретную разновидность соответствующей речевой ошибки, например: синтаксическая ошибка - неправильный порядок слов; лексическая ошибка - нарушение правил лексической сочетаемости, плеоназм, стилистическая ошибка - многословие и т.д. Такие терминологические единицы непосредственно и точно именуют каждую отдельную языковую реалию, выражая соответствующее научное понятие, поэтому для лингвистического обихода они наиболее адекватны и очень удобны в практическом применении.

Литература

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. Москва: Рольф, 2001. 448 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1997. 944с.
3. Фоменко Ю.В. Культура речи. Стилистика. Риторика. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. 182 с.

УДК: 37

Мокрецова Л.А., Попова О.В.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Сибирская ментальность: альфа и омега духовности образования и воспитания

Изучив различные определения ментальности, мы приняли базовым определение ментальности (от латинского *mens* - сознание, ум) как образ мышления, общую духовную настроенность человека, группы [1].

Сибирская же ментальность, на наш взгляд, – это стабильный метод своеобразного восприятия мира, особенная возможность реагирования на окружающую реальность, способная воссоединять людей в исторические и социальные сообщества.

При этом сибирская ментальность преимущественно реализуется в неких устойчивых поведенческих формах и эмоциональных ощущениях, которые побуждают субъект (социальные группы) к определенному типу восприятия, действиям и мышлению [2].

Далее, следуя за концепцией А. О. Бороноева, сибирская ментальность понимается как целое, состоящее из двух половин. Первая половина формируется путём сложной трансформации мировоззрения и ментальности Сибири благодаря русскому этносу, включая перемены в самом русском народе. Вторая половина сибирской ментальности складывается из комплекса мировоззрений аборигенного мира Сибири [2, с. 22].

Население Сибири очень разное. Кто-то представляет коренные народы, а кто-то «понаехал». Но для остальной России мы все сибиряки со своим «сибирским» характером [3]. В данном сообщении нам очень важно разобраться, действительно ли жители Сибири имеют что-то общее и что именно отличает их от остальных россиян? А самое главное, мы хотим определить, как сибирская ментальность влияет на духовность, образование и воспитание.

Исследуя данный вопрос, мы отметили, что итогом данных процессов стало формирование сибирского старожильческого субэтноса. Это касалось оценки не только внешнего образа, но и стереотипов поведения старожилков, отличительного образа жизни [3].

Поэтому первое, что мы должны отметить, – это сибирский менталитет, который является реальным феноменом, имеющим свою структуру и функции. А соответственно он не может не оказывать влияния на духовность, образование, воспитание.

На наш взгляд, в первую очередь, воспитание и формирование духовности надо начинать с уважения менталитета каждого человека, поколения, национальности, государства, эпохи. Влияние на духовность, образование и воспитание начинается с развития, формирования структурных компонентов менталитета - интеллекта и мышления на научной основе, с учета национальных особенностей, традиций, укладов, образа жизни народа.

Сибирский менталитет, кроме сказанного, характеризуется особым сочетанием культурных традиций, верований и опыта различных народов. Это фактически наднационально-территориальная форма субъективности, связанная с определенной географо-социальной территорией [4].

Мы в название статьи включили сочетание первой и последней букв классического (ионического) греческого алфавита: альфа и омега ($A\Omega$, $A\omega$, $\alpha\omega$).

Использование первой и последней букв греческого алфавита, как и их эквивалентов «первый и последний», «начало и конец», используют для обозначения чего-либо абсолютного или целого, которое восходит к древней традиции. В нашем случае мы считаем, что сибирская ментальность – это альфа и омега, начало и конец, а также древнейшая традиция формирования духовно-нравственной основы жизни сибиряков, которая влияет на образование и воспитание.

Безграничные просторы Сибири накладывают свой отпечаток на размытость в пространстве места обитания. Сибиряк не ощущает себя центром мира, и для многих сибиряков преодоление расстояния в несколько сотен километров – это просто поездка в гости к ближайшему соседу.

Расстояния и климат делают жителей Сибири более отзывчивыми. Люди всегда проникаются чужой проблемой, и чем суровее условия, тем они сплоченнее. Поэтому характерными чертами сибирской ментальности являются: отзывчивость, доброта, милосердие, соблюдение норм, правил, традиций.

Достаточно интересным для определения места сибирской ментальности в духовности, образовании и воспитании для нас является высказывание нашего земляка В.М. Шукшина: «Все ценное и прекрасное на земле создал умный, талантливый, трудолюбивый человек. Никогда еще в истории человеческой ни один паразит не сделал ничего стоящего» [5, с. 5].

Душевыми особенностями сибиряков стали признанные всеми качества, такие как смекалистость и ум, любознательность и духовная, нравственная чистота.

Широко известный сибирский афоризм: «Что грязно изнутри, не сделаешь чистым снаружи» звучит как – девиз внутреннему состоянию и как философское осмысление нравственных качеств личности, взаимосвязи материального и духовного в миропорядке сибирской ментальности [2, с. 277].

Таким образом, в сознании сибиряка имеются установки, направленные на формирование способности создавать свой «чистый мир». В понятия «нравственность», «честь», «достоинство» сибиряк вкладывает и честность, как сказано в следующих сибирских поговорках: «Обманешь в игле, – не поверишь и в рубле», «Честь чести и на слово верит» [4].

Характерно для духовных основ сибирской ментальности рациональное сознание. Рациональное крестьянское сознание сибиряка расчетливо и скрупулезно учитывало и меру вложенного труда, и прибыль от аренды земли, и особенности последующего использования.

Отказавшись от «великорусского авось», сибиряк выполнял любое дело аккуратно, добротой, просчитывая результат. Во всем старался обеспечить «запас, на всякий случай». Старожилы отличали качества упорства, настойчивости, твердости духа и смелости, предприимчивости при одновременной диковатости, угрюмости, грубоватости [4].

Сибиряк всегда был, есть и будет патриотом и своей большой родины России и малой родины Сибири и ближайшего места обитания города, села, и даже заимки (так назывались отдельные крестьянские поселения на одну-две семьи). Поэтому сибирский характер проявлялся в труде, в быту, культуре, в периоды военных испытаний, когда сибиряки показывали себя прекрасными воинами, проявляли твердость духа в экстремальных

ситуациях. Стоит только вспомнить подвиг героев – панфиловцев в боях под Москвой. Однако несмотря на огромную ответственность перед Родиной, сибиряк по своей духовной сути – это миротворец, уходящий от ссор.

Автор трудов философского и богословского содержания Н. Е. Пестов так говорил об этой составляющей сибирской ментальности: «Сибиряки всегда удаляются ссор, ... весьма редко впадают в преступления. Они весьма телосложением статны, видны, крепки, в лице всегдашний румянец, сие пописать должно тому, что они ведут жизнь спокойную и в совершенном довольствии. Хотя сибиряк имеет происхождение от России, но здешний крестьянин великую имеет разницу: он говорит весьма чисто, основательно и учтиво; носит одеяние, смотря по состоянию, опрятно» [3, с.87].

Другой исследователь сибирской ментальности красноярский историк Г.Ф. Быконя отмечает: «более всего (сибирякам) были присущи мужество, стойкость, развитое чувство товарищества и собственного достоинства, непокорность, несдержанность в гневе, легкое отношение к имуществу, свободное отношение к женщине» [4, с. 72].

Несомненно, это конкретный результат материальной, социальной и психологической адаптации и влияния сибирской ментальности в части ее духовной составляющей.

Однако мы понимаем, что очень сложны взаимоотношения духовности и ментальности.

Духовность, в самом общем смысле, – это совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии и публицистике «духовностью» часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода, проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью, а также утверждается, что укрепление духовности осуществляется в процессе проповеди (увещания), просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы [1, с.151].

Исходя из этого, альфа духовности – это сложившиеся традиции, нормы, правила и, значит альфа - начало духовности сибиряков связано с сибирской ментальностью, а омега духовности это ее постоянное развитие, совершенствование, формирование в образовании и воспитании.

На форсайт-конференции «Будущее школы в смыслах», которая проходила в Новосибирске в сентябре 2018 года, была секция, посвященная духовно-нравственному образованию и воспитанию, и там прозвучало, что тема искреннего разговора участников конференции взята у петербургского барда Александра Дольского: "Чтобы судьбу как задачу решить, мало постигнуть азы мирозданья. Есть еще образование души – самое высшее образование" [6].

Поскольку наша конференция посвящена 90-летию Василия Шукшина, то нам, несомненно, интересно мнение знаменитого сибиряка по рассматриваемой тематике. В одном из публицистических произведений писатель подчеркивал: «Моя авторская позиция заключается в том, чтобы вместе со своими героями найти и раскрыть вечные непреходящие ценности, такие, как доброта, душевная щедрость, совесть». Этому Шукшин и посвятил все свое творчество, в центре которого всегда была душа человека [5].

Однако как мы уже сказали, начало жизнедеятельности опирается на сибирскую ментальность и духовность сибиряка, но в процессе взаимоотношений и взаимодействий с социальным окружением и профессиональной средой требуется развитие духовности, обретение профессионализма и другое под потребности социума. И тут вступает в силу незыблемое требование социализации личности это образование. Образование в современном мире является необходимым условием динамичного развития государств, важнейшим фактором демократизации, гуманизации всех сторон общественной жизни.

В работах различных исследователей отмечалось, что сибирякам присуще высокая природная талантливость, глубокая адаптационная способность, особая сибирская смекалистость [3].

Сейчас Сибирь является органичной частью большого мира, и подчас сибиряки добиваются большего, чем жители других регионов.

Благодаря сибирской ментальности постепенно у Сибири создался образ, далекий от дикого края. Благодаря местным академогородкам, наукоградом и закрытым городам регион даже «обзавелся» репутацией технократического места.

Казалось бы, логика нашего изложения требовала поменять местами категории «образование» и «воспитание» и поставить «воспитание» на второе место следом за духовностью. Однако внимательно исследуя труды ученых, изучающих особенности Сибири, сибирскую ментальность, сибирский характер, мы выявили, что для сибиряка образование, профессионализация, постижение и познание, все, что относится к образованию, является самоцелью, определяется духовным уровнем и обязательным требованием к подрастающему поколению. Об этом весьма наглядно говорит сибирская мудрость, собранная в пословицах и поговорках: «Кому трудно учиться один день, тому трудно будет всю жизнь», «Без учебы и труда не придет на стол еда», «Для учения нет старости», «Лучше учить, чем переучивать», «Корень учения горек, да плод его сладок» и др. [3, с.23].

Интерес представляет отношение сибиряка как воспитанию. Воспитание в социальной среде сибиряков в их семейном укладе – это постоянное взаимодействие старших с младшими. Передача традиций и наставление на каждый день и всю жизнь. Качество воспитания для сибиряка - это сам человек, его действия, его человеческая сущность и сибирский менталитет.

Основой воспитания в сибирском менталитете является вера как образ жизни и построение взаимоотношений. Нам показалось важным в контексте рассматриваемого вопроса высказывание нашего земляка В.М. Шукшина: «Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание - не отдавай всего этого за понюх табаку. Мы умели жить. Помни это. Будь человеком» [из книга сибирского ученого Е.М. Юхименко 3, с. 97].

Важен для воспитания сибиряка фольклор, стихотворное и песенное творчество. Сибирский поэт И.Ф. Федоров-Омулевский образно и лирично говорит об этой воспитательной составляющей сибирского менталитета: «Ах, какая же это глубокая, чистая, нерукотворная красота - русская песня, да еще когда ее чувствуют, понимают. Все в ней: и хитреца наша особенная - незлая, и грусть наша молчаливая, и простота наша неподдельная, и любовь наша неуклюжая, доверчивая, и сила наша - то гневная, то добрая... И терпение великое, и слабость, стойкость - все» [6, с. 7].

По-видимому, нет необходимости доказывать, что сохранение влияния сибирского менталитета на духовность может быть выполнено только на основе эффективного образования и достаточного качества воспитания. Именно духовная, образовательная и воспитательная сфера имеет самое непосредственное отношение к:

- формированию веры сибиряка в истинный смысл своей жизни;
- развитию его способностей, в том числе и способностей к самопознанию и адекватной оценке своих возможностей и жизненных предпочтений;
- процессу формирования знаний, умений и навыков, необходимых для полноценной самореализации в трудовой и общественной деятельности в таком суровом месте как Сибирь;
- формированию нравственных качеств личности, определяющих критериальную основу поступков и поведения сибиряка в условиях сформировавшегося и имеющего свои особенности сибирского социума.

Из всего сказанного напрашивается вывод: альфа и омега духовности, образования, воспитания, соединенные в единое целое сибирской ментальностью, очень нужны молодым, подрастающим, ищущим свою путеводную звезду, потому что кто-то должен усмирять агрессию в головах и гасить вражду в сердцах, питать и исцелять живые души.

Литература

1. Арынгазин К.А., Сардибекова Б.Т. Менталитет - субстанция духовная, образовательная и воспитательная. //Сибирский педагогический журнал. 2018. № 1(11). С. 149-159.
2. Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Под общей редакцией Бороноева А.О. -С-Пб:Астеон.-2007.-322с.
3. Анисимова, А.А., Ечевская, О.Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: монография. - Новосибирск: НГУ.2012.
4. Социокультурные процессы в Восточной Сибири (на материалах социологических исследований в Красноярском крае и Республике Хакасия в 2009 – 2011 гг.): монография / отв. ред. А.В. Немировская. – Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2011. – 222с
5. Горн В.Ф. Василий Шукшин. Штрихи к портрету. – Москва: Просвещение., 1993.
6. Скидан Н. А. Образование души – самое высшее образование // материалы форсайт-конференции «Будущее школы в смыслах» (21-22 сентября 2018 г.).- Новосибирск: НИПКиПРО, 2018. С. 5-9

УДК: 39

Мукаева Л.Н.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Россия

Социокультурный облик проводников – участников геологических и других естественнонаучных экспедиций в Горном Алтае в начале XX в.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ и Правительства Республики Алтай № 18-49-040005 p_a

Изыскательские экспедиции в Алтайских горах были бы невозможными без сопровождения опытных знающих проводников. Много ценных материалов о горно-алтайских проводниках, сопровождавших ученых в конце XIX – начале XX в., содержится в сочинениях профессора Томского университета В.В. Сапожникова, приступившего с 1895 г. к изучению Горного Алтая, а затем и Монгольского Алтая. Он самым доскональнейшим образом изучил горы и ледники сначала Русского, затем Монгольского Алтая. Поскольку ученому приходилось забираться глубоко в горы, то понятно, что без опытных знатоков местности ученый не мог обойтись. Во всех экспедициях его сопровождали местные проводники, к которым он относился с большим уважением [2, с. 343]. Горно-алтайские проводники стали постоянным сюжетом в его отчетах экспедиций по региону. С ними он советовался, обсуждая в деталях маршруты предстоящих изысканий. В одних случаях он нанимал проводников на весь путь следования, в других они его сопровождали до определенного пункта, затем менялись на новых. Именно В.В. Сапожников первым заложил традицию в исследовательской литературе по отношению к проводникам – упоминать поименно всех своих проводников, отмечать их роль и конкретную помощь в экспедиционных исследованиях и увековечить на фотографиях [2, с. 343].

В экспедиции 1895 г. к истокам Катуня В.В. Сапожникова сопровождали шесть бывалых охотников из высокогорного села Катанда. Они, хоть и никогда не поднимались на ледники Белухинского массива, тем не менее, прекрасно знали все подходы и перевалы к Белухе и разбирались во всех тонкостях высокогорных странствий. Это Тимофей Архипов, Иван Носков, Никита и Алексей Субботины и крещеные алтайцы: Иннокентий Матай и Иван (Тужумей). Из них ученый особо выделял Тимофея Архипова, Иннокентия Матая и Ивана-Тажумея, как наиболее опытных проводников. По ледникам Белухинского горного массива его сопровождали чаще всего Тимофей Архипов, Никита Субботин и Иннокентий Матай [2, с. 344]. В 1897 г. состоялась вторая масштабная экспедиция В.В. Сапожникова в Горный Алтай для изучения Катунского и Чуйского хребтов. Опорным пунктом его экспедиционных исследований по-прежнему оставалась Катанда. Проводниками в экспедиции 1897 г. работали катандинские охотники: Иннокентий Матай, Тимофей Архипов, Алексей Субботин и Нестор Кайгородов. Последний был братом самого знаменитого лидера повстанческого

движения против советской власти в Горном Алтае в начале 1920-х гг. – Александра Петровича Кайгородова. Выбирая оптимальный вариант маршрута к Белухе с северной стороны, ученый советовался со своими проводниками, местным пчеловодом, тоже бывалым человеком Т. Буньковым и с алтайскими охотниками из аила Кучерла. По их совету В.В. Сапожников выбрал аккемский маршрут и первым из исследователей прошел его до конца. До него никто из натуралистов и геологов не посещал верховья Аккема. Ученый выяснил, что аккемский маршрут является единственным для обозрения Белухи с северной стороны. [5, с. 114 – 116]. С ледников Белухи В.В. Сапожников в сопровождении катандинских проводников отправился в бассейн Чуи через мощный горный узел, в который сходились Катунский и Северо-Чуйский хребты, разорванный двухкилометровым аргутским прорывом [5, с. 118 – 120]. Возвращалась экспедиция уже через Тайменье озеро. Из фотодокументального наследия В.В. Сапожникова сохранилась фотография путешественников, следующих на конях по тайге [6, с. 95]. На фотографии от 5 августа 1997 г. слева направо запечатлены помощники В.В. Сапожникова: В. Лазарев и В. Родзевич, проводники: Иннокентий Матай, сам Василий Васильевич, Тимофей Архипов, Алексей Субботин и Нестор Кайгародов. Есть и другие фотографии катандинских проводников, на которых исследователи идентифицируют только Иннокентия Матая [6, с. 96 – 97].

Летом 1898 г. В.В. Сапожников третий раз путешествовал по Алтаю. В экспедиции 1898 г. ученый направился к истокам Катуня с твердым намерением совершить восхождение на Белуху. Его сопровождали проводники Иннокентий Матай, Максим Кузьмин, сын Тимофея Архипова – Ювеналий. Все, по словам ученого, «прекрасные ходоки, ... молодые крепкие ребята, весьма опытные в деле скитания по горам» [5, с. 136]. Особо выделяя Иннокентия Матая, он был очень благодарен и другим проводникам: Ю. Архипову и М. Кузьмину [5, с. 147]. На Седло Белухи ученого в 1898 г. вели И. Матай, Ю. Архипов и М. Кузьмин. Сохранилась фотография В.В. Сапожникова и И. Матая, на которой они оба в шляпах с широкими полями стоят на снежном склоне Белухи. После посещения Белухи в 1898 г. экспедиция В.В. Сапожникова через Катанду последовала в Курайскую степь. В 1899 г. В.В. Сапожников с теми же катандинскими проводниками закончил свое исследование Белухи, истоков Катуня и ледников истока р. Кучерлы.

В.В. Сапожников, описывая деловые качества своих проводников, сопровождавших его во всех изыскательских экспедициях по высокогорному Алтаю, употреблял такие характеристики, как «бывалые», «опытные», «знающие», «выносливые», «трудолюбивые», «с прекрасным знанием местности», «прекрасные ходоки» [5]. От проводников зависело очень многое, в первую очередь, результаты экспедиции и безопасность ее участников. Проводники набирались из расчета 1 проводник на 5 лошадей. Самый опытный из них был старшим, именно он отвечал за дорогу, передавал распоряжения руководителя экспедиции другим, отдавал распоряжения и распределял поровну обязанности на привале. Функции проводников были следующими. На привале они устанавливали палатки, разжигали костер, готовили нехитрую еду. Одни проводники ставили палатки, другие развешивали лошадей, третьи разводили костер и ставили чай, чтобы утолить первый голод, после чая на костре в котлах варили мясо, кто-то за полчаса умудрялся в горной речке наловить («надергать») полведра хариуса [6, с. 20]. В.В. Сапожников всегда отмечал самое деятельное участие своих проводников по разбивке лагеря и устройстве комфортного быта на привале [5, с. 20]. Утром перед выступлением проводники собирали палатки, укладывали вещи, седлали и вьючили лошадей. В день путешественники старались пройти не менее 30 – 40 км. Поход начинался рано, в 6 – 7 часов утра и заканчивался в 14 – 16 часов дня [6, с. 20]. Проводники не раз выручали членов экспедиции из сложных ситуаций. Например, когда одна лошадь «как бешеная» скинула участника экспедиции и понесла его застрявшего одной ногой в стремени, то они спасли его от верной гибели [5, с. 28, 37; 2, с. 342; 4, с. 36].

С В.В. Сапожникова началась традиция фиксированной оплаты труда горно-алтайским проводникам. Та зарплата, которую ученый платил своим проводникам, стала своего рода эталоном для других исследователей. Оплата их труда по меркам того времени была

настолько велика, что Й.Г. Гранё не смог нанять себе в экспедицию опытного проводника Ювеналия Тимофеевича Архипова [1, с. 378]. Все катандинские проводники высоко ценили свои профессиональные качества. Они отлично знали географию и топографию Горного Алтая, прекрасно разбирались в речной системе, досконально знали все броды на больших и малых реках, все горные тропы и перевалы, безошибочно умели выбирать наименее опасный путь из всех возможных вариантов, по мельчайшим признакам определяли изменения погоды. Будучи сведущими знатоками своего края, сообщали ученым интересные и ценные сведения, например, о китайской торговой дороге и другие [2, с. 345]. К рекомендациям В.В. Сапожникова относительно выбора проводников прислушивались все остальные исследователи. Так, английский путешественник С. Тернер, прежде чем отправиться в 1904 г. на покорение Белухи, сначала заехал к ученому в Томск за рекомендациями и консультациями [2, с. 343].

Интересные зарисовки проводников оставил финский геоморфолог Й.Г. Гранё, изучавший Горный Алтай в начале XX в. Им ученый посвятил отдельную главу, названную «Проводники», своей книги «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий» со словами глубокой признательности и благодарности. Главу он предварил высказыванием «У каждого человека есть свои светлые и темные стороны, совсем как у кедров на склонах сопки Алтая [1, с. 49]. В отличие от В.В. Сапожникова, который никогда не скупился, и нанимал самых бывалых и опытных людей для своих путешествий по опасным горам, бережливый Й.Г. Гранё сэкономил экспедиционные деньги. В результате, его проводниками были как добросовестные люди, такие как И. Матай, так и не очень. Но, тем не менее, всем своим проводникам финский ученый остался благодарен. Обращаясь к проводникам, он написал: «То, что вы стали моими верными и терпеливыми товарищами, было лучшей предпосылкой для моей деятельности. Когда недели напролет мы проводили на заснеженных плоскогорьях сопки, или пробирались сквозь болотные заросли, или когда день за днем мы были вынуждены просиживать в палатке, «пережидая дождь», в сырости и холоде, не видя вокруг себя ни одной живой души, кроме участников нашего похода, тогда требовалось проявить настоящую выдержку, чтобы сохранить мир и комфорт совместного пребывания здесь» [1, с. 51].

Как живые со страниц книги Й.Г. Гранё предстают эдиганские проводники: И. Матай, дед Демин, Тихон Каланчинов, Илья Тенгереков, кебезенский старик Тадыжеков, кумуртукский житель Темен, чулышманец Кынграк. [3, с. 109]. С большим уважением он отзывался о самом известном и опытном из всех горно-алтайских проводников И. Матае, которому были «знакомы все тропы» [1, с. 73]. Во времена экспедиций В.В. Сапожникова И. Матай был относительно еще молод, но к своему знакомству с Й.Г. Гранё он уже постарел, его здоровье несколько пошатнулось. Тем не менее, по знанию Алтайских гор и умению проводить экспедицию по самым опасным тропам Й.Г. Гранё с ним мог сравнить только опытнейшего проводника – катандинского старовера Ювеналия Архипова [1, с. 52]. По словам финского ученого, Матай по-прежнему остается бывалым охотником, внимательным и вдумчивым путешественником, весельчаком, он «с удовольствием шутит и попусту никогда не жалуется», «всегда ... готов услужить, (точнее прийти на помощь – Л.М.), «никогда не жалел сделать лишний шаг» [1, с. 52, 56 – 57]. Й.Г. Гранё очень высоко ценил профессиональные способности И. Матая. Он утверждал, что ему никогда доводилось путешествовать со столь сметливым и опытным спутником, так «по господски», как в обществе Матая [1, с. 55]. На привалах И. Матай первым принимался за приготовление пищи и последним за еду. Ученый писал: «там, где кашеварит Матай, провизия зря не переводится ... и он даже расстраивался из-за хорошего аппетита» участников экспедиции [1, с. 58; 2, с. 341]. Проводник даже выговаривал самому Й.Г. Гранё: «как можно так много кушать. Сразу спросонья несколько чашек с сухарями!» [1, с. 58]. Отметим Й.Г. Гранё и тактичность Матая, он никогда не заходил в палатку ученого по собственной инициативе, чем грешили другие алтайские проводники [1, с. 58].

В отличие от добросовестного Матая в проводники к Й.Г. Гранё угодил один из тех, кто заявлял, что прекрасно знает то место, куда изыскатель хотел попасть, но в действительности никогда там не был. Таким оказался житель дер. Кумуртук, расположенной на устье Башкауса, по имени Темен. Но, по словам ученого, на такой поступок Темена толкнули исключительно бедность и нужда. Если не считать незнания маршрута, по которому Темен вызвался вести экспедицию, то он, по признанию Й.Г. Гранё, был честным и порядочным человеком, прилежными и ответственным слугой. По наблюдениям ученого, Темен бы согласился работать в экспедиции без оплаты, только за еду и табак [1, с. 73 – 75]. Другого чулышманского проводника, «невысокого черноволосого мужичка с войлочной шапкой» Кынграка Й.Г. Гранё характеризовал как хитроумного, любящего «ничего неделание и отдых» человека. Правда, ученый отметил образованность Кынграка, окончившего школу при Чулышманском монастыре, его умение хорошо ориентироваться на карте [1, с. 66, 73]. С Кынграком Й.Г. Гранё исходил много горных дорог в самых разных местах Горного Алтая и Монгольского Алтая, поэтому ученому он тоже был дорог, хотя в своем ремесле проводника не мог сравниться ни с И. Матаем, ни с Тунгерекком. Но зато в чтении и письме Кынграк был первым среди остальных проводников [1, с. 65]. Самое уважительное отношение Й.Г. Гранё заслужил проводник Илья Тенгерек – Тунгерек из с. Эдигана [3, с. 109 – 110]. Илья Тенгерек к моменту своего знакомства с Й.Г. Гранё был очень молод, но уже опытен в странствиях по горам. Он, будучи сыном знаменитого эдиганского охотника Курташа, с 9-летнего возраста сопровождал своего отца на охоте. Как и отец, Илья был отважным человеком. Й.Г. Гранё отмечал такие черты Тунгерекка: бойкость, отвагу, иногда даже бесцеремонность, быстроту движений и запальчивость. Со страниц книги Й.Г. Гранё Тунгерек предстает быстрым, решительным и деятельным человеком, почти холериком. Финский ученый оставил яркое описание облика И. Тенгерекка: «чуть наморщив лоб, Тунгерек устремлял решительный взгляд куда-то вдаль – и самая большая трудность оказывалась вполне преодолимой [1, с. 60]. Исследователь сделал вывод, что «откуда бы ни унаследовал род Тунгерекка такие черты характера, их едва ли можно назвать алтайскими. В его внешнем облике также было что-то от чужестранца» [1, с. 60]. Хотя его волосы были черными, а цвет кожи смуглым, но фигурой И. Тенгерекка был крупнее остальных людей, а его лицо всегда хранило строгое «наполеоновское выражение» [1, с. 61]. По горам Катунского и Чуйского хребтов Й.Г. Гранё сопровождали катандинский старообрядец Куприян Михайлович Субботин и его внук, 15-летний подросток Павел Фролов, с которыми у ученого сложились тесные дружественные отношения [4, с. 126]. Й.Г. Гранё оставил очень интересные зарисовки социокультурного облика К.М. Субботина: простоту в общении, практичность в поведении и склонность к суевериям. На примере К.М. Субботина ученый даже пришел к выводу, что под влиянием местного алтайского населения мировоззрение уймонских староверов сильно алтаизировалось, что выражалось в их непоколебимой вере в духов природы.

Таким образом, горно-алтайские проводники, являясь обязательными в составе экспедиций, способствовали научному изучению Горного Алтая в конце XIX – начале XX вв. Они в полной мере заслужили слова благодарности и признательности со стороны изыскателей, оставивших о них яркие зарисовки их социокультурного облика.

Литература

1. Гранё Й.Г. Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий. М.: «Индик», 2012. 608 с.
2. Мукаева Л.Н. Горно-алтайские проводники в изыскательских экспедициях досоветского времени (к постановке проблемы) // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай). / Отв. ред. Ф.И. Куликов. Материалы международной научно-практической конференции. 20-23 апреля 2014 г. г. Горно-Алтайск. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета. 2018. С. 339 – 348.
3. Мукаева Л.Н. Из истории изучения правобережья Катуня (современного Чемальского района Республики Алтай) геоморфологом Й.Г. Гранё в начале XX в. // Значение природного и культурного наследия в современном обществе / Ответственный редактор Р.М. Еркинова. Материалы

Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 100-летию со дня основания Бюджетного учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай имени А.В. Анохина». Горно-Алтайск. 2018. С. 103 – 110.

4. Мукаева Л.Н. Историческая составляющая геоморфологического изучения Горного Алтая в начале XX на примере экспедиционных исследований финского ученого Й. Г. Гранё (на материалах юго-западной части Горного Алтая – современного Усть-Коксинского района Республики Алтай// Диалог культур: поэтика локального текста / Под ред. П.В. Алексеева. Материалы VI Международной научной конференции. 26 – 29 мая 2018 г. г. Горно-Алтайск. Горно-Алтайск: РИО Горно-Алтайского государственного университета. 2018. С. 123 – 135.

4. Мукаева Л.Н. Повседневные будни естественнонаучных и геологических экспедиций в Горном Алтае в XIX – начале XX вв. (к постановке проблемы) // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции: электронный ресурс. / Ответственный редактор А.В. Литягина. 2018. – С. 34 – 38.

5. Сапожников В.В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949. 694 с.

6. Сибирский альпинист. Фотографии экспедиций В.Сапожникова. Барнаул. 2014. 244 с.

УДК: 30

Никитина И.В.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Философско-методологические подходы к исследованию ментальности как социокультурного феномена

Еще на заре марксизма в «Философско-экономических рукописях 1844 года» ранний Маркс предсказал наступление такой эпохи в науке, когда вся она станет наукой о человеке, его сущностных силах, материальных и духовных. Подтверждением этого стало появление уже во второй половине XIX века культурологической тематики, а интерес к национальному характеру народа, выражаемому его фольклором, формируется еще раньше, как у немецких романтиков, так и в русском литературоведении, и эстетике, у славянофилов. Можно проследить наличие этой тенденции и у современных авторов (См.:12).

Таким образом, термин «mentalite», введенный в научный оборот Леви Брюлем и закрепленный работами французской школы «новой исторической науки» (М. Блок, Л.Февр и др.) упал на благодатную почву, продолжив традицию гуманизации социальной науки, выработки нового инструментария, пригодного для анализа не только законов и ценностей социального общежития, но и смыслов, которые за ними стоят и, нередко неосознанно, служат мотивом к действию. В разных работах термин «mentalite» переводится то как менталитет, то как ментальность, но в любом случае рассматривается как социально-психологический феномен, неразрывно связанный с культурой (1), в том числе и сибирская ментальность (5; 6). Нередко их используют как рядоположенные, но все же чаще термин «менталитет» включен в историко-культурный контекст и используется для характеристики крупной общности (нации или народа), раскрывая относительно устойчивые, повторяющиеся черты их характера. «Ментальность» же чаще связана с динамикой культуры, ее трансформацией, сменой эпох или со сменой умонастроений в атмосфере эпохи.

С точки зрения историков, менталитет культуры предполагает дистанцию между исследователем и его предметом, без учета которой невозможно адекватное восприятие материала и весьма вероятно его ложная (модернизаторская) трактовка, что особенно существенно при обращении к древности: от мифологической стадии, изучаемой Леви Брюлем, до культуры Средневековья, так как «умственный инструментарий» ученого, воспитанного в рамках нормативности культуры Просвещения, в этом случае кардинально отличается от способа мышления и мироощущения, символики и ее истолкования,

свойственной культуре, которая является объектом его исследования. Из отечественных исследователей вслед за французскими авторами к этой проблеме обратился А.Я. Гуревич, указав на связь социально-психологических механизмов с областью коллективного бессознательного, где «история потаенных мыслительных структур» не контролируется субъектами мысли и действия, но напротив, может оказывать влияние на социальное поведение людей и социальных групп (3. С.48).

Социологи понимают и изучают менталитет через призму автоматизмов мышления и действия, авто и гетеростереотипов представлений о своей и других культурах, что связывается ими с представлением о национальном характере. Термины фиксируют не только общие качества, отличающие восточные культуры от западных, а русскую – и от запада, и от Востока, но и специфику этапа. Так, авторы XIX века предпочитали размышлять о русском национальном характере, в XX век – о характере советского человека, то сегодня в арсенал социологов входит выражение «российская ментальность». (7). Менталитет при этом представляет интегральное понятие, включающее в себя как социально-психологическую, так и мировоззренческую составляющую, а национальный характер – как часть менталитета, а именно как «совокупность наиболее распространенных, типичных для данного народа психологических, характерологических качеств, свойств, нравов». (7. С.13). Акцент на типичных чертах характера, типичной модели поведения, реакции на ситуации и т.д. позволяет социологам четче выявить предмет исследования и повышает его репрезентативность.

Лингвисты обращают внимание на то, как проявляется менталитет в языке народа, культурные антропологи указывают на связь динамики авто и гетеростереотипов с наличием (или отсутствием) личного опыта общения с представителями той или иной культуры (2), зависимость от информации, получаемой извне (СМИ, произведения литературы и искусства и т.д.).

Последняя проблема (влияние образов литературы и искусства на представления народа о самом себе и о других народах) тесно связана с вопросом о том, насколько адекватно и каким именно образом авто и гетеростереотипы культуры отражаются в ее литературе и искусстве. Наряду с культурологами и социологами этим вопросом также занимаются специалисты в новой области науки, которая носит название «имагология». Возникнув как часть сравнительного литературоведения, имагология превратилась в самостоятельную дисциплину, изучающую представления культур друг о друге, что, в свою очередь, инициировало существование и развитие соответствующих разделов в смежных науках («потестарная имагология», изучающая образы власти, в исторической науке, «компаративная имагология» в литературоведении, «лингвистическая имагология», изучающая стереотипы, связанные с восприятием чужого языка или «чужестранных» слов в родном языке) (См.: 8; 10).

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что ментальность как социокультурный феномен может быть адекватно представлена только на основе междисциплинарного исследования, хотя отдельные виды ментальностей, стереотипы и образцы поведения могут и должны изучаться методами каждой из наук в отдельности.

Чаще всего изучение ментальностей связано с проблемой диалога культур или их конкуренции, когда одна этническая культура для другой представляет образ «чужого», либо когда их разделяет большая временная дистанция. Однако даже на основе общего культурного ядра, единого языка литературы на основе цивилизационного деления на ядро культуры, провинцию и колонии возникает аспект «чужеродности», в силу чего формируются культурные границы, авто и гетеростереотипы представлений о ядре культуры в самом ядре и на ее окраинах, отражение этого процесса в художественной литературе и влияние художественных образов на распространение и закрепление этих стереотипов.

Так, Рудольф Бадер на примере англоязычной литературы прослеживает эволюцию в австралийской литературе образа Великобритании как культурного Дома для белых австралийцев, переход от идеализации к ироническому переосмыслению исходного

представления о культурном превосходстве метрополии над колонией и источнике культурного кода молодых англоговорящих австралийцев. Представление об Австралии как культурной периферии постепенно замещаются на представления о специфичности культуры Австралии как особого рода ценности, а образ Британии как культурного центра замещается на образ метрополии, рассматривающей периферию в качестве источника обогащения для себя. Эти образы могут замещать друг друга не только в силу объективных причин (появления личного опыта жизни в Британии у героя, приехавшего в нее жить из Австралии), но и в качестве чисто субъективной реакции на конкретную ситуацию по типу переноса представления о лучшем мире на культуру – антипод. Если герой недоволен жизнью в Австралии, он идеализирует Британию и, наоборот, когда он сталкивается в Англии с отношением к себе как к культурному маргиналу, он начинает идилично вспоминать об Австралии. Природа Британии с зелеными холмами кажется привлекательной до знакомства с ее туманами и дождями. Таким образом, степень субъективности такого рода представлений чрезвычайно высока (10).

Как нам кажется, аналогичные результаты можно получить, если сопоставить представления о сибирской ментальности и о Москве как культурном центре в отечественной художественной литературе и кинематографии. С точки зрения москвичей Сибирь – место ссылки, географическая и культурная периферия. Но для самих жителей Сибири их родина обладает самобытной культурой и особым менталитетом, суть которых для мира открыл В. М. Шукшин в своем творчестве. Сибиряк – не только строитель и охотник, умеющий чувствовать красоту природы и ее ценность для человека, но талантливый рассказчик и своего рода философ. В отличие от стандартизированного мира мегаполиса, сибирская ментальность предполагает востребованность уникальности личности, поэтому «чудики» в Сибири – не изгой культуры, а форма ее существования (4.С.61-125; 10). Но при всей своей терпимости к «инаковости» личности сибиряки не чужды своего рода регионального эгоизма и своего рода ксенофобии по отношению к чужакам и проверяют их «на излом» всеми способами, вплоть до розыгрышей и насмешек, в каждом подозревая «птицу перелетную», которая рано или поздно улетит в теплые края, предоставив суровую Сибирь ее собственной судьбе.

Если авто и гетеростереотипы национального характера осознаны, по крайней мере, частично, самим субъектом –носителем, входя в содержание его обыденного сознания, и могут быть исследованы через высказывания и поведение как литературных персонажей, так и живых людей, то со стоящей за ними ментальной средой, атмосферой, подсознательно влияющей на этот внешний слой и в некоторой степени его определяющей, дело обстоит иначе. Для того, чтобы увидеть эту атмосферу, необходимы особые условия: стык культур, желательно контрастных относительно друг друга.

Например, для американца труд – это только деятельность, приносящая доход («бизнес»), поэтому работа не ради денег – это не труд, а «волонтерство», форма разумного досуга. Поэтому русское выражение «бескорыстный труд», строго говоря, непереводаемо на американский. Но для русских людей труд – это то, что приносит обществу пользу, и отсутствие платы только усиливает значимость такого труда и уважение к подобной личности. Но именно поэтому тот, чьи доходы явно превосходят видимую пользу от его труда, с точки зрения русских людей является вором, даже если эти доходы имеют легальное (на данный момент) происхождение. Для американца гангстер или мафиози, перешедшие из криминальной сферы в легальный бизнес – уважаемые люди, бизнесмены. Для россиян олигархи типа Чубайса – воры, причем пожизненно. Советский термин «рабочий-ударник» обозначал творческую личность и ассоциировался с выражением «быть в ударе», то есть ударничество понималось как вдохновенный труд. А на английский язык его переводят как «shock-woker» (дословно: «рабочий в шоке», «нападающий») или воспринимают как инструмент, то есть нечто, связанное с внешним воздействием или насилием, а не с вдохновением.

Иван Грозный для русского – сила жесткая, жестокая, но очищающая. Как известно, после грозы легче дышится. В англоязычном тексте это имя может быть представлено как «Ivan Terrible» (Иван Ужасный) или воспроизведено как непереводаемое (Ivan Groznuu) в зависимости от того, насколько автор текста разделяет представление о России и ее истории как культуре варваров, извечно угрожающих Западу как цивилизованному обществу. Однако есть и примеры иного рода, когда русисты и советологи замечали те оттенки русской и советской культуры, которые не видны изнутри. Так, известный фольклорист Морин Перри указал на то, что любимый русским народом («фаворит фольклора») - Царь Иван из русских сказок – это как раз Иван Грозный, и что воровство рассматривается крестьянами как форма социального выравнивания: в одном из сюжетов царь вместе с вором идет грабить бояр, возвращая казне ими наворованное, либо вор помогает царю разоблачить боярский заговор (12. P.127,133).

Одни стороны менталитета связаны с повседневностью, другие, напротив, с ценностями и идеалами, принадлежность к которым определяется через предпочтение народом тех или иных сюжетных линий и их трактовок в кино, литературе или фольклоре. Независимо от жанра (женский роман, фантастика, детектив и др.) в американских произведениях любовь предполагает секс, причем он может быть и без духовной стороны любви, без психологии, тогда как в русских и советских произведениях скорее можно встретить духовную сторону любви без секса, что искренне изумляет политолога, специалиста по советскому периоду Клауса Мехнерта ([Mehnert, Klaus] в ВИКИ – Менерта.-И.Н.), как и то обстоятельство, что горожане в СССР на просмотре фильма «Калина Красная» радуются гибели «плохих» горожан от рук «хороших» селян вместо того, чтобы болеть за свою команду (11.Р. 176, 208-209).

Литература

1. Василев Мирослав. Менталността на културата като социалнопсихологичен проблем.- //Философска мисъл.- Г. 45.-Кн. 12.-1989.- С. 76-82.
2. Гетьманенко Н. Восприятие русской культуры: прототипы и стереотипы. – М.: 2010.- 254 с.
3. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». - М.: «Индрик», 1993г.-328 с.
4. Никитина И.В. Социализм как социокультурная система: проблемы науки и практики : учебное пособие [для вузов] / И. В. Никитина, Е. Ю. Бралгин . - Бийск : Издательство АГАО им. В. М. Шукшина, 2015. - 246 с.
5. Проблемы сибирской ментальности / Под общ. ред. А.О. Бороноева. - СПб.: Астерион, 2004. - 308 с., ил.
6. Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – СПб.: Астерион, 2007. -322 с.
7. Соколов В.М. Российская ментальность и исторические пути отечества: Записки социолога. – М.: Изд-во РАГС, 2007. -248 с.
8. Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов: Имагологические очерки. – М.: Индрик, 2005. – 232 с.
9. Шукшин и экзистенциализм [Текст] : монография / Е. Ю. Бралгин ; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Алтайская гос. акад. образования им. В. М. Шукшина". - Бийск : АГАО им. В. М. Шукшина, 2015. - 246 с.
10. Bader R. The Visitable Past. Images of Europe in Anglo-Australian Literature.-Bern., Frankfurt-and-Main, New York, Paris ,Wien: Lang , 1992.-354 p.
11. Mehnert, Klaus. The russians and their favorite books.- Standford (Calif.).- Heaven institution press.- Standford university ,1983. - 282 p.
12. Perry, Maureen. Folklore as Evidence of Peasant Mentalité: Social Attitudes and Values in Russian Popular Culture // The Russian Review. - Vol.48. – 1989. – PP.119-143.

Некоторые особенности коммуникативного поведения старообрядцев Горного Алтая

Коммуникативное поведение человека – сложное явление, связанное с особенностями его воспитания, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также национальной общности особенностями.

В Горно-Алтайском университете несколько лет велась работа по изучению особенностей коммуникативного поведения старообрядцев Уймонской долины высокогорного Усть-Коксинского района. Исследователей кафедры русского языка и литературы интересовали такие направления, как вербальная коммуникация, невербальная коммуникация, языковая личность старообрядца, жанры бытового общения и устного народного творчества старообрядцев.

Одним из компонентов речевого поведения является речевой этикет, который отражает общие правила, которые свойственны любому народу. Существуют разные формы пословичного выражения правил речевого этикета, закрепленные в фольклоре и выражающие универсалии речевого поведения. Нормы речевого поведения стали темой многих пословиц, поговорок, то есть языковое самосознание отпечаталось в фольклорных формах. Анализ пословиц, собранных во время экспедиций в Уймонскую долину, позволяет выявить основные правила речевого поведения старообрядцев. В этих правилах закреплены требования к речи, отношение старообрядцев к красноречию, этические нормы общения, особенности речевого поведения в определенной коммуникативной ситуации и др. Следует заметить, что наиболее многочисленную группу составляют пословицы и поговорки, предписывающие немногословие, сдержанность и неторопливость в выборе речевых средств: и красно, и пестро, да все пустоцветом; лишнее слово досаду приносит; на грубое слово не сердись, на ласковое – не сдавайся; то-то не знавши, говорить не надо; не кричи о себе, жди, когда о тебе хоть тихо скажут; не отвечай на щипки – время покажет; не то мудрено, что переговорено, а то мудрено, что недоговорено; обидели – промолчи, проскорби, никуда не неси; придержи язык в беседе, а сердце в гневе; умный молчит, когда глупый ворчит и др.

Для исследуемой лингвокультурной общности особую значимость составляет умение искусно владеть речью, что также отражено в пословицах: лучше ногой запнуться, чем языком; в умной беседе ума набираться, а в глупой – свой потерять; пустые речи и слушать нечего; каждому слову свое место; кто не умеет выслушивать, другим не дает сказать, тот неразумен; стара пословица, да про ново молвится; по разговорам всюды, а по делам никуды.

Таким образом, общие правила коммуникативного поведения старообрядцев Уймонской долины – вежливость, сдержанность, умеренность. Наиболее распространенная форма пословиц – наставления, но в паремиях нет жесткой системы правил коммуникативного поведения.

Одним из интересных направлений изучения коммуникативного поведения старообрядцев явилось рассмотрение их смеховой культуры. В начале исследования культуры старообрядцев могло сложиться впечатление, что категория смеховости не характерна для речевой культуры старообрядцев. Но оказалось, что старообрядческий фольклор представлен большим количеством юмористических и даже сатирических произведений. Этнографический материал также подтвердил присутствие смеха, шутки в обыденной жизни старообрядцев. Юмором пронизан игровой досуг, он является своеобразной методикой обучения детей. В каждом фольклорном словесном жанре: эпическом, прозаическом, поэтическом – есть произведения, имеющие смеховой элемент.

Так, типичной формой художественной образности пословиц и поговорок является ирония: Не хочет мыться, пускай чешется (и продавать не хочет и оставить не хочет); Этой бабе штаны только бы надеть (о женщине, похожей на мужчину); У него булавка в голове (о пьяном); Идет, как Христов оладушек (о пьяном); Осудила сорока курицу, когда сама на улице; У хорошей стряпки все ворота в тесте и т.д.

Важной особенностью содержания частушек является необычная широта их тематики, эмоциональное разнообразие. В частушке находят яркое выражение и острая публицистическая мысль, и любовное чувство, и едкая, убийственная сатира, и мягкий дружеский юмор.

А уймонские ребята

Знают с кем знакомятся:

У кого несутся куры

И корова доится.

Детский фольклор – обширная область устного народного творчества, в котором присутствует смеховость. Так, некоторые загадки, представляющие собой прямой вопрос, носят шуточный характер: Шла баба с пестом, упала задним местом, чем ударилась? Некоторые загадки созданы способом комического словотворчества: Четыре ходастых, два бодастых, один хлестун.

Рассказульки – особый речевой жанр старообрядцев Уймонской долины - представляют собой коротенький рассказ, чаще всего в форме диалога, содержащий неожиданный, смешной конец, как в анекдоте. Этот термин не встречается в научной литературе, описание такого жанра мы не нашли, можно предположить, что старообрядцы сами придумали это название, но исходя из их формы и содержания можно заметить, что они похожи на такой жанр устного народного творчества, как прибаутки.

- Фома, у тебя в избе тепло?

- Тепло. На печи в шубе терпеть можно.

-Что красен?

- Женится хочу.

- Что бледен?

- Женился.

Особенности рассказулек заключаются в краткой форме, незначительном забавном содержании, в сюжете со смешным концом.

Таким образом, в текстах устного народного творчества старообрядцев Уймонской долины категория смеховости замечена частично: в основном она присутствует в таких речевых жанрах, как игровые припевы и приговоры, пословицы и поговорки, колыбельные песни, рассказульки и, конечно же, частушки.

Работа по составлению именника старообрядцев была проведена на основе собранного архивного материала советского времени в селе Верхний Уймон. Этот вид работы интересен, с одной стороны, для реконструкции родословных старообрядческих семей, с другой стороны, - для выявления соотношения христианских и древнерусских имен в среде старообрядцев, а также их частотности в хронологическом плане.

В результате исследования антропологического пространства села Верхний Уймон выявлено, что люди, проживавшие в нем, имели самые разнообразные, редкие и интересные фамилии: Затеев, Карякин, Лысов, Лукиянов, Лазарев, Мельников, Микушин, Мякушин, Незелев, Першев, Петенев, Поутов, Смеркягин, Травников и др. Для исследования была сделана сплошная выборка фамилий, имен и отчеств из Похозяйственных книг Верх-Уймонской сельской администрации в период с 1940 по 1948 и с 1997 по 2006 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что в селе проживало огромное количество людей, имевших такие фамилии, как Огнев, Бочкаревы, Атамановы, Черновы - основатели этого села. Так, часто употребляемые в период 1940-1948 гг. фамилии: Бочкарев – 46 семей, Атаманов – 23 семьи, Огнев – 28 семей, Черепанов – 12 семей, Агапов – 11 семей, Чернов – 10 семей, Казанцев – 10 семей, Клепиков – 7 семей, Затеев – 6 семей и т.д.

Фамилии, часто употребляемые в период с 1997 по 2006 год: Бочкарев – 20 семей, Чернов – 13 семей, Ленский – 11 семей, Огнев – 11 семей, Казанцев – 6 семей.

Редкоупотребляемые фамилии: Болдаков, Березиков, Кононов, Гордополов, Подкорытов, Бердюгин, Трубачев, Писарев, Цвилий, Шершнев, Аргоков, Золоедов, Басаргин, Ковальчук, Сивков, Шерепа, Орусов, Латкин, Воронов, Берсенев, Шевченко, Гражданкин, Орлов, Сосенко, Клименко, Ситников, Буткеев, Ретунский, Рукин.

Иноязычные фамилии 1940 - 1948 гг.: Вардин (эстонец), Иризина Курточка (алтайка), Вардия Планета (русская, а отец – эстонец), еще жили казахи.

Иноязычные фамилии 1997 - 2006 годов: Киркиш (белорус), Вейс, Исаметдинов (татарин), Агзаев (чеченец), Челах (грек), Шныпко, Игнатенко, Шевченко, Сосенко, Цвилий (украинцы), Бобурганов, Кутлумбаев (ингушы), Хуцуюк, Блага, Доготарь, Гурэу (молдаване).

Анализ материала обнаружил, что первые фамилии села Верхний Уймон отсутствуют не только в справочниках и словарях, но и в книгах местных авторов. Собранный материал позволяет продолжить исследование в этом направлении: проследить динамику именика в контексте культуры региона и описать антропологическое пространство Верхнего Уймона, отражающее лингвокультурное сознание исследуемого языкового сообщества.

Работа второго направления проводилась с учетом наличия / отсутствия, оправданности, выразительности, смыслового наполнения набора средств невербальной коммуникации в речи реципиентов. Обращает на себя внимание специфика таких невербальных сигналов старообрядцев, как взгляд, мимика, поза реципиента, физический контакт в ходе общения, манипуляция с предметами, жесты, дистанция общения, выбор места общения.

При характеристике взгляда отмечаются следующие особенности общения старообрядцев: в беседе смотрят только на того, с кем разговаривают (кто задал вопрос), как бы не замечая других присутствующих. Но при этом они не рассматривают своего собеседника. В основном смотрят в сторону, в пол или вдаль, время от времени поднимают глаза на собеседника и внимательно смотрят ему в глаза. Если встретились глазами, то взгляд не отводят, что не вполне характерно для русского коммуникативного поведения.

Обращаясь к мимике как важному средству невербального общения, отметим отсутствие ярких особенностей. Например, для старообрядцев, как и в целом для русской культуры, нехарактерна «хроническая улыбка». Феномен бытовой неулыбчивости (И.А. Стернин) русского человека в старообрядческой среде проявился максимально возможно: у старообрядцев, с которыми довелось общаться, улыбка – искреннее отражение хорошего отношения и личного расположения к понравившемуся собеседнику. Мы отметили улыбку в основном только при прощании.

Особенности старообрядческого мировосприятия отразились и в позах реципиентов. Их позы сдержаны и несколько формальны по своему характеру. Если они сидят, руки лежат на коленях. Не ставят локти на стол. Гостю сразу предлагают присесть. При сидении не занимают много места. Если они стоят, то руки обычно соединены на уровне живота, часто при этом держат какой-нибудь предмет (очки, книгу). Женщины в такой позе руки держат под передником.

Физический контакт в ходе общения наблюдается крайне редко. Это наблюдалось только в случае, когда надо было продемонстрировать на ком-то сказанное. Например, Еремина Нина Игнатьевна (с. Катанда) демонстрировала действия при чтении заговора на студентке из исследовательской группы. Прикосновение в русской коммуникативной культуре выступает как признак доброго отношения, доверия к собеседнику, стремления развивать контакт. В среде старообрядцев по отношению к «мирским» подобное наблюдается только при прощании: касание руки или плеча в знак доброжелательности.

Отметим и привычку практически всех реципиентов что-либо держать, перебирать или вертеть в руках (очки, полу одежды, костыль, книгу). Время от времени они откладывают предмет в сторону, потом опять берут его.

Жестикуляция у старообрядцев выражена слабо. Характерна жестикуляция при указании на что-либо в пространстве. Жест при этом производится открытой рукой, далеко отходящей от корпуса, с широкой амплитудой.

В целом, коммуникативное поведение старообрядцев Уймонской долины характеризуется большой сдержанностью как вербально, так и невербальной.

Изучение особенностей речевых жанров составляет третье направление в данном исследовании. Среди жанров устного народного творчества выявлено превалирование жанров, отражающих религиозную ментальность населения (притчи, молитвы, переложение библейских сюжетов, сказания, заговоры).

Так, притча - один из древнейших жанров литературы и устного поэтического слова - сохранилась и развивается и в устном народном творчестве лингвокультурного общества старообрядцев. Именно в среде старообрядцев активно бытуют не только евангельские притчи, но рождаются свои притчи с узнаваемым хронотопом. Часто притчи имеют трансформированный вид евангельского образца: во-первых, следует отметить сюжетные изменения; во-вторых, притча имеет и жанровое смещение: часто она заканчивается сказочной присказкой. Но, несмотря на такие изменения, прочтение притчи остается таким же, как и прочтение классического варианта.

Интересно, что большинство притч Верхнего Уймона состоят только из одной части, даже несмотря на то, что часто их сюжеты и персонажи заимствованы из Евангелия (Притча о блудном сыне, притча «Бог велел пополам делить» и другие). Думается, что «усеченная» структура притч старообрядцев определяется устной формой бытования. Она требует от жанра лаконизма и краткости.

У старообрядцев Уймонской долины встречаются притчи, в которых изменен хронотоп: в них содержатся названия сел и даже имена собственные. Такие изменения хронотопа интересны с точки зрения преобразования жанра в конкретной лингвокультурной общности в отдельно взятой местности. Объясняется желание уймонского рассказчика достичь большего влияния на собеседника через создание эффекта сопричастности местных жителей, их предков к описываемому событию. Часто изменения хронотопа лежат в основе перехода жанра притчи в другой жанр - бывальщину:

Однажды мужик скакал ночью из Тихонькой в Верхний Уймон верхом на лошади, и вдруг на дороге бегают ягненок. Он слез с коня, взял ягненка на руки, сел с ним в седло и поехал дальше.

Проехал первый притор, конь фыркает и идти не хочет. Мужик удивляется, думает про себя, что это такое. Взглянул на дорогу, а у ягненка ноги до полу уже достают. Он испугался того ягненка и бросил его. А ягненок захохотал и исчез. А мужик приехал домой сам не в себе.

В арсенале уймонских притч есть притчи с абстрактными героями, олицетворяющими людские пороки. Это притчи про Отень и Лень:

Лежат Отень и Лень на печи, из печки уголь упал. Печка загорелась. Лень предложила Отеню: «Давай слезем!» Отень говорит: «Я буду лежать». Огонь подошел к ним. Лень сползла, отень - сгорел!

Мораль такова: Отень ещё хуже лени (Записано у Прокофьевой Ефрасиньи Яковлевны).

Изучение речевых жанров старообрядцев Уймона показало, что набор традиционных жанров бытового общения старообрядцев мало чем отличается от традиционного набора подобных жанров «мирских». При этом яркую особенность этим жанрам придает наполнение их лексического, грамматического уровней организации текста, уровень невербальных средств общения часто подчеркивает особенности бытования жанров.

Результатом исследования коммуникативного поведения старообрядцев Усть-Коксинского района явились интеграция разных научных подходов (филологический, этнографический, исторический), а также новое научное направление, отражающее национальное коммуникативное поведение, при кафедре русского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета.

Литература

1. Стернин И.А. Улыбка в русском общении [Электронный ресурс] // http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/Ulibka_v_russkom-%20obschenyi.pdf (дата обращения: 31.05.2019)

УДК: 81

Орехова Т.И., Попов А.В.
ГАГУ, Горно-Алтайск, Россия

Ойконимическое пространство Алтая в лексикографических источниках XVIII века

Интенсивное освоение периферии Российской империи в XVIII веке коснулось разных территорий, в том числе и юга Западной Сибири, предгорья и гор Алтая. В это время у российских людей начинает формироваться образ Алтая. Большую роль в формировании этого образа играли топонимы, составляющие топопространство – совокупность названий всех населенных пунктов (городов, сел, острогов, крепостей и др.), употребляемых в языке социума определенного периода (Российская империя XVIII века), обусловленных во многом этнокультурными факторами [1]. Топопространство Алтая данного периода формировалось прежде всего на географических картах и описывалось в первых историко-географических словарях (лексиконах). Для региональной филологии особый интерес представляют именно лексиконы, содержащие первую кодификацию топонимов Алтая (гидронимов, оронимов, ойконимов).

Объектом анализа в данном исследовании является ойконимическое пространство Алтая в представлении авторов географических словарей Российской империи XVIII века Ф.А. Полунина, Л.М. Максимовича, В.Н. Татищева.

Первый источник «Географический лексикон Российского государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясачные зимовия, рудные заводы и прочие достопамятные места обширной Российской империи...» был издан в 1773 году Ф.А. Полуниным, воеводой и ученым-географом [2]. Этот однотомный словарь был первым кодифицированным источником знаний о топонимах Российской империи.

Несколько позднее, на основе названного выше словаря Ф.А. Полунина, географ, переводчик и литератор Л.М. Максимович, создал 6-ти томный «Новый и полный географический словарь Российского государства», изданный в 1788–1789 годах. Словарь содержит около 2000 статей [3].

Автором и составителем третьего исследуемого словаря являлся историк, географ, тайный советник и астраханский губернатор В. Н. Татищев. «Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской» был написан в 1744–1746 годах, но издан только в 1793 году в 3-х томах (А–К) [4]. Словарь планировался многотомным, но труд был не завершен.

Три вышеназванных источника позволяют описать, каким представлялось ойконимическое пространство Алтая жителям Российской империи XVIII века, какую информацию они могли почерпнуть из словарей своего времени.

Анализ географических словарей Российской империи XVIII века Ф.А. Полунина, Л.М. Максимовича, В.Н. Татищева показал, что в этот период топонимикон Алтая был представлен тремя группами топонимов: оронимы (наименования гор) – 2 названия (Алтайские горы и Алтай), гидронимы (водные объекты: озера, реки и др.) – всего 10 названий (Ануй, Алей, Бия, Катунь, Лебедь, Обь, Телецкое озеро (Алтын-көл, Төлс-көл), Чумыш; ойконимы (название населенных пунктов) – всего 6 названий (Ануйская крепость, Барнаул, Бикатунский острог / Бийская крепость / Бийск, Катунская крепость). В данном

докладе будет представлена группа ойконимов, поскольку гидронимы и оронимы уже были нами описаны [5].

Как показало исследование, в словарях XVIII века ойконимы – самая немногочисленная группа, представленная в основном названием крепостей и острогов, поскольку это был только начальный период интенсивного освоения Алтая. Итак, рассмотрим следующие ойконимы, обнаруженные в лексиконах XVIII века: Ануйская крепость, Барнаул, Бикатунский острог / Бийская крепость / Бийск, Катунская крепость.

Ануйская крепость. Описание Ануйской крепости в словарях Полунина и Максимовича практически идентичны, сравним: «Ануйская крепость, Сибирской губернии в Тобольской Провинции, состоящая под ведомством города Кузнецка, при рѣкѣ Ануй, впадающей в реку Обь, разстоянием онаго жъ ведомства от Катунской крепости въ 21 верстѣ» [2, с. 11]. Максимович: «Ануйская крепость, въ Колыванском наместничестве, стоящая под ведомством города Кузнецка, при рѣкѣ Ануй, впадающей в реку Обь, разстоянием онаго жъ ведомства от Катунской крепости въ 21 верстѣ» [3, ч. 1 с. 37]. Как видим, различия имеются только в масштабах подчинения определенному административному центру: Сибирской губернии в Тобольской Провинции, либо Колыванскому наместничеству. Из статей об Ануйской крепости читатели словарей также узнавали о существовании Катунской крепости.

Катунская крепость. В «Географическом лексиконе...» Полунина находим описание данного ойконима в следующем виде: «Катунская крѣпость, Сибирской губернѹи, Тобольской провинцѹи, въ уезде города Кузнецка, при рѣкѣ Катунѣ, разстоянѹемъ отъ Бѹйской крѣпости 16, а отъ Кузнецка около 200 верстѣ» [2, с. 129]. Географический словарь Максимовича традиционно указывает на подчинение объекта другому административному центру: «Катунская крѣпость, Колыванскаго Намѣстничества по Иртышской линіи, при рѣкѣ Катунѣ, разстояниемъ отъ Бійской крѣпости 16, а отъ Кузнецка около 200 верстѣ» [3, ч. 2, с. 217]. «Лексикон» Татищева на букву «К» открывается пространственной информацией по гидрониму Катунь, а затем уже второй статьёй переходит к сжатому описанию ойконима: «Катунской острог, въ Енисейской провинции на рѣкѣ Катунѣ» [4, ч. 3 с. 187]. Словарные статьи отсылают читателя к топониму Бийская крепость. Вообще с Бийском связаны три топонима, отраженные в лексиконах XVIII века: Бикатунский острог / Бийская крепость / Бийск.

В словаре Полунина представлена следующая информация: «Бийская крѣпость, Сибирской губернѹи, Тобольской провинцѹи, въ уезде города Кузнецка, при рѣкѣ Би ... отъ Кузнецка 212 верстѣ» [2, с. 29]. В труде Максимовича находим описание не только Бийска как административной единицы, но и упоминание о Бикатунском остроге: «Бийскъ, город и крепость Колыванскаго Наместничества при реке Биѣ, несколько выше соединения ея съ рѣкою Катунею, называется Обь, отъ Кузнецка 212 верстѣ» [3, ч. 1, с. 80]. «Бикатунский острогъ, Кузнецкаго ведомства на рѣкѣ Оби, по правую сторону выше рѣки Катунѣ» [там же, с.81]. Как видим, различия касаются уже не только масштабов подчинения определенному административному центру: Сибирской губернии в Тобольской Провинции, либо Колыванскому наместничеству; речь идёт о новой номинативной единице. Информация по Бикатунскому острогу в «Лексиконе» Татищева представлена в очень сжатом виде: «Бикатунский острогъ, Кузнецкаго ведомства на рѣкѣ Оби, по правую сторону выше рѣки Катунѣ» [4, ч. 1 с. 160].

Барнаул. Барнаулу не посвящена отдельная статья ни в одном из трех словарей. Возможно, потому, что Барнаула как города тогда ещё не существовало. Акинфий Демидов примерно в 1739 году начал строительство меде-сереброплавильного завода, которому посвящена статья в словаре Полунина: «Барнаульской казенной серебряной и мѣднѣй завод, въ уѣздѣ города Кузнецка, Сибирской губернѹи, Тобольской провинціи, при рѣкѣ Барнаулѣ, впадающей в реку Обь, недалеко отъ устья оной реки, разстояниемъ отъ крѣпости Белоярской вверхъ по рѣкѣ Оби 10, отъ Бійской крѣпости въ 260 верстахъ» [2, с. 24]. Из этой статьи российский читатель XVIII века узнавал о существовании Белоярской крепости (острога),

под защитой которого, вероятно, и находился Барнаульский завод, получивший название от реки (в этой статье мы не будем затрагивать спорный вопрос об этимологии топонима Барнаул). Внутри словарных статей топоним Барнаул упоминается неоднократно в связи с доставкой на завод руды. Все ойконимы, представленные в лексиконах XVIII столетия, происходят от названия рек: Ануй, Бия, Катунь, Барнаул. Причем все эти названия происходят из языков коренных народов Алтая.

Таким образом, Алтай был объектом внешнего наблюдения, изучения и описания с момента вхождения территории в состав имперских пространств России. Лексикографические источники XVIII века прямо или косвенно относили следующие топонимы к территории горного и степного Алтая: Алтайские горы, Алтын озеро (Телеское, Алтынкуль), Бия, Катунь, Ануй, Лебедь, Чумыш, Ануйская крепость, Бикатунский острог / Бийская крепость / Бийск, Катунская крепость, Барнаул. Ограниченный фактический объем топонимов в ойконимическом пространстве Алтая XVIII века связан с ещё слабой изученностью и не освоенностью его территорий в исследуемый период. В то же время, сам факт наличия топонимов Алтая в географических словарях обширной Российской империи XVIII века свидетельствует о важности включения их в общее топопространство России с дальнейшим формированием региональной идентичности субъекта и её последующей репрезентацией в полиэтничном пространстве государства.

Литература

1. Заверткина, Е.В. Эволюция ойконимической номинации графств Камбрии и Девона: сопоставительный анализ: монография / Е.В. Заверткина. - Москва: Проспект, 2016.
2. Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства. Москва: Напечатано при Императорском Московском университете, на иждивении Христиана Людвиг Вевера, 1773.
3. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. Ч. 1-6. Москва: Университетской типографии, у Н. Новикова, 1788-1789.
4. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 1-3. Санктпетербург: Тип. Горнаго училища, 1793.
5. Орехова Т.И., Попов А.В. Отражение топонимического пространства Алтая в географических словарях XVIII века // Мир науки, культуры, образования. (ВАК РФ). Горно-Алтайск, 2019 г., №2 (75). С. 414 - 416.

УДК: 81

Островая Ю.С.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Способы выражения фемининной референции в произведениях В.М. Шукшина

Фемининная референция – это отнесенность имен, именных выражений к представительницам женского пола. Термин «фемининность» определяется как комплекс психологических и характерологических особенностей, традиционно приписываемых женщинам и противостоит термину «маскулинность». Выявление способов выражения фемининной референции и определение функций феминативов на примере произведений В.М. Шукшина обуславливает цель данной работы.

Фемининность в языке может выражаться по-разному: при помощи коннотативно маркированных способов (суффиксов со значением «женскости»), а также в референциальных контекстах.

Еще до XIX века в русском языке существовали собственные лексические именованья для отнесения профессий к мужскому и к женскому роду.

В языке использовались наименования исключительно для женского труда («няня», «родильница», «двумужница»), к ним нельзя было образовать пару мужского рода, и были существительные-именованья лиц, которые можно было допустить к деятельности лиц обоих полов («швец» – «швея», «гувернер» – «гувернантка»). Также были случаи, когда

существительные мужского и женского рода, образованные от одного корня, не составляли коррелятивных пар по родо-половому признаку: «существительные мужского рода обозначают лицо, а существительные женского рода с суффиксом -к(а) называют неодушевленный предмет или помещение»: пилот-пилотка, кочегар-кочегарка, матрос-матроска [2], иногда соответствующее существительное мужского рода означало другое занятие, отличное от значения феминатива «техник и «техничка-уборщица». Женский род профессий мог обозначать какие-либо исконные виды деятельности («кружевница»), а мог мыслиться как «особый», требующий изменений слов мужского рода путем добавления различных суффиксов («кассир» – «кассирша», «кравец-кравчиха»).

На рубеже XX – XXI веков «в русском, как и в других славянских языках, активизировались процессы расширения лексического состава языка. Одним из них стала феминизация языковых систем, в частности и феминизация маскулинизмов – образование парных существительных женского рода от номинантов с мужским родовым маркером (мужское мовирование)» [1].

В количественном отношении имена существительные-нейтральные по гендеру преобладают; они заключают представление о человеке, о его социальной принадлежности и профессиональной деятельности независимо от пола. Основным грамматическим признаком личных существительных считаются прежде всего словообразовательные суффиксы мужского рода и соотносительные с ними суффиксы женского рода. Наименования женщин в большинстве случаев выступают как коррелятивные к мужским и производные от них по форме (ср.: учитель – учительница, журналист – журналистка, царь – царица, граф – графиня) [2]. В языке имена существительные, образованные суффиксальным способом со значением «женскости», называются суффиксальными фемининными дериватами или феминативами со значением «женскости».

По данным Русской грамматики женские корреляты у существительных-наименований лиц образуются при помощи суффиксов, самыми продуктивными из которых являются -к(а), -иц(а), -ниц(а).

Эти суффиксы расцениваются как высокопродуктивные как в разговорной речи (пассажирка, переплетчица, сказительница), так и в сфере официальных номинаций (космонавтка, художница, учительница).

Остальные суффиксы -щ(а), -их(а), -ыня/-иня, -есс(а), -ис(а), -ја являются непродуктивными.

Выбор суффикса для образования коррелята женского рода будет зависеть от того, что хотят выразить: нейтральные именованья лиц женского пола (работница, стюардесса) или лексические единицы с эмоциональной или стилистической окраской, которые иногда могут выражаться в экспрессивных-оценочных формах (учительша, оппонентиха). Коннотативно-окрашенные лексические единицы встречаются преимущественно в словах, обозначающих профессию, должность представительниц женского пола (декан – деканиха, доктор – докторша) [4].

Словообразовательные суффиксы со значением «женскости» имеют модификационное значение лица женского пола. При необходимости выразить половую принадлежность лица в языке используются существующие «феминативы» или создаются новые. Если же такой необходимости нет, для обозначения лиц женского пола широко используются соответствующие существительные муж.р., лишённые сами по себе указаний на половую принадлежность (<http://rusgram.narod.ru/380-432.html#380>).

Проанализированный иллюстративный материал в Национальном корпусе русского языка– именованья лиц в произведениях В.М.Шукшина (<http://ruscorpora.ru/new/index.html>) показал, что в большинстве случаев «фемининность» выражается суффиксально и самым распространенным формантом является суффикс – ниц(а). Примеры с суффиксом:-ниц(а) в языке Шукшина называют лицо женского рода по деятельности:(учительница-работница-потребительница-начальница-помощница-проводница-слушательница-пьяница-птичница).

Калина красная: - Николаев? Там у учительницы литературы урок сорвали: начали вопросы задавать. А? "Евгений Онегин". Да? На работницу сберкассы похожа. — И что она пишет? — Пишет, что беду мою всю понимает...

Обнаружены также случаи, когда слово называет «жену лица»: супружница, или с формантом - ш(а): адмиральша.

Парные именованья, образованные при помощи словообразовательных формантов—ша и -иха, например: библиотечарша, аптекарша, вахтерша, бухгалтерша, новаторша, врачаха, сторожиха, портниха в словарях имеют помету «разговорные», и в результате используются ограниченно. Их использованию препятствует присущая им двусмысленность: они могут быть расценены как название жены человека соответствующей профессии и как название действующего лица – представителя профессии; В примере: Ну!..» — подумал я про вахтершу, но от всяческих оскорблений и громких возмущений я удерживался, можете поверить. Я же актер, я понимаю... (не совсем понятно, о ком идет речь: то ли о жене вахтера, то ли о женщине-вахтере).

Та же ситуация наблюдается и в других примерах:

1) Беспалый (1972) Если б жить думала, ты бы его берегла. А ты, как... не знаю, как ксплотаторша какая: заездила мужика. Неужели же тебе тяжело хоть воды-то натаскать!

Хотя в наше время при равноправии мужского и женского труда, мы склонны в подобных названиях видеть обозначение действующего лица как представителя профессии, но не исключена возможность и другого толкования, что связано с историей таких слов (в прежние названия с суффиксами -ша и -иха обозначали наименования жен по мужу: генеральша, губернаторша, дьячиха, купчиха и т. п.). С другой стороны, в литературной речи подобных образований избегают из-за присущего им просторечного, сниженного, иногда пренебрежительного оценочного значения (профессорша, врачаха). Особенно это относится к словам на -иха: Кукушкины слезки (1968) —Нет, мы врачиху свою ждали, а она чего-то не приехала. Лексическая единица «врачиха» кроме основного значения «женщина-врач» имеет явно дополнительную стилистическую коннотацию, следовательно, воспринимается как уничижительное.

Сказанное, однако, не относится к закрепившимся в языке нейтральным словам типа: портниха, ткачиха: Жена мужа в Париж провожала (1970-1974) Им сообща — родней — купили двухкомнатную кооперативную квартиру (родные Вали все потомственные портные, и Валя тоже классная портниха). У В.М.Шукшина «портниха» - это женщина-специалист по шитью платья.

Самыми непродуктивными суффиксами для образования феминативов по действию у Шукшина считаются суффикс -чиц и -ья, примеров женских коррелятов с такими суффиксами немного (буфетчица-учетчица-игрунья-хлопотунья):

1) Танцующий Шива (1969-1972) — Мужики, перестаньте лаяться! — крикнула буфетчица. — А то выставлю счас всех!.. Распустили языки-то.

2) Шире шаг, маэстро! (1970) Солодовников повернулся к Анне Афанасьевне... Да, тут, конечно, и заботливая, недалекая хлопотунья Анна Афанасьевна, главврач...

Непродуктивный суффикс -чиц является нейтральным и образует узаконенные в словарях пары к существительным мужского рода, тогда как суффикс -ья дает существительные со значением «женскости» уже с пометой «разговорное», варианты «игрунья и хлопотунья» имеют эмоционально-оценочный суффикс, который используется автором для создания разговорной стилиевой окрашенности текста.

Имена существительные «феминативы» с суффиксами -иц(а) и -истк(а) в произведениях Шукшина (уборщица-продавщица-певица, телеграфистка-активистка-трактористка) представляют собой узаконенные пары к существительным мужского рода, они нейтральны и имеют значение «пола лица» по выполняемому действию.

Чудик (1967) Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила.

В произведениях автора находим также и примеры с суффиксом: – к (студентка-кандидатка-спортсменка), который в отличие от предыдущих словообразовательных элементов обнаруживает высокую продуктивность по данным Русской грамматики:

Калина красная (1973) У меня полные карманы шоколада, я весь уж провонял им, как студентка.

Среди вышерассмотренных слов-феминативов с различными словообразовательными суффиксами только у лексических единиц «врач, кандидат и бухгалтер» встречаются случаи, где значение пола лица выражается в референциальных контекстах или, иными словами, контекстно-денотативно: Срезал (1970) К вечеру узнали подробности: он сам - кандидат, жена тоже кандидат, дочь-школьница.

Корпусный анализ в совокупности позволяет сделать вывод о системе выражения фемининной референции в текстах Шукшина: во-первых, словообразовательными аффиксами и это характерный способ времени 60-70-х годов XX века, а во-вторых, в референциальных контекстах. В ходе проведенного анализа можно сказать, что в середине прошлого века большинство профессиональных обозначений не могли быть применимы к представительницам женского пола или из-за их неучастия в общественной и политической жизни, или из-за запрета для них разных видов трудовой деятельности. При окказиональной потребности обозначения женщины, занимающуюся «мужским» трудом, могли использоваться слова мужского рода (женщина-врач, женщина-бухгалтер, женщина-кандидат). Также возникали всевозможные новые аффиксальные образования («телеграфистка», «кандидатка», «бухгалтерша», «учительша» и даже «хахальша»). Коннотативно маркированные способы образования лексических единиц со значением «женскости» превалируют над контекстно-денотативными способами. Анализ функционирования феминативов в произведениях автора показал, что лексические единицы со значением «женскости» могут иметь от нейтрального до эмоционально-оценочного значения в зависимости от используемого суффикса.

Литература

- 1) Архангельская Т. Симметрия и асимметрия грамматической категории рода и семантической категории пола в славянских языках: дис. ... канд. филол.наук: 10.02.01. - Olomouc, 2014. - 211 с.
- 2) Брандер А. Особые случаи выражения категории рода у одушевленных существительных в русском языке. // Rossica Olomucensia LVII Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIV. Olomoucké dny rusistů . - 2017. - №7.-8.9. - С. 11-16.
- 3) Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность и агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Филология. . - 2013. - №№6 (26). - С. 14-28.
- 4) Николаева И.Ю. Наименование лиц женского пола по профессии, должности в гендерном аспекте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: русская филология. - 2010. - №2. - С. 93-97.
- 5) Единицы с модификационным значением // Русская грамматика. // URL: <http://rusgram.narod.ru/380-432.html#380> (дата обращения: 21.05. 2019/).
- 6) <https://litnet.com/ru/blogs/post/10506>
- 7) <http://ruscorpora.ru>
- 8) <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=6186>
- 9) <https://www.efremova.info>
- 10) <http://scipress.ru/philology/articles/feminativy-v-russkom-yazyke-istoricheskij-aspekt.html>
- 11) e-reading.club

УДК: 37

Панчук Т.А., Соловьева И.Б.
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Технологические квесты в формировании этнокультурной образованности обучающихся

На современном этапе становления новой системы образования, одним из основных социальных запросов общества является качественное образование. В связи с чем, основная цель современного образования – создание условий, способствующих личностному развитию и успешной социализации обучающихся, реализуясь в творческой созидательной деятельности.

Наряду с высоким уровнем качества образования, общество ожидает сформированности у выпускников школ необходимых духовно-нравственных качеств личности, которые позволят учащемуся реализовать свой образовательный и творческий потенциал, а в перспективе позволит стать успешным в трудовой сфере жизнедеятельности. Поэтому, одним из важнейших требований образовательного стандарта является обеспечение формирования российской гражданской идентичности обучающихся, а также овладения духовными ценностями и культурой многонационального народа России, этнической культуры региона проживания [1, с. 33].

На Алтае, где сошлись три мировые религии, в полиэтническом регионе, на протяжении двух тысячелетий складываются традиции межэтнического и межкультурного диалога и творческого этнокультурного взаимовлияния. Поэтому, так велика роль образовательной среды, способствующей формированию личности не только адаптированной к многообразию социальной среды, но и умеющей взаимодействовать с представителями различных этнических групп.

Из всех предметных областей общего образования, освоение предметной области «Технология» может подготовить обучающихся к творческому использованию и применению на практике ранее приобретенных знаний в гуманитарных и естественно-научных областях в проектировании, конструировании и изготовлении изделий. Наряду с освоением содержания, задачей предмета «Технология» является развитие у обучающихся навыков критического и креативного мышления, коммуникаций при выполнении технологических заданий в командах, творческого применения наследия региональной народной культуры в проектной деятельности и т.п.

Проблемы этнокультурной образованности обучающихся исследовали многие ученые-педагоги. Они рассматривали этнокультурное образование как средство в овладении культурой своего народа и взаимодействие с представителями других национальностей. Но, реализация современных требований ФГОС в развитии и воспитании личности молодого гражданина России, требует новых подходов к созданию в каждой образовательной организации определенных условий, которые будут обеспечивать этнокультурную подготовку, откроют обучающемуся его прошлое, познакомят с опытом предшествующих поколений, передадут духовную культуру народа.

Совершенствование этнокультурного воспитания тесно связано с задачами технологического образования учащихся. На каких ещё уроках кроме предмета «Технология» школьник может на практике применить полученные знания о культурных ценностях своего народа и других этносов, изготовить изделие по традиционным народным технологиям? Занятия художественным творчеством открывают для многих новые пути познания народного творчества, знакомят не только с русской культурой, но и многообразием культур народов Алтая, тем самым, обеспечивая качество этнокультурного образования обучающихся.

Для реализации данных требований и сохранения народной культуры необходима подготовка будущего учителя предмета «Технология» к выполнению вышеперечисленных

функций. Требования профессионального стандарта педагога [2] к выполнению общепедагогической функции в обучении учащихся определяют владение формами и методами обучения, в том числе выходящими за рамки учебных занятий: проектная деятельность, лабораторные эксперименты, полевая практика и т.п. Учитель должен уметь организовывать различные виды внеурочной деятельности: игровую, учебно-исследовательскую, художественно-продуктивную, культурно-досуговую с учетом возможностей образовательной организации, места жительства и историко-культурного своеобразия региона. Определяя требования к выполнению воспитательной функции, профессиональный стандарт педагога предусматривает реализацию современных, в том числе интерактивных, форм и методов воспитательной работы, используя их как на занятии, так и во внеурочной деятельности. Так, например, учитель должен владеть методами организации экскурсий и музейной деятельности.

В концепции современного образования находит отражение усиление практико-ориентированной составляющей процесса обучения на основе деятельностного подхода, в широком использовании в образовательном процессе интерактивных и активных форм проведения занятий.

Анализ психолого-педагогической литературы по проблемам применения современных образовательных технологий позволил установить следующие их основные характеристики:

переход от репродуктивного характера к проблемности обучения и организации активной познавательной деятельности обучающихся с опорой на их личный опыт;

интерактивность и диалогичность, мотивация к сотрудничеству, совместная деятельность всех субъектов обучения;

применение информационных образовательных ресурсов и электронных гаджетов.

Богатый арсенал современных педагогических технологий, отвечающий указанным требованиям обширен, среди них технологии учебно-исследовательской и проектной деятельности, обучения в сотрудничестве, дистанционного обучения, образовательный квест и др.

Термин «WebQuest» введен в 1995 году Берни Додж - доктором философии государственного университета Сан-Диего. Берни Д. определяет веб-квест как модель эффективного использования интернет-источников в образовательном процессе для решения учебных задач [3].

Большинство зарубежных и отечественных исследователей определяют цель образовательного квеста в исследовании обучающимися какой-либо проблемы и развитием у них умения работать как индивидуально, так и в группе в ходе поиска информации используя ресурсы Интернет.

В российском образовании активное использование в учебном процессе образовательных квестов началось около десяти лет назад. Анализ диссертационных исследований показал, что в учебном процессе образовательных учреждений различного уровня стали применяться не только веб-квесты, но и реал-квесты (в классе, музее, на природе и др.). Однако, продуктом деятельности реал-квеста остается поиск и обработка информации как в сети Интернет, так и в реальном предметном мире.

Образовательный квест объединяет в себе потенциал таких современных педагогических технологий как проектные, исследовательские, обучения в сотрудничестве, информационные компьютерные технологии. Ещё одной отличительной особенностью образовательного квеста является игровая форма его проведения по определенному сюжету, с заранее определенными этапами и заданиями.

Исходя из требований образовательных стандартов в формировании технологической культуры через освоение технологических процессов по обработке различных материалов, а также этнокультурного образования обучающихся средствами региональных народных художественных ремесел, было определено ещё одно направление образовательных квестов – технологический квест.

Также как и в описанных выше веб-квестах и реал-квестах, технологический квест проводится в игровой форме, а поиск и обработка информации может осуществляться как в сети Интернет, так и в реальном предметном мире. Особенностью технологического квеста является не только и не столько поиск, анализ и обработка информации, но главное – это решение поставленной задачи в процессе осуществления технологических операций по изготовлению предмета материальной культуры народов Алтая по заданным условиям (эскизам, чертежам, технологическим картам). Также задание квеста может состоять в разработке проектной документации или описании технологических процессов изготовления изделия по результатам собранной и проанализированной информации.

Одна из наиболее ярких культур существовавших на территории Алтая – скифская культура. Племена скифов кочевали по всей территории Алтая в VIII-II вв. до н. э. К коренному населению Алтая относят тюркоязычные племена северных и южных алтайцев (Алтай-Кизи, теленгиты, телеуты, тубалары, кумандинцы). К переселенцам Алтая (XVIII-XIX вв.) историки относят русских и казахов. Знакомство обучающихся с культурой скифов, алтайцев, русских и казахов должно стать неотъемлемой частью их этнокультурной подготовки.

Апробация технологического квеста этнокультурной направленности на основе авторского проекта успешно прошла на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина». Приведем основные этапы его проведения и полученные результаты.

Местом для проведения одного из квестов стало здание, которое построил в XIX в. известный Бийский купец М.С. Сычев. Сегодня там обучаются студенты университета, а преподаватели кафедры технологии создали лабораторию, которая оснащена не только учебными мастерскими для творческо-конструкторской и художественно-прикладной деятельности студентов, но и выставочным комплексом, в котором размещена экспозиция этнической культуры Алтая [4]. Экспонатами выставки являются как реконструкции выполненные студентами кафедры, так и подлинные предметы материальной культуры народов Алтая (костюмы, предметы быта, станки, макеты традиционных жилищ и др.).

На этапе проектирования технологического квеста определено его название – «Легенды Алтая». Разработан игровой сюжет, который определил маршрут и этапы игры, а также определено содержание и изготовлен раздаточный материал.

При проведении квеста, на вводном этапе участники формируют команды, которые по жребию выбирают название своего племени (скифы, теле, кочевники, русичи) и становятся соплеменниками. Организатор зачитывает легенду и погружает участников в сюжет квеста.

Ведущий квеста предлагает участникам перенестись в далекое прошлое Алтая, когда на его территории проживали многочисленные племена скифов, алтайцев, казахов и русских. Рассказывает об одной из легенд Алтая, которая повествует о том, что среди племён, населявших Алтай, шли постоянные сражения, а мир наступит только тогда, когда каждое племя познакомится с традицией и научится изготавливать обрядовые куклы других племён.

Чтобы стать победителем этого путешествия участникам квеста необходимо найти предметы и подсказки указанные в древних письменах, а затем изготовить куклы всех племён.

Каждая команда получает раздаточный материал (бланки с заданиями, технологические карты маршрута) и отправляется в путешествие, во время которого только коллективная слаженная работа является ключом к успеху в прохождении испытаний. Для этого каждая команда должна взаимодействовать друг с другом, использовать знания и все свои умения.

По маршрутным листам, на которых на картах нанесены точки, где размещены задания, участники квеста группами проходят весь маршрут, выполняя задания. В процессе прохождения квеста обучающиеся выполняют технологические задания, которые состоят в следующем:

- по маршрутной карте найти точки, где размещены технологические карты, описание и материалы для изготовления обрядовых кукол племен Алтая (скифов, алтайцев, казахов и русских);

- познакомиться с историей и назначением обрядовых кукол;

- изучить технологические карты и из материалов самостоятельно изготовить куклы.

При проектировании технологического квеста учтено место его проведения, количество помещений и их оснащение предметами материальной культуры народов Алтая. Разработанный квест построен по цепочке (разгадав одно задание, участники получают следующее, и так до тех пор, пока не пройдут весь маршрут).

Актуальность проекта обусловлена: интересом к поиску эффективных путей повышения уровня этнокультурной образованности обучающихся; недостаточной научно-методической разработкой современных интерактивных технологий в этнокультурном образовании; недостатком в практике технологического образования форм и средств, способствующих успешному формированию этнокультурной образованности обучающихся.

Литература

1. ФГОС основного общего образования (5 – 9 кл.). Сайт Министерства образования и науки РФ. [Электронный ресурс] – Available at: режим доступа <http://xn--80abucjibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938>

2. Профессиональный стандарт «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)». Сайт Министерства труда и социального развития. Available at: [Электронный ресурс] – режим доступа <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/129/>

3. Додж, Берни Управляемый запрос [Электронный ресурс] – режим доступа <https://questgarden.com/>

4. Панчук, Т.А. Подготовка бакалавров педагогического образования профиля «Технология» к реализации требований стандарта основного общего образования о единстве базового и дополнительного образования [Текст] / Т.А. Панчук, И.Б. Соловьева // Мир науки, культуры, образования. – 2015. - №6 (55) - декабрь. – С.36-38. - ISSN 1991-5497

УДК: 82

Петросян К.Г.

АГППУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Образ русского народа в «Былине о Микуле Буяновиче» Г.Д. Гребенщикова

Г.Д. Гребенщиков до последнего времени не пользовался у нас такой известностью, какой можно бы желать для него, и какой он заслуживает. Существует лишь очень небольшой круг научных работ, рассматривающих творчество Г.Д. Гребенщикова, что обуславливает актуальность и новизну темы нашего исследования, в котором рассматривается одно из наиболее значимых произведений Гребенщикова - «Былина о Микуле Буяновиче», задуманная «о народе и для народа». Данное произведение было написано в эмиграции в первой половине 1920-х годов и сразу же покорило своей глубиной наших соотечественников за рубежом. К Гребенщикову пришла литературная слава именно благодаря его «Былине». Былина была переведена практически на все европейские языки.

Цель исследования заключается в анализе образа русского народа в «Былине о Микуле Буяновиче» Г.Д. Гребенщикова.

Через размышление о народной душе, народном характере Г.Д. Гребенщиков приходит к философскому осмыслению природы народного бунта и будущего России. «По признанию самого Гребенщикова, эта “поэма” была написана в 1923 г. на парижском чердаке в течение шести недель и была ответом на вопрос: почему случилась такая крутая перемена в душе русского народа, который, в самом деле, частью осатанел и из мирного, воспитанного

русскими писателями богоискателя превратился в убийцу боевых офицеров, в вешателя ни в чем не повинных священнослужителей». [1]

По словам исследователя Т.Г. Черняевой, в центре картины мира, созданной Гребенщиковым в произведении, находится народ. «Народ - то солнце, вокруг которого вращается всё, лучи которого ложатся на весь мир, созданный в «Былине о Микуле Буяновиче». Народ может заблуждаться, проявлять ограниченность, глупость, жестокость, и, тем не менее, его внутренняя мощь, его величие не подвергаются сомнению». [2]

В центре романа - собирательный образ русского крестьянина, кормилица и хранителя родной земли. «Былина о Микуле Буяновиче» отражает крестьянские радости и горести, сомнения и надежды, крестьянскую жажду счастья. «В книге с любовью и тщательностью рассказано о мельчайших подробностях быта и трудовой деятельности, о праздниках и детских играх сибирской деревни более ста лет назад. Это настоящая энциклопедия жизни сибирского крестьянина: из нее можно узнать, как метали сено в стог, как готовили сусло, как по-старинному праздновали свадьбу, встречали в воскресные дни стадо с пастбища, какие песни пели, как говорили и что думали о своей жизни простые люди» [3. с. 10].

Образ народа в романе «Былина о Микуле Буяновиче» обладает внутренней цельностью и вместе с тем распадается на множество лиц. Массовые сцены в романе оттеняют единство народа, его готовность собраться, объединиться, показать свою силу.

Характер русского народа проявляется в отношении к окружающему миру, в образе жизни, в традициях и привычках. Жизнь его проходит в страданиях, непрекращающейся нищете, унижениях: «О, сколько же их, Ванек, Степок, Агашек, Машек и Матрешек с утра и до вечера по всем просторам русским поразбросано? - Барахтаются в снегу, смеются, плачут, дерутся и ругаются, и все это лишь для того, чтобы так или иначе, вырасти да пожениться, да народить новых Ванек и Матрешек. Да чтобы побольше хлеба съесть, да чтоб побольше удобрения для нового хлеба накопить. Не для этого ли только и живет бело-пуховая, холодная и навозно-земляная и запылено потная летом мужицкая Россия? <...> Для чего живут все эти миллионы обреченных на вечную борьбу и нищету, на пьянство, на преступление и на размножение против воли и желания?» [4]

В «Былине» показано, как в русском человеке томится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития. Залогом этого является свободолюбие, природная одаренность и вся многообразная духовная жизнь русского крестьянина, которому присуще, несмотря на его порабощенное состояние, глубокое сознание своего человеческого достоинства.

Произведение является романом-эпопеей в трех частях. 1-«Первое сказание: из песни слово» (рассказывается о семье главного героя, Микулы Петровича (Буяновича)), 2-«Второе сказание: сказка о кладах» (рассказывается о взрослом Микуле, арестанте), 3-«Третье сказание: Царь Буян» (исчез след о Микуле — разбойнике, а появился на жестоком стыке армий Красной и Белой — отчаянный и никем не уловимый атаман повстанческой зеленой армии Иван Лихой.)

Название романа отсылает к былинному образу Микулы Селяниновича – богатыря-крестьянина. Как и былинный богатырь, гребенщиковский Микула наделен богатырской силой, но он преступил нравственные законы и стал разбойником, обратился к темной стороне своей силы, за что поплатился каторжным заточением, покаянием и искуплением через жестокую смерть с последующим духовным возрождением.

«Былина о Микуле Буяновиче» начинается с описания пейзажа, образа «русско-сибирской» природы. Рассказывается о заснеженных зимах, о суровом сибирском морозе, о процессе перехода зимы в весну. Далее всё действие разворачивается вокруг Петровича и его детей, Микулки, Дуни. Его характер - по-настоящему русский. Сколько бед он пережил, какие муки вынес, знает только он сам. Ему пришлось пережить смерть жены, в минуты отчаянья он не спился и помнил об ответственности перед детьми. Вытерпел и издевательства со стороны односельчан, из-за которых ушла его дочь. Его характер не

позволил ему сломаться, отступить перед трудностями. В нем воплотился весь дух русского народа - стойкого и сильного.

Авдотья, или Дуняша, - дочь Петрована. Молодая девушка, воспитанная, трудолюбивая, верующая, добрая. Из-за нищеты и плохого социального положения в деревне ей приходится страдать, девушка не по годам умна, всё это приводит к непониманию со стороны окружающих и является одним из основных моментов в развитии сюжета. На протяжении всего романа Дуня предстает перед читателям с разных сторон: с одной стороны, она добрая и сердечная, а с другой - властная и жестокая.

Микулка - сын Петрована и брат Дуняши. Вначале произведения Микула предстает перед читателем мальчиком, застенчивым, но при этом для своих лет храбрым. Он был любимчиком в семье, так как был самым младшим. Благодаря ему, как говорится в произведении, Дуня жила в семье и не уходила в монастырь. Ходил Микула в ободранной одежде, хотя семья старалась делать для него все, по мере возможностей. В семье все любили друг друга и заботились, как могли. В деревни его недолюбливали так же, как и всю его семью, над ним издевались не только местные мальчики, но и взрослые люди. Он знал, как относятся к его сестре, пытался ее защитить. Детство оставило большой отпечаток на будущем Микулы, на его поведении и поступках. Автор показывает, что из хорошего, доброго мальчика, под воздействием окружающей несправедливости вырастает грубый, дерзкий, мужчина, безжалостный разбойник. Но при этом, где-то в глубине души, он по-прежнему маленький мальчик с добрым, нечерствым сердцем. По словам критика А. Л. Фовицкого, такая противоречивость свойственна именно русскому человеку, «потому что у всех нас, сынов России, Стенька Разин в крови так чудно уживается со святым Серафимом в сердце» [5].

Бабушка Устинья - бабушка Микулы и Дуняши, свекровь Петрована. В жизни детей бабушка имела одно из главных мест, она всячески старалась найти где-нибудь денег, подзаработать, чтобы дети не были голодны. Внутренне бабушка красива, она мягкая, ласковая, добрая, но это лишь внутренне, внешне она была непоколебимой женщиной, говорила всё напрямую, делала так, как считает нужным. Часто упоминала Бога. Это ещё одна черта русского народа, в изображении Г.Д. Гребенщикова, – непоколебимая вера в Бога.

Из второстепенных персонажей можно выделить Мавру Спиридоновну - соседку семьи Петрована и мать Ильи. Этот образ – символ никчемной и даже вредной жизни. Мавра Спиридоновна наживается на горе других людей, она распускала слухи о Дуни, отравила собаку Петрована, с помощью которой семья могла заработать. Язвительной, эгоистичной и циничной, ей было всё равно, как живут люди вокруг неё, для неё главное - своё благополучие. Она не одобряла теплые чувства Ильи к Дуни, доказывала, что жениться нужно «по расчету», ради материальных благ, а не по любви.

Илья – сосед семьи Петрована и единственный друг Дуняши. Положение в обществе у него гораздо лучше, чем у семьи Петрована, тем самым, на наш взгляд, здесь показано, что не все люди смотрят на социальное положение других людей. Илья любил Дуню, и ему неважно было, любит ли она его, и как думают о ней в деревне. Это веселый, общительный, добрый человек, который всегда готов прийти на помощь. Илья способен сильно любить. Ради любви к Дуне он пошёл против воли своей матери, после ухода Дуни отправился на её поиски. В образе Ильи прослеживается одна из главных черт характера русского народа: искренняя и бескорыстная любовь мужчины, который готов на всё, ради своей возлюбленной, даже если та не отвечает ему взаимностью.

Г.Д. Гребенщиков создает собирательный образ русского народа. Отмечает как положительные, так и негативные его черты, противоречивость, полярность русского характера. Однако, как отмечает О.С. Сирота, «Гребенщикову удалось показать не только противоречивость русского характера, склонность его к самоотрицанию, но, прежде всего, уловить и убедительно изобразить внутреннее стремление русского человека к покаянию, позволяющее сохранить целостность души, вечный поиск смысла, правды жизни, попытки установить справедливость для всего мира» [5].

В «Былине о Микуле Буяновиче» показан русский крестьянин, который живет в суровых климатических, бытовых условиях, в неблагоприятном «социальном окружении», и при этом пытается развиваться, стремится к лучшей жизни. В романе показано, как в русском человеке томится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития. Залогом этого является свободолюбие, природная одаренность и вся многообразная духовная жизнь русского крестьянина, которому присуще, несмотря на его поработанное состояние, глубокое сознание своего человеческого достоинства.

Ещё одной из главных особенностей русского человека в «Былине» является любовь к своей семье, родным. Это видно на примере Дуняши, ее отношении к маленькому Микулке, когда она готова отдать последний кусок, последнюю рубашку своему брату, когда она, не боясь позора, пошла к приезжему барину просить помощи для брата, чтобы его забрали в город. Когда родители идут на такие жертвы, это не сильно удивляет, так как это родительская любовь, они за детей горой, а вот сестринская и братская любовь - это нечто иное, особенное, непохожее ни на что.

Проанализировав образ русского народа в «Былине», его поведение и взаимоотношения с окружающим миром, мы определили его характерные черты. Сюда относятся:

Широта души. Эта черта характера русского человека проявляется в контрасте с людьми, которые не знают, что такое душа, сострадание, для них важно только своё благосостояние.

Стойкость. Проживая в суровых климатических условиях, русский народ стойко переносит мороз, непогоду, наводнение, благодарно принимает свою судьбу, любит и ценит свою Родину. Также стойкость проявляется во взаимоотношениях между людьми: сильный духом человек никогда не обидит человека, который физически и духовно слабее его, а слабый, наоборот, будет искать повод, чтобы показать своё превосходство.

Сострадание. Русский крестьянин в изображении Г.Д. Гребенщикова всегда подаст руку помощи, неважно, кто её будет просить. Опять же, эта черта свойственна не всем персонажам романа, но мы говорим о собирательном образе. В романе показано сострадание не только к людям, но и к животным, это связано с добротой характера.

Смирение, непоколебимая вера, вера в Бога. Важнейшей чертой русского народа является, по Гребенщикову, потребность в вере. Русский крестьянин считал, что если в его жизни черная полоса, значит так надо, значит так велит Бог, и не стремился это изменить, а лишь смирялся с любым исходом ситуации, не рассчитывал, как помочь горю, как уйти от проблем, а спокойно покорялся своей судьбе.

Любовь к своей семье, родным. Например, отношения в семье Петрована, забота Дуняши о своем брате.

В «Былине о Микуле Буяновиче» Г.Д. Гребенщиков рисует картину народного труда. Чувствуется, что крестьянский мир для писателя - это не посторонний, не чужой, а достойный участия и жалости. При этом писатель осознает, что народ — это не только объект сострадания и сочувствия, но в нем заключено величайшее нравственное богатство, именно в народе сосредоточены ценности и общенационального, и общечеловеческого характера.

Г.Д. Гребенщиков писал о таких проблемах народа, о которых сам народ не мог говорить, писатель чувствовал русского человека. Для него было важно показать его не только с хорошей, светлой стороны, но и с плохой, темной, где много горя и потерь, показать, что, несмотря ни на что, добро побеждает зло, и главное в человеке вера, вера в Бога.

Писатель сам испытал все нужды простого народа, сам жил с ним, сам был в том же положении, в каком живет русский народ. Поэтому в его романе «Былина о Микуле Буяновиче» русские люди являются настоящими, а не вымышленными. Он не был из тех людей, которые, будучи незнакомы с нуждами и трудностями жизни крестьян, смотрят свысока и с пренебрежением на таких людей, их жизнь и поведение.

Г.Д. Гребенщиков осознает, что народ - это не только объект сострадания и сочувствия, но в нем заключено величайшее нравственное богатство, что именно в народе сосредоточены

ценности и общенационального, и общечеловеческого характера, то, что является ориентиром для самого писателя и в этическом, и в эстетическом плане.

Литература

1. Яранцев, А.В. Особенности поэтики романа Г.Д. Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче»: структурный и жанровый аспекты // Сибирский филологический журнал. - 2014. - № 4. С. 25-33.
2. Черняева, Т.Г. Георгий Гребенщиков (очерк жизни и творчества) [Текст] / Т.Г. Георгий Гребенщиков // Сибирские огни. – 2013. – № 1. – с. 9-20.
3. Сирота, О.С. Духовные искания русского народа в романе Г. Д. Гребенщикова «Былина о Микуле Буяновиче» [Электронный ресурс] / О.С. Сирота // Алтайский текст в русской культуре. – 2004. – № 2. – Режим доступа: <https://istina.msu.ru>. – (Дата обращения: 19.05.2018).
4. Гребенщиков, Г.Д. Былина о Микуле Буяновиче [Текст] / Г.Д. Гребенщиков – М: Ариаварта-Пресс, 2013. – 66 с.
5. Сирота, О.С. Проблемы сохранения и развития русской культуры в условиях эмиграции первой волны (культурно-просветительская деятельность и литературное творчество писателя-эмигранта Г.Д. Гребенщикова) [Электронный ресурс] / О.С. Сирота // Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. Культурологи. – М., 2007. – Режим доступа: <http://uchebana5.ru/cont/1324943.html> - (Дата обращения: 19.05.2018).

УДК: 82

Подоскина И.А.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Образ ребенка в рассказах В.М. Шукшина

В современной литературе рассказы Василия Макаровича Шукшина выделяются своей оригинальностью и простотой. В каждом своем произведении писатель многогранен – часто за незатейливым и юмористическим сюжетом скрываются серьезные переживания его героев. В.М. Шукшин не идеализировал своих персонажей, просто считал их родными себе по духу и относился к ним с уважением. В его рассказах встречаются представители разных профессий, полов и возрастов, в том числе и дети.

Ребенок и детство – один из ведущих и ключевых образов и тем литературы. В определенном смысле это тема универсальная, не ограниченная рамками какой-либо национальной литературы или конкретного временного периода. Эта универсальность объясняется тем, что детство – такая же общечеловеческая категория, как рождение, жизнь, смерть [1, с.147]. Явления вечные и присущие всем без исключения людям не могут не получить отражения в литературе.

Образ ребенка в мировой и отечественной литературе – это очень сложный и многогранный образ. Он меняется и развивается на протяжении веков, становится все интереснее, насыщеннее и противоречивее. Но каждый новый образ ребенка – не просто этап углубления художественного познания детства, но и специфический вид социальной проекции, отражение чаяний и разочарований взрослых.

Многомерность и разнообразие детских образов отражают не только прогресс художественного познания и различия индивидуальностей авторов, но и изменения в реальном содержании детства и его символизации в культуре [1, с.177].

В.М. Шукшин написал немало рассказов, и во многих из них встречаются персонажи-дети. Представляется интересным узнать, каков же образ ребенка и мир детства в произведениях писателя.

Сам Василий Макарович Шукшин родился на Алтае. Его родина – село Сростки, где писатель вырос [4, с.17]. Этот мир детства особенно волнует автора. Шукшин помнил реку, остров, лесок, деревню и берега, носил в своем сердце свою малую родину и детские счастливые воспоминания. Они то и находят свое отражение в произведениях Шукшина. В

его рассказах «Далёкие зимние вечера», «Из детских лет Ивана Попова», «Дядя Ермолай» мы чувствуем любовь и уважение к детям, к их миру [3, с.58].

Герои рассказа «Далёкие зимние вечера» – это дети со своими радостями и горестями, со своими взглядами. Удивительны их манера общения между собой, их нежные отношения с матерью. Подросток Ваня и его младшая сестра Таля так же, как и все дети послевоенной поры, разделили участь взрослых, их заботы, трудности и страдания. Ваня вырастет и учится поступать по-мужски, брать на себя ответственность за родных и близких, держать слово. Он всегда помогает матери, встречается с ней с работы чтобы донести узел. Добросовестно выполняет обязанности старшего брата, хоть иногда и любит в шутку погугать свою сестричку, но с трепетом и заботой к ней относится. Также Ваня всегда готов выручить товарища, вступить за него в драке. Образ Ваньки Колокольникова – это один из самых ярких характеров в рассказах В.М. Шукшина.

«Из детских лет Ивана Попова» – это цикл рассказов В. М. Шукшина, самостоятельных по сюжету и замкнутой композиции. Рассказы написаны от первого лица и объединяются в цикл образом повествователя, выступающего в роли героя-рассказчика. Рассказы начинаются «перед самой войной», затем показана война «с самого её начала» и конец детства – «поступаем в техникум» [5, с.47-70].

Дети военных лет в тяжёлое время заменили в тылу отцов, взвалив на свои худенькие детские плечи груз взрослой ответственности. Нелёгкие детские судьбы проходят перед нами в рассказах В. М. Шукшина, и какая великая сила духа и вопреки всему светлого, чистого ощущения мира, любви и добра открывается в характерах маленьких героев!

В цикле «Из детских лет Ивана Попова» Шукшин создаёт собственную модель счастливого детства, основанную на неразрывной связи своего героя с семьёй, родной деревней, окружающей природой.

В основе рассказа «Дядя Ермолай» случай, который произошёл в детстве с самим автором, когда ему было лет тринадцать. Случай был постыдный. Мальчиков уличили во лжи, но они упорно стояли на своём, не сознавая в проступке. Во вступлении к рассказу Василий Макарович написал: «Вспоминаю из детства один случай...» [5, с.96]. Главное в этом рассказе – ложь. Дети лгали и продолжали стоять на своём, несмотря ни на какие уговоры. Мальчики не сознавались, что не были на току, куда их отправил дядя Ермолай присмотреть за обмолоченным зерном. Дядя Ермолай всеми силами хотел услышать от мальчишек правду, их собственное признание. Он пообещал, что ничего за это не будет, но всё напрасно. Его очень обидело поведение детей. Он хотел пробудить в них совесть. И мы снова приходим к выводу, что Совесть и Правда – это главное в рассказах Шукшина.

В этом рассказе открытый финал, где вопросы остаются без ответа. И смысл этого в том, чтобы понять, что жить нужно по совести, по правде.

Шукшин не писал специально для детей, но его рассказы обращены к настоящему и будущим поколениям. Его рассказы – это эпизоды большого романа о нашей Родине и обычных людях и их детях, которые познают окружающий мир и своё место в нём [2, с.118]. Порой им очень тяжело, но и в повседневной жизни, и в самые тяжелые времена они находят в мире поэзию и красоту. Именно это непреодолимое жизнелюбие и оптимизм являются главными отличительными чертами персонажей рассказов В.М. Шукшина.

Образ ребенка в проанализированных нами рассказах В.М. Шукшина очень многогранен и не менее сложен, чем образы взрослых героев. У каждого из детей свои собственные проблемы, радости и печали, свои взгляды на жизнь. Они преодолевают трудности, живут, общаются и развиваются.

В.М.Шукшин не просто так возвращается к своим детским воспоминаниям. Ведь детское восприятие жизни не только наивное и светлое, но точное и правдивое. Он хочет найти там, в детстве, ответы на те вопросы, что тревожат человека в зрелости.

Мир детства – неотъемлемая часть образа жизни и культуры любого отдельно взятого народа и человечества в целом. Именно поэтому этот образ встречается в мировой и отечественной литературе разных периодов.

Образ ребенка меняется и развивается на протяжении веков, он усложняется и насыщается, встает на уровне с образами взрослых. Через воспоминания о детстве взрослые пытаются найти ответы на тревожащие их сердце и разум вопросы и найти решения вечных проблем любви, совести, правды и многих других.

Не является исключением и автор знаменитых произведений Василий Макарович Шукшин. В его рассказах мы сталкиваемся с героями-детьми, решающими совсем не детские проблемы и то, как они ведут себя в этих ситуациях, поражает и восхищает взрослых. Образ ребенка у Шукшина это сочетание детской светлости и наивности со взрослым взглядом на все происходящее.

Литература

1. Базанова, А.Е. Традиции русской классической литературы в прозе В.М. Шукшина [Текст] / А.Е. Базанова // Системно-типологическое описание языков и литературы. – М., 1985. – 312 с.
2. Горн В.Ф. Характеры Василия Шукшина. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1981. 247 с.
3. Емельянов, Л. Василий Шукшин: Очерк творчества [Текст] / Л. Емельянов. – Л.: Худож. лит., 1983. – 152 с.
4. Творчество В.М. Шукшина [Текст]: энциклопедический словарь-справочник. – Т. 1: Филологическое шукшиноведение. Личность В.М. Шукшина. Язык произведений В.М. Шукшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 332 с.
5. Шукшин В.М. Наказ. Рассказы. Барнаул, Алт. кн. изд-во, 1980. – 272 с.

УДК: 7.072.2

Попова А.Е., Алексеева Т.П.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Выражение внешних и внутренних пространственных связей в архитектуре Сибири XVIII - начала XX веков

Многие историки и искусствоведы отмечают важным и знаковым XVIII век в архитектуре и градостроительстве России, ставший опорной точкой в развитии русского зодчества. Этот период характеризуется двумя направлениями – барокко и классицизмом, проявившимися последовательно в течение века [1].

Подъем экономики и культуры русского государства после реформ Петра I вызвал широкий размах строительства, в процессе которого русский зодчие второй половины XVIII века решали крупнейшие градостроительные и архитектурные задачи. Строятся заводы, банки, торговые ряды, присутственные места, высшие учебные заведения, музейные помещения, театры, воспитательные дома, госпитали, больницы, новые типы производственных, жилых, усадебных, дворцовых и культовых зданий. Складывается новый тип города. Вторая половина XVIII – начало XIX века - это время, когда появляются признаки надвигающегося кризиса феодально-крепостнического строя, приводящий к созданию нового художественного мировоззрения и новых эстетических идеалов. В становлении и развитии архитектуры большую роль играет обращение к античному классическому наследию. Постепенно развился стиль классицизм – стилем, отличительными чертами которого является простота, ясность и геометризм форм. В архитектуре XIX века заметен отход от ансамбля в композиции, развитие эклектики. В данный период в архитектуре возникло три направления: реакционно-монархическое официальное направление, провозгласившее «русско-византийский» стиль; применение в архитектуре стилизации деревенского декора изб; подражание нарядному московскому зодчеству середины XVII века.

Следует отметить, что важным фактором, оказавшим влияние на развитие архитектуры, явилась потребность в строительстве новых типов зданий, новых строительных материалах и новой строительной технике.

С начала XIX века в архитектуре используют новые материалы. Вместо кирпичных и каменных столбов стали применять чугунные, вместо деревянных балок, каменных и кирпичных сводов – железные прокатные балки в качестве перекрытий лестниц, несущих частей балконов, ферм для мостов и больших торговых и конторских зданий применяли каркасные стены, плоские ребристые железобетонные перекрытия, а с 1901 г. – безбалочные [3].

Другим фактором, повлиявшим на архитектуру, был буржуазный вкус заказчика. Космополитический характер капитализма привёл к частичной потере русской архитектурой своего национального лица, к механическому смешению форм и принципов архитектурного построения разных исторических стилей. Во второй половине XIX – начале XX века каждому разрешалось строить и благоустраивать свой дом, не вписывая его в существующее архитектурное окружение [6].

Появившийся новый архитектурный стиль модерн возник как реакция на эклектические заимствования из архитектурного наследия прошлого. К характерным чертам стиля модерн относятся: стремление к комплексному решению архитектурно-планировочных и декоративных задач, вычурность, изломанность «текучих» форм и линий, как бы воспроизводящих ритмы живой природы. В архитектуре модерна прослеживается преобладание растительных орнаментов декора, блеклая цветовая гамма фасадов и интерьеров, асимметрия

С учетом специфических российских условий климата, грунта, строительных материалов и национальных традиций, фасады сооружений облицовывались не камнем, а отделывались штукатуркой, что позволяло окрашивать поверхности. Использовался яркий колер: синий, лазурный, желтый, красный в сочетании с белым, позолотой. Такие цветовые сочетания придавали зданиям мажорный колорит и особый национальный характер, отражающий русские традиции. Кроме того, зодчие подчинялись требованиям заказчиков, из которых самым требовательным был сам царь Петр [4].

Как западноевропейскому, так и русскому классицизму наряду с прогрессивными началами свойственны и некоторые отрицательные черты. К ним относятся абстрактный рационализм, известная канонизация эстетических принципов античности и т.п. Русская архитектура в своём развитии преодолевала абстрактно-рационалистические догмы эстетики классицизма и в лучших произведениях достигла высокого совершенства.

Характерной чертой русского градостроительства второй половины XVIII в. стало распространение принципов типового и повторного строительства на всей территории страны. Широкое применение типизации для застройки провинциальных городов началось с 1763 г. после 20-летнего перерыва, в течение которого были сделаны отдельные напоминания о необходимости поддерживать регулярность строительства в столицах и по мере возможности использовать для застройки имеющиеся образцовые рисунки.

Процесс развития типового проектирования для провинциальных городов в общих чертах протекал так: в 1760-х годах перепланировке подвергались главным образом крупные города. Каждый из них получал свою «серию» типовых фасадов для массового частного строительства. Первая такая серия была создана в 1763 г. для Твери и служила образцом при проектировании «серий» проектов для других городов. В 1770-х годах на основе той же тверской серии проектов была сделана серия из восьми домов и лавок, размножавшаяся от руки и прилаивавшаяся к каждому проекту планировки городов.

В основном города начали интенсивно застраиваться новыми проектами планировки лишь в начале XIX в. В это время архитектура раннего русского классицизма второй половины XVIII в. была уже пройденным и неприемлемым для современников этапом. Естественно, что «фасады примерные», решенные к тому же очень упрощенно, не могли найти в этот период никакого применения [5].

В Сибири во второй трети XVIII в. под влиянием общероссийских преобразований политико-административного, социально-экономического характера произошли существенные изменения в процессах расселения, развитии городов и формировании

поселений в сельскохозяйственных регионах. Началось освоение южных сельскохозяйственных районов, при этом важнейшим фактором расселения стал Сибирский тракт, в зоне которого сосредоточилось до трети всего населения Сибири.

Динамичный рост, функциональное развитие сибирских городов соответствовали в целом процессам, проходившим в Европейской России. Во второй половине XVIII в. сформировалась долговременная политика государства, направленная на совершенствование стихийно сложившихся градостроительных систем в соответствии с принципами регулярности. Проекты перепланировки и перестройки большинства сибирских городов, составлявшиеся в губернских Тобольске и Иркутске силами местных геодезистов и землемеров и утвержденные к реализации в 1795—1798, отличались однотипностью, схоластичной правильностью формы, симметрией и абстрагированностью от конкретных природных условий.

Немалое значение имела связь России с азиатскими народами и культурами. Как артефакт, требующий значительных ресурсов, равно как и строительного искусства, архитектура Сибири базируется на множестве факторов, имеющих отношение к общественной, экономической и культурной истории Сибири. Рост торговли с Восточной Азией и особенно Китаем создал возможности для заимствований в архитектуре, в частности, декоративных мотивов.

Этой восприимчивости лишь способствовали высоко орнаментальные стили московской и украинской "барочной" церковной архитектуры, принесенной в Сибирь церковнослужителями и строителями из Украины и Русского Севера в начале 18 века. Именно русско-украинская склонность к детальному орнаменту фасада, проявляющаяся в "сибирской барочной" архитектуре на протяжении всего 18-го века, способствовала толерантности в отношении декоративных мотивов из других многочисленных источников, включая храмы и ступы азиатской буддийской культуры в Сибири.

Мотивы в некоторых случаях являются чистым воспроизведением буддийского искусства. В других примерах, как в случае комплексных круто поднимающихся оконных фронтонов, возможность азиатского происхождения основывается на формальном сходстве с формой ступы. Конечно, происхождение некоторые из этих декоративных фигур может интерпретироваться по-разному, и были примеры ступенчатых завершений окон в русской архитектуре 17 века, например, церковь Двенадцати Апостолов в Московском Кремле. Однако сибирские примеры оконных завершений отличаются своеобразными остроконечным "пламенами" завершениями. Решающий фактор здесь содержится именно в таксономических деталях. Более того, присутствие явно буддийских мотивов на фасаде церкви Воздвижения Креста в Иркутске доказывает возможность преемственности восточных и, в частности, буддистских мотивов в сибирском церковном зодчестве 18-го века.

Богатство эклектической архитектуры 19 века в Сибири представлено в Иркутске лучше всего, видно по красочной Градо-Иркутской церкви во имя Казанской иконы Божьей Матери. Получившая пожертвование от купца Александра Сибирякова и построенная в 1885-1892 годах, Казанская церковь отражает пышный вариант Русско-Византийского стиля, обычного для позднего имперского периода [2].

Проявление особенностей архитектуры 17-19 веков можно проследить в постройках Томска, сохранившихся до наших дней. В частности, можно отметить огромное количество достояния деревянного зодчества. Такие строения, как Дом охотника на ул. Гагарина 42 впечатляют своим размахом. Бревенчатый дом из старинного бруса возвращает нас во времена царской Руси, которая славилась своим деревянным строительством. Как показывает история, подобные дома из сруба вновь становятся популярными, благодаря новейшим разработкам. А Дом охотника и другие дома деревянного зодчества в Томске и городах России, стали примером для современных архитекторов. Масштабное каменное строительство в Томске началось в конце XVIII – начале XIX веков. Вместо деревянных построек томичи по разным причинам возводили каменные (чаще всего из-за пожаров).

Национальный университет Томска – прекрасный образец классицизма, и самый знаменитый памятник исторической архитектуры в городе. Постройка университета в Томске получила поддержку в 1878 году, и многие известные купцы и промышленники пожертвовали серьезные суммы на возведение величественного здания. Открытие состоялось в 1988 году, когда Томск получил не только прекрасное учебное заведение, но и выдающийся памятник архитектуры [8].

Архитектурные веяния томских мастеров распространились и на Алтае. Доктор искусствоведения Степанская Т. М. пишет, что «план Бийска был разработан на основе принципов классицизма в 1834 г. томским архитектором К.Р.Турским». По его замыслу предусматривалась городская площадь с административными и общественными зданиями по периметру (полиция, почта, училище, городская дума), который не был реализован, так как не учитывал конкретную ситуацию и рельеф. К середине XIX в. сформировалась торговая площадь между посадами и крепостью. В пореформенный период складывалась система площадей и улиц Бийска [7].

Большой вклад в строительство города Бийска вложили купцы. В их число входили братья Гилевы, Н.И. Асанов, А.Д. Васенев, Г.Г. Бодунов, И.Г. Игнатьев, П.А. Копылов, Р.И. Кузнецов. В 1915 г. Бийск соединяется железной дорогой с Транссибирской магистралью.

Внешний облик города соответствовал купеческому благодушию, которое царило в нём. По приглашению купцов и предпринимателей в Бийск приезжали работать лучшие специалисты-архитекторы Сибири. В 1913-1916 гг. по заказу мецената полковника А.П.Копылова барнаульским архитектором И.Ф. Носовичем было построено для города красивое здание Народного дома. Сейчас это муниципальный драматический театр.

Наиболее подробно можно проследить особенности архитектуры Бийска XVIII – XIX веков, рассмотрев здания, находящиеся по Советской улице. Можно рассмотреть яркий узор связей, ассоциаций и смыслов архитектурно-исторического пространства старинного города Бийска. Это пространство является результатом косвенного и непосредственного восприятия ландшафта, в который погружен город, восприятия городской истории, истории горожан. Архитектура является выразителем внешних и внутренних пространственных связей, культурно-исторических ассоциаций, преемственности и духовных смыслов своей территории, то есть пространственной памятью села, города, страны. Пространственная память Бийска - фактор сохранения культурного и художественного своеобразия места, где родился и стоит этот город. Также известно, что всего в Бийске больше насчитывается 200 исторических и архитектурных памятников, которые охраняются государством [7]. Характерной особенностью конца XIX - начала XX в. являлось создание каменных торговых домов, магазинов, пассажей, большая часть которых возведена во многих сибирских городах.

Таким образом, можно заключить, архитектура Сибири XVIII - начала XX веков является выразителем внешних и внутренних пространственных связей. Она развивалась благодаря развитию торгового обмена. С процессом покорения региона происходил активный рост строительства, которое не обходилось от заимствования особенностей архитектуры европейской части страны.

Литература

1. Архитектура 18 века в России [Электронный ресурс] - URL: <http://archirussia.com/istoriya-2/architektura-18-veka-v-rossii/> - Сайт «Архитектура в России»
2. Архитектура Сибири [Электронный ресурс] - URL: <http://travel-siberia.ru/int/1024-architektura-sibiri.html> - сайт «Турпортал Байкал и Восточная Сибирь»
3. Кильпе Т.Л. Основы архитектуры — 3-е издание, переработанное и дополненное. — Москва: Высшая школа, 2002. — 159 с., ил.
4. Максимов П.Н. Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Том 06. Архитектура России, Украины и Белоруссии. XIV-первая половина XIX вв. Москва: Стройиздат, 1968. – Госком по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Научно-исследовательский институт теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры.

5. Ожегов С.С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII-XIX веках. М.: - Стройиздат. 1984 – 168 с.
6. Русское барокко и классицизм в архитектуре Москвы. 18 — начало 19-го века [Электронный ресурс] - URL: <http://cvetamira.ru/russkoe-barokko-i-klassicism-v-arhitekture-moskvy-18-nachalo-19-go-veka> - сайт «История искусства»
7. Степанская, Т. М. Архитектура городов Алтая – наследие России: монография / Т. М. Степанская ; АлтГУ, Науч.-исслед. лаб. фак. искусств "Изобразительное искусство и архитектура Сибири". - Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2016. - 140 с. : ил.
8. Столичный блеск томской архитектуры [Электронный ресурс] - URL: <http://tomsk-novosti.ru/stolichny-j-blesk-tomskoj-arhitektury/> - сайт «Томские Новости +»

УДК: 37

Попова О.В., Попов Д.В.

АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Единство христианства и евразийства в сибирской ментальности

Понятие менталитета весьма объемное и включает в себя взгляды, оценки, ценности, нормы поведения и морали, умонастроения, религиозную принадлежность и многие другие нюансы, характеризующие ту или иную группу людей [1].

Ментальность – философско-психологическая категория, характеризующая своеобразное миропонимание, присущее крупным человеческим объединениям: этносам, территориальным и местным общностям, социальным, профессиональным группам и даже отдельным коллективам. Менталитет - тот же образ мира, но в сознании отдельного индивида - члена конкретной группы [1, с. 576].

Из исследования христианизации Сибири нами выявлено, что она носила не только религиозный, но и просветительский характер. Христианские общины Сибири повсеместно организовывали школы, в которых готовили помощников миссионеров, служителей церкви, переводчиков [2].

Евразийство как явление общественно-политическое в узком смысле представляет систему взглядов части молодой российской либеральной интеллигенции, оказавшейся после окончания гражданской войны в эмиграции. Основу ее концептуальных построений составила идея о социокультурной особенности обширного пространства между Европой и Азией, которую принято называть Евразией, большую часть которой занимает Россия [3].

В более широком плане евразийцы представляют направление в отечественной социальной философии, пытающееся осмыслить историю России, ее настоящее и будущее в пространственно-цивилизационной системе координат «Европа-Азия». Ее основополагающее положение об особом историческом пути России в мировом сообществе, дистанцирование от западной цивилизации, как объективной закономерности развития государства, составили суть русской идеи, ныне переживающей очередное возрождение [3].

В последнее десятилетие идеи евразийства и христианская направленность духовной жизни в Сибири стала прослеживаться все более ощутимо. Это, на наш взгляд наложило отпечаток и на изменения в сибирской ментальности.

Говоря о сибирской ментальности известный историк освоения Сибири А.П. Шапов сообщает: «Сибиряк по большей части прост. У него преобладает склонность к материалистическому умствованию. Оттого он менее религиозен, чем российский человек. Ум, по его понятию, есть главным образом «хитрость», «смышленность» в приобретении, в наживе; умственный человек на языке сибиряков значит расчетливый» [цитируется по 4, с.98].

Даже христианство, объединяющее Россию и Европу, не играет для сибиряков достаточно весомой и интегрирующей роли, поскольку православие способствовало религиозной замкнутости России и, следовательно, ее культурному застою [2].

Идеи единства в научении евразийства, а также самобытности, уникальности, неповторимости жителей Евразии в европейской части России не нашли достаточного отклика у общественности. Православие ратовало за единение всех православных церквей западной греко-византийской и восточной российской.

Поэтому православие не смогло соединиться с евразийством, хотя в идеях евразийцев соборность и православие считались основой социального и государственного устройства.

Для сибирской ментальности идеи уникальности свободного от денаминационного подхода христианства и уникальности и самобытности во взглядах евразийцев соединились и не противоречили друг другу. Да, сибиряк уникален. Сибирская ментальность направлена на духовную общность, и в этом особенном состоянии национальная этничность становится второстепенной. В этом смысле идеи евразийства и христианства только взаимно дополняют духовно-нравственную суть сибирской ментальности.

«Чудики», как называл сибиряков Василий Шукшин, одинаково с открытым сердцем принимают идею свободного, самостоятельного, независимого развития, как это сформулировано в идеях евразийцев, и единение на основе христианской морали и христианских этических нравственных норм [5].

Для сибирской ментальности чистота, святость и праведность – это основа сибирского образа жизни. Эти христианские добродетели не противоречили евразийской идее самобытности и неповторимого своеобразия в духовных основах сибирской ментальности.

Большое значение в единении христианства и евразийства играет такая составляющая сибирской ментальности как подвижничество. Подвижничество с точки зрения христианской морали – это ряд особенных, духовных и внешних, благочестивых упражнений, основанных на самоотречении и имеющих целью христианское самоусовершенствование.

Однако подвижничество в сибирской ментальности объединяло терпение и покорность, которые шли рука об руку с вольнолюбием свойственным идеям евразийства [6]. О вольнолюбии сибиряков еще в древности писали византийские и арабские авторы. Поскольку Сибирь издревле была царскими, вольными землями, то заселявшее Сибирь оброчное крестьянство, бежавшее из европейской части России и от крепостничества, формировало идею вольнолюбия до тех пор, пока оно не покушалось на внутренний мир человека или пока не наступало беспредельное насилие со стороны административных властей [7]. Протест выливался не только в бунты и восстания, но чаще всего, в уход на неосвоенные земли. Геополитические реалии Восточной Европы и Сибири позволяли это делать в течение многих столетий.

В 40-е гг. XIX в. ссыльный декабрист Н. А. Бестужев пришел к выводу, что Сибирь не колония, а «колониальная страна, которую осваивали народы России, русская земля» [7, с.2]. Его поддержал местный просветитель П. А. Словцов (1767–1843), по мнению которого «Сибирь, рассматриваемая в качестве области политической, есть не что иное, как часть России, передвинувшаяся за Урал своими нравами и поверьями» [7, с. 2]. Эту мысль позднее развил Н. Я. Данилевский: «Россия никогда не имела колоний, - отмечал он, - удавшихся, и весьма ошибочно считать таковою Сибирь, как многие думают» [6, с.7]. На самом деле переселения «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее» [3, с. 107], т.е. заселяются окраины. Наконец, в самом конце XIX века в подобном духе высказался С. М. Прутченко: «Сибирь не есть страна для нас чуждая и предназначенная, как думают многие, исключительно для ссылки и наказания преступников. Сибирь есть часть России и одна из важнейших ее частей» [4, с. 100].

Однако своеобразии сибирской ментальности, уникального единения евразийства и христианства в Сибири дает основание выделять Сибирь как особенный, уникальный край.

Писатель и общественный деятель, исследователь Сибири Ядринцев Н.М. многократно подчеркивал выдающуюся роль Сибири в культурно-просветительной миссии России и указывал на большое влияние сибирской ментальности в этом процессе. Он предупреждал, что сибирская ментальность и христианские добродетели, добровольно и сознательно

культивируемые в Сибири, будут увеличивать силу культурного воздействия России. Он подчеркивал, что успешность данного процесса будет зависеть от того, будет ли дана Сибири свобода развить скоро и широко свои умственные задатки» [8, с. 69]. В этом Ядринцев Н.М. очень сильно приблизился к идеям евразийцев.

Противопоставляя Сибирь России, пропагандируя необходимость и возможность особого пути развития этого обширного края, авторы и идеологи евразийства также часто писали о самобытности сибиряков, своеобразных чертах их физического, духовного облика и образа жизни сибиряков.

Соединяя в быту и укладе жизни идеи евразийства и нравственные добродетели христианства, сибирская ментальность несет на себе печать сухости, сдержанности, скрытности чувств. Сибиряки как бы стыдятся показаться чувствительными. То, что другие не стесняются выражать открыто, они таят; таково их чувство даже к Родине, которое они считают сокровенным, не требующим публичности. Сибиряк предпочитает казаться сухим, практичным, насмешливым, но не простодушным, увлекающимся и открытым. В сибирской ментальности есть склонность больше к критике, сатире, чем к лирике и поэзии. Чувства сибиряка, как правило, запрягано, покрыто какой-то корой, которую надо пробить и растопить.

Рассматривая соединение идей евразийцев с традиционными христианскими добродетелями, мы выявили, что для сибирской ментальности характерно различить природу религиозной и светской духовности. Известно, что религиозная духовность основана на идее индивидуального спасения. Нет сомнения в том, что она формирует весьма эффективный механизм для регуляции и саморегуляции повседневным поведением миллионов людей [9]. Но насколько этот механизм и идея личной подотчетности человека перед Богом (самым «Милосердным, Справедливым...») соответствуют современным требованиям становления свободной и ответственной личности? Нами выявлено, что вольнолюбие и подвижничество в сибирской ментальности способно опираться на евразийские концепции в следующем перечне:

- утверждение особых путей развития Сибири;
- обоснование жизни на христианских началах;
- вера в первичность духовной основы человеческой жизни;
- идея идеократического государства;
- опора на многовековые традиции.

Следует отметить, что такое соединение христианства и евразийства имело огромное значение для просвещения местных народов, для их приобщения идеям мировой культуры, улучшения быта, оздоровления и включения в число последователей крупнейшей мировой религии.

Процесс христианизации и принятия наиболее значимых идей евразийства для народов Сибири не только облегчил включение и адаптацию этого региона в составе России, но и явился естественным неизбежным процессом, сопровождавшим взаимодействие двух различных культур.

Хочется закончить описание исследования по единству христианства и евразийства в сибирской ментальности цитатой из произведения знаменитого сибиряка Василия Макаровича Шукшина, которую произнес один из его героев в рассказе «Алеша Бесконвойный»: «Вот вы там хотите, чтобы все люди жили одинаково... Два полена и то сгорают неодинаково, а вы хотите, чтоб люди прожили одинаково!».

Литература

1. Курсикова Я.А. Менталитет как многогранная психологическая характеристика индивида // Ежегодник РПО: Материалы Третьего Всероссийского съезда психологов, 25–28 июня 2003 г.: в 8 т. Т. 4. СПб., 2003. С. 576–579.
2. Потанин Г. Н. Происхождение Христа // Сибирские огни. 1926. № 4. С/124-131
3. Шиловский М.В. [Сибирские корни евразийства](#). // Культурный космос Евразии. 1999. №1. С. 102-111

4. Селиванов В. В. У истоков сибирской неповторимости. // сборник статей «Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона». СПб.: Астерион, 2007. С. 98-101
5. Карпова В. М. Талантливая жизнь: В. Шукшин – прозаик. М.: Советский писатель, 1986.
6. Кузнецов Д.А. Обзорная статья по введению в сибирский менталитет. // Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур», 2013 .- 10 с.
7. Быконя Г. Сибиряки исторически стали носителями лучших качеств русского народа. // Вечерний Красноярск. 2019. № 38. С.2
8. Ядринцев Н. М. Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979, Т.4.. С. 69
9. С. Кьеркегор. Чему нас учат полевые лилии и птицы небесные. // Альфа и омега. 2019.№1. С. 27-29

УДК: 316.64

Протасова И. Н.

АГГПУ им. В. М. Шукина, г. Бийск, Россия

Инвариантное и вариативное в представлениях об аморальности молодежи Алтая¹

Мораль всегда была и остается одним из самых надежных регуляторов поведения людей в социуме. Существующая общественная мораль, как система предписаний, правил, принципов организации взаимодействия, на индивидуальном уровне образует некий конструкт, опираясь на который, люди принимают решения о том, что будет правильным и неправильным, плохим или хорошим. Эмпирические исследования морали уже более века остаются актуальными для гуманитарных дисциплин. Проблемной областью до настоящего времени остаются как содержательные аспекты морали, так и взаимосвязи этих аспектов, огромный интерес представляет культурная специфичность морали и внутрикультурные различия в представлениях о морали, несущие угрозу взаимодействию и взаимопониманию, как межкультурному, так внутри культуры. Представления людей о морали или аморальности могут отличаться в разных социумах, меняться в моменты социальных преобразований, динамического развития социума и определять направление этой динамики, проявляясь в предпочитаемом политическом выборе, как было показано американскими исследователями, установившими вклад морали в предпочтение идеологии консервативной или либеральной партии [5].

В последние годы исследователи проявляют интерес к кросскультурной универсальности моральных предписаний, предпринимая попытки выделить некие общие базовые моральные принципы, регламентирующие взаимодействие людей в разных социумах. Отличающиеся своей конструкцией теории морали представлены теорией моральных оснований (ТМО) Дж. Хайдта с коллегами [6] и теорией морали как сотрудничества (МКС) О. Карри и др. [4].

С позиций ТМО моральные оценки определяются набором врожденных механизмов, прошедших эволюционный отбор. Для выделения этих базовых механизмов авторами использовались следующие критерии: адаптивные преимущества с эволюционной точки зрения, врожденная основа, автоматическая эмоциональная оценка, всеобщая распространенность и культурная универсальность. В структуре моральной сферы в ТМО были выделены, как основания морали забота (включая запрет на причинение вреда), справедливость, лояльность группе, уважение к авторитетам и чистота [6]. Авторами ТМО подчеркивалась открытость этого списка для уточнения или расширения.

В теории МКС на базе исследований, проведенных в 60 странах, общая характеристика культурно универсальных компонентов морали представлена с точки зрения проблем и возможностей их разрешения в межличностных взаимодействиях, определяющих, что

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00119 «Ценностные и моральные основы социального мировоззрения молодежи»

рассматривается социумом как добродетель или порок [4]. Предлагаемые авторами универсальные компоненты морали отличаются некоторой разнородностью. Во-первых, это области возможных проблемных взаимодействий, подлежащие моральной регламентации: семья, группа, собственность. Во-вторых, это некие принципы, существенные для сотрудничества людей: взаимность, уважение, справедливость. В третьих - это героизм, включающий в себя набор добродетелей (храбрость, стойкость и т.п.) и пороков (трусость и т.п.).

Несмотря на успехи современной психологической диагностики в создании надежных и валидных тестов, основой для исследований в области морали зачастую выступают малоформализуемые методы – сюжетные ситуации Ж. Пиаже [2], моральные интервью и моральные дилеммы Л. Кольберга [9], свободные высказывания. Их отличительная черта – невысокая надежность, поскольку допустимы различные интерпретации и способы структурирования данных.

Широкую популярность обрел в последние годы такой метод, как виньетки, представляющие собой небольшие тексты или предложения с описанием отклоняющегося от норм (или социальных ожиданий) поведения. Виньетки оцениваются респондентами по классической шкале Лайкерта с точки зрения степени нарушения моральных норм. Этот метод можно считать одним из удачных способов сочетания малоформализуемых методов с преимуществами стандартизированной оценки, характерной для тестов. В исследовании К. Кнутсон с коллегами [8] виньетки выстраивались методом сжатия нравственно-значимых историй, рассказанных людьми из своего опыта. В исследовании С. Клиффорда и др. [3] основой для виньеток выступила ТМО [6], но состав моральных оснований был изменен. При сохранении моральных оснований: справедливость, уважение, лояльность и чистота (святость) более дифференцировано был обозначен негативный полюс заботы: моральный вред, физический вред человеку, физический вред животному. Кроме этого, к списку моральных оснований была добавлена свобода.

При попытке культурной адаптации тестов морали исследователи зачастую сталкиваются со сложностями и психометрического, и теоретического характера. Кроме этого, явления, обыденные для одной культуры, в другой культуре могут быть представлены только гипотетически, либо выглядеть вовсе нереальными и не подлежащими оценке [1, 7].

Исследуя мораль, оказывается невозможным игнорировать культурную специфичность, особенности менталитета, для получения данных о которых высокой информативностью обладают малоформализованные методы. Основой для создания надежных методов диагностики моральной сферы могут стать базы данных, в которых представлены материалы моральных интервью, свободных высказываний о морали и аморальности, личностно-значимые истории, отражающие культурную специфичность. В нашем исследовании был реализован сбор такого рода данных и проведен их предварительный анализ.

В исследовании приняли участие 172 человека – жители Алтайского края, студенты заочного отделения АГПУ (19,8% мужчины, 79,1% женщины, 1 человек не указал пол) в возрасте от 17 до 52 лет, из них русские 94,2%, другая национальность - 5,8%. Возраст основной части опрошенных от 17 до 29 лет (130 человек, 75% обследованных, 1-3 квартили выборки). Именно эту группу («молодежь») мы использовали для сопоставления представлений молодежи об аморальности с представлениями более старшей возрастной группы («старшие»). Для диагностики представлений об аморальности использовалась инструкция: «Приведите несколько примеров действий (не меньше пяти), которые могут быть охарактеризованы как аморальные». Для обработки данных использовались методы качественного и количественного анализа. В совокупности было получено 567 высказываний.

Качественная оценка ответов показала возможность двухуровневого анализа – категоризации по совершаемым действиям и категоризации по объектам (субъектам), на которых эти действия направлены. Кроме этого, специфика анализа свободных ответов предполагала смысловую оценку высказываний для выделения синонимов, использованных

респондентами при характеристике одного и того же проявления аморальности. Так, например, недопустимость с точки зрения морали нецензурных выражений респондентами обозначалась как мат, сквернословие, бранные выражения, ненормативная лексика, матерные выражения. Первоначальная категоризация была связана со смысловым структурированием высказываний.

В качестве основания вторичной категоризации (обобщения данных) частично были использованы категории теорий моральных оснований Дж. Хайдта [6] и морали как сотрудничества О. Карри [4], категории, используемые С. Клиффордом и др. [8], либо обозначены новые категории. Дихотомичность морали (наличие положительного и отрицательного полюсов) в современных теориях описывается как предписание и запрет (например, забота/запрет вреда у Дж. Хайдта или героизм/трусость О. Карри). В проведенном исследовании акцентировалось внимание на отрицательном полюсе (аморальности) и характере аморальных действий. Результаты категоризации представлены в таблице.

Таблица 1. Сравнение представлений об аморальности у молодежи и более старшей возрастной категории

Название категории	Количество высказываний		
	Все	Молодежь	Старшие
1. Вред эмоциональный (агрессия, оскорбление, унижение)	119 (21)	86 (20,2)	33 (23,2)
2. Вред физический (побои, жестокость, вред имуществу)	103 (18)	83 (19,5)	20 (14)
3. Саморазрушение (алкоголь, наркотики)	98 (17)	74 (17,4)	24 (17)
4. Вред эмоциональный (неуважение, пренебрежение)	89 (15,7)	62 (14,6)	27 (19)
5. Нечистота (сексуальная распущенность)	71 (12,5)	47 (11)	24 (17)
6. Неправедливость (дискриминация, судебный произвол)	26 (5)	19 (4,5)	7 (5)
7. Святотатство (неуважение к взглядам и ценностям)	19 (3,4)	16 (3,8)	3 (2)
8. Неуважение к власти (к закону)	16 (2,8)	12 (2,8)	4 (2,8)
9. Бессодержательные ответы (поступок, поведение)	16 (2,8)	16 (3,8)	0
10. Психические отклонения	10 (1,8)	10 (2,4)	0
Итого	567	425	142

Примечание. В скобках указана доля высказываний в общей совокупности в %.

Полученные данные позволяют отнести к инвариантному в представлениях об аморальности причинение вреда другому человеку в самых разнообразных его проявлениях, будь это эмоциональный вред-агрессия, эмоциональный вред-неуважение, вред физический. Запрет на вред можно расценивать как наиболее мощное моральное предписание (55% всех высказываний). Нетипичным и не встречающимся в современных теориях морали, но высокоранговым (3 место) проявлением аморальности в нашей выборке оказалось саморазрушающее поведение. Аморальной представляется нечистота (сексуальная распущенность), хотя для молодежи она не столь значима, как для старших. На эти первые пять категорий из нашего списка приходится 85% высказываний. К вариативному в представлениях об аморальности можно отнести следующие категории: несправедливость, святотатство, неуважение к власти. Им посвящены единичные высказывания.

Несколько неожиданным оказалось отнесение психических отклонений (по сути болезни) исключительно молодежи к категории «аморального». Молодежи принадлежат все бессодержательные ответы (поведение, поступок, аморальный человек и т.п.). Только молодежь упоминает об аморальности плохого отношения к инвалидам, разгульного образа жизни, неоказании помощи и равнодушии. В категории святотатство только молодые говорят о неуважение к ценностям, взглядам, навязывании взглядов и веры, богохульстве. В категории несправедливость для молодых аморальными представляются экстремистские проявления - дискриминация, угнетение, ущемление прав, нацизм, в то время как старшие связывают несправедливость с произволом чиновников и судебных решений.

Несмотря на то, что выводы исследования ограничены характером выборки (размер, место жительства, большее количество женщин), можно заключить, что представления молодежи отличаются большей вариативностью и меньшей определенностью в сравнении со старшими, моральные нормы слабее отрефлексированы, угроза морали видится в ненормативности поведения психически больных людей. Молодежь находится в нравственном поиске, ориентированном на абстрактные категории справедливости и святости. Выделенные при анализе категории являются одним возможным способом структурировать данные. Использование большего количества категорий, их объектная дифференциация, а также статистический анализ открывают широкие возможности для лучшего понимания культурно специфичных и кросскультурных особенностей морали, улучшают перспективы формализации психологической диагностики морали.

Литература

1. Власов, М.С., Протасова, И.Н., Сычев, О.А. Аprobация русскоязычных виньеток моральных оснований // Конвергенция естественнонаучного и гуманитарного знания [Электронный ресурс]: тезисы докладов Международной научной школы-конференции «Естественнонаучные методы исследований в гуманитарных и социальных науках» (Бийск, 16-20 мая 2018 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГПУ им. В.М. Шукшина, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-5-85127-932-4.- С. 22-23.
2. Пиаже, Ж. Моральное суждение у ребенка. Изд.: «Академический Проект». 2006.- 480 с.
3. Clifford S., Iyengar V., Cabeza R., Sinnott-Armstrong W. Moral foundations vignettes: a standardized stimulus database of scenarios based on moral foundations theory // Behavior Research Methods. 2015. Vol. 47(4). P. 1178—1198.
4. Curry, O. S., Mullins, D. A., & Whitehouse, H. Is it good to cooperate? Testing the theory of morality-as-cooperation in 60 societies. // Current Anthropology, 2019 60(1). pp. 47–69. DOI: 10.1086/701478.
5. Graham, J., Haidt, J., Nosek, B. A. Liberals and conservatives rely on different sets of moral foundations. Journal of Personality and Social Psychology, 2009, V. 96 (5), pp. 1029–1046. DOI: 10.1037/a0015141.
6. Graham, J., Nosek, B. A., Haidt, J., Iyer, R., Koleva, S., Ditto, P. H. Mapping the moral domain. Journal of Personality and Social Psychology, 2011, V. 101 (2), pp. 366–385. DOI: 10.1037/a0021847
7. Jockel, S., Dogruel, L., Arendt, K., Stahl, H., Bowman, N. German translation of the Moral Foundations Questionnaire – some preliminary results. URL: <http://onmediatheory.blogspot.de/2010/07/german-translation-of-moralfoundations.html> (Accessed 02.02.2018).
8. Knutson, K. M., Krueger, F., Koenigs, M., Hawley, A., Escobedo, J.R., Vasudeva, V., Adolphs, R., Grafman J. Behavioral norms for condensed moral vignettes // Social cognitive and affective neuroscience. 2010. Vol. 5(4). P. 378–384. doi: 10.1093/scan/nsq005.
9. Kohlberg, L. (1981). Essays on Moral Development, Vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco, CA: Harper & Row. ISBN 0-06-064760-4.

УДК: 316.64

Разгоняева Е.В.

БТИ (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск, Россия

Интернет как фактор формирования ментальности современной молодежи (на примере студентов сибирского вуза)

Изучение феномена «ментальность» (от лат. *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) носит междисциплинарный характер и к настоящему времени осуществлено большое количество исследований специалистами из разных областей гуманитарного знания. Однако, несмотря на многочисленные теоретические и практические

работы в этом направлении, термин «ментальность» до сих пор не имеет устоявшейся дефиниции.

Е.В. Дёмкина, анализируя определения ментальности, а также списки понятий, с помощью которых различными авторами раскрывается содержательная сторона категории, пишет, что все они могут быть сведены к четырём инвариантам:

образ мира («мировидение», «образ мысли», «умонастроение» и др.);

система ценностей (ценностные ориентации), «критериальная основа» и др.);

мотивационная готовность к реализации в деятельности системы ценностей («мотивационная сфера», «построение действий», «определяющие поступки и поведения людей», «направленность человеческой активности» и др.);

установки («образ мысли», «социальные установки», «стереотипы поведения», «этнические стереотипы» и др.) [Дёмкина, 2011].

В современной науке «ментальность» чаще понимается как «совокупность осознанных и неосознанных психологических установок индивида или различных социальных групп действовать, мыслить, воспринимать и постигать мир определённым образом» [Словарь, 1998, с. 249].

Человек усваивает ментальность через язык, воспитание, общение и ее содержание заключается в когнитивной сфере и определяется, прежде всего, знаниями [Дубов, 1993], поэтому изменение этой структуры происходит, прежде всего, под влиянием информации, доминирующей в настоящее время в обществе. Информационная среда современного человека существенно изменилась, в нее ворвался и стал неотъемлемой частью жизни очень мощный инструмент распространения информации – Интернет. Стремительное развитие интернет-технологий способствует тому, что всемирная сеть становится глобальным организатором взаимодействия во всех сферах общественной жизни. В онлайн пространство перемещаются печать, телевидение, радио, общественные и экономические отношения, государство и его услуги, бизнес и торговля, общение, развлечения и пр. Как и другие средства массовой информации, Интернет оказывает влияние на сознание, ценности, потребности, интересы, нравы, мораль людей, формируя их образ мира и меняя ментальность. Одним из главных положительных моментов Интернета стала доступность информации, свободное управление и пользование ею, а, по мнению некоторых ученых, именно изменения в сфере обработки, передачи и хранения информации обеспечивают процесс развития человеческого общества: «Первая информационная революция вызвана изобретением письменности, появлением возможности передачи знаний от поколения к поколению, что привело к значительному качественному и количественному скачку в развитии общества. Вторая, произошедшая в середине XVI в., связана с изобретением книгопечатания, которое существенно изменило культуру общества, организацию общественной деятельности, образование и воспитание индивидов и социальных групп. Третья революция конца XIX в. – это изобретение электричества, благодаря которому появились: телеграф, телефон, радио, позволяющие оперативно передавать и накапливать информацию в любом объеме, приведшая к существенному повышению эффективности коммуникационных процессов между индивидами и социальными группами. В 70-е гг. XX в. произошла четвертая революция, связанная с появлением микропроцессорной технологии, интегральных схем, персонального компьютера, компьютерных сетей, систем передачи данных. Последняя информационная революция приводит к изменению общественного производства, социальной, экономической и политической жизни общества, всех сфер деятельности человека, росту потребностей индивидов в информации, знаниях и созданию новых средств и способов удовлетворения этих потребностей» [Путилова., 2004]. Появление и распространение компьютерной техники и информационных технологий послужило толчком к развитию общества, построенного на использовании различной информации («информационное общество»), что не может не отразиться на ментальности людей данной эпохи.

Динамичность, которую предоставляет Интернет, привлекает, прежде всего, молодежь. Эта социальная группа быстро и креативно постигает новые технологии, максимально активно использует Интернет для удовлетворения разнообразных своих потребностей, черпает оттуда информацию разного содержания, воспринимая ее как естественную часть культурного и информационного поля. Традиционные средства массовой информации – печать, радио, телевидение – не являются для молодежи актуальными источниками получения информации. В Интернете публикуются всегда самые свежие новости (не только политические, экономические, но и из сферы шоу-бизнеса, кино, спорта и пр.) и узнать о них можно через один клик в браузере. Информационное пространство в сети имеет свои особенности, оно устроено отрывочно и приводит к формированию восприятия мира, как «ленты новостей». Ранее процесс систематизации знаний был более отчетливым и способствовал возникновению стройной картины мира, сейчас же он происходит хаотично, формируя «клиповое сознание», за которым не складывается целостный образ мира с его регуляторами поведения, нормами и правилами. Однако у молодого человека появилась возможность пользоваться независимыми источниками информации, у него возникает выбор, это побуждает проводить большую аналитическую работу по обработке данных, полученных из разных интернет-ресурсов, что, в свою очередь, способствует развитию умственных способностей, и в частности, формированию критического мышления. Кроме того, молодое поколение, благодаря Интернету, ощущает себя частью глобального пространства а, учитывая современные тенденции процесса глобализации, в недалеком будущем наша планета превратится в единую глобальную общность. Интернет способствует формированию понимания этого процесса, а использование его возможностей учит быть частью этого глобального общества. Активное освоение Интернета, привело к тому, всемирная сеть выступает для молодого поколения как сфера реализации себя, способ зарабатывания денег. Очень удобно, не покидая своей офиса или даже квартиры, развивать бизнес, работать удаленно, очень часто используя навыки и способности, которые появились опять же, благодаря Интернету. Сетевое общение – популярное средство общения в молодежной среде. Соцсети, блоги, чат, форум, электронная почта – это те инструменты, которые позволяют не только отправлять или получать текстовые сообщения, но и обмениваться фото-, аудио- и видеоматериалами и общение в Интернете с друзьями и единомышленниками превращается в двустороннюю связь («лайки» и «дизлайки»). Очень часто подобные средства общения молодые люди используют для самовыражения, и Интернет предоставляет возможность показать себя и свои возможности всему миру. Особенностью взаимодействия в сети является возможность быть анонимным или идентифицироваться под чужим «ником». Это позволяет человеку реализовать себя таким, какой он есть, выйти из социального образа, который накладывает общество. С одной стороны такая возможность формирует чувство безопасности (нет запрещенных тем, не будешь наказан за комментарии или нецензурные выражения), а с другой – развивает отсутствие ответственности за свои слова и поступки, может формировать ложное ощущение власти. По мнению, Э.М. Думновой вовлеченность большинства молодежи в интернет-пространство сформировала новый тип идентичности – виртуальную идентичность [Думнова, 2013, с. 132].

Перспективы, которые открыл Интернет, проникая в жизнь человека, конечно же, преобразует его психологию, влияют на образ мира, систему ценностей, мироощущение. Перемены эти происходят не сразу, а постепенно, но ментальность «нового поколения» («сетевое поколение», «цифровые от рождения», «поколение-Z») уже отличается от системы представлений тех людей, которое воспитывалось не в виртуальном, а реальном мире («цифровые иммигранты», «поколение X и Y»). Виртуальная реальность, которая сменила действительность реальную, существует и функционирует по своим законам, актуализирует иные основания и ценности, формирует другую идентичность, пользователи интернет-пространства вырабатывают свои нормы и формы взаимодействия, которые лежат в основе формирования ментальности «нового поколения» [Гаврилова, 2016, с. 63]. Интернет – это

отдельный мир, который встроен в основную реальность, и это среда, в которой свои правила. Под их влиянием меняется и офлайн-пространство.

Каким образом сеть Интернет присутствует в жизни современной молодежи, и влияет ли она на его ментальность, мы проверили в собственном эмпирическом исследовании. Объектом исследования выступили студенты технологического института (БТИ АлтГТУ). Выбор объекта исследования не случаен, поскольку студенты – наиболее активная и передовая часть молодежи, а обучающиеся в техническом вузе весьма хорошо разбираются в информационных и технических возможностях, которые предоставляет современный Интернет. Количество респондентов, которые приняли участие в исследовании – 88 человек (73 – юноши, 15 – девушки). Все они студенты первого курса различных направлений подготовки и специальностей. Возраст – от 17 лет до 24 года (средний 19), то есть это первое поколение, чья социализация проходила неразрывно от интернет-технологий. Участникам было предложено ответить на вопросы анкеты.

Анализ ответов на первый вопрос: «Пользуетесь ли вы Интернетом?», показал, что все респонденты (100%) являются пользователями всемирной сети. Стаж активного использования Интернета у студентов оказался разным – от 1 года до 13 лет (среднее значение 8 лет). Количество времени, которое юноши и девушки проводят в сети, разнится: менее 1 часа – 1%, 1-2 часа – 9%, 2-3 часа – 20%, 3-4 часа – 16%, 4-5 часов – 27%, более 5 часов – 27%. Средняя продолжительность пользования Интернетом в день составляет около ≈4 часа и это составляет около четверти времени от активного бодрствования. Если учитывать то мнение, что нахождение в сети более 1 часа в день, свидетельствует о зависимости от Интернета, то полученные результаты косвенно показывают, что у некоторого количества опрошенных существует проблема аддикции, то есть навязчивой потребности использовать Интернет и избыточное пользование им, проведение большого количества времени в сети. На вопрос «Где Вы чаще всего пользуетесь Интернетом?» наиболее популярным ответом стал «дома», его выбрали 60% респондентов. На втором месте «везде» – 44%. Остальные варианты ответов получили единичные выборы. Основным устройством, которым студенты пользуются для выхода в Интернет, оказался «смартфон» (72%), далее персональный компьютер (40%) и ноутбук (20%). Планшет указали 2% респондентов. Чтобы понять, для чего студенты чаще всего пользуются Интернетом, им был задан соответствующий вопрос. Ответы получились следующими: узнают новости (66%); применяют для работы (22%) и учебы (86%); пользуются электронной почтой (49%); для развлечений (63%: музыка – 84%, фильмы – 72%, книги и журналы – 34%, игры – 61%); для знакомства (16%) и общения (73%); заходят на эротические сайты (19%); совершают онлайн покупки (33%), пользуются онлайн-консультациями (11%) и госуслугами (32%). Полученные результаты подтверждает мнение о том, что современные молодые люди очень мобильны и активны в использовании интернет-ресурсов для решения своих проблем и в сети они удовлетворяют разнообразные свои потребности: от учебы, развлечений и общения до применения новых технологий при взаимодействии с государством, бизнесом и торговлей.

Наиболее популярными приложениями, которыми студенты пользуются в Интернете, являются: видеохостинг «YouTube» (86%), социальная сеть «В контакте» (80%), поисковая система «Google» (75%), мессенджер «WhatsApp» (73%) и социальная сеть «Instagram» (67%). Остальные ответы получили единичные выборы. На вопрос о частоте посещения и проверки социальных сетей были получены следующие ответы: каждые 30 минут – 32%, каждый час – 50%, каждые 2-3 часа – 42%, 2 раза в день – 9%, 1 раз в день – 1%, собственный ответ (например, по приходу оповещений, уведомлений) предложили 6% респондентов. На что подписаны студенты в Интернете мы узнали из следующих ответов: фильмы – 67%, блогеров – 50%, геймеров и киберспортсменов – 45%, звезд кино, ТВ, музыки, спорта – 42%, телешоу 19%, каналы о здоровом образе жизни 17%, каналы о еде и рецептах – 11%, лидеров общественного мнения, политиков – 11%, на друзей и родственников – 8%, самостоятельные варианты ответов (аниме, юмор, обучающие сайты и др.) предложили 3% респондентов. На вопрос «Чем бы Вы занимались, если бы не было

Интернета?» студенты дали такие ответы: общением (47%), учебой и спортом (по 44%), творчеством (26%), свои варианты ответов (чаще всего – мне и так времени хватает на все) предложили 3% респондентов.

Далее студентам было предложено самостоятельно оценить влияние Интернета на их жизнь в целом и отдельные ее сферы по шкале от 0 до 10. Были получены следующие результаты: влияние Интернета на жизнь – средний балл 4,9; влияние на образ мира и учебу студенты – по 3,3; влияние на здоровье – 2,3. Таким образом, студенты отчетливо понимают, что Интернет оказывает влияние на них, однако степень этого влияния они оценивают по-разному.

Итак, для студенческой молодежи Интернет – основной источник информации и незаменимое средство коммуникации. Юноши и девушки проводят во всемирной паутине значительную часть времени своей жизни. И как активные потребители Интернета, они испытывают на себе его влияние. Получая доступ к информации, даже не осознавая, человек ее обрабатывает, что приводит к развитию его умственных процессов, мышления и ментальности. Изучение ментальности современной студенческой молодежи имеет значение не только для понимания специфики образа мира, системы ценностей и установок данной социальной группы, но и в связи с тем, что молодежь – это будущее нашего общества и ментальность «нового поколения» – перспектива его развития.

Литература

1. Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 2. – С. 58-63. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_26525639_74573190.pdf
2. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. – 1993 – № 5. – С. 20-29.
3. Думнова Э.М. Формирование ментальности молодежи в постсоветский период // Идеи и идеалы. – 2013. – Т. 1. – № 4 (18). – С. 130-136. – Режим доступа: http://ideaidealy.nsuem.ru/wp-content/uploads/2015/01/Думнова_ИИИ_418_1_т_нов.pdf
4. Путилова Е.А. Интернет как фактор формирования информационного общества: дис...канд. социол. наук. – Тюмень, 2004. – 186 с.
5. Демкина Е.В. Предпосылки исследования проблемы «ментальности» и «менталитет» в трудах зарубежных и отечественных мыслителей // Социосфера. – 2011. – № 4. – С. 18-23. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_20381138_36035897.pdf

УДК: 37

Сафиянов Д.Р.

АГГПУ имени В. М. Шукина, г. Бийск, Россия

Механизм развития в России современного инновационного высшего образования на базе проекта «Национальная платформа открытого образования»

Автор предлагает изучить формат развития инновационного образования в России в области дистанционного обучения для высшего образования на основе проекта «Национальная открытая образовательная платформа».

Ключевые слова: инновация, механизм реализации, стратегия инновационного развития, дистанционное обучение, высшее образование, электронное обучение.

«В течение многих лет идет спор, что стоит на первом месте: электроника, космос, авиастроение? Но в современном (постиндустриальном или, как говорят, цифровом) мире государственный приоритет на самом деле — человек и инфраструктура». И важно создать такую инфраструктуру, для человека, где он сможет быстро развиваться, как личность. Если говорить о менталитете человека живущего в Сибири, то он живет в более экстремальных условиях имеет “сибирский характер” устойчивый тип характера человека,

сформировавшийся в суровых климатических и геополитических условиях Сибири (низкие температуры и длительные зимы, малонаселенность и удаленность от центра России, данный сибирский менталитет проявляется, как набор высоких физических и духовно-нравственных качеств: силы, выносливости, трудолюбия, выдержки, воли, устойчивости моральных ценностей – верности, любви к Родине. И сегодня очень важно дать качественное образование сибиряку, а для этого нужно развивать качества образования в Сибири.

Новая гуманистическая образовательная парадигма ставит перед образовательной системой важную задачу: подготовить образованного, творческого человека, умеющего адаптироваться к быстро меняющейся социально-экономической среде, рационально организующего самостоятельную деятельность. Изменения в образовательной системе нацелены на то, чтобы сделать ее более приспособленной к изменениям, происходящим в экономике, социальной жизни страны, интегрированной в мировую систему образования [1], [2].

Внедрение в учебный процесс инновационных технологий является определяющей чертой современного образования. По мнению ряда ученых понятие “инновация” возникло в девятнадцатом веке и означало введение некоторых элементов одной культуры в другую. Сегодня в научной литературе имеется немало трактовок этого понятия, но все они сходятся в одном: инновация – это внедрение нового. Под нововведением понимают целенаправленный процесс внесения изменений в определенную социальную единицу, приводящий к появлению новых стабильных элементов. Инновации в сфере образования направлены на формирование личности, ее способности к научно-технической и инновационной деятельности, на обновление содержания образовательного процесса. Одно из передовых методов качественного и комфортного обучения это инновация связанная с дистанционным обучением. Реализация образовательных программ с применением дистанционных технологий особенно актуальна в условиях Сибири, в котором значительную долю школ составляют удалённые малокомплектные образовательные учреждения. Применение современных информационных технологий в обучении, в т. ч. дистанционных технологий, способствует обеспечению доступности качественного образования учащимися не только из сельских, но и городских школ. В связи с тем, что концепция образования подразумевает доступность образования для каждого, мне бы хотелось уделить внимание проекту «Национальная платформа открытого образования» [3] миссия которого создавать и продвигать открытое образование как новый элемент системы высшего образования в России, который будет способствовать повышению доступности и качества образования. «Открытое образование» - современная образовательная платформа, предлагающая онлайн-курсы по базовым дисциплинам, изучаемым в российских университетах. Платформа создана Ассоциацией "Национальная платформа открытого образования", учрежденной ведущими университетами - МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ ВШЭ, МФТИ, УрФУ и Университет ИТМО. Все курсы, размещенные на Платформе, доступны бесплатно и без формальных требований к базовому уровню образования. Для желающих зачесть пройденный онлайн-курс при освоении образовательной программы бакалавриата или специалитета в вузе предусмотрена уникальная для России возможность получения сертификатов. Получение сертификата возможно при условии прохождения контрольных мероприятий онлайн-курса с идентификацией личности обучающегося и контролем условий их прохождения. В сравнении с курсами других платформ онлайн-обучения, курсы национальной платформы имеют определенные особенности: все курсы разрабатываются в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов; все курсы соответствуют требованиям к результатам обучения образовательных программ, реализуемых в вузах; особое внимание уделяется эффективности и качеству онлайн-курсов, а также процедурам оценки результатов обучения. Принципы, положенные в основу высокого качества онлайн-курсов:

Лучшие профильные курсы лучших профессоров. Каждый из вузов представляет курсы по своему самому сильному профилю. Это лучшие курсы самых продвинутых преподавателей вуза.

Стандарты качества. Качество учебного материала гарантируется внутренней экспертизой. Все курсы соответствуют требованиям, совместно разработанным участниками проекта.

Организация оценочных процедур. Оценочные средства проходят экспертизу со стороны учебно-методических объединений, идентификация пользователей обеспечивается процедурой прокторинга или биометрическими технологиями. Сотрудничество с вузами. Проект ориентирован на широкое сотрудничество между университетами. Онлайн-курсы Платформы могут быть включены в учебные планы студентов любого вуза России. Ассоциация "Национальная платформа открытого образования" обеспечивает заключение соглашений между университетом, реализующим образовательную программу, и университетом, разработавшим курс. В отличие от других платформ онлайн-обучения, университетам предоставляется возможность получать полную информацию об успеваемости своих студентов, при необходимости обеспечивать их методическое сопровождение и участвовать в проведении контрольных мероприятий, выполняя функцию идентификации личности. Подтверждение обучения. Если студент успешно сдает экзамены, ему будет предоставлено документальное подтверждение результатов обучения – сертификат.

Заключение

По сути дела, проект «Национальная открытая образовательная платформа» позволяет получать образование сибиряку экстерном, данная платформа в роботизированном режиме отслеживает, как слушатель изучает лекции и сдает зачеты. Также данная платформа в перспективе сможет составлять индивидуальные планы из разных курсов обучения вузов для получения высшего образования согласно Болонской системе для слушателя и выдавать ему диплом о высшем образовании. Для это всего лишь необходима небольшая законодательная база. Поэтому данный образовательный проект перспективен для всех вузов России, где каждый вуз будет предлагать лучшие курсы своего обучения, а платформа будет требовать от вуза международных стандартов в обучении, тем самым данная платформа будет улучшать качества Российского высшего образования.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 года.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».
3. Проект «Национальная открытая образовательная платформа» // [Электронный ресурс]: сайт Проекта «Национальная открытая образовательная платформа», Режим доступа <https://openedu.ru/> свободный.

УДК: 82

Сироткина Т.А.

Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Россия

Образ Югры в художественных произведениях региональных писателей

Одним из актуальных направлений современного литературоведения является геопоэтика. Исследование отдельных пластов историко-культурного наследия разных регионов помогает воссоздать общую картину бытования человека в определенный исторический период.

Особенно актуальными представляются имагологические аспекты подобных исследований. Для проектирования социальной и экономической политики определенной

территории важно исследование языковой картины мира жителей региона, неотъемлемой составной частью которой являются концепты регионального пространства.

Территория ХМАО-Югры является особенно интересным в культурном отношении регионом, в котором сосуществуют и взаимодействуют разные этносы и культуры. Как известно, Сибирский Север – это не только историческая, экономико-географическая и административная реальность, но и ментальная конструкция с постоянно меняющимися границами.

В настоящей статье на материале произведений югорских писателей рассмотрим, из каких компонентов складывается образ региона в художественной картине мира, в чем разница восприятия современных реалий национальными и русскими авторами.

Одним из важных компонентов образа региона является образ одного из коренных этносов Югры – ханты. Сопоставление характера и поведения представителей хантыйского и русского этноса можно наблюдать в рассказе основоположника мансийской литературы Пантелеймона Чейметова (1913 – 1947) «Два охотника». Один из героев этого рассказа Трофим, старший охотник, ханты по национальности, «недолюбливал русских. В царское время бедняк манси не раз ссорился с торговцами, которые надували его. С тех пор он как-то с недоверием смотрел на русских» [Чейметов: 479].

Автор рассказа показывает читателям разное отношение манси и русских к лесу, тайге. Для манси это родная стихия, для русских – непроходимые дебри: «Устал не устал, а в темноте трудно идти. Прутья замерзли. Хватают по лицу так, что слезы из глаз, - поневоле заплачешь. Цепляются за одежду, на ниточки разрывают. Перех, валежник, темень... черт знает, как это ходят люди в тайне?» [Чейметов: 481].

Но самое главное отличие двух героев рассказа – разные представления о жизни, о мире. Хантыйский культ медведя вызывает удивление и непонимание у русского охотника: «- Ну, натворил ты беды. Зачет отрезал медвежьи уши? – с этими словами старик соскочил с места, распахнул дверь и вышел. Скоро он воротился с куском лиственницы, достал нож и стал делать лук и стрелы. Василий ждал молча и наблюдал за ним. Трофим кончил свою работу и положил лук и стрелы вместе с медвежьими ушами на полку в переднем углу. Затем встал на колени и принялся бормотать вполголоса: - Медведушка, голубчик, я тебе не делал никакого зла, охотился всегда только со стрелами и луком. Мы, манси, не умеем делать пуль, не имеем ружей. Выдумали их русские и продают нам, манси. Теперь мы тоже ходим с железными ружьями, но не забывает и лука со стрелой. Со стрелами и луком мы молимся о тебе. Великий медведушка, не введи меня в беду. Я не делал тебе зла. Это все русские. Они выдумали железные ружья, они надумали убивать тебя ими. Великий медведушка, не делай мне зла, не бери у меня счастья. Я жить хочу... Услышав эти слова, Василий не выдержал, засмеялся» [Чейметов: 490].

Еще один важный компонент образа региона – репрезентация нефтегазового освоения территории. В текстах русских и национальных авторов мы можем видеть разное отношение к этому процессу. Так, например, «оду» преображению старого мира поет в поэме «Снега Самотлора» югорский поэт Николай Денисов:

Панорама Самотлора –
Снег хрустящий, как слюда.
Да болота, на которых –
Чахлах елочек гряда.
Был приют нечистой силе
Возле всякого куста.
Даже ханты обходили
Эти хмурые места.
Сколько их в урмане диком,
Мест с непуганным зверьем!
Мест с морошкой и брусникой
И заброшенным жильем!

И повсюду – в жуткий холод,
 В беспощадный летний зной,
 Побывал наш брат-геолог,
 Комаров кормил собой.
 И вошли во славу сразу,
 Не забудет их Тюмень:
 День березовского газа
 И шаимской нефти день!

Совершенно по-другому, как конец тихой, спокойной жизни, жизни в согласии с природой, показывает освоение Сибири известный хантыйский писатель Еремей Айпин. Рассказ «Конец рода Лагермов» начинается с описания жизни ханты до прихода сюда русских: «Маремьян Лагерм попал в эти края давно, когда глаза видели лучше лебединых, слух был острее, чем у дикой чернобурки, а в мускулах чувствовалась твердость лезвия копья – без ружья выходил на медведя. Река щедро кормила рыбой, а в прибрежных урманах водились и зверь, и птица. Место глухое, необжитое, зверье нагуленное, непуганное – привольно жилось» [Айпин 2016: 21].

Другую, противоположную, картину мы видим в рассказе далее, когда речь заходит о «непрощенных гостях» тайги, мешающих жизни коренного населения: «За тремя песками от избушки Маремьяна вырос новый поселок лесорубов Чистоборск. Говорили – лес будут корезить. А еще ниже по течению – песков и прямик восемьдесят надо проехать – нефтеразведчики основали свой город. Там землю таежную станут буравить. По некогда тихой реке засновали быстроходно громкие дюралевые шлюпки. В тихий летний дом Лагермов зачастили гости: то за рыбой и мясом, то за снастями рыбацкими. Но больше всего ценились меха. В это лесо повадился сюда главный лесничий из Чистоборска Никита Никитич Щепкин, добродушный коротыш с блестящей лысиной. Охотничьи собаки люто ненавидели лесничего и, когда тот появлялся, поднимали яростный лай» [Айпин 2016: 21].

Еще один аспект отражения образа региона – воссоздание картин исторического прошлого. Югра долгое время являлась местом ссылок. Именно сюда был отправлен в XVIII веке опальный князь Меншиков, сюда в XIX веке ссылали декабристов – участников восстания 1825 года, сюда в начале XX века отправлялись со всей России раскулаченные советской властью семьи.

В стихотворении Андрея Тарханова «Березовские лиственницы» это типичное сибирское дерево становится символом преемственности поколений, молчаливым свидетелем истории:

Обласканы инеем вьюги
 И светом брусничной зари,
 Они, вековые подруги,
 Сюда, как на праздник, пришли.
 У Сосьвы стоят величаво.
 Распахнут для них горизонт.
 Давно обрели свою славу,
 К ним люди идут на поклон.
 Их Меншиков гладил рукою,
 И Ваули взглядом ласкал.
 А эту вот лиственку зимою
 Однажды я сам целовал.

Рассказ Андрея Рябова «Сибирская косточка» повествует читателю о жизни раскулаченных: «У наших стариков закваска была настоящая, крестьянская. Не смогли ее превозмочь «комиссары в пыльных шлемах», раскулачившие в 30-х годах крепкую работающую семью Ковалевых и выславшие ее из Викуловского района в далекое село Самарово. Именно сюда, в дремучую тайгу, некогда уперся указующий перст партии и велел ссыльным рубить столицу новенького Остяко-Вогульского национального округа. И они рубили – от зари и до зари, отпугивая пламенем костров многочисленных медведей,

ежедневно выходя на переключку перед комендантом, питаюсь, чем пошлет Бог и землерой-Иртыш» [Рябов 2018: 221].

Таким образом, образ Югры в художественных текстах региональных авторов складывается из множества различных компонентов, наиболее важными из которых являются репрезентация образов жителей коренного населения и пришедших сюда русских, описание природы региона, его истории и культуры, а также процессов освоения данной территории во второй половине XX века. Анализ текстов позволяет говорить как о наличии сходных мотивов (мотив дома, мотив преображения и т.д.) в прозе и поэзии русских и национальных авторов, так и о разном отношении их к использованию природных ресурсов региона, разных представлениях о мире и месте в нем человека.

Литература

1. Айпин, Е.Д. Конец рода Лагермов // Литературное наследие обских угров. Том II. Хантыйская литература. – Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – С. 20 – 23.
2. Рябов, А. Сибирская косточка // Эринтур (Поющее озеро): Окружной литературно-художественный альманах. – Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск, 2018. – С. 220 – 224.
3. Чейметов, П.К. Два охотника: рассказ // Проза народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России Книга 1. – М.: Северные просторы, 2002. – С. 479 – 492.

УДК: 39

Суртаева Е.П.

ГАГУ, г. Горно-Алтайск, Россия

О сохранившихся наличниках старожилов г. Горно-Алтайска

Горно-Алтайск – столица Республики Алтай и единственный ее город. Начинаясь он как село Улала в 1830 году, статус города получил в 1928 году, в 1932 году был переименован в г. Ойрот-Тура. С 1948 года носит название Горно-Алтайск. За последние годы город значительно изменился – построены современные здания, появился неповторимый архитектурно-художественный стиль с местным национальным колоритом, гармонично сочетающийся с окружающей природной средой.

А еще совсем недавно можно было слышать такие фразы о городе: «дыра дырой», «большая деревня». Город Горно-Алтайск среди местных старожилов по-прежнему называли Улалой. Бытовала присказка, характеризующая город: «Я залез на Тугая, поглядел во все края, Тугая-как Тугая, Улала-как Улала». Это говорило о том, что любой гость, поднявшись на вершину горы Тугай, у подножия которой расположен город, и посмотрев вниз, ничего примечательного не находил.

По традиции люди жили в деревянных домах. Самое старое рубленое здание города это больница Алтайской духовной миссии, построенная в 1878 году. Ныне в нём располагается кожный диспансер по улице Социалистической. В центральной части города административные и многоэтажные жилые здания. Частный сектор охватывает значительную часть города, раскинувшись по горным долинам и логам вдоль рек Улала и Майма. Такие районы частной деревянной застройки 1950-х, 1980-х годов, сохранившие патриархальные архитектурно-строительные традиции, можно увидеть на улицах Улалушинской, Пушкина, Кучияка, Кирова, Октябрьской, Фабричной Подгорной, Тугайнской, Черемшанской, Водопроводной, Октябрьской и других.

В старожильческих микрорайонах города сохранился деревенский уклад жизни. Прослеживается он даже в том, как люди, заходя в общественный транспорт, громко здороваются. В микрорайоне Баят граница старожильского поселения проходит у магазина «Чедырген», микрорайоне Кучияк у остановки «Ткацкий», микрорайоне Каяс –до перекрёстка на Коммунистическом проспекте. Как правило, территория «старожильской деревни» в городе Горно-Алтайске заканчивается там, где нет частного сектора.

Современная застройка приходит на смену старой и поэтому пройдёт ещё 20-25 лет и не останется ничего от деревянных построек старожилов. Уйдёт поколение людей 1960-1970-х годов и вместе с ними, возможно, исчезнет информация о прошлой жизни старожилов. Останутся лишь фотографии. Уже исчезло большинство деревянных домов, построенных в период с 1930-х до 1960-х годов.

В прошлом в городе проживали переселенцы различных регионов нашей страны. Они были представлены из Воронежской, Архангельской губерний, большинство их были крестьянами, приехавшими из близлежащих сёл и деревень Бийского уезда Томской губернии. Из них плотницкие бригады города, что влияло на сложившиеся традиции оформления домов. Сохранился дом на улице Огородной 4 с традиционными наличниками времён заселения Улалы. Окна полукруглые, сводчатые, простые ставни, без резьбы и оформления, сколоченные из обычных гладких досок. Таковы были окна на дореволюционных фотографиях сёл Горного Алтая. Такие же ставни на наличниках музея старообрядцев в селе Верхний Уймон Усть-Коксинского района.

Орнаменты разных регионов России можно наблюдать на окнах современных домов в сёлах районах Республики Алтай. Встаёт вопрос – откуда появились узоры, присущие Русскому Северу, Воронежской губернии, Центральной России на окнах домов нашего региона? Известно, что переселенцы на Алтае появились в конце XVII – начале XVIII веков. Первыми были староверы, прибывшие после церковного раскола 1654-1668 года. Из центральных регионов России переселенцы прибывали после отмены крепостного права 1860 года. В 1907-1911 годы массовые переселения крестьян в Сибирь и на Алтай после принятия Столыпинской реформы. А вместе с ними пришли и культурные традиции на примере сохранившегося орнамента домовая резьбы [1].

В разных районах города представлены различные виды резьбы и элементы орнамента на оконных наличниках. Определённые элементы резьбы можно увидеть на домах одной улицы или нескольких переулков, что позволяет определить сложившийся стиль. Большой дом с высоким подклетом, четырехскатной крышей и светелкой, наличниками со ставнями на улице Чкалова 22. Плотник, строивший его, Алферов Алексей Васильевич, оформил большую часть домов этого района своими наличниками. Наличники его дома неповторимы, а отдельные элементы орнамента встречаются на окнах других домов. В верхней части наличников присутствует восьмилучевая звезда, символизирующая христианскую Звезду Богородицы, а в языческой – Алатырь. По словам информатора Раисы Николаевны Демьяновой, соседки мастера, сам Алексей Васильевич говорил, что его дом «под счастливой звездой».

На основе собранного полевого материала можно определить авторство орнаментов, содержащих солярные знаки и изображение птиц, говорящих о принадлежности мастера к переселенцам Севера, к примеру, дом на улице Улалушинской 78 (Рис.1). В период с 1940-х по 1950-е годы в оформлении наличников появляется звезда – символ Победы в Великой Отечественной войне. Эта традиция формировалась под влиянием советской идеологии и промышленного развития города.

Чем дальше друг от друга находятся районы старожилов, тем сильнее отличаются их резные оконные наличники. Уникально оформление дома семьи Фальчевских, находящегося на улице Кирова, на наличниках которого языческая символика роженицы. Ольга Дмитриевна Напалкова, дочь мастера, сообщила, что этот орнамент был взят с домашнего ковра, который был «не покупной, толи вышили, толи нашили на тряпку рисунки, не помню, ковёр не сохранился – он сначала висел на стенке, потом лежал в сенках на полу, а потом выкинули, наверно». Сохранились лекала мастера, но значение орнамента опрошенные информаторы не знают.

Изучая орнамент, цвет и способ изготовления наличников, можно выявить распространенный орнамент, встречаемый в городе Горно-Алтайске. Это ромб, располагающийся в верхней центральной части наличника. Часто встречаемые цвета наличников – голубой, синий, с белыми деталями. Обычный тип резьбы – пропиленный.

Следует отметить, что оформление деревянной резьбы уходит в прошлое. Крестьянское искусство несёт с собой декоративную мощь и красочное обаяние. Это вечные черты бытового искусства, данные коллективным творчеством народа, должны быть сохранены как достижение русского художественного труда [3]. «Когда соприкасаешься с прошлым, душа восторгается – от того, что всё это было. И горечь от того, что мы всего этого не знаем» [4]. В настоящее время наблюдаем, как дома предков сносят для постройки современных зданий, где нет места домовой резьбе, потому что стали модны пластиковые окна, а деревянные наличники, становясь архаизмом, идут на дрова.

Рис.1 Наличники «Птицы и Солнце» ул. Улалушинская 78. Фото автора.

Литература

1. Суртаева Е.П., Чевалков В.В. Происхождение и значение орнамента на оконных наличниках в Республике Алтай// Старорусская культура в современном социокультурном пространстве: материалы научно-практической конференции (Горно-Алтайск 25 сентября 2015г.). - Горно-Алтайск: ГАГУ, 2015. С. 120-126.
3. Воронов В.С. Крестьянское искусство. – М.: Книга по Требованию, 2012. 140 с.
4. Родионов А.М. Чистодеревщики.- Б., Алт. изд-во, 1981. С. 5.

УДК: 81

Тадина Н.А.

ГАГУ, г. Горно-Алтайск, Россия

О некоторых алтайских этнокультурных заимствованиях у русских Горного Алтая

Предлагаемая тема представляет интерес, как для русской, так и для алтайской этнографии. На протяжении последних двух столетий на Алтае наблюдается взаимовлияние двух традиционных этнических культур. Русские, составляющие этническое большинство Алтайского края и Республики Алтай (65 %), осознают себя неотъемлемой частью русских как государствообразующего этноса. Они представляют собой локальную этнокультурную общность, сформированную из потомков староверов, осевших здесь три века назад,

ссылных и переселенцев в разное время прибывших из центральных губерний России и Сибири.

Современная территория проживания русских была сформирована ещё первыми переселенцами. Она охватывает предгорье – Майминский, Турачакский, Чойский районы, являющиеся регионом формирования северных алтайцев, в настоящее время почти полностью обрусевших. Первые сёла были образованы в долине р. Би, где жили кумандинцы: Карагуж, Кылташ, Солтон; в долине р. Лебеди, населённой челканцами: Чоя, Паспаул, Турачак; в долине р. Большой и Малой Ише, в местах тубаларов: Сары-Кокша, Кара-Кокша, Пыжа, Майма, Алтайское. В каждом крупном селении устанавливалась церковь, открывалась миссионерская школа, в отдельных местах монастыри – женский в Улале, мужской на Чулышмане, в окрестностях Телецкого озера.

На территории проживания южных алтайцев – Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Усть-Канском районах русские расселены не повсеместно, а преимущественно в райцентрах, крупных поселках, придорожных селах. Из трёх отдалённых районов – Улаганском и Кош-Агачском, являющихся территорией проживания теленгитов, одной из южноалтайских групп, русские составляют меньшинство, а в Усть-Коксинском районе, заселённом ещё три века назад староверами, их большинство.

Собранные полевые материалы свидетельствуют о том, что русские и алтайцы представляют два отдельных самостоятельных народа, живущих на одной территории. Следует подчеркнуть, что у русских и алтайцев практически полностью сохраняются этномаркирующие культурные особенности в быту, поведении, ведении хозяйства. Такую этническую сохранность можно объяснить несхожестью этих народов и их культур. В результате присоединения Горного Алтая к России столкнулись два народа – русские и алтайцы, разные по происхождению – один европейский, а другой азиатский, два различных языка – славянский и тюркский, две диаметрально противоположные культуры – земледельческая и скотоводческая, два образа жизни – оседлый и полукочевой, две религии – православная и традиционные алтайские верования (Тадина 2005, с. 59).

Анализируя опыт этнокультурных взаимодействий русских и алтайцев на протяжении двух с половиной веков совместного проживания, можно сделать вывод об устойчивости их этнической идентичности и сохранности основных черт их культуры. Этнический образ складывается из нескольких составляющих и одним из таковых считается конфессиональный символ. В Республике Алтай, суверенитет которой был провозглашен в 1991 г., меняется этноконфессиональная ситуация – укрепляется роль религии в жизни общества, развернулось строительство храмов, возродились религиозные обычаи и ритуалы. В центре г. Горно-Алтайска и крупных сёл, где преобладающим населением являются русские, построены православные храмы. Известно, что православие исповедуют не только русские, но, несмотря на это устоялся стереотип «русские православные», «православие – вера русских», «Россия православная».

Тип хозяйствования остаётся важным составляющим этнического образа. Говоря об истории возникновения поселений (XIX в.), местные русские обращают внимание на то, что «села создавали русские переселенцы, тогда алтайцы жили по логам, а казахов вообще еще не было». Русские завезли огородничество и земледелие в широких масштабах, для чего были необходимы пашни, поэтому как земледельцы поселялись в местах с мягким климатом. В результате проведения реформ по сокращению скота и освобождению земель из-под пастбищ обнищавшие скотоводы-алтайцы были вынуждены осесть в сёлах переселенцев, и с тех пор началось их интегрирование в российское общество. При доме находились хозяйственные постройки для скота, а если позволял климат, то огороды и сады. Государственная политика в освоении новых земель, а затем в «строительстве нового общества» и формировании промышленности страны базировалась в основном на переселенцах-русских. В советский период большинство их были квалифицированными специалистами (инженерами, врачами, учителями, бухгалтерами и пр.).

После распада СССР изменилась социально-экономическая обстановка – многие предприятия, где большинство рабочих были из русских, закрылись, как например, ртутный рудник в с. Акташ. Местные русские оказались перед выбором: оставаться на обжитом месте и адаптироваться к изменившимся условиям или переезжать в другие районы республики или России, где могли найти работу. По собранным сведениям многие русские из смешанных русско-алтайских сёл переехали в г. Горно-Алтайск, Бийск, крупные сёла республики и Алтайского края.

После развала колхозов и совхозов наметился переход на фермерский путь хозяйствования – и это не удивительно для региона с преобладанием сельского населения (75 %) и многовековыми традициями скотоводства. В хозяйственной практике в Горном Алтае популярно содержание скота на пастбищах в высокогорной тайге – на стоянке вблизи источников. Еще в колхозный период на расстоянии в десятки километров от села находились стоянки: на одних жили и работали чабаны с отарами овец, на других – табунщики или пастухи со стадами коров. Эти места обычно занимали алтайцы как потомственные скотоводы, для которых скотоводство как работа не воспринималась, а являлась частью их образа жизни.

В постсоветских условиях активного развития туризма занятие скотоводством становится престижным. В туристский сезон сельчане предлагают конные экскурсии, размещая на сайтах Интернета. Сегодня в условиях кризиса и безработицы на селе, когда занятие огородничеством и разведение скота во дворе у дома становится недостаточным, многие семьи алтайцев предпочитают иметь стоянку, на которой можно содержать как минимум около ста овец, табун лошадей и несколько десятков коров и телят. Стоянку имеют даже русские семьи, о чём в с. Чёрный Ануй ёмко было сказано: «Раньше мы говорили алтайцам – «твое место на стоянке», а теперь сами живём и работаем на стоянке».

Некоторые местные русские, живущие по соседству с алтайцами, знакомы с алтайской кухней и переняли употребление в пищу внутренностей домашних животных. Из бараньих кишок, рубца и внутреннего сала готовят «*јӱргӱм*» (называют «*тӱргом*»), из крови – кровяную колбасу «*кан*», а из конских – «*казы*», «*карта*» (ударение на последний слог). В старину старообрядцы не ели конину, называя ее «поганой», так как «на коня садятся люди, этим оскверняя его», а сегодня их потомки едят конину. Кроме того, среди местных русских популярен алтайский наваристый суп из перловки и баранины, называемый «*кӱчӱ*» («*кӱчӱ*»). Напротив дело обстоит с молочными продуктами – кисломолочным напитком «*чеген*» (у теленгитов «*айрак*») и перегоняемым из него опьяняющим напитком «*аракы*» и получаемым побочным продуктом – сыром «*курут*». Приготовление их русские не переняли, объясняя так: «это нужно уметь, сырчик надо коптить, для этого необходим аил (жилище) алтайский – а мы не алтайцы» (Тадина 2011, с. 68).

Образ «другого» народа, живущего рядом, складывается из нескольких признаков его культуры. К ним можно отнести пищу, жилище, одежду. Стереотипы восприятия строятся на эмоциональном и чувственном восприятии: что едят, как живут и пр. Если рядом с домом стоит айыл (деревянная юрта), то это знак того, что здесь живёт алтайская семья. Айыл это удобное и практичное жильё с земляным полом, где не скисает молоко, с очагом в центре, над которым коптят алтайский сыр «*курут*». Такое своеобразие быта алтайцев в восприятии местных русских привело к возникновению прозвищ, дразнилок, состоящих из одного или двух ёмких слов. Из-за смуглости алтайцы были прозваны «сырчик», «сырчик копчёный» (Тадина 2011, с. 68).

Среди русских Горного Алтая встречаются свободно говорящие на алтайском языке, вследствие того, что длительное время, особенно в годы войны и послевоенные годы, жили в алтайских сёлах. Таких русских немного и в каждом районе наберётся около десяти человек. Считается, что они с пониманием относятся к алтайцам и неслучайно вступают с ними в брак, в котором потомки также знают алтайский язык. Такие случаи единичны и в народе, как правило, их знают наперечёт.

О взаимопроникновении элементов традиционной этнической культуры свидетельствуют заимствования в языке местных русских. Можно слышать следующие речевые обороты с использованием перенятых алтайских слов: «родился сурас» (о рождённом вне брака), «покос на ближайшей ялани» (ялань – обширная поляна), «на зиму забьём торбока» (торбок – крупный телёнок), «пошли собирать тушкен» (тушкен – орехи, упавшие с кедра) и пр. Некоторые из местных русских помнят о том, что среди их предков были алтайцы (кумандинцы, челканцы и др.): дед-алтаец или бабушка-алтайка – иногда это прослеживается в их внешнем облике, их фамилии, оставшейся от обрусевших крещёных алтайцев, к примеру, Суртаевы, Чевалковы, Кумандины, Кардамановы, Оргоковы, Табакаевы, Яжанкины и пр.

Литература

1. Тадина Н.А. Русское глазами алтайцев по полевым материалам (об этнокультурных взаимодействиях) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005. Вып. 6. С. 59-63.
2. Тадина Н.А. Алтайцы, русские, казахи – три этнических образа в этнокультурном взаимодействии в Республике Алтай // Этнография Алтая и сопредельных территорий (матер. конф.). Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 8. С. 66-71.

УДК: 82

Терентьева А.О.

АГППУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Повесть А.Е. Новосёлова «Беловодье»: поиски алтайских староверов.

Легенда о Беловодье широко известна в народе, но предметом отражения в художественной литературе она стала лишь в двух произведениях – повести А.Е. Новосёлова «Беловодье» (1919) и романе В.В. Личутина «Скитальцы» (1986). Творчество А.Е. Новосёлова остаётся практически не исследованным.

Реформа Никона, предпринятая в 1650 - 1660-е годы, представляла собой ряд частных поправок к Литургии и богослужебным книгам и обрядам, наибольшее недовольство из которых вызвала замена двуперстного знамения на троеперстное. В результате реформы произошел раскол в среде верующих. Не признававших нововведения стали называть староверами, старообрядцами, раскольниками.

Для старообрядчества были характерны следующие черты: фанатическая преданность старине, неприятие всего нового, особенно иноземного, враждебное отношение к любому светскому знанию, отказ от какого-либо общения с «никонианами». Уверенные в воцарении Антихриста и близком конце света, старообрядческие проповедники учили, что спастись можно лишь «вторым огненным крещением» - самосожжением [1]. От преследования властей старообрядцы спасались бегством в глубину и на окраины России. В старообрядческой среде была распространена легенда о Беловодье, очень многие пытались найти благословенную страну, и в этом плане Алтай был одним из регионов поиска.

Пусть странников на Алтай был весьма нелёгко и очень сложен. От Соловецкого монастыря пришёл в деревню Малый Башчелак (Чарышский район Алтайского края) Никифор Петров. В деревне Сетовке (Советский район Алтайского края) проживал выходец из Пермской губернии Константин Долгих. Две пустынноцы, Платонида и Фелисата, родились в Приуралье, но дорога на Алтай для каждой стала особой и долгой. Платонида еще в молодости отправилась пешком в Киев, к святым местам, оттуда зашла в Стародубье (Черниговская губерния), где стала монахиней в Николаевском старообрядческом монастыре, затем приехала на Алтай в деревню Ай (Ая, Алтайский район Алтайского края). Фелисата из Пермской губернии ушла «в пустыню» возле Нижнего Тагила, там же постриглась в монахини, потом уехала на Алтай поселилась в Уймоне (Усть-Коксинский

район Республики Алтай). Обе женщины занимались рукоделием, учили крестьянских детей грамоте, богомолью. Две другие скитницы были пойманы возле Уймоны. Одна из них, вырвавшись из-под стражи, бросилась в реку и утонула. Другая же не только не хотела дать перед судом ответа, но, оборотившись к судьям спиной, обругивала их, называя посланниками ада, предшественниками антихриста.

В скитах по берегам Катуня и по горам «спасалось» немало раскольников, получивших пропитание от жителей Уймоны и других деревень. Скитник Дементрий Орлов – пустынный из Соликамска, проповедовал о скором наступлении второго пришествия и о необходимости спасения души в «пустыне». Вместе с ним на Алтай пришли три скитницы, остановились в деревне Тургусунской Бухтарминской волости. Крестьяне переправили их в Верхний Уймон для богослужения и для чтения книг. По мнению крестьян, Орлов оказался «великий грамотей, знающий силу Священного писания». Он и скитницы были поселены в лесной избушке в 25 вёрстах от Верх-Уймоны (Усть-Коксинский район Республики Алтай).

Приведённые примеры показывают, что Южная Сибирь и Алтай в особенности, в XIX веке стали притягательным местом, куда устремлялись староверы различных толков. Местное население их не прогоняло, а наоборот, охотно принимало и кормило. Начальник Колывано-Восресенских заводов в своём рапорте в Петербург сообщал: «Жители знают дороги по ущельям, по вершинам гор, где другим нельзя пройти без провожатых. Казаки Колыванской линии также знакомы с этими путями. Но они сами преклонны к старообрядчеству и не принимают должных мер». Поэтому сыскные отряды могли обнаружить далеко не всех беглых и искателей Беловодья [1].

Таким образом, не все раскольники были пойманы, и многие из них заселились на Алтае в малых деревнях, осваивали земли и также продолжали поиски Беловодья. Этот процесс начался в начале XIX века.

Повесть А.Е. Новоселова «Беловодье» посвящена старообрядцам, ищущим легендарную страну свободы и счастья из русских преданий, которая получила в свое время название «Беловодье».

Главным героем повести является Панфил, с которым читатель знакомится, когда тот был еще ребенком. В то время его отец часто отлучался из дома на довольно продолжительное время: «Раз вернулся через месяц, а в другой – через год» [2, с. 85].

Причем ходил он чаще всего не один: «Вместе с ним уходили многие. Снарядятся, как на охоту, а там и пропадут. Прискачет начальник, соберет стариков, накричит, на шумит, половину перепорет, но ничего не добьется: молчат старики. По всем горным тропинкам пойдут мелкие отряды казаков-разведчиков. Но куда им! Потеряют следы на бродах и вернуться. Мужиков же приведут потом китайские солдаты или сами они придут отдельными группами. Уходили целыми деревнями, и во главе всегда стоял Панкрат» [2, с. 85].

В данном фрагменте примечательно то, что в поисках Беловодья люди забирались настолько далеко, что попадали в другую страну, а именно – в Китай. От Бухтармы, правого притока Иртыша, до Китая довольно большое расстояние, причем пересеченное горными хребтами. Интересно и то, что желающих отправиться на поиски легендарной страны было очень большое количество.

В то время Панфил еще не понимает, куда уходит его отец и другие люди, понимание приходит лишь позже.

В последний раз Панкрат отправляется на поиски Беловодья, когда Панфилу исполняется уже тридцать лет. После четырехлетнего отсутствия его доставляют домой полуживого, и с постели он уже больше не поднимется.

Перед смертью отец берет с сына клятву положить всю свою жизнь на поиски Беловодья. При этом он наставляет Панфила, чтобы тот не совершил ошибки при поиске легендарной страны.

Данный фрагмент очень важен для понимания самой идеи Беловодья. Действительно, среди многих людей бытовало мнение, что Беловодье представляет собой этакое тридевятое царство, где текут молочные реки в кисельных берегах. Это как бы своеобразный рай на

земле, в котором люди не знают никаких горестей и забот, им не нужно работать, они не болеют и живут вечно. Однако, как видно из представленного фрагмента, у Панкрата совершенно иное понимание сути Беловодья. Для него это страна, где можно свободно исповедовать свою веру и свободно трудиться. Где нет притеснений за веру, за что-либо еще. И недаром Панкрат отмечает следующие важные характеристики Беловодья: «Не должно там быть власти, от людей поставленной... Тем и свято оно, Беловодье. Ни пашпорта тебе там, ни печати антихристовой – ничего... Правой вере простор... Живи, как хочешь... Управляйся стариками... Вот как...» [2, с. 88].

Очевидно, что Беловодье выступает как антитеза того мира и того места, где Панкрат с сыном живут сейчас. Это место Панкрат называет «царством антихристовым» [2, с. 86].

Именно такое понимание и пронесет через всю свою жизнь Панфил. И всю жизнь он выполнял клятву, данную отцу. Сорок лет длились эти поиски.

Именно мотив поисков Беловодья является основным в произведении. С ним непосредственно связан мотив странствий, которые очень подробно описаны в повести.

Интересно, что высокодуховные старообрядцы, всю жизнь ревностно исповедующие свою дониконовскую веру, представителей других наций и за людей-то не считают. И несмотря на первую заповедь, их можно и убить. Так, сам Панкрат умирая хвалится сыну, что из своего ружья он положил «семь киргизцев, а монголов – так без счету» [2, с. 87].

Таким образом, хронотоп Беловодья в повести довольно сложен. Представляется, что вечное Беловодье расположено где-то в горах Алтая, в какой-то из долин, расположенных между алтайских хребтов.

Однако со временем Панфил заметно теряет веру в успех своих поисков и начинает совершать их все реже и реже. То есть его странствия в реальном пространстве прекращаются. Однако эти странствия перемещаются в пространство внутреннее, в котором он, тяжело болея и лежа в бреду, сталкивается с чудовищем, одновременно порицающим его за клятвопреступление и искушающим прекратить поиски Беловодья: «...И тогда безумный страх наступил на него из жутко-молчаливой темноты. Казалось, что лохматое чудовище, всем телом навалившись на хрипящую слабую грудь, все ближе наклоняет к его лицу свое уродливое рыло, дышит смрадом, злобно скалит мерзкий рот и шепчет:

- Что ж ты не покажешь людям дорогу к Беловодью? Клятвопреступник ты! За мирские прелести продался! Там, в чужой земле – и голод, и холод, и смерть под пулей. А здесь тебе почет!..» [2, с. 91].

А дальше чудовище начинает искушать Панфила: «Отступило чудовище, и вкрадчиво сладок стал его голос:

- Разве ты не человек? Почему ты должен мыкаться всю жизнь, как какой-нибудь бергал? Где твой дом? Подумай только, что ты сделал с собой, со старухой, с ребятами? Они тебя не знают, и ты не знаешь их. Брось, Панфил, одумайся! Вот теперь ты наставник... Здесь ты нужен! Брось... Что там говорил тебе отец – забудь! Сам он не нашел, не найти и тебе. Нет там земли Восеонской! Разве здесь вам худо? Вспомни, сколько исходили вы, а где вы видели лучше, чем здесь? Тут и Беловодье вам...» [2, с. 91].

Здесь явно выступает мотив внутренней борьбы главного героя, проблема выбора между долгом и желанием бросить безнадежную затею. Чудовище в данном случае как бы символизирует две стороны души человека: темную и светлую. Именно в их противоборстве закаляется дух человека. Так и дух Панфила, принявшего несмотря ни на что твердое решение продолжать поиски Беловодья, с каждым днем становится все крепче. И главное здесь в том, что Панфил сохраняет смысл своей жизни: поиск священной страны.

Поисками Беловодья занимаются многие другие герои повести, одним из которых является Хрисанф, который выступает как своеобразный антипод Панфила. Как отмечается в повести, многие в деревне боялись Хрисанфа, но, в то же время, к нему же часто и обращались за помощью. «Великая сила была дана ему. Лишь бы взялся Хрисанф, - не уступит, не свернет с дороги» [2, с. 97].

Хрисанф тоже собирается отправиться на поиски Беловодья. Однако цель этого пути Хрисанфу и Панфилу представляется совершенно по-разному: «Разное мы ищем, Панфил. Несогласно пойдем, разобьемся. Тебе надо древние обитатели найти, ну, и помоги тебе господь, разыскивай, блуди во славу Божию в пустынях. – В крепком голосе его звучала насмешка: - А нам, грешным, обитель – не находка, ежели она не там стоит, где надо» [2, с. 98].

Таким образом, именно мотив странничества, мотив пути, является лейтмотивом повести «Беловодье». Главные герои вместе с другими жителями деревни отправляются в свое последнее странствие.

В первой половине пути странники видят неподалеку от дороги каменный утес, под защитой которого «уцепились крепкими корнями и живут три кедра-карла, три околдованные небом смельчака, дерзнувшие перешагнуть земные грани» [2, с. 120].

Фактически каждый из ищущих Беловодье стремится к исключительно своей, только ему ведомой цели. Они пытаются как бы найти свой мир, тот, в котором им будет хорошо.

В итоге оставшиеся в живых после нападения калмыков, которых привел Сенечка, староверы уходят вместе с Хрисанфом, спасая свои жизни. Оставшийся один Панфил совсем сломлен: «Голову теснили тяжелые мысли, немощное тело побеждало дух. Перед Панфилом поплыли в волшебном мареве родные горы, развернулись темные луга, напитанные влагой, напахнуло терпким ароматом большетравья, и живой перед ним стояла грязная деревня со знакомыми домами, с моленной и гурьбой ребятишек на улице. Спокойно там, сытно... Все опять будет свое, родное... Примут с радостью. Будут долго охать и расспрашивать, а там пойдет по-старому. Пасека брошена. Угодье-то какое! Лесу, лесу! А воды! И бежит она с кручей, будто песни поет. Не замолчит ни днем, ни ночью. И цветов, и трав там всяких! Красота господня! Утром встанешь вместе с солнышком, и нет тебе ни суеты, ни печали. На слезу позывает, как посмотришь. Молится каждая травушка, стоит тихохонько и молится. И лес, и горы, и букашка всякая, и солнышко – все смеется ангельской улыбкой...» [2, с. 156].

Эта картина, возникшая в сознании Панфила, практически – образ того Беловодья, которое и искал главный герой. И это Беловодье находится не где-то за горами, лесами и реками, а в его родной деревне. Однако этот образ не смог изменить цели Панфила, он принимает решение в одиночку идти на поиск священной страны. Он начинает двигаться по направлению к святому морю-озеру, привидевшемуся ему ночью. Теперь ему кажется, что он знает дорогу, а пропуском в священную страну должна послужить старинная книга отца. Несколько дней пути без еды и воды полностью обессилили Панфила. Но даже ползком он продолжает двигаться туда, где, как ему кажется, его ждет священная страна Беловодье. И в конце этого пути он достигает своей цели: «...Верно, того только и ждало море-озеро святое. Подступило оно к самому холму и открылось Панфилу в красоте своей великой – с островами, скитами и храмами. Ликующим, радостным звоном зазвенели невидимые, по лесам и под водой, колокола. Подошла к холму лодка. Панфил, ясный и спокойный, поплыл к тихой обители» [2, с. 158].

И совершенно неважно, было ли это реальностью или галлюцинацией, но цели своей Панфил достиг.

В последнем фрагменте повести явно прослеживается мотив испытания на грани жизни и смерти, только пройдя которое человек может достигнуть своей цели, особенно такой, к которой стремился главный герой повести.

Таким образом, Беловодье является сюжетобразующим компонентом повести и становится доминантой мировосприятия главных героев. В повести отражены старообрядческие представления о Беловодье: страна без гонений за веру; все свободны от податей; там множество зверей, растений и всего прочего; это рай для крестьян.

Тема Беловодья определяет основные мотивы произведения: пути и странничества, поиска земли обетованной. С этой темой связаны мотивы выбора, сомнений, борьбы, преданности и измены, мужества, силы и слабости характера, испытаний. Эта же тема определяет и характеры главных героев.

Литература

1. Волков, О. Мечты о Беловодье [Текст]/ О. Волков//Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае. 18 – начало 20 века. – М., 1996. - С. 29 – 47.
2. Новоселов, А.Е. Беловодье [Текст]/ А.Е. Новоселов// Образ Алтая в русской литературе XIX – XX вв. Антология: в 5 т./ Под общ. ред. А.И. Куляпина. Т. 2: 1900 – 1917 г./ Под ред. М.П. Гребневой. – Барнаул: ООО «Издательский Дом «Барнаул», 2012. – С. 84 – 158.

УДК: 82

Тохтонова А. Т.

Горно-Алтайский государственный университет, Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Россия

Паслей Самык и Василий Шукшин: штрихи к творчеству

Алтайский поэт Паслей Самык (Василий Тордоевич Самыков) родился в селе Каспа Шебалинского района Горно-Алтайской автономной области. В 1964 году окончил Литературный институт имени А. М. Горького, работал в газете «Алтайдын Чолмоны», Горно-Алтайском отделении Алтайского книжного издательства и Союзе писателей Горного Алтая. Член Союза писателей СССР (1971), заслуженный работник культуры Российской Федерации (1995), народный писатель Республики Алтай (2007), награждён высшей наградой региона – орденом «Тан Чолмон» (2013).

На протяжении многих лет лирику П. Самыка в своих исследованиях рассматривали литературоведы С.М. Каташев, С.С. Каташ, В.И. Чичинов, Г.К. Кондаков, З.С. Казагачева, в данное время продолжают изучать Н.М. Киндикова, Т.П. Шастина, Н.А. Гузь и др. В рецензии о первом сборнике П. Самыка, изданном на русском языке, – «Песнь моя – Алтай» (1974), В.И. Чичинов творчество поэта описал (обобщил) так: «Своеобразие поэзии Самыка, резко отличающее его от других, не в метафорическом ряде, характерном для большинства алтайских поэтов, а в сгустке чувств, в экспрессивности мысли. Самык не живописует словом, он мыслит словами, он действует ими, как матадор шпагой, и оттого вся поэзия его, созданная на сегодня, воспринимается как одно непрерывное стихотворение, составленное из мысли поэта и ритма его речи. Не музыки, а именно ритма, который одновременно и свободен, и напряжен в своем внутреннем единстве» [7].

Наша задача – рассмотреть фигуру писателя и режиссёра В. Шукшина в творчестве П. Самыка. В работе мы опираемся на стихотворения поэта, посвящённые режиссёру-земляку, и личные воспоминания П. Самыка и представителей творческой интеллигенции, которые встречались с В. Шукшиным в Москве и Горном Алтае.

Изучением творческих и дружеских взаимосвязей писателей Горного Алтая и других регионов занимались разные исследователи. Творчество В. Шукшина в своих статьях рассмотрели литературоведы В. Чичинов и Н. Киндикова. Дело в том, что, будучи в молодости радиожурналистом Горно-Алтайского областного радио, В. Чичинов, брал интервью у Василия Макаровича во время съёмки фильма «Живёт такой парень...». Режиссёр согласился пообщаться с молодым корреспондентом с одним условием – чтобы он ростом 1,81 м принял участие в съёмках массовой сцены. Так журналист сыграл роль Каланчи. По сведениям В. Чичинова, имя Павла Колокольниково дано по имени секретаря нашего региона: «Кстати, до самого начала съёмок у главного героя фильма не было имени. Фамилия была Колокольников, а имени не было. А Шукшину нужно было отснять эпизод на Чуйском тракте, для чего потребовалось перекрыть его – остановить движение. Для этого Шукшин встречался с секретарем обкома по идеологии Павлом Егоровичем Тадыевым. И вот когда, получив «добро», Шукшин выходил то него, то вскрикнул: «Нашел!» – именем Тадыева назвал Колокольникова» [9]. Кроме того, В. Чичинов поделился своими размышлениями о жизни и творчестве писателей-земляков В. Шукшина и Л. Кокышева,

отмечая у них много общего. Исследователь сообщил, что писатели также познакомились во время съёмок фильма «Живёт такой парень».

Литературовед, доктор филологических наук Н. Киндикова рассмотрела в своей статье «Г. Чорос-Гуркин и В. Шукшин: опыт сопоставительно-типологического прочтения» письмо алтайского художника «Плач алтайца на чужбине» и «Признание в любви или слово о «малой родине» знаменитого русского режиссера, артиста и писателя.

Алтайский поэт П. Самык посвятил режиссёру-земляку два стихотворения: «Василий Шукшининг кереезине» («Памяти Василия Шукшина», сборник «Алагун јааш» («Солнечный дождь», 1976) и «Кадында өскөн Василий Шукшин» («Выросший на Катунь Василий Шукшин», сборник «От-Эне» («Мать-Огонь», 1984). Первое произведение на русский язык перевела Л. Осипова, второе – В. Завадский. В обоих стихотворениях П. Самык представляет В. Шукшина как носителя двух культур – алтайской и русской, «сенин ле менин карындажыс» («твой и мой брат») [2], «Алтайда өскөн, / алтай бүдүмдү, // Ончо улус уулы, / орус укту Шукшин» («Выросший на Алтае, / с лицом алтайца, // Сын всех людей, / по национальности русский Шукшин») [3]. Приводит алтайское название села Стростки – Учук, откуда хорошо видно гору Бабырган, на которую В. Шукшин «на закате задумчиво смотрел», когда приходил к реке поить лошадей.

С давних пор в Стростках люди похожи
На скулистых моих азиат.
И у них, как алтайцам положено,
Чуть раскосый с прищурилкой взгляд.

Прежде здесь кумандинцы живали,
А теперь здесь их вроде бы нет:
Что деревню они основали, –
Подтверждает немало примет.
[4, с. 37]

В обоих стихотворениях речь идёт о похоронах, упоминаются ветки красной калины, которые П. Самык принёс Василию Макаровичу, передавая некий привет с Алтая:

Кадыннын жаказында
Жиилектер ээлген:
Алтын чычрана,
Кып-кызыл балан.
Кадыннын жаказында
Аттар ыйлаган,
Киштешкен,
Карыккан.

На берегу Катунь
Свесились ягоды:
Золотая облепиха,
Красная-прекрасная калина.
На берегу Катунь
Плакали лошади,
(Горько) ржали,
Печалились.
[2; смысл.пер.наш.]

Лирического героя, за которым скрывается сам поэт, беспокоит то, что В. Шукшина похоронили не в родных местах. Поскольку для коренных алтайцев важно похоронить человека именно на родине, поскольку его ждут не только родственники и друзья, но и природа, в данном случае, река Катунь, вдоль которой расположено село Стростки:

Байла, кеен Кадыннын салымы – Тениске сууларын Ийетени туру.	Видимо, прекрасной Катуни судьба – Океану свои воды Отправлять.
Байла, керсү Уулдын салымы – Улуска жүрегин Беретени туру.	Видимо, умного Парня судьба – Людям своё сердце Отдавать. [2; смысл.пер.наш.]

В строках стихотворения «Кадында өскөн Василий Шукшин» («Выросший на Катунь Василий Шукшин»), которое в переводе В. Завадского названо как «В тот день мы хоронили Шукшина», снова говорится о реке:

«Калины красной» музыка звучала.

Она через сердца и сквозь глаза
Широкой, полноводною Катунью
Текла туда, на родину его.

[4, с. 39]

П. Самыка с В. Шукшиным познакомил знаменитый писатель, друг поэта В. Белов, с которым они тесно дружили, вели переписку: «Помню, что Василий Макарович постоянно приходил к Василию Белову в гости, и чтобы его не донимали гости, он прятался от них в моей комнате (в общежитии Литинститута – А.Т.). Кстати, в фильме «Калина красная» Шукшин использовал моё имя. Так, персонаж Губошлёп в одной сцене говорит: «Отдохни, дружок, хоть к Кольке Королёву, хоть к Ваньке Самыкину, у него уголок хороший» [6]. Так, легендарный режиссер использовал в эпизодической речи имя своего знакомого, поэта Василия Самыкова, как Ваню Самыкина.

Отрадно, что в честь юбилея В. Шукшина в 2019 году в №29-31 городской газеты «Вестник Горно-Алтайска» впервые были опубликованы воспоминания руководителя управления культуры Горно-Алтайской автономной области Ф. Таушканова «Незабываемые встречи с Шукшиным», в которых он рассказывает о встрече с режиссёром в квартире Шукшиных в Москве и сопровождении в поездке по сёлам Чемальского и Онгудайского районов Горного Алтая. По сведениям Ф. Таушканова, кандидатура В. Шукшина была одобрена на роль режиссёра хроникально-документального фильма, посвященного 50-летию образования Советского Союза и Горно-Алтайской автономной области: «За два напряженных дня мы побывали на чабанских стоянках, в школах, в Ининском профессионально-техническом училище, а в заключение состоялась встреча с активом укрупнённого колхоза имени Карла Маркса в селе Курота. <...> Прощальный ужин проходил во вновь построенном шестиугольном аиле по всем правилам и законам алтайского гостеприимства с тостами и благопожеланиями, с песнями и каем, в сопровождении топшуров» [5]. Стоит отметить, что в свою публикацию автор также включил личные воспоминания алтайского композитора В. Хохолкова и журналиста А. Ивашкина о знакомстве с В. Шукшиным.

На наш взгляд, у любого человека, который в жизни встретился или был знаком с великим режиссёром и писателем В. Шукшиным, остались тёплые воспоминания и уважение, особенно у земляков-сибиряков:

А хотел всякий житель наш местный,
Чтобы вернулся на родину ты:
Не за то, что писатель известный,
А за то, что большой доброты.

[4, с.38].

Литература

1. Киндикова Н.М. Г. Чорос-Гуркин и В. Шукшин: опыт сопоставительно-типологического прочтения. – Алтайская литература: проблемы и суждения. – Горно-Алтайск, 2008. – С.33–37.
2. Самык П. Василий Шукшиннин керезине. – Алагун жааш. – Горно-Алтайск, 1976. – С.19–21.
3. Самык П. Кадында өскөн Василий Шукшин. –От-Эне. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1984. – С.6264.
4. Самык П. Ветер вершин. – Москва: Современник, 1987. – 94 с.
5. Таушканов Ф.Л. Незабываемые встречи с Шукшиным // Вестник Горно-Алтайска. – №31 (872) – 2019. – 7 августа. – С.7.
6. Тохтонова А.Т. П.Самык: «Я – человек в гостях у человека». Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной творчеству известного алтайского писателя и переводчика Паслея Самыка (г.Горно-Алтайск, 16–18 октября 2018 г.) – Горно-Алтайск, 2018. – 370 с.
7. Чичинов В.И. По особому спросу. О новом поэтическом сборнике П. Самыка // Звезда Алтая. – 1974. – 20 июля. – С. 3.
8. Чичинов В. И. Высота и ширь их светлых талантов (Размышления о жизни и творчестве писателей-земляков В.М.Шукшина и Л.В.Кокышева) // Звезда Алтая. – 1993. – 13 октября. – С. 8.
- 9 Чичинов В.И. Боль земли // Звезда Алтая. – 1998. – 18 июля. – С. 8
10. Шукшин В. Надеюсь и верую. – Москва, 1999. – 512 с.

УДК: 81

Трофимова Е.Б., Трофимова У.М.
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Региональная вариативность русского словесного акцента

В докладе особенности региональной вариативности русского словесного акцента рассматриваются в контексте эволюционных процессов, проходящих в языке. В качестве материала выступает словарь региональных акцентных норм, созданный исследовательским коллективом АГГПУ.

Эволюционное языкознание, идеи которого были заложены еще И.А. Бодуэном де Куртенэ¹, до сих пор сохраняет свое зачаточное состояние. Бодуэн де Куртенэ препятствиями на пути к эволюционной лингвистике считал «антропоцентризм» и евроцентричность. Антропоцентризм, по-видимому, следует читать как доминирование в лингвистических штудиях произвола исследователя без опоры на точные методы, сторонником которых был ученый. Бич лингвистической типологии – евроцентричность является параметром более глубокого порока: нормативизма лингвистического сознания, в результате которого практически любая лингвистическая концепция, едва утвердившись, схематизируется и сакрализируется, а языковой материал ограничивается иллюстративной ролью.

Бодуэн де Куртенэ призывал «исходить всюду и всегда из исследования живых языков»² (второй тезис в прогнозах на XX век), что, по сути, обращало лингвистов к изучению диалектов и идиолектов, языка в его вариативности. В отечественной (а именно советской) лингвистике, несмотря на авторитетные мнения И.А. Бодуэна де Куртенэ и А.М. Пешковского³, преобладал нормативный подход, и объяснялось это той просветительской, речекультурной задачей, которая ставилась перед лингвистами на заре советского общества и сохранялась во все время его существования. Буквально прочитанный нормативизм ведет к искоренению всего ненормативного как архаичного и отсталого (диалекты), социально-

¹ «Понятие эволюции должно стать основой лингвистического мышления» (11 тезис из знаменитых прогнозов на XX век И.А. Бодуэна де Куртенэ, «Языкознание, или лингвистика XIX века», 1901).

² Баланс «широких обобщений» и индуктивного метода был чрезвычайно важен для ученого. Постулаты Бодуэна де Куртенэ могли бы стать основой методологии челночного метода, отражающего специфику лингвистических исследований.

³ Речь идет об известной статье А.М. Пешковского «Объективная и нормативная точка зрения на язык».

маргинального (жаргон), показателя необразованности (просторечие), искоренению всего того, что обеспечивает языковую вариативность. При этом нормативизм как идеологическая особенность советской лингвистики не противоречил духу структурного подхода.

В программной статье В.М. Живова и А. Тимберлейка «Расставаясь со структурализмом (тезисы для дискуссии)» [8], в качестве одного из критериев девальвации структурализма предлагается эволюционный. По мнению авторов, в самом языке нет никаких внутренних источников развития, таким образом, параметры динамики языка не могут быть «извлечены» из его внутренних структурных особенностей. Языковую эволюцию обеспечивает вариативность, обусловленная внешними - социальными, культурными и территориальными факторами. В.М. Живов и А. Тимберлейк различают два типа языковой вариативности: «вариативность по участникам коммуникации и вариативность по сфере употребления. К первым вариантам относятся территориальные, исторические, социальные диалекты, а также нормированные и ненормированные разновидности языка, идиолекты; ко вторым вариантам относятся регистры» [там же, с. 1]. Если детализировать этот вопрос в логике авторов, то ситуация оказывается еще более сложной - в силу возможности различного комбинирования идиолектов: внутри одного регистра может обнаруживаться территориальное варьирование, внутри территориального языкового образования – регистровое. На наш взгляд, такое усложнение является результатом языковой эволюции. Каждый современный носитель языка в какой-то степени является билингом: «гетерогенность (соотнесенность с разными подсистемами) присутствует у любого индивида и в любом языковом коллективе» [там же, с. 5]. Независимо от текущей языковой политики, конвергентно-дивергентная множественность обеспечивает жизнеспособность языка и не позволяет ему ни распасться на множество микроидиомов, ни застыть в единой форме¹.

В современной языковой ситуации диалектной конвергенции противопоставлена региональная дивергенция. Отмечается нивелирование диалектов и появление на их месте региолектов [3, с. 138] или (у этих же авторов!) «явная трансформация былых диалектов в местную региональную речь» [там же, с. 137]². Можно ли здесь говорить о новой парадигме, и насколько региональная вариативность качественно отличается от диалектной? М.А. Бородина [2] рассматривает региолект не только как языковое состояние, но и как проявление определенных языковых ситуаций (там же), иначе говоря территориально-регистровые образования, о которых мы уже упоминали выше. По мнению автора, региолекты принципиально отличаются от диалектов системной неустойчивостью.

Региональные описания языка являются «приметой» нашего времени [11, с. 249]. Однако, необходимо признать, что и в теоретическом и в методологическом отношении лингвистическая регионалистика продолжает значительно отставать от диалектологии. Широко варьируется лингвистическая терминология: *региональный говор, региональный язык, региолект, региональный вариант литературного языка*, а для описания языковой черты используются термины *регионализм* и *локализм*.

Не установлен нормативный статус региональной вариативности. Так, термин *региолект* был введен в научный оборот А.С. Гердом как «особый переходный тип между диалектом, наречием, с одной стороны, и просторечием, жаргоном, с другой... Региолект охватывает ареал ряда смежных диалектов, но ярче всего он представлен в городах и поселках городского типа» [5, с. 20-21]. В интерпретации А.С. Герда, региолект представляет собой региональный вариант просторечия (противопоставленный диалекту). С другой стороны, традиция, идущая от Р.Р. Гельгарда [4], определяет региональный вариант в аспекте актуальной современной тенденции сближения литературного языка с областными диалектами. Пермские лингвисты, основываясь на особенностях устной речи пермяков, делают вывод о том, что территориальному варьированию подвергается устная форма русского литературного языка (например, [7]). Узуальные региональные варианты в устной

¹ Здесь мы оставляем в стороне спорные, на наш взгляд, утверждения авторов о том, что языку имманентно НЕ присуща «изменчивость», а также об отсутствии внутренних причин языковой эволюции.

² Не понятно, различают ли авторы нивелирование диалектов и их трансформацию.

речи образованных носителей языка создают предпосылки для литературного варьирования, разнобоя в словарях и эволюции языковой нормы. При этом отсутствуют системные критерии нормативной оценки единиц: как правило, она опирается на известные списки. Так, лексемы *бурак* «свёкла», *хмара* «туча» и другие, активно используемые жителями Приамурья, выводятся за пределы литературной нормы [15, с. 25], другие известные единицы, такие как *шаверма*, *поребрик* кодифицируются в словарях. Очевидно, что для объективной оценки большей части регионализмов не хватает лингвистической информации. В.И. Беликов подчеркивал актуальность создания «социолингвистически ориентированного словаря с фиксацией районов бытования регионализмов, как общеупотребительных, так и социолектно ограниченных...» [1, с. 182].

Во-вторых, как правило, обоснование региональной специфики опирается на различия между исследуемым вариантом и литературной нормой: преобладают исследования отдельных регионов без каких-либо попыток сравнения с другими (например, Белгородской [11], Приамурской [16], Пермской [7], Чебоксарской [6])¹. Исключением является сравнение речи москвичей и петербуржцев, представляющих конкурирующие в поле литературного языка нормы [1]. Однако и в этом случае лексическое сопоставление дается на материале единичных примеров, в настоящее время широко известных, таких как *тротуар* – *поребрик*, *шаурма* – *шаверма*.

Для регионального языкознания широко характерно манипулирование языковым материалом. Авторы экстраполируют полученные на представителях отдельных регионов результаты на всю выборку. «В среде молодого поколения г. Луги Ленинградской области сложилась особая культурно-речевая ситуация, связанная с общей либерализацией норм русского литературного языка, влиянием региональных культурно-речевых особенностей» [10]². При этом, отмечая региональную направленность исследования, автор делает парадоксальный вывод: «По-видимому, акцентология – наиболее слабая сторона в речи россиян» [там же]. С другой стороны, региональными объявляются общезыковые единицы. По мнению Т.Н. Ериной, для речи чебоксарцев характерны номинации маршрутов троллейбуса и автобуса с суффиксом *-к-*. «Чебоксарцы говорят *двойка*, *тройка*, *четверка*, *пятерка* (маршруты троллейбуса и автобуса), *шестерка*, *семерка*, *восьмерка* (маршруты троллейбуса), но *первый* (маршрут троллейбуса). Предпочитают употреблять стяжение *маршрутка*[6]. Вероятно, эти проблемы демонстрируют методологическую недостаточность региональной лингвистики.

Таким образом, несмотря на некоторое внимание к данной проблематике, до сих пор достоверно не установлено количество региолектов, их границы, языковые области, подвергаемые региональному варьированию и т.д., не сформирована методология региональных исследований. Наиболее обширно описан ономастикон города как область языковых данных с выраженной региональной спецификой.

Можно предположить, что исследования в области фонетической вариативности могут стать образцом системного изучения региональной вариативности. Так, выгодным исключением из массы региональных исследований является фундаментальное описание орфоэпических различий речи москвичей и петербуржцев на протяжении 19-20 веков (Панов, ...). В конце XX века мы наблюдаем ситуацию, в которой «напряженные» точки в орфоэпии смещаются с области сегментных единиц на суперсегментные. Исследователи отмечают «чудовищный разброд ударений» (И. Волгин), многочисленность и разнообразие акцентных ошибок (Ю.Н. Караулов), «терпимость к ненормативным ударениям как «языковой вкус эпохи» (В.Г. Костомаров). Принято считать, что причинами акцентологического «разброда» являются снижение культуры речи, что и обуславливает оценочный характер приведенных высказываний, иначе говоря, казалось бы, от либерализации нормы в наибольшей степени пострадала акцентология. С эволюционной

¹ Возможно, такое положение обусловлено системой грантовой поддержки, которую легче получить на локальный региональный проект.

² О каких именно «культурно-речевых особенностях» идет речь, в статье не уточняется.

точки зрения речь идет о перестройке акцентологической системы языка (Воронцова 1995), это «горячий» участок языковой системы. Однако если рассматривать эволюционные процессы в их связи с метаязыковым сознанием, необходимо, во-первых, отметить «чувствительность» профанных носителей языка к акцентологической вариативности, во-вторых, установить источники акцентологической вариативности, в-третьих, оценить степень лексикографической унификации (результат профессиональной метаязыковой деятельности). В статье [14] на материале сравнения четырех актуальных орфоэпических словарей¹ показана неоднозначность нормативной оценки акцентологических вариантов существительных: например, 1) *ра'джа*, 2), 4) *ра'джа и раджа'*, 3) *раджа'*; 1), 3) *обеспе'чение* (не рек. *обеспече'ние*), 2) *обеспе'чение*, 4) *обеспе'чение и обеспече'ние*. Эта неоднозначность подтверждает актуальность эволюционных процессов в области русской акцентологии.

Другим источником исследования акцентологических процессов является созданный коллективом лингвистов нашего вуза под руководством Елены Борисовны Трофимовой «региональный словарь акцентных норм»². В контексте обсуждаемых проблем словарь обладает значительным эвристическим потенциалом. В качестве основного метода при создании словаря использовалось анкетирование студентов, носителей средне-литературной нормы русского языка. Анкетирование проводилось на материале начальных форм словарных лексических единиц четырех грамматических классов - глаголов, существительных, прилагательных и наречий³ – в трех регионах: Москва, Западная Сибирь и Дальний Восток. Территориальное противопоставление было дополнено оппозицией мегаполис (Москва) – провинциальный город (Бийск).

Социолингвистическое анкетирование имеет серьезные преимущества и не менее серьезные недостатки относительно конкурирующих в данной области методов наблюдения за естественной речью носителей языка и корпусного анализа. Если говорить о недостатках, то необходимо признать, что многие носители языка не умеют себя слушать, обладают низкими рефлексивными способностями и иногда отвечают наобум. В то же время в современной лингвистике отсутствует другой метод, позволяющий проводить массовое социолингвистическое исследование.

Результаты, полученные от носителей различных регионов, статистически обрабатывались при помощи критерия χ^2 (хи-квадрат), проверяющего нулевую гипотезу о совпадении распределений двух выборок. Например, значимые различия в распределении ответов по регионам были установлены для следующих трехсложных существительных: *неровня* (179,48), *амфора* (98,64), *туника* (90,43), *холодность* (81,30), *ломота* (77,29), *эллины* (74,99) и т.д. Для более чем 80 % трехсложных существительных региональные различия оказались значимыми. Однако 1) эмпирически наблюдаемые различия не коррелировали с результатами статистической обработки (то есть видимая большая вариативность не давала большой коэффициент), 2) исходные системные критерии акцентологического выбора (часть речи, количество слогов, характер огласовки, словообразовательная структура, заимствования) не показали существенной роли для региональных различий, 3) связь между лексикографической вариативностью и региональной не установлена.

Таким образом, на данном этапе вопрос о системных различиях региональной акцентологической вариативности остается открытым, как и вопрос об адаптации статистических методов к языковому материалу. Также в какой степени можно говорить о системности региональных отличий? Проблемным остается вопрос о достоверности получаемых в анкетировании результатов, требуется использование верифицирующих методов. Возможно, более полная картина будет получена при расширении групп испытуемых.

¹ Орфоэпические словари Р.И. Аванесова, И.Л. Резниченко, М.Л. Каленчук и др., Т.Ф. Ивановой.

² Исследование было поддержано грантом РГНФ (2012-2014 гг.) № 12-04-00231 «Эволюция русского словесного акцента (последняя треть XX - начало XXI вв.).»

³ При отборе единиц опора осуществлялась на фактор кодифицированной вариативности и фактор частотности.

Литература

1. Беликов В. И. Сравнение Петербурга с Москвой и другие соображения по социальной лексикографии // Русский язык сегодня. М., 2004. Вып. 3: Проблемы русской лексикографии. С. 23-38.
2. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. 1982. № 5. С. 29-38.
3. Бохиева М.В., Степанова И.Ж. Региональное варьирование русского языка в Забайкалье: вопросы стратификации // Вестник НГУ. Серия: история, филология. 2012. Том 11. Вып. 9. С. 137-143.
4. Гельгардт Р.Р. О литературном языке в географической проекции // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 95-103.
5. Герд А.С. Славянская историческая диалектология и история регионального языка // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М.: Идрик, 1998. Т. 1.
6. Ерина Т.Н. Чебоксарский региолект русского языка: лингвистические наблюдения // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 239-242.
7. Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005.
8. Живов В.М., Тимберлейк А. Расставаясь со структуризмом (тезисы для дискуссии) // Вопросы языкознания. 1997. № 3. С. 3-14.
9. Ливинская И.В. К вопросу о региональном варьировании национального языка // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 6. С. 37-42.
10. Никонова Н. В. Проблемы современной акцентологии (на материале исследования акцентологических норм современной молодёжи) // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 40-42. — URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/24/753/> (дата обращения: 19.06.2019).
11. Новикова Т.Ф. Исследовательский и образовательный потенциал региональной лингвистики // И.А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Международная конференция (V Бодуэновские чтения): Труды и материалы / Под общей редакцией К.Р. Галиуллина, Е.А. Горобец, Г.А. Николаева. 2015. С. 249-252.
12. Панов М.В. История русского литературного произношения XVIII—XX вв. М., 1990.
13. Трофимова Е.Б. Пространство нормы словесного акцента в русском языке // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2013. № 4 (33).
15. Хакимова Е.М. О типах регионального варьирования языковой нормы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2018. Т. 15, № 1. С. 24-29.
16. Шипановская Л.М. О проекте коллективной монографии «Лингвистический портрет Приамурья», посвященной проблемам региональной лингвистики // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2010. № 8. С. 112-117.

УДК: 82

Федорова В.Г.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Трансформация шукшинского мотива «воли» в рассказе А.В. Кирилина «Вольная воля»

Говоря о творчестве В.М. Шукшина, писатель А.В. Кирилин отмечал, что одним из постоянных шукшинских мотивов, присутствующих и в рассказах, и в романах, является, наряду с мотивом судьбы, мотив воли. «Стон по утраченной воле, плач по желанной, но необретенной воле» [1]. Этот мотив вынесен в заглавие самого известного произведения Шукшина – романа «Я пришел дать вам волю».

В словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой приводятся следующие определения понятия «воля»:

«1) одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений (сила воли);

2) желание, хотение, требование;

3) власть, право распоряжаться по своему усмотрению;

4) состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода;

5) освобождение крестьян от крепостной зависимости;

6) в знач. нареч. волей, волею. Прост. По собственному желанию, без принуждения, добровольно» [2].

В тексте романа Шукшина реализуются практически все значения этого слова: здесь и воля как свойство характера Разина, и казацкая вольница, и мужицкая воля, и царская воля, - но, прежде всего, в нем актуализировано фольклорное значение понятия «воля»: «... в фольклорных текстах слово «воля» является главным, можно даже сказать, единственным, способом выражения идеи свободы, отсутствия принуждения» [3, с. 201].

Разин как вольный казак уже имеет волю, но, по верному замечанию И.А. Спиридоновой, «свободолюбивому атаману мало иметь - надо дать. Всепоглощающая разинская страсть - дать волю народу, подтверждение чему мы находим в названии романа» [4]. На вопрос

жены Алёны: «Какую тебе ишо волю надо?! Ты и так вольный...», - Степан отвечает: «Я - вольный казак... Но куда же я деваю свои вольные глаза, чтобы не видеть голодных и раздетых, бездомных... Их на Руси - пруд пруди. Я, может, жалость потерял, но совесть-то я не потерял! Не уронил ее с коня в чистом поле!...» [5, с.192].

Причину бунта Разина Шукшин видит как раз в жалости ко всем обездоленным людям на Руси, желании дать им волю от притеснения, унижения и рабства. «...Людей, каких на Руси мучают, - как, скажи, у меня на глазах мучают, - с глубоким и нечаянным откровением сказал Степан. – Не могу! Прямо как железку, каленую вот сюда суют. – Показал под сердце» [5, с. 108]. Исследователь И.А. Спиридонова, анализируя образ Степана Разина, отмечает, что «на протяжении всего действия шукшинский Разин жалостлив»: «Жалость в системе гуманистических ценностей стоит у Шукшина очень высоко. <...> Жалость Шукшин ставит выше любви (которая может быть эгоистичной) и уважения (которое требует работы рассудка, но не сердца). Ближе всего к жалости, как ее понимал писатель, стоит, видимо, сострадание - умение принять в себя чужую боль. О Разине в романе разные люди, друзья и враги, говорят одно и то же - что у него «душа болит за всех»: за товарищей, за едва знакомых скоморохов, за вовсе незнакомых кабальных мужиков, за всю обездоленную Русь» [4]. Сам В.М. Шукшин говорил о своем герое в одном интервью: «...трясти его начинает, когда видит, что обижают простого человека. И, по-моему, это искренне. Это так и было. Таким он остался в преданиях, таким создал его еще один – самый великий художник – народ».

В концепции Шукшина Разин противостоит не столько боярам-притеснителям, за боярами возникает более страшная сила, возрастающая на русской земле, которая закабалит народ и покушается уже и на казацкие вольности. Сам герой еще не в силах понять, что это за сила такая, но о том, что не может сказать герой, говорит автор, открыто обнаруживая в тексте свою позицию: «Видел Степан, но как-то неясно: выросла на русской земле некая большая темная сила — это притом не Иван Прозоровский, не Семен Львов, не старик митрополит — это как-то не они, а нечто более зловещее, не царь даже, не его стрельцы — они люди, людей ли бояться?.. Но когда днем Степан заглядывал в лица новгородским, псковским мужикам, он видел в глазах их тусклый отблеск страшной беды. Оттуда, откуда они бежали, черной тенью во все небо напознала всеобщая беда. Что это за сила такая, могучая, злая, мужики и сами тоже не могли понять. Говорили, что очутились в долгах неоплатных, в кабале... Но это понять можно. Сила же та оставалась неясной, огромной, неотвратимой, а что она такое? — не могли понять. И это разжигало Степана, томило, приводило в ярость. Короче всего его ярость влагалась в слово — «бояре». <...> Он говорил — «бояре», и его понимали, и хватит. Хватит и этого. Они, собаки, во многом и многом виноваты: стыд потеряли, свирепеют от жадности... Но не они та сила. Та сила, которую мужики не могли осознать и назвать словом, называлась — ГОСУДАРСТВО» (выделено Шукшиным) [5, с. 154-155].

Государство мифологизируется в сознании Разина, становясь «неясной, огромной неотвратимой силой». Символом этой власти являются для Степана грозные грамоты, которые царь шлет на Дон, и с которыми уже и вольное казачество не может не считаться. В уничтожении этих приказных бумаг Разиным метафорически выражено противостояние вольных казаков подавляющей государственной воле: «Тем временем подали Степану царские грамоты. Он, не разглядывая, изодрал их в клочья и побросал в воду. Бумаги он ненавидел люто. <...> Казаки научились отсылать приказные бумаги — и с увещеваниями, и с угрозами — матерно, далеко, а «держали реку Дон» сами, по своему разумению. Но с тех пор много изменилось, бумаги московского Посольского приказа стали обретать силу, и казаки, особенно те, кто сожалел о былых вольностях, возненавидели бумаги, чуяли в них одно недоброе» [5, с. 116].

Казацкая и мужицкая воли сталкиваются с усиливающейся волей государства, но и с другим другом приходят в противоречие, поэтому казаки предают мужиков во главе с Матвеем Ивановым во время осады Симбирска. Не смотря на это, Разин остается для Шукшина народным героем, который принес ему саму идею воли, стремление к воле: «Народ ликовал

на всем пути разинцев. Даже кто притерпелся и отупел в рабстве и не зовет свою жизнь позором, кому и стон-то в горло забили, все, с малолетства клейменные, вечно бесправные, и они истинно радуются, когда видят того, кто ногами попрал страх и рабство. Они-то и радуются!» [5, с. 75].

Таким образом, мотив воли связан в романе Шукшина с темой бунта, борьбы за свободу против притеснения государства: «Воля – дело доброе! Но ее же не дают, как алтын побирушке. За ее надо горло боярам рвать!» [5, с. 125].

Название рассказа А.В. Кирилина «Вольная воля» является, как нам представляется, аллюзией на шукшинский роман, с учетом высказывания писателя о мотиве воли в творчестве Шукшина и такой особенности его художественного мира, которую Э. Хомич назвала «литературно реминисцентной плотностью текста» [6].

Анализируя заглавие рассказа, А. Трошина замечает: «Построено на тавтологии, но это еще больше придает выразительности – такое выражение часто встречается в старинных русских и казачьих песнях. В один ряд с названием выстраиваются слова – открытость, свобода, ширь, безграничность, бездонность, безмерность» [7]. Такие ассоциации возникают в начале рассказа при знакомстве с первым пейзажным описанием и чуть дальше, когда главный герой, Евгений, произносит эти слова, глядя с берега реки на свой дом: «Усадьба устроена на ровной площадке, огороженной с трех сторон старыми ветлами. Отсюда, сверху видны, как на ладони, дом, большой сарай с овином, стайка с пригороженным к ней загонем, в нем две коровы, телка, подтелок, бычок, огород с цветущей картошкой... А дальше долина расширяется, уходит по ней от основного русла один из рукавов Коргона, спокойный, неторопливый. Горизонт в ту сторону недалек, его обозначают сглаженные, сплошь зеленые горы, скорее напоминающие холмы. И все-таки для человека, выросшего в горах, простор открывается взгляду великий» [8].

Однако в контексте рассказа в названии начинает проступать горькая ирония. На фоне этой вольной тайги показана драматичная судьба одной семьи, брошенной на произвол судьбы после развала колхоза, после распада страны, за которой просматривается судьба целого народа: «Колхоз не стал восстанавливать пчелиное хозяйство, не до того. Начал он ссыхаться и падать, как и вся большая страна, слышавшая еще пару лет назад могучей державой. Насчет страны Евгений имел смутное представление, поскольку жил без света, радио и газет. Поудивлялся безразличию к себе и к пасеке колхозного начальства, потом привык. Приходили мужики из деревни, говорили, что работа осталась только на маральнике, и доход от него делят меж собой все те же начальники. А им, мужикам, ни дела, ни заработка, вот рыбачить ходят, хариуса таскать. Понял Евгений, жить ему подворьем, огородом да незаконным таежным промыслом. Прокормятся. Только вот на что ребятишкам одежду справлять?» [8].

Если у Шукшина Разин воюет за народную волю против притеснения государства, то в рассказе А. Кирилина государство предоставляет полную волю жить/наживаться/выживать и/или умирать/вымирать своим гражданам, ставшим вдруг лишними и ненужными: «Евгений уходил, пораженный известием о ранней, неожиданной смерти хорошего знакомого, ставшего вдруг лишним в этой жизни. Похоже, вокруг чересчур много ненужных людей. Лишних». Когда главный герой обращается в колхозную контору со своей бедой, то получает равнодушный ответ секретарши: «Ну и что? - пожалала округлыми плечами секретарша. - Это ваши личные трудности» [8]. А бывший председатель колхоза откровенно разворовывает колхозное имущество, присваивает себе маральник, не выплачивает зарплату и, называя бывших колхозников дармоедами, грозится выгнать со «своей» земли. У главного героя рассказа Евгения возникает было протест против такого откровенного воровства, но он тут же сникает от мысли о безвыходности своей ситуации, о том, что с детьми податься им в случае чего некуда.

Герой рассказа – честный, добрый, хозяйственный мужик, «заскорюзлый трудяга – таежник», напоминающий шукшинских чудиков. «Как ты такой получился? – говорит ему жена. - Руки золотые, работающий, а во всем остальном... Деревенские мужики другие...» [8].

У него чуткое сердце, он очень любит жену и детей, особенно старшую дочь, духовная близость с которой подчеркнута общим именем, он тонко чувствует красоту природы, получил хорошее образование - в детстве «в английский кружок ходил, закончил школу чуть не отличником». Именно с его точки зрения описывается все происходящее в рассказе, и это придает повествованию особую щемящую интонацию. Он видит и понимает, что неладное и несправедливое творится вокруг, и болеет душой за детей, тревожится за их будущее, чувствуя свою вину, что сделал когда-то выбор за них: «Пожалуйста, вот тебе направление от колхоза, поезжай хоть в область, хоть в столицу, будешь зоотехником, лишь бы как-нибудь вступительные экзамены сдал, на троечки. Не хочешь зоотехником - ради Бога, иди в агрономы, в бухгалтеры... А может, в учителя? Не надо! Ему и тут хорошо. И так, без образования вашего. Ведь и вправду - хорошо. Ему. Хорошо. Было. У-у-у! - завывать хочется во весь голос» [8].

В размышлениях и воспоминаниях героя рассказа совмещаются разные временные пласты. Евгений вспоминает недавнее прошлое в большой и могучей стране, предоставлявшей возможность учиться и работать, а завхоз камнерезов Данилыч в разговоре с ним противопоставляет нынешним временам царские, когда «жалели людей». Рассуждая о том, что все его молодые мастера-камнерезы уже стали инвалидами, больными силикозом, добавляет: «При царе подсолнечное масло поливали на камень, когда обрабатывали, оно эту пакость забирало, осаживало» [8]. Историческое прошлое, в котором государство (в разных формациях) заботилось о человеке, противопоставляется в рассказе А. Кирилина настоящему, в котором оно сняло с себя обязательства лечить, учить, давать работу и платить зарплату. Потому и звучит в заглавии рассказа горькая ирония - вольная воля оборачивается полной оставленностью человека, предоставленностью самому себе: выживай, как хочешь. Мотив воли связан в рассказе с темой денег, без которых семья главного героя оказывается зажата на клочке пространства и обречена на выживание/вымирание. «Хана вам тут», - резюмировал богатый городской турист Володя, поглядев на их житье-бытье.

Понятие воля раскрывается в рассказе, преимущественно, во 2 и 4 значениях [2]. О своем выборе остаться в родных местах, который теперь из-за будущего детей представляется ошибочным, размышляет Евгений: «Думаешь, многим хотелось, чтобы их дети так же всю жизнь с вилами, в навозе, под коровой или на тракторе? - И сам пугается, своих четверо, с ними как? Раньше хоть был какой-никакой выбор...» [8]. О желании повидать мир говорит дочь Евгения: «Я знаю, куда потратила бы деньги, окажись у меня их куча. Весь мир бы изъездила» [8]. Но отсутствие денег не позволяет Евгению даже продолжить обучение: «Школу она закончила в прошлом году и застряла дома - ни работы, ни учебы, ни женихов, все не про них, все где-то там, за горами» [8]. Да и в школе она оказалась недоученной «по доброй половине школьной программы». С образом Евгения в рассказ входит мотив беспросветной тоски, которая постепенно охватывает всю семью: «В последнее время что-то разладилось в их жизни, каждый из детей проводил дни сам по себе, и он думал, что виной тому тяжелая тоска Евгению, наводившая порой на родителей самую настоящую панику. Заразная, видать, эта штука – тоска» [8], - и переходит в мотив безысходного отчаяния после самоубийства героини. Рассказ оканчивается невыразимо щемящей нотой – криком отца о загубленной судьбе своих детей: «Оленька!.. Женечка!.. Детки мои!..» [8].

Таким образом, мотив воли в рассказе А.В. Кирилина, как и у В.М. Шукшина, связан с мотивом судьбы, ее выбором для себя и своих детей. Если у Шукшина воля – это то, за что нужно бороться с государством, казацкая воля, воля мужицкая: «Тут и вся воля мужицкая: не мешайте ему землю пахать. Да ребятишек растить. Все другое он сам сделает: свои песни выдумает, свои сказки, свою совесть, указы свои...» [5, с. 299], - то у Кирилина воля, предоставленная мужикам государством – это свобода выживать, кто как может, и умирать/вымирать лишним и ненужным государству людям.

В заключение можно добавить, что в 2014 г. вышел роман о современной России В. Ремизова «Воля вольная», в названии и сюжете которого можно увидеть развитие мотивов,

затронутых в рассказе «Вольная воля» А. Кирилина. Проблема воли остается остросоциальной и актуальной в современной русской литературе.

Литература

1. Кирилин, А.В. Шукшин очень точно написал свое время [Электронный ресурс] / А.В. Кирилин - Режим доступа: <https://www.altaregion22.ru/ex/8545/91569/>
2. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999; (электронная версия): [Фундаментальная электронная библиотека](http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp>
3. Бузина, Т.В. Воля в русском фольклоре: свобода и произвол [Электронный ресурс] /узина // Вестник ТГУ. - 2008. - выпуск 5 (61). С. 200-206. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/volya-v-russkom-folklore-svoboda-i-proizvol>
4. Спиридонова, И. А. Степан Разин Василия Шукшина [Электронный ресурс] / И.А. Спиридонова // Русская литература. – 1990. - № 4. С. 18-30 - Режим доступа: <http://www.philology.ru/literature2/spiridonova-90.htm>
5. Шукшин, В.М. Я пришел дать вам волю: Роман / Послеcловие В. Горна [Текст] /В.М. Шукшин – Барнаул: Алт. КН. Изд., 1984. – 400 с.
6. Хомич, Э. Поэтика катарсиса в прозе Анатолия Кирилина / Э. Хомич [Электронный ресурс] // [Сибирские огни](http://sibirskieogni.ru). – 2012. - №12. - Режим доступа: <https://litbook.ru/article/2796/>
7. Трошина, А. Анатолий Кирилин – мастер пейзажа [Электронный ресурс] / А. Трошина - Режим доступа: <http://журнальныймир.рф/content/anatoliy-kirilin-master-peyzazha>
8. Кирилин, А.В. Вольная воля [Электронный ресурс] / А.В. Кирилин - Режим доступа: <http://akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Kirilin/102.htm>

УДК: 82

Фёдорова О.А.

Филиал Омского государственного педагогического университета в г. Таре, Россия

Образ города в лирике тарских поэтов (М.А. Белозерова и А.Н. Дерюшева)

Город - объект междисциплинарных исследований, он изучается с точки зрения экологии, урбанистики, социологии, психологии, философии. Образ города находит свое воплощение и в художественной литературе. Как вид художественного творчества, литература создает корпус текстов, представленный специфическим для нее языком. В этих текстах читатель «видит» город словно в зеркальном отражении. Однако литературный текст о городе отличается от текста самого города, образуя многообразие семантических связей, которые постоянно возникают во взаимодействии жителей друг с другом и с городской средой в целом. Результатом выступает эстетический образ, максимально приближенный к реальному содержанию.

В городской среде формируется свой тип человека, при этом город и сам может стать одним из героев произведения, который будет иметь равные права со своими жителями.

Само появление «городских текстов» связано с обращением писателей к теме города. Писателю как человеку творческому наиболее доступен целостный образ города, с его особой историей, судьбой, законами развития и местными жителями. В. Н. Топоров писал о «городском тексте»: «...это то, что город говорит сам о себе неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки...» [8, 76].

Когда текст города проектируется в среду, сам образ начинает существовать и на страницах книги, и в сознании читателей. Задача читателя – вычитать из городского текста различного рода предпочтения его жителей, проследить за их жизнью, бытом и судьбой. В литературном тексте образ города предстает в так называемом «чистом виде», а смысловые моменты имеют знаковую форму.

Под душой города Н. П. Анциферов понимал «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта, населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан)» [1, 48]. М. С. Каган объясняет душу города как культурную целостность, которая находит выражение в единстве стиля поведения жителей, в облике города с архитектурными сменами эпох [7, 27].

В творчестве многих русских писателей можно встретить воссоздание своеобразного «портрета» города. Достаточно указать на следующие произведения: «История села

Горюхина» А. С. Пушкина, «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Городок Окуров» А. М. Горького.

Названия некоторых произведений Н. В. Гоголя («Миргород», «Вечера на хуторе близ Диканьки») также указывают на стремление автора описать особую атмосферу, возникающую там, где человеческая жизнь либо спокойно и плавно «течет», либо бурно «кипит».

Так, Н. А. Белова отмечает, что в прозе Н. В. Гоголя разработан концепт «провинциальный (уездный) город», который в художественном тексте имеет иронические коннотации. В своей работе «Концепт «город» в современном литературоведении» (Ю., 2012 г.) она пишет: «Семиотика провинциального города наделяется следующими чертами: отсутствием движения времени, которое будто остановилось, дикостью нравов и анекдотичностью событий, сознанием ущербности, уязвимости уездной жизни... Концепт «уездный город» у Н. В. Гоголя выполняет очень важную функцию, концентрируя в себе не только миражность русской жизни, но и мир земной, забывший о своем предназначении - быть отражением Града Небесного» [2, 89].

Тарские писатели, создавая свои произведения о провинциальном городке, пишут о жизни простого народа, их быте, переживаниях, рисуют пейзажи родного города.

Так, Михаил Авдеевич Белозеров в своем стихотворении «Иней» рассказывает о суровом тарском климате, о людях, которые верят в приметы, что навевает мысль о самобытности народа. Причем, читая строки стихотворения, можно понять, что Белозеров считает народ маленького городка трудолюбивым, чьи разговоры сводятся к бескрайним полям и переживанием по поводу урожая:

Нет, не зря приметой
Стало у народа:
Если крупный иней
Был в начале года,
-Значит, всё в порядке!-
Говорят мне люди.-
Значит, год пришедший
Урожайным будет! [5, 25].

Помимо народного переживания, Белозеровым описаны пейзажи родного города:

Всю ночь бродила в небе хмуром
Лохматая, седая мгла,
И только перед самым утром
Зима, насмелившись, легла... [5, 76].

В данной картине Тара предстает перед читателем, как тихий, спокойный город. Все спит и только лохматая мгла бродит по городу, а с наступлением утра так же тихо приходит зима.

Тара не только хмурый и серый город, у нее есть свои краски:

Сентябрь развесил паутину,
Нежнее стала синь небес.
Нарядный, как на именинах,
Стоит под жёлтой шалью лес... [5, 83].

Осенняя Тара наполнена нежными голубыми цветами, переходящими в теплые желтые оттенки.

Несмотря на красочность, город по-прежнему тих. Мы слышим звуки только осеннего леса, где царит идиллия, и никто не мешает пауку наряжать лес паутиной.

В стихотворении «Песня о Таре» в картину города добавляется белый цвет, но он в нашем понимании воспринимается ни как нечто холодное, а наоборот, что-то теплое, родное:

Город накинул на плечи
Белые шали черёмух,
И тополиной листвою
Шепчет хмельной ветерок:
«Здравствуй, наш город старинный,
Вечная молодость наша,
Тара, любимая Тара,

Милый, родной городок!» [4, 3].

Сквозь строки можно уловить чувство самого поэта к городу. Он его завораживает, очаровывает. Это город, который он знает и любит с детства:

...По тихим улочкам пройдуь,
Их занесёт снегами скоро,
И, как из родника, напыюь
Душевым чьим-то разговором... [5, 85].

Эти строки подтверждают, что очарование города не только в его тихих улочках, но и в его обитателям. Беседу с товарищем поэт сравнивает с утолением жажды в роднике.

Но не только разговорами занимаются люди. В своих стихотворениях автор показывает Тарчан, как трудолюбивых и ответственных людей. В стихотворении «Воспоминания о газетчиках» он пишет:

В редакционном коллективе
Немного было нас совсем,
Но вдохновенно мы трудились
Над освещеньем важных тем.
Была работа наша дружной
И удивительной была!
Ночами делали, коль нужно,
Забыв про прочие дела
Ю.Галицкий, Д.Д.Беляев,
Г.Шабалин, В.Коршунов,
Е.Королева, А.Мамаев,
А.Пешков, Шахов, Горчаков... [3, 1].

Читая строки, мы немного узнаем и о самом авторе, где работал, чем занимался, с кем дружил.

Читая стихотворение «С баяном шёл я по России», мы узнаем о Белозерове еще и то, что умеет и любит играть на баяне, а так же то, что наш и другие города уютные и приспособленные к полноценной жизни человека, комфортные для него:

С баяном шёл дорогами России,
Забыв уют и городской комфорт,
Пережидал в копнах дожди косые,
Одолевая речки чаще вброд.
Играл косцам, уставшим от покоса,
Всё, что просили, а играть всё мог. [5, 98].

Таким образом, можно сделать вывод, что Белозеров в своих стихотворениях описывает Тару с разных ракурсов. Читая его произведения, перед нами предстают тихие улочки, красивые леса, плодородные поля, а главное люди, с которыми можно не только работать, но и забыться во время разговора, что подтверждает душевность тарского народа.

Образ города-труженниками подтверждается и другим тарским поэтом А.Н. Дерюшевым:

Город готовился к лету,
Руки рубил тополям...
Благоустройством все это
Гордо для всех объявлял.
Сентиментальным стал что ли,
Я, запахнувши полы,
Чтоб тополя обезболить –
Влажные гладил стволы. [6, 76].

Этим стихотворением поэт говорит не только о трудящемся народе во благо города. Мы видим бережное отношение к природе, к каждому дереву. И, конечно, сквозь эти строки можно уловить кротость тарского населения, которое не идет вопреки вышестоящим. Если надо благоустроить город, значит надо, не смотря на жалость к обрубленным ветвям тополей, которые в стихотворении становятся руками. Таким образом, можно говорить о переживании тарского народа за родную природу.

Описание города в произведениях Дерюшева может сводиться и к одной улице:

Эту улочку городка,
что особенно коротка,
на заснеженном берегу

близко к сердцу я берегу... [5, 79].

Эти строки описывают не только улицу, но и отношение автора к ней, к городу в целом.

Определяя Тару захолустным городком, которого нет даже на карте, поэт находит такие места, становящиеся для него настоящим чудом, конечно, как можно не любить город, где каждая улочка родная, знакомая с детства:

Нет города уютней и красивей
И мужественней тоже нет его.
Такая небольшая часть России,
Большая часть от сердца моего. [5, 97].
Городок – окраина России
Снегом заметен, за ним – тайга.
Ни правители и не мессии
Не ступила никогда нога.
И на карте-то едва найдется
Захолустье – только-то всего...
Для меня же Родиной зовется
Каждая из улочек его! [5,95].

Это далеко не все произведения Белозерова и Дерюшева о родном городе. Но и их достаточно, чтобы понять отношение писателей к провинциальному городку.

Читателю, который ни разу не бывал в нашем городке, но читал стихотворения Тарских поэтов, Тара предстает, как город тихий, наполненный цветом, ароматом черемухи, сирени и другой зелени – с одной стороны, и отзывчивыми, добродушными, трудолюбивыми людьми – с другой стороны.

Литература

1. Анциферов, Н. П. «Непостижимый город». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. ПетербургПушкина [Текст] / Н. П. Анциферов. - СПб.: Лениздат, 1991. - 336 с.
2. Белова, Н. А. Концепт «город» в современном литературоведении [Текст] / Н. А. Белова // Вестник Югорского ун-та. - 2012. - № 1 (24): ЮГУ - С. 87-91.
3. Белозеров, М. А. Газетные строки, газетные строки...:[стихи] /М. Белозеров // Тарское Прииртышье[Тара]. – 2002. – 19 апр. – С.1.
4. Белозеров, М. А. «Город накинуд на плечи»: [стихи] / М. Белозеров // Ленинский путь[Тара]. – 1990. – 17 янв. – С. 3.
5. Белозеров, М.А. «Я - не плачу! Я - Люблю!»: (публицистика, воспоминания, поэзия, песни, сатира и юмор) / М. Белозеров; худож. В.И.Пузанов. – Омск, 2001. – 193 с.
6. Дерюшев, А. Н. По обе стороны от грусти: стихотворение, проза.– Бийск: Издат. Дом. «Бия», 2007. – 91 с.
7. Каган, М. С. Град Петров в истории русской культуры [Текст] / М. С. Каган. - СПб.: Славия, 1996.-257 с.
8. Топоров, В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мифологического мышления [Текст] / В. Н. Топоров. -М.: Гослитиздат, 1973. – 148 с.

УДК: 930

Чирков А.А.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Создание земельных комитетов в Сибири в 1917г.

Земельные комитеты в Сибири начали появляться после выхода в свет постановления Временного правительства «Об учреждении земельных комитетов» от 21 апреля 1917 г. В нем говорилось о том, что «для подготовки земельной реформы и для разработки неотложных временных мер, впредь до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, образуются главный и местные (губернские, уездные и волостные) земельные комитеты, состоящие в ведении Министерства земледелия»¹.

Задачи губернских и уездных земельных комитетов были следующими: сбор необходимых для земельной реформы сведений, составление соображений и заключений по относящимся к ней вопросам, а также выполнение необходимых для нее подготовительных действий².

Работа по созданию земельных комитетов была неспешной. Начавшись в мае 1917 г., она растянулась до осени. В.Г. Зыкова отмечает, что в Сибири подъем организационной активности в организации земкомов пришелся на вторую половину июня, когда было образовано 11 уездных и 1 областной земельный комитет³. Создаваемые комитеты не проявляли оперативности при формировании своих постоянно действующих органов (Советов, президиумов и земельных управ) и фактически приступали к работе спустя 1-3 недели после первых

¹ГААК. Ф.229. Оп.1. Д.15. Л. 2.

² Там же. Ф.229. Оп.1. Д.15. Л. 3.

³ Зыкова В.Г. Земельные комитеты в Сибири в 1917г. в кн.: Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С.74.

учредительных собраний. Этим объясняется, по-видимому, разноречивость представленных комитетами данных о времени их возникновения, в частности, Алтайского губернского земельного комитета – 5, 12 и 24 июля. Так, по нашим данным, согласно проекту комиссии губернского земельного комитета, для подготовки земельной реформы и разработки неотложных временных мер, впредь до решения земельного вопроса Учредительным собранием, по распоряжению Временного правительства в Барнауле 12 июля 1917 г. начал свои действия Алтайский губернский земельный комитет. В первые дни работы он не дал никаких указаний по земельным вопросам. По лесному вопросу комитет вынес решение придерживаться распоряжения Временного правительства о том, что кабинетские леса перешли в казну, и представляют общенародную собственность, они должны быть сохранены до Учредительного собрания¹. В мае-сентябре 1917 г. в Алтайской губернии было создано 214 земельных комитетов, причем организация их развернулась в основном в июле месяце, когда было образовано 68% комитетов, часть комитетов была создана в октябре. В ряде волостей Горного Алтая в казачьих станицах, комитеты так и не появились². По положению в комитеты автоматически включались представители правительственной администрации. Их удельный вес в общем составе комитетов мог доходить до половины. Соотношение назначенных в комитеты медленно менялось в пользу выборных членов от апреля к октябрю 1917 г. В Алтайском губернском земельном комитете из 19-ти членов с правом решающего голоса 13 являлись представителями выборных организаций. Помимо 5 делегатов от уездных земельных комитетов, в их число вошли представители Томского губернского и Барнаульского городского народных собраний, Алтайского Союза кооперативов, Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов³. Уездные земельные комитеты были более демократичны. В них делегировалось, помимо членов губернского и уездного исполнительных комитетов, мирового судьи, агронома - статистика, по одному представителю от волостных земельных комитетов⁴. В организации земельных комитетов большую роль сыграла партия социалистов-революционеров. Весной и летом 1917 г. на съездах крестьянских представителей всех уровней настойчиво проводилась мысль об особой миссии земельных комитетов в подготовке земельной реформы. Причины активизации работы эсеров в земельных комитетах в исторической литературе трактуются по-разному. Одни исследователи объясняют это тем, что эсеры хотели оказать услугу Временному правительству или поправить свои пошатнувшиеся в крестьянских Советах позиции⁵. Другие утверждают, что скорее всего это было продиктовано стремлением эсеров к безраздельному охвату своим влиянием всех крестьянских организаций, что нашло выражение и в совмещении одними лицами руководящих должностей в разных комитетах, не только в уездных, где ощущалась нехватка интеллигентных сил, но и в губернских центрах, где недостатка партийных кадров не было⁶. Так как аграрная программа эсеров и чаяния трудового крестьянства совпадали, то последние делали совершенно естественный выбор в пользу тех, кто заявлял о своей приверженности лозунгу «Земля и воля». Списки ряда комитетов и управ свидетельствуют о том, что 90-95% членов считали себя эсерами или сочувствующими им⁷. Основную линию поведения губернских и уездных земельных комитетов определяла выбранная эсерами тактика поддержки Временного правительства, затягивание решения аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания и фактический отказ от своей программы. Деятельность губернского земельного комитета можно проследить по постановлениям трех первых сессий. Резолюции первой сессии (июль 1917 г.) запрещали «всякие самовольные решения земельных нужд, всякие самовольные захваты». На все многочисленные просьбы и требования наделить непричисленных крестьян землей комитет реагировал следующим образом: «До общего земельного передела Учредительным собранием наделов дано быть не может». Третья сессия губернского земельного комитета (октябрь 1917 г.) отметила, что на Алтае имеется более 500 тыс. дес. свободной земли, а 350 тыс. человек не имеют наделов. Но и она оставила вопрос о наделении землей непричисленного населения открытым». Необходимо отметить и тот факт, что губернский комитет строго пресекал самовольные действия волостных земельных комитетов, которые стремились к удовлетворению нужд и требований крестьянских обществ. Так, сельский сход села Павловское Барнаульского уезда на общем собрании постановил отобрать земли у арендаторов и «все арендные пахотные земли разделить поровну между безземельными гражданами». Алтайский губернский земельный комитет «указал» Павловскому волостному земельному комитету, что раздел земель на души строго воспрещается» и потребовал «беспрекословного» исполнения постановления губернского земельного комитета:

Таким образом, официальным содержанием деятельности земельных комитетов являлся учет земельного фонда. В исторической литературе он рассматривался как помеха, отвлекающая комитеты от решения практических вопросов и создававшая у крестьян иллюзию решения аграрного вопроса. Несколько иначе посмотреть на эту казенную функцию земельных комитетов помогают их отчеты о работе. Основная нагрузка в проведении учета земель ложилась на волостные земельные комитеты, сельские и волостные исполнительные комитеты. Сбор информации и заполнение опросных листов, предполагавших демографическое, хозяйственное, бюджетное обследование крестьянских хозяйств, сопровождался переучетом земельных угодий, выявлялись также размеры и качество используемого фонда, реальные потребности и резервы. Данные, полученные вначале от сельских обществ, затем от волостей, обобщались уездными земельными комитетами.

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Т.1. Д.3916. Л. 38 об.

² Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 - начале 1918 гг. М., 1990. С.49.

³ ГААК. Ф.230. Оп.1. Д. 3. Л. 74, 79.

⁴ ГААК. Ф.229. Оп.1. Д. 15. Л.6.

⁵ Зыкова В.Г. Указ. соч. С. 75.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С.76

Источники и литература

1. Источники: ГААК Ф.4. Главное управление Алтайского округа. Оп.1. Т.1. Д. 1, 156, 157, 176, 243, 310, 2689, 2696, 2784, 3069, 3134, 3161, 3187, 3202, 3590, 3811, 3916, 3943; Т.2.Д. 4678, 4683, 4688, 4689, 4704
2. ГААК Ф.229. Алтайский губернский земельный комитет Алтайского губернского комиссара (1917-1918 гг.) Оп.1. Д. 1, 5, 10, 12, 13, 15, 19, 20, 24, 26, 29, 36, 38, 54, 65, 96, 98.
3. ГААК Ф.230. Алтайский губернский земельный комитет (1917 -1918 гг.) Оп.1. 3, 4, 5, 10, 11.
4. Зыкова В.Г. Земельные комитеты в Сибири в 1917г. // Октябрь и гражданская война в Сибири: История. Историография. Источниковедение. Томск, 1993. С.73-83.
5. Зыкова В.Г. Крестьянские исполнительные комитеты в Сибири в период Октябрьской революции // Вопросы истории социального и экономического развития Советской Сибири. Томск, 1986. С.3-14.
6. Иванцова Н.Ф. Сибирское крестьянство в 1917 – начале 1918 гг. М, 1990. 167 с.

УДК: 81

Шкуропацкая М.Г.

АГППУ им. В.М. Шукшина (Бийск)

**Экспериментальное исследование зависимости лексической многозначности от
возраста носителей языка¹**

Одним из важнейших свойств лексической системы языка была и остается многозначность, а ее изучение представляет как теоретический, так и практический интерес, в первую очередь в области лексикографии. Одним из приоритетных направлений в изучении лексической многозначности является разработка методов автоматического разрешения многозначности в современной компьютерной лингвистике. Экспертный анализ методов, используемых в компьютерной лингвистике для решения проблемы автоматического разрешения лексической многозначности, показывает, что эти методы основаны на использовании толковых словарей, тезаурусов или корпусов текстов. С использованием данных источников связаны и основные трудности, с которыми приходится сталкиваться разработчикам. Это отсутствие единообразного описания значений и недостаточная системность существующих лексикографических источников, убедительно продемонстрированная в работах Ю.Д. Апресяна (см., например, введение к [Апресян и др. 2010]). Принципиальная недискретность лексики приводит к неоднородности решений, принимаемых разными лексикографами при выявлении и описании лексической многозначности. Данная проблема получила отражение как в отечественной, так и в англоязычной литературе [Апресян, 1974; Зализняк, 2006; Иомдин, 2009; 2012; Fellbaum et al., 1997; Snyder, Palmer, 2004]. В исследованиях отмечается, что работа над созданием аннотированных корпусов текстов затрудняется в связи с несогласием носителей языка при выделении значений слов и интерпретации конкретных употреблений. Например, на несогласие аннотаторов могло повлиять расположение значений в списках, которые им выдавались или слишком дробные деления на значения, принятые в тезаурусе.

Общим свойством всех методов автоматического разрешения многозначности является опора на контекст, который рассматривается здесь в качестве единственного средства идентификации значения многозначного слова. Учитывая проблемы, которые возникают у аннотаторов текстов, представляется важным определение наиболее вероятного значения многозначного слова вне контекста. Помимо возможных практических применений, оно представляет теоретический интерес для поиска ответа на вопрос, как соотносятся разные значения слова в мозгу разных носителей языка и насколько возможно предсказать их реакцию на соответствующие вербальные стимулы.

Соответствующие эксперименты проводятся, хотя исследований такого рода гораздо меньше, чем в области автоматического определения значения. Приведем характерную цитату из монографии О. Куонг, опубликованной в 2012. «Трудно поверить, но в литературе по психологии не существует практически не одного исследования, которое бы показало, как человек определяет значение многозначного слова. Есть лишь косвенные свидетельства в более широкой сфере лексической обработки текстов человеком, в основном связанные с организацией слов и представлением значений в ментальном лексиконе и механизмами лексического доступа, в том числе для многозначных слов» (Цит по: [Иомдин, 2014, с. 91]).

В исследованиях в области экспериментальной лингвистики отмечается, что наборы значений многозначных слов существенно различаются в словарях, в лингвистических работах и в сознании носителей языка. Из значений, обнаруженных в эксперименте, как правило, с большим отрывом «лидирует» одно. Данные такого рода позволяют выдвинуть гипотезу о наиболее частотных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00437 «Многозначное слово в сознании носителей русского языка».

значениях слов и использовать их, в частности при принятии вероятностных решений в системах автоматической обработки текстов, в том числе и вне контекста, гораздо менее трудозатратным способом, чем алгоритмы, основанные на аннотировании огромного массива текстов. Более точные предположения о наиболее частотных значениях можно делать, если принимать во внимание информацию о возрасте, поле, социальном статусе и сфере занятий респондентов.

В нашем исследовании ставится задача определить, как наивная семантика многозначного слова зависит от возраста носителей языка. Мы обнаружили мало специальных исследований, направленных на решение данного вопроса. Например, были представлены некоторые наблюдения в рамках исследований, посвященных психолингвистическому изучению семантики многозначного слова. Так, Б.Л. Иомдин отмечает, что «более новые значения (банан «плавсредство», визитка «представление», майка «пакет») существенно чаще выделяют школьники, чем преподаватели. Респонденты по-разному ранжируют значение: так для слова бюро чем старше был респондент, тем чаще он выбирал значение «предмет мебели», а не «организация» [Иомдин, 2014, с. 94]. Сходные наблюдения были получены Б.Л. Иомдиным и при проведении «скрытых» экспериментов [там же].

Для решения поставленной задачи нами был проведен ассоциативный эксперимент с двумя возрастными группами носителей русского языка. «Младшую» возрастную группу составили респонденты в возрасте от 18 до 21 года - 65 человек, в возрасте 19 лет – 21 человек, в возрасте от 23 до 29 лет – 24 человека (всего 108 человек). В состав «старшей» возрастной группы вошли носители языка в возрасте от 30 до 35 лет – 32 человека, от 36 до 60 – 42 человека, от 61 и выше – 4 человека (всего 78 человек). Все испытуемые на момент проведения эксперимента проживали в г. Бийске Алтайского края. Свободный ассоциативный эксперимент проводился в форме анкетирования. В качестве стимулов были взяты многозначные слова, обозначающие предметы природного мира: животных и растения. На основе полученного ассоциативного материала были построены ассоциативные поля слов, отдельные для каждой возрастной группы. Когнитивная интерпретация ассоциативных полей лексем позволила представить их семантику на концептном уровне. Семантически близкие слова оказывались близкими и на концептном уровне. И напротив, различия в семантике многозначных слов находили отражение в концептных значениях слов, представленных их ассоциативными полями.

Для нас важным являлось то обстоятельство, что концептную природу имеют большинство лексико-семантических вариантов разных типов. В свое время это дало Д.Н. Шмелеву основание заметить, что признаки, различающие лексико-семантические варианты, «не являются ни дифференциальными семантическими признаками слов..., ни вообще конструктивными элементами значений... Это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначат слово» [Шмелев, 1973, с. 193].

Семантическая интерпретация полученного в эксперименте языкового материала состояла в осмыслении полученных на стимул ассоциативных реакций как языковых репрезентаций семантических компонентов слова-стимула. Данная методика была разработана И.А. Стерниным. «Ассоциаты, полученные в результате свободного ассоциативного эксперимента, интерпретируются как семы, предиктируемые стимулу (предикативная гипотеза ассоциирования Ч Осгуда)» [Стернин, 2013, с. 22]. Например, слово плавать в ассоциативном поле слова уточка является предикатом, раскрывающим поведенческую характеристику данной птицы. Ассоциации вода (озеро, пруд, речка, река, болотце, ручей) актуализируют ту же поведенческую характеристику через указание на место действия. Ассоциация парк указывает на возможное место нахождения водоема. Ассоциация маленькая указывает на размер птицы, а ассоциация кря-кря на характерное для нее звучание и т.д.

Данная методика включает две следующие последовательные операции: 1) «семная атрибуция ассоциативных реакций – на основе объединения ассоциативных реакций, объективирующих отдельные значения в семантеме слова-стимула, установление отдельных значений слова; 2) семная интерпретация ассоциативных реакций, объективирующих то или иное выделенное значение (обобщенная интерпретация ассоциативных реакций как сем)» [там же].

Покажем результаты применения данной методики на примере слова уточка.

На первом этапе анализа в ассоциативных полях обеих возрастных групп были выявлены следующие значения слова уточка:

1. Водоплавающая птица.

Ассоциации младшей возрастной группы, подтверждающие наличие в ассоциативном поле слова данного концептного значения: озеро 17; птица 11; пруд 3; кря-кря 3; вода 2, клюв 5, плавать 5; гусь 5, маленькая 2; охота 2, животное 2, Мандаринка 2, птичка 2, река, речка 2, утенок 2, утка 2, утята 2, хлеб 2; гусыня; домашняя птица, земноводное, кормить хлебом, курочка, лес, лужа, маленькая птаха, милый комочек пуха, перепонки, полет,

пух, речка (вода), селезень 2, хвостик, болотце, гусь, кря, кряканье, летит, маленький желтый, ряба, утка (всего 97 ассоциаций);

Ассоциации старшей возрастной группы: озеро 10; пруд 8; птица 7; кря-кря 3; охота 2; крякает (кряканье 2); маленькая 2; вода 3; нырок; река; плавать (пльвет) 2; гусь; солнце; водоем; домашняя; белянка; болотце; охотник; птичка; утка; пестрая; спокойствие; умиротворение; ручей; птица водоплавающая; парк; кормить; хлеб; птичка; утиная охота; утиная охота; Олег Даль; Варламов, мультфильм, сказка (всего 64 ассоциации).

2. Детская игрушка для купания.

Ассоциации младшей возрастной группы: игрушка 6, ванна 7; для ванны 2, желтый 3, резиновая 3, резиновая игрушка 2; ванная 2, желтая игрушка 2, детская игрушка, детство, мама, ребенок, резина, игрушка для ребенка (всего 33 ассоциации);

ассоциации старшей возрастной группы: игрушка 3; детская игрушка 4 (игрушка для детей); уточка для купания (игрушка); ванна 5; игрушка для детей в ванной (игрушка для ванной; игрушка для ванной комнаты); дочка; резиновая игрушка; пластмассовая игрушка; желтый (всего 21 ассоциация).

3. Кушанье из утки.

Ассоциации младшей возрастной группы: еда 1, духовка, очень вкусное блюдо, по-пекински (всего 4 ассоциации);

ассоциации старшей возрастной группы: еда; по-пекински; жареная; горшок (всего 4 ассоциации).

4. Надутые или выпяченные губы.

Ассоциации младшей возрастной группы: губы 2, девушка, надувающая губы (всего – 3 ассоциации);

Ассоциации старшей возрастной группы: губы (всего 1 ассоциация).

5. Походка вперевалку.

Ассоциации младшей возрастной группы: женщина с походкой; походка (всего 2 ассоциации).

Ассоциации старшей возрастной группы: походочка (всего 1 ассоциация).

6. Судно для лежачих больных.

Ассоциации младшей возрастной группы: туалетик (всего 1 ассоциация).

Ассоциации старшей возрастной группы: походочка (всего 1 ассоциация).

Проведенный анализ показал, что из всех значений, обнаруженных в эксперименте с обеими возрастными группами, с большим отрывом от остальных по частотности лидируют два значения: «водоплавающая птица» и «детская игрушка для купания».

Отметим, что в Большом толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова [Кузнецов, 1998] из всех перечисленных значений представлены следующие: «водоплавающая птица»; «кушанье, приготовленное из утки», «сосуд для мочи, подаваемый лежачим больным». Значение «походка вперевалку» представлено фразеологической единицей ходить уточкой. В словаре отсутствуют значения «детская игрушка для купания» и «надутые или выпяченные губы». В узусе отсутствует значение «ложный, сенсационный слух», представленное в словаре.

Следующий этап анализа – семная интерпретации ассоциативных реакций – состоял в осмыслении полученных ассоциаций как языковых репрезентаций семантических компонентов слов-стимулов. При этом обобщению подлежат однокоренные ассоциаты, перифразы, номинации одного семантического компонента словами разных частей речи, синонимами, то есть ассоциаты, фактически словесно номинирующие один и тот же семантический признак. Анализ актуализированных значений слова уточка на уровне семного описания показал, что данные значения в основном совпадают по семному составу в обеих возрастных группах. Однако были выявлены некоторые различия. Например, носители языка младшей возрастной группы выделяют следующие семантические признаки, не встречающиеся у носителей языка старшей возрастной группы:

«водоплавающая птица»: части тела (клюв 5, хвостик, перепонки, пух); гендерные характеристики (селезень 2; гусыня); возраст птицы (утенок 2, утята); другие разновидности домашних птиц (курочка); разновидность уток (мандаринка);

«кушанье, приготовленное из утки»: место приготовления (духовка); вкус блюда (очень вкусное блюдо);

«выпяченные губы»: принадлежность (девушка, надувающая губы); форма (девушка, надувающая губы);

«походка»: принадлежность (женщина с походкой);

Существенные различия связаны с коннотативными компонентами (оценочными и культурными), отражающими ценностные характеристики носителей языка младшей и старшей возрастных групп. Например, у носителей младшей возрастной группы со значением слова «водоплавающая птица» были связаны следующие оценочные и культурные коннотации; маленькая птаха, милый комочек пуха; ряба; у носителей старшей возрастной группы – спокойствие; умиротворение; утиная охота; Олег Даль; Варламов, мультфильм, сказка. Как показал эксперимент, представители младшей возрастной группы в меньшей степени знакомы как с народной, так и с литературной и кинематографической культурой, так как в ассоциациях представлена реакция ряба, которая связана со сказкой Курочка ряба. В ассоциативном поле старшей группы получили отражение ассоциации, связанные со знанием пьесы Александра Вампилова «Утиная охота» и ее художественной

экранизации с Олегом Далем в главной роли. Однако носителем языка фамилия автора пьесы была приведена в искаженном виде – Варламов.

Таким образом, анализ концептных значений многозначного слова уточка, репрезентированных в ассоциативных полях, полученных в свободном ассоциативном эксперименте с носителями языка, различающимися по возрасту, имеют как совпадающие, так и различающиеся характеристики. На этапе семантического анализа были выявлены значения, которые совпали в двух возрастных группах. Отметим, что выявленные наборы значений не по всему составу совпали с данными толкового словаря. Незначительные расхождения обнаружилось на этапе семантической интерпретации полученных реакций, объективирующих выделенные значения. Эти расхождения были связаны с большей степенью семантической дифференциации (с большим количеством выделенных дифференциальных признаков) значений у младшей возрастной группы. С другой стороны, значения слов в разных возрастных группах различаются по объему и характеру оценочного компонента. У носителей языка младшей возрастной группы оценочный компонент связан, главным образом, с эмоциональной оценкой денотата, у носителей языка старшей возрастной группой – с более глубокой, ценностной оценкой, обусловленной знанием художественной культуры общества.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 2974 (2-е изд.; М., 1995).
2. Апресян Ю.Д., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Галактионова И.В., Гловинская М.Я., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Птенцова А.В., Санников А.В., Урысон Е.В. Проспект активного словаря русского языка / Отв. Ред. Акад. Ю.Д. Апресян. М., 2010.
3. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
4. Иомдин Б.Л. Терминология быта. Поиски нормы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог – 2009» (Бекасово, 27-31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009.
5. Иомдин Б.Л. Материалы к словарю-тезаурусу бытовой терминологии. СВИТЕР: образец словарной статьи // Слово и язык. Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука / Под ред. Ю.Д. Апресяна, И.М. Богуславского, Л. Ваннера, Л.Л. Иомдина, Я. Миличевич, М.-К. ЛОм, А. Польгера. М., 2012.
6. Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // Вопросы языкознания. - № 4. – 2014. – С. 87-103.
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 1998.
8. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. – Ярославль: «Истоки», 2013.
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., Наука, 1973.
10. Fellbaum C., Grabowski K., Shari L. Analysis of a hand-tagging task // Proceedings of ANLP-97 Workshop on tagging text with lexical semantics. Washington, 1997.
11. Snyder B., Palmer M. The English all-words task // Senseval-3: Third international workshop on the evaluation of systems for the semantic analysis of text. Barcelona, 2004.

УДК: 101

Шестакова И.С.

БТИ (филиал) АлтГТУ им. И.И. Ползунова, Бийск, Россия

Сибирь в утопической мысли России

С начала освоения Сибири как новой географической территории она получила прописку и на карте утопического творчества нашей страны. Первым открыло ее для себя народное религиозное сознание: легенды о Беловодье, легендарном рае на земле, начали помещать его на вновь открытых землях. В 18 веке старообрядческая община бегунов уже указывала конкретную местность – это долины рек Бухтарма и Катунь на Алтае.

Поиски обетованной земли сыграли большую роль в освоении и заселении Сибири и, в частности, Алтая. Например, на территории Юго-Западного Алтая даже сформировалась из переселенцев-старообрядцев этнографическая группа бухтарминских каменщиков. Их самобытная культура и традиционный бытовой уклад просуществовали вплоть до установления советской власти и проведения коллективизации.

Но утопия не только была привнесена на сибирскую землю, она, как особый способ осмысления жизни, возникала и у тех народов, которые веками населяли эту территорию. В частности, можно рассмотреть этот процесс на примере Алтая.

Во многом под влиянием пришлого населения и новых порядков начинает меняться образ жизни коренного населения Алтая и, соответственно, это отражается в общественном сознании. Прежнее, мифологическое мировоззрение, практически не имеет утопических моментов, его идеалом является жизнь по заветам предков. Когда же происходит знакомство с основами всех мировых религий в процессе деятельности миссионеров, устремившихся приобщать язычников к истинной вере, возникает понимание, что в вопросах веры возможен выбор. Формируется и рефлексия над историческим процессом: уже есть возможность сравнивать «как было» и «как стало» – и сравнение не в пользу настоящего: притеснения, поборы, насильственная христианизация. Таким образом, возникает почва для появления утопического творчества.

В отличие от пространственно-географического утопизма русского народа алтайцы связывают образ идеального состояния общества с историческим прошлым, создавая вариант временной утопии. Таким образом для них стали времена «ойротского ханства». В рамках «белой веры», бурханизма возникают мечты о новой светлой жизни. В наивной форме, через своеобразную смесь мифологических, религиозных и обыденных представлений развивается самосознание народа. Формирование и развитие превращенных форм – неизбежный этап этого процесса.

Привлекательность Сибири как территории религиозно-социального и личностно-экзистенциального творчества сохранялась и в 20 веке и продолжает оставаться таковой и в настоящее время.

В 1927 году группа евангельских христиан под руководством своего лидера Ивана Проханова на слиянии Бии и Катуня заложила город Евангельск, где намеревались реализовать идею коллективного труда как божественного предназначения человека. Это была попытка создания типичного фаланстера, во многом вдохновленная идеями утопического социализма. Было даже получено разрешение властей. Но, естественно, антирелигиозная направленность советской идеологии не позволила реализоваться этому плану.

Не прекращаются подобные попытки построения очередного Города Солнца и в наши дни. Можно вспомнить Тиберкуль, основанный членами «Церкви последнего завета», последователями Виссариона, в Красноярском крае.

Следует отметить новое направление в создании таких поселений, уже далеко не всегда связанных с религией. Они создаются как альтернатива современному городу, губящему природу и вредному для здоровья своих жителей. Экопоселения стали появляться еще в девяностые годы прошлого века. И, опять же, именно Алтай обладает особой притягательностью для людей, уставших от современной цивилизации и ищущих альтернативу ей. Это тоже своеобразный вид утопического жизнетворчества. И корни такого движения можно обнаружить в прошлом.

В начале 20 века, когда русским обществом велись активные поиски новых образцов жизни и деятельности, возникло множество толстовских коммун. Они стремились к жизни на земле, физическому труду и опрощению быта как способу приобщения к подлинной народной жизни. Деятельность некоторых из них продолжалась и после революции 1917 года. В частности, подмосковная коммуна «Жизнь и труд» в 1931 году переселилась на Алтай, где просуществовала до 1939 года и потом была преобразована в колхоз.

Элементы утопического мышления народнического толка проявлялись в деятельности членов «Общества независимости Сибири». В общественно-политическом движении сибирского областничества принимали участие такие видные исследователи и общественные деятели как Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин. Протестуя против отношения к Сибири как к колонии, требуя для нее автономного статуса, они одновременно отмечали, что сибиряки – это новая нация.

Идея особого сибирского характера играла особую роль и в идеологии советского периода, особенно во времена «оттепели» и «застоя». Даже на уровне руководства страны возникали мысли о необходимости перемен. И это отражалось в произведениях искусства,

где главные герои покоряли сибирские просторы, осваивали ее богатства (чаще всего лес и нефть) для блага и процветания родины. Утопический момент чувствуется и в создании Академгородка в Новосибирске. Надежды на обновление жизни придавали этим планам построения лучшего будущего оптимистичный и жизнеутверждающий характер.

Итак, утопическое творчество играет большую роль в жизни общества на любом этапе его развития, охватывает все слои населения и все сферы социума. Оно является необходимым элементом идеалоположения, без которого невозможна работа общества над проектами потребного будущего. Утопия может носить и консервативный, обращенный в прошлое, и вполне прогрессивный характер. Она тесно связана с религией и идеологией. Анализ утопических построений многое может объяснить в настроениях и чаяниях людей.

Утопические сюжеты, связанные с Сибирью являются интересным материалом для анализа и дополняют наши знания об истории и настоящем этого замечательного региона нашей страны.

Литература

1. Попов, В. Сибирская утопия баптистов // В. Попов – Новая газета. – М., 2010. – 20 октября, №117. – с.7.
2. Сагалаев, Ф.М. Алтай в зеркале мифа // Сагалаев Ф.М. – Новосибирск: Наука, Сиб. Отд-ние, 1992.
3. Петров, Д.С., Должиков В.А. Коммуны толстовцев Западной Сибири: социальный состав и хозяйственно-экономическая деятельность // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История. – 2013. – №4-2(80). – С.193-197.

УДК: 81

Щелок Т.И., Липустина О.М.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Семантические трансформации при переводе рассказов В.М. Шукшина с русского языка на немецкий

Творчество В.М. Шукшина безусловно занимает важное место в культуре недавнего прошлого и настоящего, а интерес к нему со стороны ученых стремительно усиливается с каждым годом. Движущим фактором при этом является следующий: то наследие, которое оставил наш великий земляк, богато информацией, приемлемой для исследований различных областей знания: начиная с языка, на котором разговаривают герои шукшинских рассказов, и заканчивая глубоким философским смыслом содержания произведений. В.М. Шукшин ярко и образно описал картины русской жизни и раскрыл характер простого человека, такой многогранный и порой непостижимый, постоянно напоминая о способности людей познать истину, понять красоту мира и творить добро. Все это привлекает также и западных читателей к работам сибирского писателя, в результате чего появились переводы его рассказов на разных языках. Однако при передаче содержания произведений В.М. Шукшина на другие языки возникает ряд трудностей при создании переводных текстов, поскольку стиль автора своеобразен и полон просторечных лексем.

В данной статье предпринимается попытка проанализировать некоторые особенности перевода рассказа В.М. Шукшина «Выбираю деревню на жительство» с русского языка на немецкий, выполненного Экхардом Тиле и вошедшего в сборник рассказов «Null null Koreken», выпущенного в 1981 году в Лейпциге издательством Philipp Reclam [1].

В результате сравнительно-сопоставительного анализа исходного и переводного текстов выявлен ряд закономерностей при создании вторичного текста, включающих среди прочих семантические трансформации, некоторые из которых приводятся ниже.

Пример 1: Выбираю деревню на жительство. / Ich möchte auf dem Dorfe wohnen.

Данный пример иллюстрирует расхождение текстов на уровне плана выражения и плана содержания за счет использования конструкции сослагательного наклонения, придающего высказыванию в немецком варианте более мягкий оттенок модальности, полностью скрывающий категоричность русского «выбираю». Полученный результат существенно отличается от оригинала: «Ich möchte auf dem Dorfe wohnen» – «Я хотел бы жить в деревне».

Пример 2: С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила / *Gewissenbisse kannte Nikolai Grigorjewitsch auch nicht.*

Здесь переводчик полностью перефразировал и упростил исходное предложение, сделав акцент только на том, что с укорами совести у главного героя проблем нет, но остается непонятным, есть ли она у этого человека вообще: «*Gewissenbisse kannte Nikolai Grigorjewitsch auch nicht*» – «угрызений совести Николай Григорьевич также не знал».

Пример 3: Но все же спится тогда спокойней, когда ты все досконально продумал, все взвесил, проверил, свел концы с концами – тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит. / *Obwohl es das beste Ruhekippen ist, wenn man alles bis ins letzte durchgedacht, erwogen, nachgeprüft und abgesichert hat – dann mag sich ein anderer schlaflose Nächte machen.*

Этот пример интересен тем, что для перевода части предложения «Но все же спится тогда спокойней, когда...» переводчик нашел немецкую поговорку «*Ein gutes Gewissen ist ein sanftes Ruhekippen*» – «Спокоен тот, у кого совесть чиста» и переделал ее под ситуацию: «*Obwohl es das beste Ruhekippen ist, wenn man alles bis ins letzte durchgedacht, erwogen, nachgeprüft und abgesichert hat*», придав таким путем своему варианту большую образность. А при переводе «тогда пусть у кого-нибудь другого совесть болит» прибегнул к переводу в переносном смысле, заменив исходный денотат: «*dann mag sich ein anderer schlaflose Nächte machen* – то пусть кто-то другой лишается сна».

Пример 4: «Молодец: ивтюрьменесидел, иввойнунеукокошили». / «*Du bist gut über die Runden gekommen, musstest weder in den Knast noch in den Krieg*».

Здесь наблюдаются примененные переводчиком перифраз и прием смыслового развития, за счет чего произошло полное расхождение на уровне планов содержания и выражения: «*Du bist gut über die Runden gekommen, musstest weder in den Knast noch in den Krieg*» – «Ты хорошо управился с делами, так что не должен был идти в тюрьму или на войну». При этом теряется просторечность высказывания: глагол «укокошили», относящийся к разговорно-сниженному регистру, опускается в переводном тексте. Кроме того, также меняется и модальность исходного варианта: в немецком предложении при использовании глагола «*müssen*» действие исходит от самого героя, т.е. из своих собственных внутренних убеждений он не должен был быть ни в тюрьме, ни на войне, тогда как автор описывает данное положение как само собой разумеющееся, как простое стечение обстоятельств.

Пример 5: ЯнезнаювашейВязовки, носклад-тотамесь? / *Ich kenn euer Wjasowka nicht, aber findet er da 'ne Stelle als Lagerverwalter?*

Очевидно, что в переводном предложении речь идет о вакантном месте в качестве кладовщика, а в оригинале – о месте работы, т.е. о складе. Здесь переводчик использовал прием конкретизации исходного смысла (ведь на складе работают не только кладовщики, но и грузчики и др.).

Таким образом, произведенный анализ показывает, что существует ряд трудностей создания переводного текста. Переводчик использует в своей работе особые механизмы, реализующиеся в виде трансформаций с сохранением или потерей содержательной эквивалентности первичного и вторичного текстов, создавая при этом некоторые смысловые лакуны.

Литература

1. Null null Kopeken. Erzählungen. Broschur bzw. Taschenbuch. Reclam Verlag, Leipzig 1981

УДК: 37

Щелупанов А.В., Щелупанова Н.В.
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Специфика сибирской ментальности в управлении профилактикой экстремизма и терроризма в вузе

На сегодняшний день в современном мире экстремизм и терроризм стали проблемой, способной разрушить любое, даже самое стабильное и процветающее общество. К сожалению, в последние годы всё больше участились случаи экстремизма и терроризма даже на таких удаленных территориях как Сибирь в целом, Алтайский край в частности и Бийск в особенности.

События января – мая 2019 года с массовыми сообщениями о минировании одновременно нескольких десятков образовательных организаций (детских садов, школ, колледжей, вузов) в городе Бийске, наукограде, который славится своими историческими, социальными и культурными традициями, который имеет мощную научную базу, заставляет обратиться к теме управления профилактикой экстремизма и терроризма в вузе.

Наши многочисленные исследования выявили склонность молодежи поддаваться на провокационные предложения различных экстремистски настроенных личностей. Это крайне неблагоприятно влияет на развитие внешних и внутренних отношений в вузе. Феномен экстремизма и терроризма стал одним из наиболее опасных вызовов к сохранению безопасности в вузе, а главное к стабильности взаимоотношений внутри коллектива обучаемых.

Кроме того мы выявили, что даже на незначительные проявления склонности к экстремизму влияет менталитет личности обучаемого. При этом исходя из того, что большинство студентов АГГПУ им. В.М. Шукшина родились, выросли и продолжают жить в Алтайском крае, то на них наложил отпечаток проявляющийся во многих психологических и социальных чертах сибирский менталитет.

Исследование влияние сибирской ментальности на проявление склонности к экстремизму и не пониманию опасности терроризма среди молодежи вообще и некоторых студентов в частности показало, что привычное для жителей Сибири рациональное логическое мышление, основанное на вторичных процессах на вербально интеллектуальных операциях стремительно отходит на второй план и все более проявляется эмоциональная окраска присущая менталитету жителя Сибири [1].

С другой стороны носитель проявлений сибирской ментальности, как правило, агрессией не живет, если он не обладает психическими и психологическими расстройками. Он, с одной стороны, стал ближе к самому себе, рефлексивно соприкасаясь с более глубокими слоями собственной натуры, с другой стороны, способен реализовать то, что он в себе наблюдает у него нет, ежели он желает остаться в рамках политкорректного социума. Поэтому он пристально рассматривает акты разрядки агрессивного драйва на экранах и с жадным интересом читает об этом в газетах, время от времени удивляясь, почему так много вокруг бессмысленной жестокости [2].

Агрессия, к сожалению, не перестает притягивать его внимание. Житель Сибири хоть и продолжает жить в тихой, созерцательной безмятежности, свойственной сибирской ментальности, но уже периодически попадает под влияние некоторых агрессивных фантазий, приходящих из внешней информационной среды [3].

Именно молодежь и в особенности студенческая молодежь представляет собой группу риска, склонную к агрессивно-экстремистским действиям [4]. В силу своего возраста, молодые люди характеризуются такими психологическими особенностями, как максимализм и нигилизм, радикализм и нетерпимость, безоглядность и непримиримость, склонность к групповщине, мировоззренческая неустойчивость и неудачи в поиске самоидентичности, которые при определенных жизненных условиях и наличии питательной среды могут выступить пусковым механизмом их антисоциальной активности [5].

Профилактикой экстремизма, радикализма и терроризма в молодежной среде занимаются во всех субъектах Российской Федерации и конечно же не остается в стороне Алтайский край, имеющий Государственную программу «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае» [6].

В этой программе учтено влияние сибирской ментальности и она, на наш взгляд, должна стать основой формирования программ профилактики экстремизма, терроризма в каждой образовательной организации и особенно в вузах.

Соответственно и в АГГПУ им. В.М. Шукшина при формировании программ и мероприятий по управлению профилактикой экстремизма и терроризма также учитывалось влияние менталитета жителя Сибири, Алтайского края и, конечно же, г. Бийска.

Для повышения эффективности управления профилактикой экстремизма и терроризма среди студентов разработана и реализована информационно-обучающая программа, учитывающая особенности сибирской ментальности и основанная на персонифицированных особенностях студентов, а также психолого-педагогические аспекты управления профилактикой экстремизма и терроризма в вузе «Профилактика экстремизма и терроризма в студенческой среде».

Реализация данной программы дала несомненные результаты. Особенно этому способствовало включение в нее элементов взаимодействия с носителями культуры и самобытности жителей Сибири, обеспечение участия студентов в культурно-просветительских мероприятиях, посвященных особенностям Сибирской культуры, таких как:

1. Инновационный образовательный проект «Историко-этнографическое изучение повседневной жизни Алтайского края»;
2. Международная научная конференция «История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии»;
3. Конкурс эссе «Терроризм – угроза обществу!»
4. Образовательно-воспитательный проект «Священный дар жизни»;
5. Мероприятия, посвященные празднованию 90-летия В.М. Шукшина;
6. Молодежный семинар-практикум «Экстремизм и Интернет»;
7. Деятельность лаборатории превентивной девиантологии «Социальные риски и психологические ресурсы в жизнедеятельности героев произведений В.М. Шукшина» и другие, учитывающие особенности образования и воспитания сибиряка.

Нами получены следующие положительные результаты:
 снизился уровень тревожности, мнительности;
 практически полностью исчезли следы агрессивности;
 степень готовности к риску снизилась до среднего уровня;
 произошло резкое увеличение числа студентов, соблюдающих общепринятые нормы;
 снизился уровень конфликтности в студенческой среде;
 отношения стали строиться по принципу уважения и толерантности к сокурснику;
 ощутимо изменились отношения в общежитиях и во время проведения массовых мероприятий.

Таким образом, учет особенностей сибирской ментальности – это обязательное условие успешности управления профилактикой экстремизма и терроризма в любом сибирском вузе.

Литература

1. Бороньев А.О. Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона СПб.: Астерион. – 2007
2. Кузнецов Д.А. Обзорная статья по введению в сибирский менталитет. // Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур», 2013
3. К.А. Арынгазин, Б. Сардибекова Менталитет - субстанция духовная, образовательная и воспитательная. // *Сибирский педагогический журнал*. 2018. № 1(11). С. 149-159
4. Балашова Е. Е., Трифонов О. А. Причины появления и развития экстремизма в образовательной организации // Молодой ученый. 2016; №11: 1421-1423. URL <https://moluch.ru/archive/115/30524/> (дата обращения: 28.02.2019).
5. Васина Е. И. Экстремизм в молодежной среде, СМИ и интернет // Молодой ученый. 2016; №10: 1322-1325. URL <https://moluch.ru/archive/114/30144/> (дата обращения: 24.05.2019)
6. Постановление Администрации Алтайского края от 31 декабря 2014 г. №602 «Об утверждении государственной программы Алтайского края «Противодействие экстремизму и идеологии терроризма в Алтайском крае»

УДК: 39

Явнова Л.А.

АГППУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Польская диаспора на Алтае во второй половине XIX - начале XX вв.

В работе рассматривается роль католической церкви, которая занимала одно из главных мест в жизни поляков и становлении польской диаспоры на Алтае. Прослеживаются результаты межэтнического общения в условиях иноэтнического окружения.

Во второй половине XIX – начале XX века в Западной Сибири сложились объективные условия, которые способствовали становлению польской диаспоры - сообщества людей, объединенных общностью происхождения, единой исторической судьбой, культурно-религиозными и политическими ценностями и языком. Ряд европейских диаспор, в частности польская, оказывали серьезное влияние на экономическое и социокультурное развитие как страны в целом, так и ее отдельных регионов. Изучение польской диаспоры Алтая позволит конкретизировать существующие в исторической науке представления об эволюции русско-польских отношений и о факторах, определяющих их содержание.

Количество поляков на Алтае росло не только за счет ссыльных, но и в результате добровольной миграции. Вынужденный характер переселения представителей польской диаспоры, имея в виду, прежде всего, политических ссыльных, а отчасти и добровольных переселенцев из Польши, способствовал развитию их национального самосознания и объединению в сообщество на основе общности происхождения. Формирующаяся польская диаспора не была закрытым сообществом. Ее члены стремились реализовать свой потенциал и вступали в разнообразные связи с представителями новой социальной среды. Высокий уровень культуры ссыльных делал их привлекательными персонами в глазах коренного населения.

Приведем сведения о численности поляков на Алтае по данным всеобщей переписи населения 1897 г. Напомним, что в анкетах переписи не было вопроса о национальности, но был вопрос о родном языке. Назвали польский язык родным в Барнауле - 61, в Бийске - 37, Кузнецке - 31, поселке Новониколаевском, который размещался на территории Алтайского округа – 60, на железнодорожной станции Кривошеково - 36 человек. В сельской местности Алтайского округа - 397 человек, в том числе в Барнаульском округе - 206, Кузнецком - 104, Змеиногорском - 49, Бийском – 38 человек, а всего - 662 человека, в том числе мужчин - 398, женщин – 224 (Патканов, 1911, с. 132, с. 166).

Для представителей польской диаспоры изучаемого периода характерен относительно высокий уровень образованности. Местная интеллигенция относилась к ним с уважением,

так в воспоминаниях Е.И. Берви указывалось на дружбу семейства Берви с ссыльными поляками: «На Пасху муж разослал полякам чуть не весь запас имевшихся у нас визитных карточек. Когда все они собрались, то у нас было так тесно, что с трудом можно было пробираться в толпе. Пели и какие-то были чудные песни». Сам Берви подчеркивал, что поляки «к русским ненависти не имели и прекрасно уживались с русским народом» [Берви, 1915, с. 130-133; Никулина, 1995, с. 60-67].

Относительно перехода из одного вероисповедания в другое законодательство устанавливало много ограничений. В своде законов Российской империи указывалось по этому поводу, что переход в другое вероисповедание возможен «не иначе как с разрешения губернатора, по формальным просьбам, принесенным ему ... без всякого участия духовенства этого исповедания, в которое перейти желают» (Никулина, 2000, с. 144-148). Тем не менее, сохранились рапорта священнослужителей о переходе из католичества в православие. В 1866 г. изъявил «желание присоединиться к православной греко-российской церкви пересыльный арестант Александр Марковский римско-католического исповедания», Иван Марцинковский, Карл Кант (ГАТО, Л. 6; Л. 59; Л. 138). Несомненно, лояльность местной администрации в религиозном вопросе была вызвана стремлением, прежде всего, обеспечить спокойствие и порядок в регионе.

Немаловажным фактором, который способствовал становлению польской диаспоры на Алтае, была религия. Католическая церковь, занимала одно из главных мест в жизни поляков. Архивные документы подтверждают, что многие из ксендзов ходатайствовали о дозволении производить богослужения в тех городах, где есть костелы. Поводом для этого ходатайства «послужили постоянные просьбы подобных лиц о дозволении им этого права. Показателен в этом отношении рапорт бийского городничего Жулебина томскому губернатору от 4 июля 1866 г., выражающий мнение о возможности отправления католического богослужения без ущерба для православной веры, что допускало возможность бесконфликтного сосуществования представителей католического и православного исповеданий на Алтае: «... В Бийске есть жители католического вероисповедания, которому они непоколебимо преданы при усердном наставлении и заботливости местных священников, кроме того, как они кроме русского никакого другого языка не понимают, то существование в городе каплицы и отправление в ней римско-католического богослужения ... едва ли может иметь какое-либо дурное влияние... Разрешение отправлять богослужение считаю крайне необходимым ...» (ГАТО, Л. 86-87). Несомненно, это свидетельствует о доброжелательном отношении к представителям иного вероисповедания. Здесь также важно выделить характерную черту населения Алтая, отличавшегося «своей терпимостью по отношению к чужим религиям».

Под руководством архитектора Носовича в Барнауле был построен католический храм, освященный во имя Непорочного Сердца Марии. Из переписки губернатора с консисторией, барнаульский полицмейстер получил задание сообщить сведения о римско-католиках. Из рапорта полицмейстера стало известно, что католиков в Барнауле проживает 252 чел. Обою пола, а в окрестностях города – еще 140 душ. В конечном итоге духовная консистория перестала препятствовать строительству храма, и епископ Макарий 28 февраля 1906 г. написал губернатору, что «с его стороны не имеется претензий к разрешению постройки костела в Барнауле» (ГАТО, Л. 33). 1 августа гражданский инженер И.Ф. Носович, имевший на основании ст. 127 Строительного устава 1900 г. право на постройку каменных церквей, дал подписку в том, что «принял на себя наблюдение за постройкой каменного здания Римско-Католической церкви (костела) и обязуется ответствовать за правильность и прочность работ» (ГААК, Л. 12). В 1913 г. строительство храма было успешно завершено, новую церковь освятили.

Большой вклад в развитие науки и культуры Алтая внес «просвещенный администратор» Адам Феликсович Кублицкий-Пиоттух (1855-1932). Он был начальником Алтайского округа в 1900-1904 гг. Его сразу избрали почетным председателем и почетным членом Общества любителей исследования Алтая. В отчете Совета общества за 1900 г. было отмечено, что

«благодаря сочувствию и расположению к целям Общества нашего почетного Председателя Адама Феликсовича Кублицкого-Пиоттуха осуществлена давно желанная мечта иметь собственные помещения». Он предоставил Обществу две комнаты в здании лаборатории округа, в которых предполагалось разместить фонд библиотеки и коллекции музея. При нем Общество было присоединено к Западно-Сибирскому отделу географического общества и получило наименование «Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического общества» с ежегодной субсидией в 500 рублей (ГААК, Л. 121 об.). Значимой фигурой в культурной жизни региона являлся выдающийся музыкант А.И. Марцинковский. В Барнаул Антоний Иванович приехал с Дальнего Востока летом в 1907 г. Сначала музыкант устроился на работу писцом в бухгалтерию Алтайского горного округа с обязательством состоять хормейстером при домово́й церкви округа (Димитриевской церкви). В дореволюционном Барнауле А.И. Марцинковский занимался не только преподавательской и общественной работой: в 1914 г. он являлся посредником фирмы, занимающейся продажей в рассрочку в Барнауле клавишных музыкальных инструментов, изготовленных на знаменитой фортепианной немецкой фабрике «Ronisch». В 1914 – 1917 гг. музыкант являлся владельцем первого в Барнауле книжно-музыкального магазина «Эхо», который находился до 1915 г. в небольшом домике на улице Пушкинской, а в марте 1915 г. был переведен музыкантом в здание электротeatра «Новый мир». В магазинчике по целым дням толпились любители инструментальной и вокальной музыки. Владелец торгового заведения тщательно изучал запросы своей клиентуры. Как глубокий знаток музыки, он постоянно вел с покупателями беседы о ней, сопровождая их игрой на фортепиано, к каждому продаваемому произведению давал исчерпывающую аннотацию (Топоров, с. 33).

Революционные события 1917 г. не сразу напрямую коснулись католичества. Опосредованное влияние новых политических тенденций сказалось позже: после заключения Брестского мирного договора. В Барнауле значительно уменьшилось количество поляков, так как эмигранты Польского военного комитета начал регистрацию, а затем началась оптация в польское гражданство. Основываясь на договор подписанной между Советской Россией и Польшей все лица польской национальности, достигшие 18 лет, были вправе оптировать гражданство Польши. Римско-католический приход в Барнауле действовал на протяжении еще 14 лет после революции 1917 г. В 1936 г. католический храм был реконструирован, в здании на проспекте Ленина, 44 разместилась городская аптека. Реконструкция заключалась в лишении здания архитектурных признаков культового строения, были утрачены колокольня со звонницей (ГААК, Л. 196, Л. 201 об.).

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что католическая вера объединяла поляков, католический костел являлся религиозным и одновременно национальным центром. Несмотря на то, что в условиях сибирской ссылки даже не лишенным духовного сана священникам было крайне сложно добиться от властей официального разрешения на исполнение церковных обрядов, многие из представителей духовенства занимались отправлением католических богослужений с разрешения администрации, что, несомненно, являлось следствием лояльного, терпимого отношения местных властей к духовным запросам населения. Бесспорно, польские католические священники оказывали значительное влияние на развитие Алтая, организовывая духовно-религиозную жизнь местных католиков и объединяя соотечественников, что позволило хотя бы частично воспроизвести атмосферу, характерную для польского общества.

Нельзя не отметить существенный вклад польских ссыльных в социокультурное развитие региона. Среди представителей польской диаспоры были видные архитекторы, здания которых – являются объектами культурного наследия регионального значения, памятниками архитектуры; музыканты, которые организовывали музыкальные мероприятия, музыкальные вечера, спектакли; лица, создававшие библиотеки. Представители польской диаспоры активно участвовали в деятельности Общества любителей Алтая. Главным показателем развития самосознания поляков в условиях иноэтнического окружения стало сохранение их самоназвания, которое закрепилось в официальных документах. В процессе формирования

польской диаспоры на Алтае сыграла атмосфера терпимости общества. Стремление членов польской диаспоры сохранить свою культурную самобытность не входило в противоречие с принимающим обществом, т.к. основы его устройства складывались на стыке различных национальных культур. К тому же Алтай нуждался в образованных и квалифицированных специалистах в различных сферах жизнедеятельности, и этот дефицит отчасти мог быть удовлетворен за счет членов польской диаспоры.

Таким образом, в период второй половины XIX – начале XX в. на Алтае сложилась и нашла свое место в системе различных сфер общественных отношений польская диаспора, которая в настоящее время активно заявляет о своем присутствии в регионе посредством участия представителей польской диаспоры в создании социокультурного и экономического облика региона.

Источники и литература

1. Берви, В.В. Из воспоминаний // Голос минувшего. - 1915. - № 7-8. - С. 130 – 133.
2. ГААК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 232. Л. 12.
3. ГААК. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1. Л. 121 Об.
4. ГААК. Ф. Р-312. Оп. 3. Д. 256. Л. 196, Л. 201 Об.
5. ГАТО. Ф.3. Оп. 4. Д. 295. Л. 21-28, Л. 86-87.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д.30. Л. 6, Л. 59, Л. 138
7. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3236. Л. 1-33.
8. Никулина И.Н. Некоторые аспекты жизни политических ссыльных в Западной Сибири в XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Материалы конф. 6-7 октября 1999 г. / под. ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. - С. 300.
9. Никулина И.Н. Поляки - участники восстания 1863 г. на Алтае // Алтайский сборник: сб.ст. / ред.кол.: В.А. Скубневский (отв. ред.) и др. – Барнаул: ГИИП «Алтай», 1995. - Вып. 16. – С. 60-67.
10. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных социальной разработки материала переписи 1897 г.). Т.2. - Спб., 1911. – 266 с.
11. Топоров А.Я. Из Стойла. Автобиографические записки // Сибирские огни № 8. - 2008. - С. 33-37.

Об издателе

Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований

Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции,
посвященной 90-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина
(Бийск – Сростки, 28-29 июня 2019 г.)

электронное издание

Ответственный редактор: Власов Михаил Сергеевич

ISBN 978-5-85127-943-0

Дата подписания к использованию: 31.12.2019

Объем издания: 1,4 Мб

1 электрон. опт. диск (CD-R)

Издатель: Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина
659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53.
Тел.: (3854) 41-64-38